Д. Л. ГОЛИНКОВ

Крах вражеского подполья

Д. Л. ГОЛИНКОВ

Крах вражеского подполья

(Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России в 1917—1924 гг.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1971

9(С)21
Г60

Голинков Д. Л.
Г60 Крах вражеского подполья. (Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России 1917—1924 гг.) М., Политиздат, 1971.
368 с.

В книге рассказывается о героической борьбе советского народа с контрреволюционными мятежами, заговорами и выступлениями в первые годы Советской власти. В основу повествования положены следственные и судебные материалы по делам, проходившим в ВЧК — ГПУ, революционных трибуналах и судах России в 1917—1924 гг. Автор нарисовал яркую картину борьбы молодой Советской республики с происками отечественной и иностранной буржуазии и сделал убедительные выводы о беспочвенности попыток контрреволюционеров свергнуть Советскую власть.

Автор книги Д. Л. Голинков — юрист, в прошлом следователь по особо важным делам в прокуратуре РСФСР и СССР — с полным знанием дела освещает тему.

1—6—4
149—70

9(С)21 + 9(С)22 + 9(С)23

От автора

Рождению первого в мире социалистического государства посвящена огромная литература. Определенное место в ней занимает и тема борьбы с антисоветскими заговорами, мятежами и иными коварными происками контрреволюции. Эта тема освещается в общих трудах по истории советского общества, классовой борьбы, гражданской войны в СССР, где дается краткое описание или характеристика наиболее важных событий и фактов. Имеются специальные работы, опубликованные в разное время в периодических изданиях и в сборниках, о борьбе с некоторыми заговорами и мятежами. В последние годы изданы сборник документов «Из истории ВЧК» и книга П. Г. Софинова «Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии». Тема этих книг — организация и деятельность ВЧК с 1917 по 1921 год. Вполне понятно, что они не охватывают всех вопросов истории борьбы с вражеским подпольем.

В предлагаемой вниманию читателя книге сделана попытка рассказать о борьбе с контрреволюцией на так называемом тайном фронте в первые годы Советской власти. Надо отметить, что понятие тайного фронта в этот период весьма относительно, ибо заговоры и другие акты подпольной деятельности вражеских сил часто выливались в открытую вооруженную борьбу против Советской власти; соответственно и меры их подавления принимали тогда характер военных действий. Подрывная работа контрреволюционного подполья в большинстве случаев не только была связана с действиями вооруженных сил белогвардейцев и интервентов на фронтах, но и часто непосредственно руководилась и направлялась ими.

Данная книга не претендует на исчерпывающее раскрытие темы. Она имеет ограниченную задачу — на основе следственных и судебных материалов по наиболее важным, характерным делам о контрреволюционных выступлениях, разбиравшимся в ВЧК, ГПУ, революционных трибуналах и судах Советской России в 1917—1924 годах, показать характер борьбы рабоче-крестьянского государства с антисоветским подпольем, лицо врага, выступавшего против завоеваний Октябрьской революции в тылу страны, способы его подрывной деятельности, обреченность и крах всех его попыток отнять у трудящихся завоеванную ими власть. В книге в общих чертах показывается также, как в ходе борьбы с контрреволюцией складывались и совершенствовались следственные, судебные и карательные органы Советского государства, стоявшие на страже его безопасности и претворявшие в жизнь задачи, которые ставили перед ними, исходя из интересов народа, Коммунистическая партия и Советское правительство.

В основу данной работы положены следственные и судебные материалы, опубликованные в газетах, журналах, сборниках. Кроме того, автор использует в книге материалы Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР СССР) и некоторые другие источники.

Автор надеется, что его скромный труд поможет советским читателям оценить героическую борьбу наших славных чекистов, работников следственных органов и судов по пресечению попыток внутренних врагов и их зарубежных покровителей задержать развитие нашей Родины по пути социалистического строительства.

Автор выражает свою благодарность заслуженному деятелю науки, доктору юридических наук, профессору А. И. Винбергу, доктору исторических наук, профессору Л. М. Спирину, доктору юридических наук М. Ю. Рагинскому, кандидату исторических наук В. Д. Поликарпову, кандидату юридических наук А. М. Ларину, А. И. Кононенко и всем другим товарищам, которые своими ценными советами и указаниями оказали большую помощь в работе над книгой.

Автор будет весьма признателен читателям за замечания.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Расстановка классовых сил после победы Октября. Создание органов борьбы с контрреволюцией

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года не разрешила коренных, волновавших народные массы проблем. Трудящиеся устали от тягот длительной, изнурительной, ненужной им империалистической войны. Народное хозяйство страны пришло в упадок. Продовольствия, особенно в городах, не хватало: за хлебом выстраивались очереди полуголодных, недовольных людей. Россия переживала общенациональный кризис. Буржуазное Временное правительство, поддерживаемое соглашательскими партиями меньшевиков и эсеров, обанкротилось и потеряло свое влияние в народе.

Крестьяне, потерявшие надежду на справедливое разрешение земельного вопроса, жгли помещичьи имения, захватывали землю и делили ее между собой. Рабочие изгоняли капиталистов и их администрацию, брали управление заводами и фабриками в свои руки. Солдаты отстраняли от командования частями реакционных офицеров, избирали комитеты и отказывались продолжать империалистическую войну. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постепенно большевизировались.

Назревала новая, социалистическая революция.

24 октября (6 ноября) 1917 года рабочие Петрограда, солдаты гарнизона и моряки Балтийского флота под руководством большевистской партии начали восстание, и 25 октября (7 ноября) Временное правительство было низложено. Открывшийся вечером того же дня Второй Всероссийский съезд Советов объявил о переходе государственной власти в стране к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В России была установлена диктатура пролетариата.

Большевистская партия знала, что новый социалистический строй не может победить без борьбы со свергнутым капитализмом, и предвидела сопротивление со стороны буржуазии, помещиков и других антисоциалистических сил. В. И. Ленин учил, что рабочий класс, имея в руках государственную власть, сумеет преодолеть все трудности в социалистическом переустройстве общества.

В первые месяцы после свержения буржуазного Временного правительства по февраль 1918 года Советская власть с необыкновенной быстротой распространялась по территории всей страны, это был период триумфального шествия революции. Трудовой люд с энтузиазмом встретил революционные преобразования, вестниками которых были первые декреты Советского рабоче-крестьянского правительства о земле, о мире, о ликвидации капиталистических и феодальных порядков. Вокруг Советов и большевистской партии сплотились широчайшие, многомиллионные народные массы. Сопротивление буржуазии и ее правосоциалистических пособников всенародному революционному движению в этот начальный период существования Советской власти носило характер безнадежных авантюр: реакционные слои не могли сколько-нибудь успешно бороться с превосходящими силами народа. Лишь на окраинах страны (Донская область, Южный Урал, Украина, Средняя Азия, Закавказье) сложились более благоприятные условия для контрреволюции, но и там трудящиеся к марту 1918 года сломили вооруженные антисоветские выступления.

Наиболее реакционную часть антисоветского лагеря в России после победы Октября составляли монархистские элементы из бывших помещиков, крупных промышленников и торговцев, генералов, высшего чиновничества и духовенства, мечтавшие о реставрации царизма. Влияние этих слоев на политическую жизнь страны было в значительной степени ограничено уже после Февральской революции. Всеобщая ненависть народа к прогнившему самодержавию не позволяла им открыто выступить за восстановление монархии. Понимавшие это наиболее дальновидные деятели монархистских групп на время перекрасились и, приспосабливаясь к новым условиям, проникали в государственные

учреждения и армию, чтобы скрытно, исподволь, подготовлять реставрацию. После Великой Октябрьской социалистической революции монархисты, лишившись и этих возможностей, резко активизировались. Кое-где они организовали антисоветские выступления с собственными лозунгами, но большей частью шли под знаменами других врагов социалистической революции. Обладая значительными материальными средствами, опытом государственной работы и связями в армии, они готовы были предоставлять свои средства, силы и опыт любому антисоветскому движению.

Особую роль в монархистской контрреволюции играл генералитет старой армии. Из этой среды выходили самые опасные враги революции. Они формировали офицерские белогвардейские части, составлявшие вооруженное ядро антисоветских сил. Уже на заре существования пролетарского государства очагом, где сосредоточивались силы монархистов и других контрреволюционеров, стала Донская область. Сюда в ноябре 1917 года бежали из Быхова главари корниловского заговора генералы Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин и другие. Л. Г. Корнилов, поддерживаемый донским атаманом генералом А. М. Калединым, призвал всех офицеров бывшей царской армии собираться на Дону, а в случае невозможности пробраться туда — соединяться на местах в антисоветские отряды. На юг слетались офицеры со всех концов страны. Здесь плели заговоры и поднимали против рабоче-крестьянской власти реакционную часть казачества и офицерства бывший при царе начальником штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексеев и другие генералы, выбитые революцией с их высоких постов. С ноября 1917 года здесь формировались контрреволюционная Добровольческая армия, во главе которой стали Алексеев и Корнилов, и казачья армия под командованием Каледина. Донское войсковое правительство, находившееся в Новочеркасске, объявило о непризнании им центрального Советского правительства и о своем стремлении восстановить в России «порядок». Подобные очаги контрреволюции образовались в Оренбурге, где действовал казачий атаман А. И. Дутов, и на других окраинах страны.

Другую силу антисоветского лагеря составляли буржуазия и примыкавшая к ней буржуазная интеллиген-

ция, чьи политические взгляды находили наиболее полное выражение в программе конституционно-демократической (кадетской) партии. Эта партия, возникшая в 1905 году, в 1906 году присвоила себе фальшивое название «партии народной свободы». До революции кадеты добивались реформ в рамках парламентарно-монархического строя; во время Февральской революции они скомпрометировали себя в глазах народа попытками сохранить монархию путем перестановки лиц на царском престоле, возглавили первое Временное правительство, а затем входили в состав коалиционных правительств, занимая в них наиболее реакционную позицию.

Еще во время керенщины буржуазные группировки для достижения своих целей создавали политические объединения. Таким был, например, «Совет общественных деятелей», образованный в августе 1917 года в Москве на так называемом Государственном совещании. Он представлял собой постоянный орган, состоявший из 30—40 виднейших промышленников, членов Государственной думы, кадетов, реакционных профессоров и имевший целью от имени «общественности» оказывать влияние на политическую жизнь страны, добиваться укрепления в России буржуазного строя.

После Великой Октябрьской социалистической революции кадеты сразу же выступили против Советской власти. Они организовывали саботаж мероприятий рабоче-крестьянской власти, всячески поддерживали вооруженные антисоветские выступления монархистских генералов. В обращении Совета Народных Комиссаров к населению 25 ноября 1917 года указывалось: «...Враги народа империалисты, помещики, банкиры и их союзники казачьи генералы предприняли последнюю отчаянную попытку сорвать дело мира, вырвать власть из рук Советов, землю из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов. Каледин на Дону, Дутов на Урале подняли знамя восстания. Кадетская буржуазия дает им необходимые средства для борьбы против народа. Родзянко, Милюковы, Гучковы, Коноваловы хотят вернуть себе власть и при помощи Калединых, Корниловых и Дутовых превращают трудовое казачество в орудие для своих преступных целей... Политическим штабом этого восстания является Цен-

тральный комитет кадетской партии. Буржуазия предоставляет десятки миллионов контрреволюционным генералам на дело мятежа против народа и его власти... Кадеты, злейшие враги народа, подготовлявшие вместе с капиталистами всех стран нынешнюю мировую бойню, надеются изнутри Учредительного собрания прийти на помощь своим генералам — Калединым, Корниловым, Дутовым, чтобы вместе с ними задушить народ» [1]. В другом обращении СНК заявлял: «Прямая гражданская война открыта по инициативе и под руководством кадетской партии. Центральный комитет этой организации является сейчас политическим штабом всех контрреволюционных сил страны» [2]. Поэтому уже 28 ноября 1917 года Советское правительство приняло декрет, по которому члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежали аресту и преданию суду революционных трибуналов. На местные Советы возлагался особый надзор за партией кадетов ввиду ее связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции [3]. Партия кадетов была единственной партией, объявленной тогда враждебной народу. На основании названного декрета ряд ее деятелей был арестован.

Деятели правых социалистических партий также оказались в лагере врагов Советской власти. Это были весьма неоднородные по составу организации, отражавшие пестроту мелкой буржуазии, которую они представляли. Здесь были так называемые народные социалисты («энесы»), почти ничем не отличавшиеся от кадетов; партии, представлявшие все оттенки народнического, эсеровского мировоззрения; меньшевики. Их идеалом было создание в России путем соглашения с буржуазией «демократического» строя наподобие западноевропейских буржуазных образцов. От других противников Великой Октябрьской социалистической революции деятели этих партий отличались тем, что, стремясь сохранить хоть какое-нибудь влияние в народе, они пытались прикрывать контрреволюционную деятельность социалистической фразеологией.

---

[1] «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 154—155.
[2] Там же, стр. 165.
[3] См. там же, стр. 162.

Все эти внутренние силы контрреволюции не имели сколько-нибудь широкой социальный базы. На первых порах они черпали кадры главным образом среди офицерства, реакционного казачества и чиновничества. Но помимо внутренних сил контрреволюции молодому Советскому государству с первых дней его существования пришлось столкнуться с враждебной силой международного империализма.

Буржуазные правительства англо-французской коалиции и США (бывших союзников России) не приняли предложения Советского правительства о немедленном заключении всеобщего демократического мира. Они повели борьбу против Советов. Другая сторона — Германия и ее союзники,— хотя и выразила согласие на мирные переговоры, намеревалась использовать их в своих целях. Как империалисты англо-французской коалиции и США, так и германский империализм в одинаковой степени были заинтересованы в ликвидации Советского государства, подавшего международному пролетариату пример борьбы за социализм. Создалась сложная обстановка, чреватая опасностью вмешательства империалистических хищников обоих лагерей во внутренние дела России.

Трудящимся, взявшим власть в стране, предстояло оградить свои революционные завоевания от посягательств буржуазии и ее прихвостней.

Уже в первые дни Октябрьской революции восставший народ сломал ненавистный буржуазный государственный аппарат насилия и принуждения: полицию, жандармерию, суды, камеры судебных следователей, старую прокуратуру. Была проведена демократизация старой армии, вся полнота власти в ней была передана солдатским комитетам и Советам. А с января 1918 года началось создание новой, Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Трудящиеся взяли на себя и борьбу с контрреволюцией и уголовной преступностью. Революционный порядок в стране, завоевания Октября могли быть обеспечены и сохранены лишь при максимальном развитии самодеятельности широких народных масс, при их участии в строительстве нового государства под руководством большевистской партии и Советов.

В эти дни В. И. Ленин призывал: «Товарищи трудящиеся! Помните, что *вы сами* теперь управляете го-

сударством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете *все дела* государства в *свои* руки. *Ваши* Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы.

Сплотитесь вокруг своих Советов. Укрепите их. Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь. Установите строжайший революционный порядок, беспощадно подавляйте попытки анархии со стороны пьяниц, хулиганов, контрреволюционных юнкеров, корниловцев и тому подобное.

Вводите строжайший контроль за производством и учетом продуктов. Арестуйте и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу...» [1]

В Петрограде, Москве и других местах, где победила революция, рабочий класс и его организации своими силами поддерживали революционный порядок и боролись с контрреволюцией, сами создавали народные революционные судебно-следственные учреждения: следственные комиссии и суды.

Первая следственная комиссия была образована Петроградским военно-революционным комитетом в те дни, когда на улицах столицы еще шли революционные бои. В ее работе принимали участие рабочие, солдаты, матросы. Они задерживали врагов революции, уголовников, спекулянтов, приводили их в Смольный, где рабочие, солдаты и матросы, выделенные общественными организациями, разбирали их дела. Наиболее опасных преступников заключали в тюрьму, менее опасных освобождали.

В эту комиссию большевистская партия направила своих активных работников П. А. Красикова и М. Ю. Козловского. В расследовании отдельных дел участвовали П. И. Стучка, М. С. Урицкий, Н. В. Крыленко.

О первых днях работы следственной комиссии М. Ю. Козловский впоследствии рассказывал: «Нам приходилось... творить во время революции, когда события разыгрывались на улицах, перед Зимним дворцом... В комиссии был матрос Алексеевский. Когда я явился, это было единственное лицо, изображавшее и

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 66.

председателя, и члена, и чуть ли не весь секретариат. Работала комиссия в одной комнате в Смольном, наверху в 3 этаже, в ужасных условиях... В нашем распоряжении был стол и несколько стульев, писали на коленях. Бесконечное количество людей, постоянный приток солдат... Следственная комиссия работала и днем и ночью без перерыва» [1].

В те первые дни Советской власти, когда не было еще судов, эта комиссия выполняла не только судебно-следственные, но и административные функции: закрывала старые судебные учреждения, разбирала их дела и архивы, конфисковывала имущество капиталистов, штрафовала спекулянтов, реквизировала обнаруженные у них товары и т. д. Условия революционного времени заставляли действовать быстро, решительно. Когда известный капиталист Путилов попытался уклониться от явки на допрос в связи с обвинением его в финансировании саботажников, в газете было опубликовано объявление: «Следственная комиссия предписывает Алексею Ивановичу Путилову немедленно явиться для допроса... В случае уклонения Путилова от явки в течение недельного срока со дня напечатания сего имущество Путилова будет подвергнуто конфискации» [2].

Спустя несколько дней после победы Октября, 4 ноября 1917 года, в Петрограде, на Выборгской стороне, в доме № 33 по Большому Сампсониевскому проспекту, открыл первую сессию суд, образованный районным Советом рабочих и солдатских депутатов. Это был первый в России советский народно-революционный суд.

Места за судейским столом заняли пять судей, раздельно избранных Советом рабочих и солдатских депутатов, районным бюро профессиональных союзов, советом фабрично-заводских комитетов, районной думой и советом домовых комитетов. Председатель суда обратился к публике и призвал всех активно участвовать в рассмотрении дела. Он разъяснил, что присутствующие имеют право задавать подсудимым и свидетелям вопросы и высказывать мнение по существу дела; что суд будет предоставлять слово двум гражданам из публики, желающим выступить в качестве обвините-

---

[1] «Пролетарская революция», № 10, 1922, стр. 64.
[2] «Известия ВЦИК», 16 декабря 1917 г.

лей, и двум гражданам, желающим защищать подсудимых.

В первые же дни после Октябрьской революции в другом районе Петрограда, в зале Горчаковского дворца, начал работу и второй народно-революционный суд. Здесь также обвинителями и защитниками выступали присутствовавшие на суде граждане, а решения принимались большинством голосов этого суда-собрания. В Кронштадте рабочие и матросы создали «суд общественной совести», в котором в качестве судей выступали представители общественных и партийных организаций.

Яркое представление о том, как создавались органы борьбы с контрреволюцией на периферии, дают воспоминания члена партии большевиков с 1904 года И. Л. Толстикова, участника Октябрьского переворота в городе Богородске Нижегородской губернии. «Все 29 человек членов фракции (большевиков.— *Д. Г.*), вооружившись винтовками,— рассказывал он,— забрали все оружие у местной милиции и затем в час ночи, окружив два клуба промышленников, под моим руководством как комиссара юстиции произвели обыски. В помещениях клубов были обнаружены спиртные напитки всевозможных сортов и несколько сильно пьяных промышленников, тогда как рабочие заводов в это время голодали. О всем обнаруженном мною был составлен акт. На второй день, т. е. 6 декабря 1917 г., в Богородском народном доме было созвано общее собрание рабочих со всех 400 кожевенных заводов для суда над промышленниками. Общее собрание рабочих признало промышленников виновными в пьянстве, в то время как рабочие голодают, и единогласно постановило наложить на них штраф в сумме 150 000 руб. с конфискацией клубных помещений и всего инвентаря в полное распоряжение местного Совета депутатов...

Будучи комиссаром юстиции Совета депутатов, я видел, что судебный аппарат царского режима разрушен окончательно, а нового пока не создано. Потребность же у населения в этом аппарате чувствовалась огромная. Я широко поставил в известность население района, а также рабочих кожевенных заводов, что каждый гражданин или гражданка, имеющие надобность в

обращении к судебным органам как в гражданском, так и в уголовном порядке, могут с ходатайством обращаться ко мне, как к комиссару юстиции, и мною таковые будут рассматриваться публично в Народном доме. В день назначенного заседания набивалось обычно большое количество народа. Я всегда ровно в 7 часов вечера объявлял судебное заседание открытым и предлагал собравшимся избрать на данное заседание председателя и секретаря. Всегда неизменно избирали меня и моего технического секретаря, и такие заседания часто затягивались до 4 или 5 часов утра, и публика терпеливо дожидалась конца. В прениях по тому или иному процессу участвовали, кроме сторон, и все присутствующие в Народном доме, причем собравшиеся путем голосования решали судьбу того или иного процесса и определяли меру наказания или удовлетворения гражданского иска» [1].

Трудящиеся, участвовавшие в работе первых советских судов и следственных комиссий, расследовали дела и судили не по писаным законам, а по своему революционному правосознанию. Каждый участвовавший в процессе чувствовал себя ответственным следователем, судьей. Приговоры народно-революционных судов пользовались огромным моральным авторитетом у трудящихся.

Между тем жизнь и революционный опыт показали, что надо иметь постоянные судебно-следственные органы и притом двух видов: одни — для рассмотрения обычных уголовных и гражданских дел, другие — специально для борьбы с контрреволюцией и особо опасными преступлениями. В первом декрете Советского правительства о суде от 22 ноября 1917 года помимо учреждения общих судебных установлений предусматривалось: «Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц, учреждаются рабочие и кре-

[1] «От Февраля к Октябрю» (Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1957, стр. 349—351.

стьянские революционные трибуналы в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Для производства же по этим делам предварительного следствия при тех же Советах образуются особые следственные комиссии» [1].

Этот декрет юридически закрепил в судебных учреждениях демократические принципы судоустройства и судопроизводства, применявшиеся уже первыми самодеятельными органами до опубликования декрета. Основными принципами работы революционных трибуналов и народных судов стали: 1) избираемость судей и членов следственных комиссий Советами; широкое участие в работе судов и следственных комиссий народных представителей; 2) гласность и публичность судопроизводства; публичность распространялась и на деятельность следственных комиссий, важнейшие решения которых принимались на открытых заседаниях; 3) полное равноправие сторон в судебном процессе, достигавшееся отменой особых прав, которые имело раньше обвинение (прокуратура) в процессе дознания, следствия и суда; общественным обвинителем и общественным защитником мог быть каждый из присутствующих на суде неопороченных граждан; 4) допущение защиты со стадии предварительного следствия; 5) коллегиальность в решении вопросов предварительного следствия и судебного процесса.

Революционный трибунал был учрежден прежде всего в Петрограде. 10 декабря 1917 года состоялось его первое заседание. В Москве революционный трибунал начал судебные заседания 8 января 1918 года.

Но система судебно-следственных учреждений, сложившаяся в первое время после Октябрьской революции, не обеспечивала эффективную борьбу с контрреволюцией и другими видами наиболее опасных преступлений. Следственные комиссии и революционные трибуналы занимались расследованием и рассмотрением дел об уже совершенных преступлениях. Между тем контрреволюция тайно устраивала заговоры, готовила восстания, не брезгуя никакими средствами борьбы про-

[1] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 125—126.

тив Республики Советов. Политическая обстановка настоятельно требовала создать такой аппарат, который мог бы выявлять, своевременно пресекать, предупреждать еще зреющие, подготавливаемые контрреволюцией преступления, аппарат мобильный, который опирался бы на содействие трудящихся и мог бы в необходимых случаях проявлять оперативность и решительность в борьбе с врагами революции. С этой целью были образованы специальные комиссии и комитеты по борьбе с отдельными видами особо опасных для революции преступлений. Среди них наибольшее значение приобрели Комитет по борьбе с погромами и Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Вскоре после победы Октябрьской революции темные, буйствующие элементы в Петрограде стали громить винные погреба и склады. Они напивались, поднимали стрельбу, совершали грабежи и убийства. В. А. Антонов-Овсеенко, командовавший в то время Петроградским военным округом, так описывал эти явления: «Никогда не виданное бесчинство разлилось в Петрограде. То там, то сям появлялись толпы громил, большей частью солдат, разбивавших винные склады, а иногда громивших и магазины... Никакие увещания не помогали. Особенно остро встал вопрос с погребами Зимнего дворца... Как только наступал вечер, разливалась бешеная вакханалия. «Допьем романовские остатки!» — этот веселый лозунг владел толпой. Пробовали замуровать входы — толпа проникала сквозь окна, высадив решетки, и грабила запасы. Пробовали заливать погреба водой — пожарные во время этой работы напивались сами». Действенные меры борьбы с погромами подсказали революционные массы, которые начали расправляться с пьяницами и грабителями. «Только когда за борьбу с пьяницами взялись гельсингфорсские моряки, погреба Зимнего были обезврежены. Это была своеобразная титаническая борьба. Моряки держались стойко, связанные свирепым товарищеским обетом — «смерть тому, кто не выполнит зарока», и сами в другое время великолепные «питухи», они победили николаевское зелье... На Васильевском острове борьба была проведена твердо. Финляндский полк объявил остров на осадном положении и заявил, что будет расстрели-

вать грабителей на месте, а винные погреба взрывать»[1].

Возникла необходимость образовать специальный комитет, который решительными мерами покончил бы с погромами и бандитизмом в Петрограде. Председателем Комитета по борьбе с погромами был назначен В. Д. Бонч-Бруевич, управляющий делами Совета Народных Комиссаров. В. И. Ленин придавал этому делу большое значение. В письме в Петроградский комитет партии он писал: «Прошу доставить не менее 100 человек *абсолютно* надежных членов партии в комнату № 75, III этаж,— комитет по борьбе с погромами. (Для несения службы *комиссаров*.)

Дело архиважно. Партия ответственна. Обратиться в районы и в заводы»[2].

В. Д. Бонч-Бруевич впоследствии рассказывал: «Подбор сотрудников у нас был таков, что принимали только рабочих, непременно партийных, и левых эсеров. Фабрика избирала, район утверждал, и потом мы входили в Петроградский комитет. Было несколько отводов, но они объяснялись молодостью или, например, был отведен один товарищ за то, что он заснул». Вот как, по словам В. Д. Бонч-Бруевича, действовали выделенные народные представители: «Эти 102 человека, которые дежурили посменно, и образовали Комитет. В него входили и матросы, и солдаты, и рабочие. Эти 40 пар глаз... чинили допрос, и я свидетель того, что иногда попадалась громадная шайка фальшивомонетчиков, которая ни за что не хотела себя открыть. И рабочие допрашивали их таким перекрестным огнем, что помню, как один поддался и сказал: «Нет, я не могу, я должен сказать всю правду». И он стал на колени и начал рассказывать перед всеми собравшимися, что у них организована фальшивомонетная мастерская... Рассказал все, что у них сделано, просил, чтобы рассудили рабочие, так как он не может молчать»[3].

В ночь на 6 декабря 1917 года Комитет по борьбе с погромами раскрыл контрреволюционный заговор.

[1] *В. А. Антонов-Овсеенко*. Записки о гражданской войне, т. 1. М., 1924, стр. 19—20. Описание борьбы с пьяными погромами см. также в записках С. Н. Баранова «Ветер с Балтики» (М., 1967, стр. 168—171).

[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 17.

[3] «Пролетарская революция», № 10, 1922, стр. 69—72.

В. Д. Бонч-Бруевич на заседании Петроградского Совета докладывал: «Петроград был затоплен шквалом пьяных разгромов... Разгромы начинались с мелких фруктовых, а за ними следовали склады Келлера и Петрова, крупный магазин готового платья. В одни полчаса мы получили 11 извещений о погромах и едва успевали отправлять на места воинские части... При опросе задержанных отдельных воинских чинов выяснилось, что их спаивали и сорганизовывали из них особый институт подстрекателей братьев к выпивке, за что платили по 15 рублей в день...» Вскоре члены Комитета по борьбе с погромами задержали двух лиц, раздававших прокламации. Прокламации внешне походили на большевистские документы: на них имелись заголовки — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», заканчивались они лозунгами — «Долой империализм и его лакеев!», «Да здравствует рабочая революция и всемирный пролетариат!». Но по содержанию это были явно контрреволюционные прокламации: они внедряли погромно-черносотенные идеи; подстрекали солдат, матросов, рабочих громить винные склады и всячески дезорганизовывать нормальную жизнь столицы. Задержанные с прокламациями оказались: один — сотрудником черносотенной газеты «Новая Русь», а другой — его племянником. «Под угрозой расстрела,— продолжал В. Д. Бонч-Бруевич,— они сообщили, что посланы организацией, и указали нам адреса. Когда мы пошли по первому же адресу, мы наткнулись на 20 тысяч экземпляров этого воззвания... Мы двинулись дальше и арестовали многих лиц... Ясно, что мы имеем дело с заговором контрреволюции во всероссийском масштабе, организованном чрезвычайно широко при больших денежных средствах, задавшимся целью удушить в винных парах революцию» [1].

Склад прокламаций был обнаружен у приват-доцента Петроградского университета, одного из лидеров черносотенного «Союза русского народа» А. А. Громова. При допросе его выяснилось, что инициатором распространения контрреволюционных прокламаций был князь К. В. Кекуатов: «Он (князь Кекуатов.— *Д. Г.*) показал мне текст этой прокламации, написанной на пишущей машинке, и предложил мне организовать распростране-

[1] «Известия ВЦИК», 8 декабря 1917 г.

ние этих прокламаций среди населения... Свидание наше закончилось определенным соглашением, по которому я обещался постараться найти людей, могущих организовать распространение этих прокламаций... При беседе с князем Кекуатовым присутствовала его жена, княгиня Кекуатова... Княгиня Кекуатова во время этого свидания передала мне на расходы по исполнению принятого поручения две тысячи рублей» [1].

6 декабря Комитет по борьбе с погромами ввел в Петрограде осадное положение и предупредил: «Попытки разгромов винных погребов, складов, лавок, магазинов, частных квартир и проч. и т. п. будут прекращаемы пулеметным огнем без всякого предупреждения» [2].

Яркое представление о деятельности Комитета дает такое сообщение: «В Комитет по борьбе с погромами позвонили о начавшемся погроме винного погреба на Екатерининском канале, причем сообщили, что преступники громят не только погреб, но и частные квартиры прилегающих домов. Комиссар по борьбе с погромами тов. Олехно, получив это сообщение, немедленно с отрядом в 10 красногвардейцев выехал на место происшествия. Здесь он застал почти двухтысячную толпу. К тов. Олехно обратились местные рабочие и обыватели с просьбой принять самые решительные меры против погромщиков. После предупреждения, которое ни на кого не подействовало, был открыт огонь, и район моментально очищен от погромщиков. Местное население горячо благодарило тов. Олехно за твердые революционные действия. В большинстве убитых, одетых в солдатские шинели, опознали местных хулиганов и громил» [3].

Почти одновременно с учреждением Комитета по борьбе с погромами был создан и специальный орган борьбы с контрреволюцией. 6 декабря 1917 года Совет Народных Комиссаров, обсудив вопрос о готовящейся чиновниками всероссийской забастовке в правительственных учреждениях, поручил Ф. Э. Дзержинскому «составить особую комиссию для выяснения возможности борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер, для выяснения способов подавле-

[1] «Известия ВЦИК», 8 декабря 1917 г.
[2] «Известия ВЦИК», 6 декабря 1917 г.
[3] «Известия ВЦИК», 26 января 1918 г.

ния злостного саботажа». Ф. Э. Дзержинский должен был на следующий день представить в Совнарком список членов комиссии и предложить меры борьбы с саботажем. 7 декабря В. И. Ленин написал Ф. Э. Дзержинскому записку:

«Товарищу Дзержинскому

К сегодняшнему Вашему докладу о мерах борьбы с саботажниками и контрреволюционерами.

Нельзя ли двинуть *подобный* декрет:

О борьбе с контрреволюционерами и саботажниками.

Буржуазия, помещики и все богатые классы напрягают отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечить интересы рабочих, трудящихся и эксплуатируемых масс.

Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов. Сторонники буржуазии, особенно из высших служащих, из банковых чиновников и т. п., саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его мерах, направленных к осуществлению социалистических преобразований. Доходит дело даже до саботажа продовольственной работы, грозящего голодом миллионам людей.

Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками». В. И. Ленин намечал ряд конкретных мер борьбы и контроля за контрреволюционерами и саботажниками [1].

7 декабря, заслушав доклад Ф. Э. Дзержинского, Совнарком постановил образовать Всероссийскую чрезвычайную комиссию при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) в составе Ф. Э. Дзержинского (председатель), Г. К. Орджоникидзе, Я. Х. Петерса, И. К. Ксенофонтова, Д. Г. Евсеева, К. А. Петерсона, В. К. Аверина, Н. А. Жиделева, В. А. Трифонова и В. Н. Васильевского [2]. Совнарком поставил перед ко-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 156. Декрет, предложенный В. И. Лениным, не был издан; выраженные в нем идеи впоследствии нашли свое воплощение в разных постановлениях Советского правительства.

[2] В таком составе комиссия собралась только один раз. На следующий день все члены комиссии, кроме Дзержинского, Петерса, Ксенофонтова и Евсеева, получили новые назначения, а вместо них в комиссию были введены В. В. Фомин, С. Я. Щу-

миссией задачу — «пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажные попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили». Методы работы и структуру комиссии Совнарком определил таким образом: «Предание суду революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними; ...комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения; ...комиссия разделяется на отделы: ...информационный, организационный отдел (для организации борьбы с контрреволюцией по всей России и филиальных отделов),.. отдел борьбы...

Меры — конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. д.» [1]

Одним из первых шагов ВЧК был арест ею в ночь на 19 декабря некоторых деятелей так называемого «Союза защиты Учредительного собрания», вокруг которого группировались антисоветские элементы и саботажники. Левые эсеры, которые входили тогда в состав Советского правительства, возражали против этой меры, а их представитель в правительстве И. З. Штейнберг, пользуясь своим служебным положением народного комиссара юстиции, освободил задержанных. Возник конфликт, разбиравшийся 19 декабря на заседании Совнаркома. Правительство признало действия Штейнберга неправильными, так как «какие бы то ни было изменения постановления комиссии Дзержинского, как и других комиссий, назначенных Советами, допустимы только путем обжалования этих постановлений в Совет Народных Комиссаров». Совнарком отметил, что задержание членов «Союза защиты Учредительного собрания» было произведено по его указанию «для выяснения личностей» [2], т. е. не в судебном, а в административном порядке. Этот акт не повлек за собой никакого дознания, следствия или судебного процесса. После этого инцидента Штейнберг разработал и представил в СНК проект положения о ВЧК, в котором попытался свести к минимуму полномочия, а следовательно, и эф-

---

кин, И. И. Ильин и Чернов (см. «Пролетарская революция», № 10 (33), 1924, стр. 5—6).

[1] «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг.». Сборник документов. М., 1958, стр. 79.

[2] См. Ленинский сборник XXI, стр. 111.

фективность работы Чрезвычайной комиссии. Но В. И. Ленин внес поправки почти в каждую статью проекта.

В поправках к проекту постановления СНК, принятых Совнаркомом 21 декабря, ВЧК признавалась органом «беспощадной борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией», находящимся под ближайшим наблюдением Народного комиссариата юстиции, Народного комиссариата внутренних дел и президиума Петроградского Совета. Устанавливалось, что ВЧК действует на основе инструкции, вырабатываемой ею, НКЮ и НКВД, результаты же своей работы передает в следственную комиссию при революционном трибунале или прекращает дело. Левые эсеры настаивали, чтобы ВЧК подчинялась НКЮ (фактически им, так как левые эсеры стояли во главе НКЮ), чтобы аресты, имеющие политическое значение, производились с ведома НКЮ и НКВД. Совнарком по предложению В. И. Ленина постановил, что ВЧК производит такие аресты самостоятельно с извещением об этом НКЮ и НКВД. Далее подчеркивалось, что неурегулированные конфликты между ВЧК, НКЮ, НКВД и президиумом Петроградского Совета «восходят на окончательное разрешение Совета Народных Комиссаров, не останавливая обычной деятельности и оспоренных мер... соответствующих комиссий» [1].

31 января 1918 года, рассмотрев вопрос «О точном разграничении функций существующих учреждений розыска и пресечения, следствия и суда», Совнарком постановил: «В Чрезвычайной комиссии концентрируется вся работа розыска, пресечения и предупреждения преступлений, все же дальнейшее ведение следствий и постановка дела на суд предоставляется следственной комиссии при трибунале» [2].

Таким образом, ВЧК была учреждена как административно-политический орган розыска, пресечения и предупреждения контрреволюционных преступлений. Ей предоставлялось право вырабатывать меры борьбы, применять в отношении контрреволюционеров административные меры (конфискация, выдворение, лишение

---

[1] Ленинский сборник XXI, стр. 113—114.
[2] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 1, л. 111—112.

карточек, опубликование списков врагов народа и т. п.). В области судебной ВЧК должна была выполнять функции органа дознания: она могла вести расследование, «поскольку это нужно для пресечения», затем вскрытые ею дела должны были поступать в следственную комиссию для предварительного следствия и передачи в суд.

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией создавалась как аппарат, опирающийся на помощь и содействие широких масс трудящихся, кровно заинтересованных в безопасности советского строя. Чекисты пошли на фабрики, заводы, в воинские части, широко оповестили рабочих, солдат, матросов о своих задачах, просили их сообщать сведения о контрреволюционерах и приглашали принять активное участие в работе ВЧК; объявления об этом публиковались и в газетах [1]. ВЧК нередко выдавала ордера для производства арестов и обысков наиболее сознательным рабочим, солдатам и матросам. Популярность ВЧК росла; имея многих добровольных помощников, она могла немногочисленным аппаратом выполнять большие задачи. Видный чекист М. Я. Лацис впоследствии писал: «В первые месяцы работы ВЧК в Москве в ее аппарате насчитывалось всего 40 сотрудников, включая сюда и шоферов и курьеров. Даже к моменту восстания левых эсеров в ВЧК число сотрудников доходило только до 120 человек. Если все же ВЧК осуществляла сравнительно большую работу, то, главным образом, благодаря содействию населения. Почти все крупные заговоры были раскрыты указанием населения. Первая нить бралась от них, этих добровольных и бесплатных сотрудников, от населения и потом уже разматывалась аппаратом ВЧК» [2].

Сложность и специфичность работы ВЧК, большие права ее сотрудников требовали от чекистов большевистской идейности, преданности революции, высокой сознательности, честности и самоотверженности. Кроме того, необходимыми качествами чекистов Ф. Э. Дзержинский считал сдержанность и вежливость. В одной из инструкций в 1918 году он писал: «Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишение свободы повинных людей есть зло, к которому и в настоящее

---

[1] См. «Известия ВЦИК», 15, 19 декабря 1917 г.
[2] «Пролетарская революция», № 9 (56), 1926, стр. 90.

время необходимо еще прибегать, чтобы восторжествовали добро и правда. Но всегда нужно помнить, что это зло, что наша задача — пользуясь злом, искоренить необходимость прибегать к этому средству в будущем. А потому пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишить человека свободы и держать в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти. Каждый должен помнить, что он представитель Советской власти — рабочих и крестьян и что всякий его окрик, грубость, нескромность, невежливость — пятно, которое ложится на эту власть» [1].

Сложившиеся после победы Октября демократические принципы устройства судебно-следственных учреждений соответствовали социально-политической обстановке, в которой находилась тогда страна,— периоду победного шествия революции по территории России. Победивший пролетариат проявлял великодушие по отношению к поверженному врагу. Революционные трибуналы применяли минимальные наказания, чрезвычайные комиссии производили аресты контрреволюционеров лишь в целях пресечения вредной деятельности. Арестованных освобождали, как только они заявляли об отказе от активной борьбы с рабоче-крестьянской властью. Смертная казнь не применялась. В. И. Ленин 4 ноября 1917 года говорил: «Нас упрекают, что мы арестовываем. Да, мы арестовываем... Нас упрекают, что мы применяем террор, но террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять. И, надеюсь, не будем применять, так как за нами сила. Когда мы арестовывали, мы говорили, что мы вас отпустим, если вы дадите подписку в том, что вы не будете саботировать. И такая подписка дается» [2]. Эти слова В. И. Ленина характеризовали деятельность советских органов борьбы с контрреволюцией в первые послеоктябрьские дни.

Показательным для того времени документом явля-

---

[1] «Исторический архив», № 1, 1958, стр. 5—6.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 63.

лась телеграмма Наркомюста всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которая гласила: «Ввиду упрочения Советской власти полагаем, наступил момент прекращения систематических репрессий против лиц, учреждений и печати. Подавление или пресечение активных контрреволюционных выступлений должно войти в русло революционного правопорядка. Политические аресты, обыски и выемки должны производиться только одной следственной комиссией, состав которой должен публиковаться. Целью ее должно явиться только предание суду революционного трибунала... Пусть возмездие будет быстро и решительно, но пусть оно исходит от революционного суда; пусть никто не посмеет сказать, что на территории Советской Республики нет социалистической справедливости. Революция сурова к своим активным врагам и великодушна к поверженным и побеждённым» [1].

Борьба с контрреволюцией велась тогда в своеобразных условиях. Один из руководителей ВЧК Я. Х. Петерс позже писал, что вначале «широких контрреволюционных заговоров не нащупывалось, потому что контрреволюция еще не была загнана в подполье, она существовала открыто в лице «Комитета спасения родины и революции», в лице буржуазной, эсеровско-меньшевистской печати, в лице кадетских, с-р и меньшевистских лидеров, которые вели открытую агитацию против Советской власти» [2].

2. Разгром первых мятежей

Октябрь 1917 года. Рабочие, солдаты, матросы стали хозяевами столицы России — Петрограда. Министры свергнутого народом Временного правительства арестованы. II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов образовал рабоче-крестьянское правительство во главе с В. И. Лениным. Приняты первые декреты о земле, о мире. Но встревожен накаленный политическими страстями, бурлящий революционный Петроград. Глава Временного правительства А. Ф. Ке-

[1] «Известия ВЦИК», 31 января 1918 г.
[2] «Пролетарская революция», № 10 (33), 1924, стр. 6—7.

ренский бежал. Город полон слухов. Говорят, что Керенский ведет с фронта казаков, чтобы удушить революцию. Вскоре действительно пришли вести о том, что Керенский с казаками продвигается к столице и уже занял Царское Село. А в это время в городе готовился удар в спину революции.

27 октября 1917 года в противовес Военно-революционному комитету, руководившему Октябрьским вооруженным восстанием, в Петрограде образовался «Комитет спасения родины и революции». В его состав вошли представители Петроградской городской думы, Временного совета республики (Предпарламента), свергнутого Временного правительства, утратившего свои полномочия ЦИК Советов первого созыва, центральных комитетов партий правых социалистов-революционеров, меньшевиков и народных социалистов. «Комитет спасения» опубликовал «Воззвание к гражданам Российской республики», в котором ясно определил свои антисоветские цели. «Всероссийский комитет спасения родины и революции,— говорилось в воззвании,— призывает вас, граждане: не признавайте власти насильников (так эти контрреволюционеры называли рабоче-крестьянское правительство, созданное после победы Октября.— *Д. Г.*). Не исполняйте их распоряжений. Встаньте на защиту родины и революции» [1].

Сурово и гневно встретил рабочий народ известие о походе контрреволюционных войск на Петроград. Десятки тысяч мужчин и женщин по призыву большевистской партии и Военно-революционного комитета вышли на улицы. С ружьями, ломами, лопатами, мотками проволоки, патронташами, таща за собой пулеметы и пушки, пешком, на повозках и грузовиках рабочие, солдаты, матросы, перевязанные пулеметными лентами, тянулись к югу и юго-западу, к Московской заставе. Там они возводили баррикады, устраивали проволочные заграждения на подступах к городу, рыли окопы, занимали боевые позиции. Революционный пролетариат грудью встал на защиту столицы рабоче-крестьянской республики.

В эти тревожные дни, на рассвете 29 октября, красногвардейский патруль задержал у Троицкого моста

[1] «Красный архив», т. 4 (53), 1932, стр. 39.

двух подозрительных мужчин, которые пытались уехать в автомобиле от дворца Кшесинской. Их доставили к комиссару Петропавловской крепости Г. И. Благонравову. Выяснилось, что задержан видный деятель партии правых эсеров А. А. Брудерер, которого сопровождал солдат. У Брудерера нашли важные документы. В одном — приказе № 1 войскам Петроградского гарнизона, изданном в минувшую ночь (в 2 часа утра 29 октября),— говорилось: «По поручению Всероссийского комитета спасения родины и революции я вступил в командование войсками спасения. Приказываю: 1) никаких приказаний Военно-революционного комитета (большевистского) не исполнять. 2) Комиссаров Военно-революционного комитета во всех частях гарнизона арестовать и направить в пункты, которые будут указаны дополнительно. 3) Немедленно прислать от каждой отдельной части по одному представителю в Николаевское инженерное училище (Инженерный замок). 4) Все, не исполнившие этот приказ, будут считаться врагами родины и изменниками делу революции». Приказ этот подписали смещенный после Октября командующий войсками Петроградского военного округа полковник Генерального штаба монархист Полковников и начальник штаба мятежников подполковник Хартулари[1]. Второй документ оказался удостоверением, выданным Брудереру, в том, что он назначается «Всероссийским комитетом спасения родины и революции» комиссаром Владимирского военного училища и все его распоряжения подлежат немедленному исполнению. Удостоверение было подписано членом «Комитета спасения» А. Гоцем и скреплено печатью и подписью секретаря — М. Броуна[2]. Кроме того, у Брудерера были изъяты распоряжения: одно — Владимирскому военному училищу, в котором говорилось: «Училищу немедленно быть готовому к выступлению. По прибытии к училищу увечных воинов вы поступаете в распоряжение подполковника Куропаткина и по соединении с Павловским училищем выполняете задачи, возложенные на подполковника Куропаткина. Действовать быстро и решительно. Полковник Полковников. От Коми-

[1] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». М., 1957, стр. 817—818.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 366, оп. 1, д. 277.

тета спасения родины и революции А. Гоц» [1]; в другом — Павловскому военному училищу предписывалось: «По соединении с Владимирским училищем вы поступаете в распоряжение подполковника Куропаткина и комиссара Брудерера, которому даны определенные задачи. Полковник Полковников. Член Комитета спасения А. Гоц» [2].

Брудерер отказался дать какие-либо объяснения, но и без них стало ясно, что в городе полным ходом идет подготовка вооруженного выступления против Советов. Г. И. Благонравов поспешил в Смольный к председателю Военно-революционного комитета Н. И. Подвойскому. Немедленно были приняты меры для ликвидации готовящегося антисоветского выступления. Утром 29 октября Военно-революционный комитет в специальном обращении известил население города о раскрытом заговоре и отметил, что заговорщики, не имея никакой опоры ни в гарнизоне, ни в рабочем населении, надеялись исключительно на внезапность удара [3].

Тем же утром заговорщики, не зная о том, что их контрреволюционные планы уже раскрыты, опубликовали в газете и передали по телеграфу воззвание к населению и войскам гарнизона: «29 октября войсками «комитета спасения родины и революции» освобождены все юнкерские училища и казачьи части; занят Михайловский манеж; захвачены броневые и орудийные автомобили, занята телефонная станция и стягиваются силы для занятия оказавшихся благодаря принятым мерам совершенно изолированными Петропавловской крепости и Смольного института... Предлагаем сохранить полнейшее спокойствие, оказывая всемерную поддержку комиссарам и офицерам, исполняющим боевые приказы командующего армией «спасения родины и революции» полковника Полковникова и его помощника подполковника Краковецкого, арестовывая всех комиссаров так называемого Военно-революционного комитета. Всем воинским частям... приказываем немедленно стягиваться в Николаевское инженерное училище; всякое промедление будет рассматриваться как из-

---

[1] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 816.

[2] Там же.

[3] См. «Правда», 31 октября 1917 г.

мена революции и повлечет за собой принятие самых решительных мер.

Подписали:

Председатель Совета республики
Авксентьев.

Председатель комитета спасения родины и революции
Гоц.

Комиссар Всероссийского комитета спасения родины и революции при командующем армией спасения
Синани.

Член Центрального комитета партии социалистов-революционеров
Броун»[1].

Между тем по распоряжению Военно-революционного комитета рано утром 29 октября штаб мятежников в Инженерном замке, а также все юнкерские училища (Владимирское, Павловское, Николаевское и др.) были окружены верными революции воинскими частями, матросами и красногвардейцами. Началось подавление восстания.

Положение мятежников утром 29 октября довольно правдиво характеризовал начальник штаба контрреволюционных сил подполковник Хартулари: «Владимирское военное училище осаждено, горит и может держаться не более двух часов. Обстреливается броневиками. Павловское училище также нуждается в немедленной помощи. По отношению к этим двум училищам приняты все возможные меры помощи. Константиновское училище держится выжидательно, оружие и орудие внутри здания, вокруг никого. Первый и четвертый казачьи полки выжидают... Приближаются правительственные войска (контрреволюционные войска.— *Д. Г.*). 14 казачий полк распылен и пассивен, в разговорах лукавит. Наши силы состоят из 230 юнкеров Николаевского инженерного училища (отряды этих юнкеров заняли телефонную станцию и Михайловский манеж), 6 броневых машин, обслуживаемых офицерством, и 50 ударников-добровольцев, вооруженных также гранатами. Увечные воины заперты вместе с владимирцами... На Литейном большое движение грузовиков в сторону

---

[1] «История гражданской войны в СССР», т. 2. М., 1942, стр. 195.

Выборгской. Большое движение частей красногвардейцев в разных частях города. Редкий огонь, разъезжают большевистские броневики. Общее число красногвардейцев достигает 10 000 плохо стреляющих, но стойких людей. Положение наше затруднительное, требующее немедленных и решительных шагов со стороны правительственных войск, необходима быстрая помощь. Павловский полк наступает на замок...» [1]

К полудню 29 октября юнкера сдались революционным войскам.

В ночь на 31 октября была ликвидирована и авантюристическая затея Керенского. Рабочие, солдатские и матросские отряды под Пулковом нанесли поражение казакам, наступавшим на Петроград. Казаки отказазались продолжать наступление. Командир 3-го конного корпуса генерал-майор П. Н. Краснов вынужден был вступить в переговоры о прекращении военных действий, и балтийский матрос П. Е. Дыбенко принял его капитуляцию. А находившийся при корпусе Керенский, переодевшись в матросскую форму, бежал из Гатчины и навсегда сошел со сцены политической борьбы.

Непосредственные руководители юнкерского восстания и похода на Петроград — Керенский, Гоц, Чернов, Савинков, монархисты Полковников, Хартулари и другие — бежали. Перед следственной комиссией Военно-революционного комитета предстали капитулировавший генерал Краснов, юнкера и их командиры. Краснов оправдывался тем, что поход на Петроград он начал, поддавшись «уговорам» Керенского, правоэсеровских лидеров, Бориса Савинкова и прочих деятелей Временного правительства, и перекладывал на них всю вину. «Я хотел оттянуть,— говорил он на следствии,— хотя бы до вторника 31, но под убеждением дать немедленную помощь Петрограду я решил 30-го дать усиленную рекогносцировку с боем для определения, главным образом, свойств противника. Рекогносцировка эта показала мне, что сопротивляться с моими силами я не могу, и заставила отойти к Гатчине, чтобы ожидать подкрепления... Когда по отходе **в** Гатчину за все 31 октября к нам не подали ни одного солдата на помощь, среди казаков 9-го полка и батареи началось бро-

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 361, л. 6—7,

жение, и по переговоре с ними я выяснил, что без достаточного подкрепления пехотой, не менее дивизии, нам нечего и думать о движении вперед. Когда 9-й полк отказался разбирать патроны, а артиллерия становиться на позиции, мне стало ясно, что я остаюсь в полном одиночестве и мне остается или отходить назад, или воспользоваться предложением заключить перемирие» [1].

Юнкера и их командиры заявили, что были «обмануты». Б. Муффель, руководивший выступлением юнкеров Николаевского училища, сказал, что Полковников, явившись в училище в ночь на 29 октября, отдавал приказания от имени якобы существующего еще Временного правительства и «Комитета спасения» [2].

Советское правительство проявило великодушие к участникам контрреволюционного выступления. В пылу борьбы негодующий народ хотел расправиться с юнкерами, но по распоряжению В. И. Ленина самосуды над юнкерами были прекращены и приняты меры к сохранению жизни всех арестованных, в том числе и министров» [3]. Краснов был отпущен на свободу, дав честное слово не выступать более против народа [4]. Никаких мер в отношении «Комитета спасения родины и революции» не принималось.

После допроса у арестованных юнкеров и их командиров, включая генералов, брали подписку такого содержания: «Я, нижеподписавшийся, даю настоящую подписку Военно-следственной комиссии Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в том, что я даю честное слово не выступать вооруженной силой против Советского правительства и не призывать к тому других и явиться по первому требованию вышеупомянутой комиссии». Этого оказывалось достаточ-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 358, л. 129—132.

[2] См. «Красный архив», т. 1(26), 1928, стр. 184—185; «Русские ведомости», 30 декабря 1917 г.

[3] См. «Известия», 5 ноября 1966 г.

[4] Это свое генеральское «честное слово» Краснов не сдержал и вскоре, сбежав на Дон, стал одним из злейших врагов Советской власти. Много лет спустя, во время Великой Отечественной войны, Краснов был пойман советской разведкой на вражеской территории. За свои изменнические шпионские действия в интересах гитлеровской разведки в январе 1947 г. Краснов был присужден к смертной казни.

ным для их освобождения. Впоследствии расследование было вовсе прекращено на основании амнистии, объявленной декретом Совнаркома Петроградской коммуны в ознаменование пролетарского праздника 1 мая 1918 года [1].

Спустя несколько лет на судебном процессе правых эсеров выяснились подробности юнкерского восстания. Непосредственные его участники — бывшие члены военной комиссии при ЦК партии правых эсеров штабс-капитан М. Броун-Ракитин и подполковник А. Краковецкий рассказали, что юнкерское восстание было задумано и организовано правыми эсерами. Уже на другой день после Октябрьского переворота военная комиссия (по инициативе известного уже А. Брудерера) предложила ЦК партии правых эсеров произвести контрпереворот с участием юнкеров военных училищ. Член ЦК партии А. Гоц поддержал этот план и взял на себя политическое руководство выступлением, которое формально проходило под флагом «непартийной» организации — «Комитета спасения родины и революции» [2]. В 1922 году и А. Гоц не отрицал того, что несет «моральную и политическую ответственность» за это выступление (правда, он пытался затушевать его контрреволюционные цели революционной фразеологией). Он объяснял на суде: «Целый ряд фактов (обвинения) мы определенно признаем... Партия эсеров занимала оборонительные позиции (в октябрьские дни)... Мы считали нужным с оружием в руках отстаивать и бороться за те завоевания революции, которым в то время грозила непосредственная опасность. Отсюда вытекало так

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 13, л. 35; д. 17, л. 1; д. 352, л. 3 об.

[2] На суде, между прочим, М. Броун-Ракитин показал: «Ранним утром, когда первые шаги наши оказались удачными, мною был составлен приказ ко всему населению Петрограда (речь идет о воззвании, опубликованном 29 октября от имени «Комитета спасения родины и революции».— *Д. Г.*)... Ввиду отсутствия в данный момент Гоца и Авксентьева их подписи получить не удалось, и приказ пошел в печать в копии с печатными подписями на машинке Гоца и Авксентьева» («Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и изменнических сношениях с иностранными государствами». М., 1922, стр. 9—10).

называемое 29 октября, когда мы с оружием в руках вынуждены были бороться против тех большевистских частей, на которые опирался в то время Военно-революционный комитет»[1]. Гоц, как один из руководящих членов «Комитета спасения», прикрываясь именем этой организации, назначил реакционера Полковникова командующим военными силами восстания; он же поддерживал связь с генералом Красновым, наступавшим на Петроград.

На суде по делу правых эсеров один из обвиняемых, член ЦК партии народных социалистов Игнатьев, состоявший в «Комитете спасения родины и революции», рассказал о том, что после провала юнкерского восстания на заседании «Комитета спасения» рассматривался вопрос, кто же вызвал это восстание, проводившееся под его флагом. «И оказалось,— говорил Игнатьев,— что никто ничего не знает: кто и почему вызвал восстание и причем тут «Комитет спасения родины и революции»?» В то же время свидетель Краковецкий показал: «Военная комиссия стояла на той точке зрения, что возглавить восстание должны мы, социалисты-революционеры, но Центральный комитет (правых эсеров.— *Д. Г.*) решил, что ему неудобно возглавить восстание, пусть оно идет от имени «Комитета спасения родины и революции»». «Таким образом,— говорил в обвинительной речи Н. В. Крыленко,— с одной стороны, Комитет говорит: знать не знаем, ведать не ведаем; с другой стороны, партия с-р говорит: это не мы, не партия, т. е.: мы в то же время не мы, а Комитет,— мы тут, мол, тоже сторона. Вот еще одна черта, которую мы встретим впоследствии — спрятаться в случае нужды за чужую спину, прикрываться чужой организацией, действовать от имени чужой организации, чтобы потом, когда потянут к ответу, сказать: мы тут не при чем»[2].

Верховный революционный трибунал в приговоре по делу правых эсеров дал такую оценку этому контрреволюционному восстанию: «...Первое восстание против Советской власти, в коем участвовал генерал Крас-

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 358, л. 1. Стенограмма 11-го дня судебного процесса по делу правых эсеров.

[2] *Н. В. Крыленко*. За пять лет. 1918—1922 гг. Обвинительные речи по наиболее крупным процессам, заслушанным в Московском и Верховном революционных трибуналах. М., 1923, стр. 116—117.

нов, казаки, юнкера Николаевского училища, броневики, обслуживаемые офицерами, и другие буржуазно-контрреволюционные и черносотенные силы, руководилось партией «социалистов-революционеров». Прикрываясь лжесоциалистическими знаменами этой мелкобуржуазной партии, на приступ Советской власти шла крупная буржуазия и самые черносотенные общественные группы. Объединенная реакция могла выдвинуть вперед в борьбе против Советской власти только такую партию, которая, хотя бы по имени, была социалистической и которая своим революционным прошлым была бы способна увлечь за собой хотя бы некоторую часть трудящихся» [1]. Однако, как показал ход событий, тщетны были надежды контрреволюционеров на расширение социально-политической базы восстания. Они остались в полной изоляции. Первый контрреволюционный мятеж против власти Советов в Петрограде был разгромлен.

3. Борьба с саботажем

Стремясь помешать фактическому переходу государственной власти в руки рабоче-крестьянского правительства после победы Октября, буржуазия организовала саботаж служащих государственных и общественных учреждений. Чиновники и служащие министерств, банков, казначейств, почты и телеграфа, городских управ, школ, больниц отказывались признать Советскую власть, подчиняться и работать под руководством назначенных ею лиц. Саботаж носил ярко выраженный политический характер и поддерживался всем антисоветским лагерем, от монархистов до «социалистов». Все они были уверены в том, что рабочие и крестьяне, поставленные во главе учреждений, не справятся с управлением государством, что большевикам не удастся овладеть государственной машиной и они вынуждены будут отступить и передать власть в руки прежних правителей.

В ноябре 1917 года чиновники образовали в Петрограде «Союз союзов служащих государственных учреж-

[1] «Приговор Верховного революционного трибунала по делу партии правых эсеров». М., 1922, стр. 6—7.

дений» и центральный стачечный комитет при нем для руководства забастовкой в учреждениях города. В опубликованном воззвании саботажники заявляли: «Союз союзов служащих государственных учреждений Петрограда считает своим долгом широко оповестить население о своем решении приостановить занятия во всех государственных учреждениях» [1].

Саботаж чиновников и служащих вносил дезорганизацию в работу учреждений, приносил вред народу. Поэтому Военно-революционный комитет в обращении «Ко всем гражданам» объявил: «Богатые классы оказывают сопротивление новому, Советскому правительству — правительству рабочих, солдат и крестьян. Их сторонники останавливают работу государственных и городских служащих, призывают прекращать службу в банках, пытаются прервать железнодорожные и почтово-телеграфные сообщения и т. п. Мы предостерегаем их — они играют с огнем. Стране и армии грозит голод. Для борьбы с голодом самое тщательное исполнение всех работ в продовольственных учреждениях, на железных дорогах, на почте, в банках безусловно необходимо. Рабочее и крестьянское правительство принимает все необходимые меры для обеспечения страны всем необходимым. Сопротивление этим мерам — преступление против народа. Мы предупреждаем богатые классы и их сторонников: если они не прекратят свой саботаж и доведут до приостановки подвоза продовольствия, первыми тяготу созданного ими положения почувствуют они сами. Богатые классы и их прислужники будут лишены права получать продукты. Все запасы, имеющиеся у них, будут реквизированы. Имущество главных виновников будет конфисковано. Мы выполнили свой долг — мы предостерегли играющих с огнем. Мы уверены, что в этих решительных мерах, если они окажутся необходимыми, мы встретим полную поддержку всех преданных революции граждан, всех рабочих, солдат и крестьян» [2].

19 ноября 1917 года Совет Народных Комиссаров рекомендовал, не останавливаясь перед арестами и преданием саботажников революционному суду, потребовать

[1] *В. Владимирова*. Год службы социалистов капиталистам. М., 1927, стр. 76.

[2] «Известия ВЦИК», 7 ноября 1917 г.

возвращения бастующими служащими полученного ими жалованья и предложить им или «1) работать, подчиняясь власти правительства, или 2) вернуть деньги. В случае отказа судить их, как за воровство народного имущества» [1]. 26 ноября 1917 года Военно-революционный комитет опубликовал заявление о том, что «чиновники государственных и общественных учреждений, саботирующие работу в важнейших отраслях народной жизни, объявляются врагами народа», и призвал к общественному бойкоту контрреволюционных чиновников, подрывающих народную власть [2].

И все же саботаж продолжался. Врачи — работники Министерства внутренних дел инспектор Кирьянов, его помощники Булатов и Шмидт, врачи управлений врачебной инспекции Ипполитов, Филаретов и другие отказались выполнять свои обязанности, связанные с охраной народного здоровья. В приказе народного комиссара внутренних дел Г. И. Петровского указывалось: «Следствием забастовки этих врачей было, между прочим, то, что три телеграммы, уведомляющие о появлении эпидемии чумы в Астраханской губернии и холеры в Бакинской губернии, оставались без рассмотрения» [3].

В борьбу с саботажниками вступили советские следственные органы и революционные трибуналы.

28 ноября 1917 года по призыву подпольной группы бывших членов Временного правительства (С. Прокоповича и других), намеревавшихся созвать в этот день Учредительное собрание, в Петрограде у Таврического дворца состоялась жалкая демонстрация «в защиту Учредительного собрания». В ней приняли участие и бастующие чиновники. Демонстрация была разогнана рабочими. Потом чиновники-саботажники собрались в помещении бывшего Святейшего синода. На этом собрании сотрудники следственной комиссии революционного трибунала арестовали бастующих чиновников Министерства внутренних дел, Казенной палаты и других учреждений. Но арестованные скрывали своих активи-

[1] «Из истории борьбы за установление Советской власти». Сборник исторических документов и материалов. М., 1943, стр. 73.

[2] «Известия ВЦИК», 26 ноября 1917 г.

[3] «Известия ВЦИК», 6 декабря 1917 г.

стов, заявляли, что они собрались «случайно» и обсуждали вопросы, не связанные с забастовкой. Некий чиновник Н. К. Васильев, например, так отвечал на вопросы следственной комиссии: «...Власти народных комиссаров подчинюсь, если ее признáет Учредительное собрание... Забастовка чиновников возникла стихийно... Мое отношение к забастовке было пассивное... В отношении приступа к работе считаю себя обязанным подчиняться решению профессиональной организации» [1], т. е. саботировать. Чиновник Министерства финансов А. А. Дезен показывал: «Я... был арестован на собрании, состоявшемся 28 ноября с. г. в помещении Святейшего синода. На этом собрании присутствовали представители различных профессиональных организаций, сошедшиеся для обсуждения текущего момента в связи с открытием Учредительного собрания... Я на собрание был приглашен во время демонстрации перед Таврическим дворцом в честь Учредительного собрания в тот же день утром... В отношении вопроса о занятиях вполне подчиняюсь решению общего собрания служащих» [2]. Следственной комиссии так и не удалось тогда выявить главарей «Союза союзов».

Вскоре было раскрыто другое дело о преступном саботаже. Слушанием его начал свою деятельность учрежденный в Петрограде революционный трибунал.

10 декабря 1917 года в бывший дворец великого князя Николая Николаевича пришли представители разных слоев населения. Были здесь и бастующие адвокаты, старые судебные чиновники, друзья и близкие подсудимой — известной буржуазной общественной деятельницы графини С. В. Паниной. Расторопно шмыгали по залу бойкие корреспонденты буржуазных газет, все еще выходивших в городе; они заранее распространяли слухи о «жестокости» нового суда. Зал бурлил, клокотал, кипели политические страсти.

В час дня в зал вошел председатель Петроградского революционного трибунала, участник революции 1905 года, рабочий, большевик с 1909 года Иван Павлович Жуков с шестью заседателями и, заняв место за столом, обратился к публике. «69 лет тому назад,— ска-

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 369, л. 8.
[2] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 138, л. 3.

зал он,— во время революции 1848 года во Франции возникли революционные суды, которые назывались революционными трибуналами. И как те первые революционные суды, так и ныне начавший жить русский революционный трибунал, я надеюсь, будет строгим оценщиком, самым ярым защитником прав и обычаев русской революции, он будет строго судить всех тех, кто пойдет против воли народа, кто будет мешать ему на пути. И я уверен, что невиновные перед волей революционного народа найдут в революционном трибунале наиболее надежного защитника. Объявляю заседание революционного трибунала открытым» [1].

Так начался первый судебный процесс в революционном трибунале.

Графиня С. В. Панина — товарищ министра просвещения свергнутого Временного правительства — обвинялась в саботаже. На вопрос председательствующего, признает ли она себя виновной, она ответила, что не признает. Председатель предложил секретарю суда огласить доклад следственной комиссии.

Суть дела заключалась в следующем. Не признавая власти рабочих и крестьян и назначенных ею руководителей Комиссариата просвещения, Панина решила не передавать новой администрации денежные средства, имевшиеся в кассе министерства. 15 ноября 1917 года запиской на имя экзекутора [2] Дьякова она распорядилась: «Срочно. Секретно... Предлагаю Вам немедленно по предъявлении сего все хранящиеся у вас денежные суммы, как в наличных деньгах, так и в процентных бумагах состоящие, передать предъявителям сего делопроизводителю департамента народного просвещения Рождественскому и департамента профессионального образования Козлову и вместе с ними отправиться для внесения сих сумм на хранение в место по указанию означенных лиц» [3]. Так саботажники изъяли около 93 тысяч рублей народных денег. Когда пришла советская администрация, в кассе Министерства просвещения не осталось ни копейки.

---

[1] ЦГАОР, ф. 1074, оп. 1, д. 10, л. 20.

[2] Экзекуторами назывались чиновники, ведавшие хозяйственными делами и надзором за внешним порядком в каком-либо государственном учреждении дооктябрьской России.

[3] ЦГАОР, ф. 1074, оп. 1, д. 10, л. 11.

Вечером 28 ноября 1917 года сотрудники следственной комиссии явились к Паниной. В ее квартире заседали деятели Центрального комитета партии кадетов. В ответ на вопросы членов следственной комиссии Панина заявила: «Признаю, что приказ экзекутору Дьякову от 15 ноября 1917 года о внесении народных денег, бывших в моем распоряжении по Министерству народного просвещения, дан мною. Куда я приказала отправить эти суммы, я указать не желаю. Сочту своей обязанностью представить отчет о всей деятельности и суммах единственно Учредительному собранию, как единственной законной власти. От всяких разъяснений комиссарам или следственной комиссии я отказываюсь» [1].

После оглашения материалов дела председательствующий спросил у присутствующих в зале суда, не желает ли кто-нибудь выступить обвинителем. Желающих не нашлось. Тогда И. П. Жуков предоставил слово защитнику подсудимой. Из публики вышел директор одной гимназии Я. Гуревич. Он принялся рассказывать о достоинствах подсудимой, оправдывать ее действия и одновременно дискредитировать процесс. Защищая подсудимую, он говорил, что Панина не имела права передать деньги Совету Народных Комиссаров, а передаст их только «настоящему хозяину» — Учредительному собранию, которое, якобы, является выразителем воли всего народа [2]. Выступление защитника находило благодатную почву среди антисоветской публики в зале. Оттуда раздавались крики, возгласы, кто-то устроил истерику. Некий Иванов, назвавшийся рабочим, потребовал слова и заявил, что подсудимая помогла ему, дотоле «темному человеку», научиться «любить науку и жизнь». Он подошел к скамье подсудимых, театрально поклонился Паниной и воскликнул: «Благодарю вас». Буржуазная публика устроила овацию.

Антисоветские выступления возмутили присутствующих рабочих. Один из них, рабочий завода Парвиайнена — Наумов, потребовал слова. «...Суд был прав,— сказал он,— когда привлек к ответственности граж-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1074, оп. 1, д. 10, л. 16.
[2] Там же, л. 20—21.

данку Панину... Класс угнетенных кровью добыл себе власть и не может, не должен претерпевать оскорбления этой власти... Сейчас перед нами не отдельное лицо, а деятельница, деятельница партийная, классовая. Она вместе со всеми представителями своего класса участвовала в организованном противодействии народной власти, в этом ее преступление, за это она подлежит суду. Я рабочий, я мог бы питать вражду к представителям другого класса, но во мне нет этой вражды в данном случае. Я просто с раннего детства, как и все мои товарищи, попал в ад станков. В грохоте станков мы приучились трезво смотреть на вещи, мы не могли увлекаться иными побуждениями, нужда была нашим учителем, и я напоминаю товарищам судьям, что... ваша исходная точка — это право трудового народа на счастье. Если трибунал признает за рабочими это право, то тех, кто тормозит проведение этого права в жизнь, революционный трибунал обязан обезвредить. Идеалы рабочего класса, великие идеалы, к которым мы стремимся, оправдают. И во имя этих идеалов, во имя миллионов угнетенных я призываю вас действовать» [1].

Судьи удалились на совещание. Когда они вернулись, в зале воцарилась тишина, все вслушивались в слова приговора. И. П. Жуков читал: «Именем Революционного Народа! Революционный трибунал, рассмотрев дело гражданки Софьи Владимировны Паниной об изъятии ею из кассы бывшего Министерства народного просвещения принадлежащей народу суммы — около 93 тысяч рублей,— постановил: 1) оставить гражданку Софью Владимировну Панину в заключении до момента возврата взятых ею денег в кассу Комиссариата народного просвещения; 2) Революционный трибунал считает гражданку Софью Владимировну Панину виновной в противодействии народной власти, но, принимая во внимание прошлое обвиняемой, ограничивается преданием гр-ки Паниной общественному порицанию» [2].

19 декабря 1917 года саботажники внесли изъятые деньги в Народный комиссариат просвещения, и Панина была освобождена. Впоследствии она стала белоэмигранткой.

---

[1] ЦГАОР, ф. 1074, оп. 1, д. 10, л. 21—22.
[2] Там же, л. 23.

Вскоре в Петроградском революционном трибунале слушалось дело графини О. Апраксиной.

В декабре 1917 года в Народный комиссариат государственного призрения (ныне Министерство социального обеспечения), руководимый А. М. Коллонтай, пришла сестра милосердия благотворительного церковного приюта «во имя царицы небесной» А. В. Кобылина и сообщила об ужасном состоянии живущих в приюте детей. В приюте, говорила она, «перестали совершенно топить, несмотря на суровые морозы. Трубы стали лопаться от холода... Белье перестали стирать, и дети ходят в грязном белье, кишащем паразитами... Дети голодают, от голода у детей стали появляться на руках и ногах язвы и раны... Смертность среди детей ужасающая... Дошло до того, что покойник оставался непогребенным 3 недели... Видя эти ужасы, я стала настойчиво обращать внимание графини Апраксиной (попечительницы приюта.— *Д. Г.*) и других лиц на нравственную ответственность за состояние детей, но мне постоянно указывали, что нужно терпеть... У меня создалось твердое убеждение, что все это безобразие создавалось искусственно с целью убедить народ в том, что всему этому виною является власть большевиков. Это... подтверждается еще и тем, что графиня Апраксина упорно не желала обратиться за помощью в Министерство призрения...»

Народный комиссариат государственного призрения, узнав об этом, принял приют в свое ведение, ассигновал необходимые средства на содержание детей и спас многих из них от гибели. Назначенная комиссаром приюта Е. Н. Миндлина через короткое время заявила: «Совокупность всех обстоятельств, при коих продолжалось бесчеловечное существование детей, меня убедила в том, что графиня Апраксина умышленно старалась избегать правительственной помощи с целью дискредитировать власть народных комиссаров, на опыте демонстрируя всю внесенную якобы ими в жизнь приюта разруху».

Рассмотрев это дело, Петроградский революционный трибунал признал, что «со стороны Апраксиной и Бурнашевой (старшей сестры приюта.— *Д. Г.*) было допущено бездействие, подлежащее строгому порицанию». Революционный трибунал постановил отстранить их от

управления приютом и лишить права активного участия в благотворительных учреждениях [1].

Но меры, применявшиеся революционными трибуналами, оказывались недостаточными, чтобы сломить саботаж. Нужна была более решительная борьба.

Как уже указывалось, ВЧК была учреждена в связи с обсуждением в Совнаркоме вопроса о мерах борьбы с «возможной забастовкой служащих в правительственных учреждениях во всероссийском масштабе». В постановлении Совнаркома об образовании ВЧК от 7 декабря 1917 года подчеркивалось, что ВЧК должна в первую голову обратить внимание на решительную борьбу с саботажниками.

Выполняя указания Совнаркома, ВЧК в первые дни своего существования раскрыла и ликвидировала центральный стачечный комитет «Союза союзов служащих государственных учреждений», руководивший забастовкой чиновников. Сотрудники Чрезвычайной комиссии собрали сведения и выяснили, что руководители стачки чиновников собираются в Петрограде в доме № 46 по Литейному проспекту. 22 декабря 1917 года председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский, лично занимавшийся расследованием этого дела, предписал произвести обыск по Литейному, 46, кв. 17 и задержать всех заподозренных лиц, в том числе Валединского, который публично собирал деньги для саботажников [2]. Чекисты с отрядом красногвардейцев обнаружили по этому адресу нелегальные конторы нескольких организаций («Союза трудовой интеллигенции», «Союза инженеров», «Союза союзов») и около 30 сотрудников и посетителей контор. Они пытались уничтожить бумаги и скрыться, но чекисты задержали их и изъяли ряд документов, характеризующих их подрывную деятельность, в том числе издававшийся саботажниками бюллетень и подписные листы на сбор средств в «забастовочный фонд». Когда один из задержанных в конторе попытался бежать от приставленных к нему красногвардейцев, его обыскали и нашли визитную карточку на имя чиновника Министерства внутренних дел А. М. Кондратьева, о котором ВЧК имела сведения как об одном из орга-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1074, оп. 1, д. 1, л. 27, 30, 38 и др.
[2] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 391, л. 3.

низаторов забастовки. Он оказался председателем «Союза союзов». Толстый бумажник с деньгами он сумел тайно передать какому-то сообщнику, и деньги исчезли.

Ф. Э. Дзержинский изучил найденные при обыске документы. У Кондратьева была отобрана записная книжка, в которой он вел «бухгалтерию» саботажников. По обрывкам разорванных при обыске бумаг Дзержинский восстанавливал их содержание. Так, например, в найденном бюллетене (печатался на гектографе) содержалась информация о ходе забастовки, в частности отмечалось: «Министерство финансов... Почтовое отделение при таможне приступило к работе по инициативе Центротама (центральной организации таможни.— *Д. Г.*), признавшего до Учредительного собрания власть народных комиссаров и обратившегося с воззванием ко всем органам. Главным деятелем по срыву забастовки является некто Фиденев. Центральный стачечный комитет постановил объявить Фиденева штрейкбрехером, просил стачечный комитет министерства составить контробращение к служащим и представить в центральный стачечный комитет для сведения» [1]. В бюллетене сообщалось о забастовке служащих, работавших в органах Министерства продовольствия, которые создали свой центральный орган, имевший задачей превращение местных забастовок во всероссийскую [2].

О деятельности «Союза союзов» в бюллетене содержалась и такая информация: «1) принято постановление, в подтверждение прежних, об отчислении со служащих в стачечный фонд 3% содержания за ноябрь и декабрь (однодневный заработок) из расчета всего годового содержания (с наградными), деленного на 12 месяцев. Если отчисление за ноябрь уже произведено не в тех размерах, то принять меры к возможному его пополнению, а за декабрь сделать нормальное отчисление; 2) подтверждено решение центрального стачечного комитета о манифестациях 28 ноября; 3) воззвание к населению о защите Учредительного собрания, за недостаточностью собранных подписей, особенно некоторых крайних партий, решено отложить на некоторое время опубликованием, а т. Плетневу поручено переговорить

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 406, л. 114.
[2] Там же, л. 112—113.

о привлечении подписей партий... 4) для осведомления дежурных признано необходимым снабжать их информацией (бюллетенем), отсутствующих знакомить о положении дел через членов, присутствовавших на собрании; 5) дежурными на 28 назначены тт. Троицкий (1—2—3) и Демидов (3—6). Собрание комитета на 28 назначено в 7 часов вечера» [1].

Собрав эти первичные данные, Ф. Э. Дзержинский разработал подробный план дальнейшего расследования. Один только составленный им список с заголовком: «Надо арестовать по делу Кондратьева. Организаторы» — содержал свыше 100 фамилий [2]. 30 декабря 1917 года было арестовано несколько активистов «Союза союзов». Ф. Э. Дзержинский лично допрашивал и записывал показания большинства арестованных. Вот некоторые из этих показаний.

А. Я. Литвиненко — чиновник бывшего Министерства внутренних дел: «Жалованье, как и все другие, и я получал от стачечного комитета, жалованье иногда полностью, иногда урезанное... А. М. Кондратьева я знал как своего сослуживца... Запись моей фамилии и адреса, о которых вы (Дзержинский) мне сообщаете [3], я объясняю тем, что недели три тому назад я по просьбе председателя А. М. Кондратьева выполнял некоторые поручения: я был секретарем Кондратьева в течение 2—3 дней для связи с IV группой».

А. А. Антоневич — один из кассиров стачечного комитета: «Цифра 3764 руб. 91 коп.— это может быть расчет с А. М. Кондратьевым. Я работал с ним вместе в Министерстве внутренних дел до 5 июня 1917 года. Он пригласил меня как служащего на жалованье в организацию союза служащих ведомства. Там поступали разные сборы, и я вел по этим сборам записи. Записи вел на бумажках, так как не работал уже в министерстве как состоящий на военной службе, не мог правильно вести как неорганизованное и неналаженное еще дело. Цифра 3764 руб. 91 коп. — сумма сборов почти до последнего времени. Эта сумма у меня была, передал я ее Кондратьеву неделю (если не 10 дней) тому назад.

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 406, л. 117.

[2] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 391, л. 2—23, 34а.

[3] Ф. Э. Дзержинский предъявил допрашиваемому запись в книжке Кондратьева.

С тех пор, если и поступали какие суммы, то ему я передавал. Встречался обыкновенно на Литейном, 46. Был он председателем этой организации ведомства внутренних дел» [1].

В результате расследования выяснилось, что «Союз союзов» и состоящий при нем центральный стачечный комитет руководили забастовкой чиновников в Петрограде и готовили забастовку во всероссийском масштабе. «Союз союзов» был связан с антисоветскими политическими организациями, с представителями банков, крупных промышленников и торговцев, от которых получал средства на выплату жалованья бастующим. Были выявлены ведомственные стачечные комитеты министерств, отраслевые объединения, входившие в «Союз союзов», и существовавшие при нем Бюро печати и Бюро для сношений с Москвой.

ВЧК изолировала главарей стачки чиновников, разрушила аппарат стачечного комитета, расстроила источники поступления средств, вела работу по расслоению саботажников, откалывая неустойчивую их часть и привлекая на сторону Советской власти тех из них, которые были наиболее близки к трудящимся. Под влиянием сотрудников ВЧК арестованные давали подписки о том, что не будут больше участвовать в актах саботажа; получив такую подписку, ВЧК освобождала арестованного. ВЧК согласовывала свою деятельность с партийными и советскими организациями, которые вели разъяснительную работу среди служащих министерств и чистку их от контрреволюционных элементов.

1 марта 1918 года ВЧК направила материалы произведенного ею дознания в следственную комиссию революционного трибунала. К тому времени арестованным оставался лишь председатель «Союза союзов» Кондратьев. 2 марта 1918 года следственная комиссия освободила из-под стражи и его. Теперь, когда саботаж был сломлен, Советская власть не сочла нужным наказывать побежденных врагов.

Почти одновременно с раскрытием в Петрограде дела «Союза союзов» в Москве был ликвидирован стачечный комитет служащих городской управы. Он состоял из высших служащих городских, преимущест-

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 406, л. 27, 109.

венно медицинских, учреждений и больниц и руководил забастовкой, которая весьма тяжело отражалась на состоянии городского хозяйства и больниц.

13 января 1918 года это дело рассматривал в открытом судебном заседании Московский революционный трибунал. Перед судом предстали члены стачечного комитета: врач Фрейдберг, сестры милосердия Ромоданова, Артамонова и контролер Давыдов.

Трибунал постановил: «1) признать этих граждан виновными в том, что они, будучи членами стачечных комитетов, приняли участие в организации забастовки высших городских служащих, направленной заведомо для них к увеличению развала городского хозяйства в интересах контрреволюции, и 2) за это преступное деяние объявить этих граждан врагами народа и лишить их права быть избираемыми на какую-либо общественную или государственную должность» [1].

Решительные меры, принятые ВЧК, судебные процессы, разъяснительная работа партийных организаций среди служащих, чистка учреждений от антисоветских элементов,— все это в конце концов сломило саботаж; чиновники приступили к работе.

4. Борьба с контрреволюционной прессой

Газеты, издававшиеся разными антисоветскими партиями, заполняли свои страницы злобной клеветой на Великую Октябрьскую социалистическую революцию и Советы. Многие из этих газет состояли на содержании буржуазии и иностранцев. Так, например, из разоблачений, сделанных В. Бакрыловым — личным секретарем видной деятельницы партии эсеров Брешко-Брешковской, стало известно, что она получила на издание правоэсеровских газет («Воля народа», «Земля и воля», «Народная правда») от русской буржуазии 100 тысяч рублей и от американцев 2100 тысяч рублей. Буржуазные и правосоциалистические газеты имели большие запасы бумаги, типографии, в то время как большевистская печать не имела необходимой полиграфической базы.

---

[1] «Известия Московского Совета», 14 января 1918 г.

Чтобы прекратить отравление трудящихся масс потоками лжи и клеветы, которые буржуазная пресса обрушила на победивший пролетариат и его партию, Военно-революционный комитет в Петрограде вынужден был в дни Октября запретить издание некоторых контрреволюционных газет (кадетской «Речи», меньшевистского «Дня» и других). 27 октября 1917 года Совет Народных Комиссаров издал декрет о печати, в котором говорилось: «В тяжкий решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих, Временный революционный комитет вынужден был предпринять целый ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков. Немедленно со всех сторон поднялись крики о том, что новая социалистическая власть нарушила, таким образом, основной принцип своей программы, посягнув на свободу печати. Рабочее и крестьянское правительство обращает внимание населения на то, что в нашем обществе за этой либеральной ширмой фактически скрывается свобода для имущих классов, захватив в свои руки львиную долю всей прессы, невозбранно отравлять умы и вносить смуту в сознание масс. Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть рабочих и крестьян только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага, в то время как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Вот почему и были приняты временные и экстренные меры пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса».

На будущее декрет устанавливал правила, регулирующие закрытие газет. «Закрытию,— говорилось в декрете,— подлежат лишь органы прессы: 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству; 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов; 3) призывающие к деяниям явно преступного, т. е. уголовно наказуемого характера» [1].

Борьбу с преступным использованием печати вели

[1] «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства» (далее СУ), 1917 г., № 1, ст. 4.

в первое время общие судебно-следственные органы. Однако применявшиеся ими меры были малоэффективными. Так, например, по указанию Военно-революционного комитета следственная комиссия произвела расследование по делу об опубликовании некоторыми газетами («Утренние ведомости», «Речь», «Единство», «Воля народа», «Трудовое слово», «Рабочее дело») воззвания подпольной группы бывших министров Временного правительства, которые призывали к антисоветской демонстрации «в защиту Учредительного собрания». 28 ноября 1917 года следственная комиссия арестовала члена редакции газеты «Воля народа» эсера А. Аргунова, члена редакции газеты «Трудовое слово» народного социалиста С. Дмитриевского, заведующего информационным отделом той же газеты В. Яроцкого и других, но уже через несколько дней они были освобождены, а дело прекращено [1].

Вскоре после издания декрета от 28 октября для наблюдения за прессой были учреждены специальные комиссариаты по делам печати. Они получили право принимать предварительные административные меры в случаях преступного использования прессы, вести расследования по таким делам и передавать их на рассмотрение революционных трибуналов.

23 декабря 1917 года в Петроградском революционном трибунале было рассмотрено дело газеты «Революционный набат», которая, незаконно называя себя органом Всероссийского ЦИК, систематически распространяла клевету и призывала к борьбе с Советской властью. Дело возникло в связи с привлечением к суду правого эсера Л. М. Брамсона.

На суде Брамсон вызывающе заявил, что он «от всей души сочувствовал лозунгам газеты и солидарен с нею... Мое имя давалось газете для определения ее настроения и тех идеалов, которым она будет служить». Революционный трибунал признал, что «Брамсон, зная о направлении и приемах борьбы газеты «Революционный набат», не протестовал против включения его имени в списки участвующих (в издании газеты.— *Д. Г.*) и этим самым проявил свою солидарность с такими приемами борьбы», и постановил «выразить ему от

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 38, л. 9 об.

имени революционного народа общественное порицание и презрение». Одновременно трибунал решил закрыть газету «Революционный набат», а имущество ее конфисковать в пользу Российской республики [1].

В только что учрежденном Московском революционном трибунале 8 января 1918 года было рассмотрено дело о преступном использовании печати редактором буржуазной газеты «Утро России» Сладковым и издателем Родионовым. Заседание открыл председатель революционного трибунала большевик Я. Л. Берман. Так же как и И. П. Жуков в Петрограде, он в начале заседания произнес речь о задачах нового революционного суда. Затем он назвал фамилии 24 заседателей, избранных Московским Советом на настоящую сессию, и приступил к жеребьевке, чтобы отобрать из них шесть заседателей для участия в рассмотрении дела. Заседатели заняли свои места за судейским столом.

В качестве обвинителей в суд явились большевики И. С. Кизельштейн и С. А. Степняк, а защитником «из публики» выступил адвокат, в прошлом председатель чрезвычайной следственной комиссии при Временном правительстве, Н. Муравьев [2].

---

[1] См. «Известия ВЦИК», 24 декабря 1917 г.

[2] К тому времени порядок допуска защиты и обвинения в революционных трибуналах несколько изменился. По первому «Руководству для устройства революционных трибуналов» от 28 ноября 1917 года, подписанному П. И. Стучкой (как и по постановлению Московского Совета «Об учреждении Московского ревтрибунала» от 8 декабря 1917 года), в качестве защитников и обвинителей допускались «все неопороченные граждане»; обвинители и защитники могли быть назначены только в судебном заседании из присутствующих лиц. Новая инструкция НКЮ от 19 декабря 1917 года предусматривала учреждение при революционных трибуналах специальной «коллегии лиц, посвятивших себя правозаступничеству, как в форме общественного обвинения, так и общественной защиты». Из этой коллегии должны были избираться по желанию подсудимых и по назначению трибунала обвинители и защитники. Инструкция одновременно допускала и возможность участия в судебных прениях одного обвинителя и одного защитника из публики, присутствующей в зале заседания. Старая буржуазная адвокатура саботировала трибуналы и не желала входить в «коллегии правозаступников». Вместе с тем, пользуясь установившимся в новых судах обычаем допускать защитников из числа присутствующих в зале заседания лиц, старые адвокаты пытались использовать трибуну революционных судов для выступлений

Сладков и Родионов обвинялись в том, что в контрреволюционных целях опубликовали в двух номерах газеты ложные сведения. В одной из заметок сообщалось, будто Народный комиссариат по военным делам отдал распоряжение о демобилизации лиц, родившихся в 1902—1903 гг., в другой — что в боях между советскими войсками и войсками украинской Центральной рады под Харьковом с обеих сторон было будто бы около 17 тысяч убитых и раненых, а «два большевистских полка перешли на сторону Рады». Ложный характер заметок, помещенных в газете, доказывался показаниями свидетелей. Защитник Н. Муравьев произнес на суде громкую, напыщенную речь «в защиту свободы печати и слова», которую якобы нарушают большевики.

Московский революционный трибунал признал Сладкова и Родионова виновными в опубликовании «заведомо ложных сведений, имевших целью вызвать панику в населении и разрушить фронт русской армии», и осудил: первого — к двухнедельному аресту, а второго — к штрафу в 15 тысяч рублей, с заменой в случае несостоятельности подсудимого тремя месяцами тюрьмы.

Постановлением Народного комиссариата юстиции и декретом Совета Народных Комиссаров от 28 января 1918 года были учреждены специальные революционные трибуналы печати для расследования и рассмотрения дел о преступном использовании прессы. Председателем Петроградского революционного трибунала печати стал левый эсер А. А. Шрейдер.

Однако деятельность революционных трибуналов печати, особенно тех, во главе которых стояли левые эсеры, была недостаточно эффективной, а карательная линия их слабой. На судебные процессы в трибуналы являлись контрреволюционные элементы, буржуазные адвокаты, выступавшие «из публики» с антисоветскими речами, десятки репортеров буржуазных газет, разносивших в газетных отчетах клеветнические слухи и измышления. Вся эта публика пыталась превратить судебные процессы в антисоветские демонстрации. Рез-

---

против нового правопорядка. Именно в таком амплуа и выступил Муравьев на процессе деятелей буржуазной газеты «Утро России».

кую отповедь радетелям «свободы печати» давали видные деятели большевистской партии, участвовавшие в процессах в качестве обвинителей.

24 марта 1918 года московская буржуазная газета «Русские ведомости» опубликовала статью Бориса Савинкова под названием «С дороги». Эта статья была наполнена гнусными измышлениями. «Большевики,— писал Савинков,— служили и служат немцам». Он призывал «бороться с немцами и бороться с большевиками». По постановлению Комиссариата по делам печати редактор газеты П. В. Егоров за опубликование этих измышлений был привлечен к суду, а издание газеты до решения суда прекращено. 4 апреля 1918 года дело рассматривалось в Московском революционном трибунале с участием Н. В. Крыленко, выступавшего в качестве обвинителя. Н. В. Крыленко убедительно доказал лживость инсинуаций Савинкова и виновность редактора в опубликовании клеветы. Он дал резкую отповедь защитникам «свободы печати». Трибунал постановил закрыть газету «Русские ведомости», а редактора приговорил к общественно-принудительным работам на три месяца, но ввиду преклонного возраста Егорова это наказание было заменено заключением на тот же срок.

Нередко на процессах по делам о преступлениях в печати выступал член президиума Петроградского Совета и комиссар по делам печати, пропаганды и агитации В. Володарский, раскрывавший в своих пламенных речах суть буржуазной «свободы печати». 27 мая 1918 года в речи по делу петроградской газеты «Новый вечерний час» В. Володарский, проанализировав содержание отдельных номеров этой газеты, показал, что она муссировала лживые, провокационные вымыслы, вызывавшие в стране «страстное, нервное, жгучее настроение». Высмеивая ссылки обвиняемых и их защитников на «ошибки», «опечатки» газеты, он говорил: «Припомните такой случай, когда бы ошиблись в пользу Советской власти!.. Смешно говорить об ошибках и промахах, делать оскорбленный вид... Процесс прессы превращать в процесс опечаток!.. Но когда опечатки приносят колоссальный вред Советской власти, я говорю: «Либо вы не умеете владеть оружием, которое у вас в руках (печать), и тогда его нужно вынуть из ва-

ших рук, или вы сознательно пользуетесь этим оружием против Советской власти»».

Отклонив демагогические заявления защитников о «свободе печати», В. Володарский продолжал: «Защищайте все, что угодно, но свободы печати нет ни в Англии, ни во Франции, ни в Соединенных Штатах. Я мог бы назвать имена закрытых газет и имена редакторов, моих близких товарищей, которые сидели в тюрьмах в Англии, и во Франции, и в Соединенных Штатах. Вы все великолепно знаете, какая была свобода печати до того момента, когда мы пришли к власти... какую вакханалию отплясывали эти господа 3—5 июля... Вспомните весь тот ужас, который мы переживали в течение этих месяцев. Вспомните закрытие «Правды», закрытие рабочих газет. О, эти господа не говорили тогда о свободе печати, они тогда ничего не говорили о свободе печати, они отплясывали дикий канкан на трупах тех, кто пал, на трупах тех газет, которые были закрыты. Да, они плясали! Они тогда не знали удержу, не знали ни чести, ни совести. Ничего у них не было. Они видели красный призрак надвигающегося коммунизма. Все средства были тогда хороши: ложь, клевета, бешеная слюна — все было пущено в ход только для того, чтобы нас оклеветать. И это у них свобода печати! Да, теперь они держатся иначе... они другим оружием действуют, они могут нанести нам удар в спину, могут каждый день изобретать какую-нибудь сенсацию, которая колеблет умы, подрывает основы нашей власти. И они это великолепнейшим образом делают. Пусть, товарищи, они не пытаются вас смутить высокими разговорами об абсолютной свободе печати. Ее нет, как нет абсолютной свободы в каком бы то ни было государстве». Заканчивая свою речь, В. Володарский говорил: «Я считаю, что то обвинение, которое мы выдвинули — систематическое сообщение ложных слухов, сеющих панику и клевету,— вполне и безусловно доказано... В тяжелый момент, когда общественного спокойствия и так мало, когда жизнь каждую минуту хлещет нас по нервам, красть это спокойствие, позволять кому бы то ни было подходить и подкладывать поленья в костер, на котором мы уже достаточно жаримся, это колоссальное преступление перед революцией и перед... народом... Я не сомневаюсь, что вы, как представители рево-

люционного трибунала, как представители народа, скажете — нет, граждане, больше слухов мы не хотим, дайте нам честную информацию, или вы не будете больше существовать» [1].

Согласно декрету «О революционных трибуналах» от 4 мая 1918 года трибуналы по делам печати были ликвидированы. В дальнейшем такие вопросы разрешались комиссариатами по делам печати в административном порядке, а дела о преступном использовании прессы рассматривались в общих революционных трибуналах.

5. Заговор Пуришкевича

3 ноября 1917 года в штабе Петроградского военного округа красногвардейцы задержали семнадцатилетнего юнкера Кавказского ударного батальона Евгения Зелинского, который пытался выкрасть бланки штаба. Его доставили в Смольный. Член Военно-революционного комитета Н. В. Крыленко и член следственной комиссии А. И. Тарасов-Родионов допросили его.

Зелинский рассказал, что в августе он был произведен генералом Корниловым в прапорщики и прибыл в Петроград с фронта. Оставшись после Октябрьской революции без средств, он отправился в общежитие офицеров за помощью. Там какой-то прапорщик предложил ему вступить в монархический союз, привел к В. М. Пуришкевичу, и тот завербовал его в офицерско-юнкерскую организацию, готовящую вооруженное выступление против Советской власти. Пуришкевич поместил Зелинского в оплачиваемый монархистами номер гостиницы «Россия», где жили и другие офицеры и юнкера. По заданию этой организации Зелинский и пытался добыть бланки штаба Петроградского военного округа.

Крупный помещик Бессарабской губернии В. М. Пуришкевич был в свое время главарем монархистского «Союза русского народа», а с 1907 года — столь же реакционного «Союза Михаила Архангела» и организовывал выступления черносотенцев против революционного народа. Его черносотенные речи в Государственной

[1] «Социалистическая законность», № 10, 1958, стр. 43—44.

думе вызывали возмущение всех честных людей. Его имя стало синонимом воинствующей монархической реакции.

С нескрываемой враждой Пуришкевич встретил Февральскую революцию; он не мог примириться даже с буржуазным Временным правительством. После Октября он жил по подложному паспорту на имя Евреинова и был настроен, как свидетельствовал Зелинский, весьма агрессивно. Участникам своей группы он говорил: «Необходимо... ударить в тыл и уничтожать их (большевиков.— *Д. Г.*) беспощадно: вешать и расстреливать публично в пример другим. Надо начать со Смольного института и потом пройти по всем казармам и заводам, расстреливая солдат и рабочих массами» [1].

Следственная комиссия решила арестовать контрреволюционную группу, о которой рассказал Зелинский. В номерах гостиницы «Россия» было задержано несколько участников заговора, в их числе Пуришкевич. Там же было найдено оружие (даже пулемет), заготовленное заговорщиками. На квартире некоего И. Парфенова, являвшейся местом сборищ монархистов, нашли пачку подложных удостоверений на бланках разных воинских частей и алфавитный список лиц, связанных с лейб-гвардии штабс-ротмистром бароном Н. де-Боде, начальником штаба тайной организации. На столе лежало не отправленное еще, но подписанное В. М. Пуришкевичем и Н. де-Боде письмо к генералу Каледину, поднявшему на Дону мятеж против Советов. Пуришкевич писал: «Положение Петрограда отчаянное, город отрезан от внешнего мира и весь во власти большевиков... Организация, во главе коей я стою, работает не покладая рук над спайкой офицеров и всех остатков военных училищ и над их вооружением. Спасти положение можно только созданием офицерских и юнкерских полков. Ударив ими и добившись первоначального успеха, можно будет затем получить и здешние воинские части, но сразу, без этого условия, ни на одного солдата здесь рассчитывать нельзя... Казаки же в значительной части распропагандированы благодаря странной политике Дутова, упустившего момент, когда решительными действиями можно было еще чего-нибудь

[1] «Красный архив», т. 1 (26), 1928, стр. 183.

добиться... Мы ждем вас сюда, генерал, и к моменту вашего подхода выступим со всеми наличными силами. Но для того нам нужно установить с вами связь и прежде всего узнать о следующем:

I. Известно ли вам, что от вашего имени всем офицерам, которые могли бы участвовать в предстоящей борьбе здесь, предлагается покинуть Петроград, с тем, якобы, чтобы к вам присоединиться. II. Когда примерно можно будет рассчитывать на ваше приближение к Петрограду? Об этом было бы полезно нам знать заблаговременно, дабы сообразовать свои действия...» [1]

В. М. Пуришкевич создал контрреволюционную монархистскую группу еще при Временном правительстве, в октябре 1917 года. В ее состав входили: доктор Всеволожский, генералы Аничков и Сербинович (которым удалось скрыться), полковник Ф. Винберг, упомянутые барон де-Боде, Парфенов, несколько гвардейских офицеров, юнкеров и студентов из аристократических семей города (бывший председатель монархистского союза студентов-академистов Н. Графф, молодой герцог Д. Лейхтенбергский, С. Гескет). Заговорщики вербовали офицеров и юнкеров, закупали оружие, создали «контрразведку» и готовились к вооруженному выступлению.

После ареста Пуришкевич заявил, что не готовил вооруженного выступления, «ибо не видел в России в данный момент для этого никакой почвы». «Письмо мое к генералу Каледину от 4 ноября я писал, имея в виду присоединиться к нему с несколькими моими единомышленниками в случае, если бы Каледин вступил со своим отрядом в Петроград... Цели же, преследовавшиеся мною и руководившие мною при попытке создать организацию из единомышленников, заключались единственно в том, чтобы добиться водворения в России твердой власти и порядка, чего не может быть при власти большевиков. Но власти Советов Раб. и Солд. Депутатов и Советских Комиссаров я не признаю» [2].

Среди членов организации Пуришкевича оказались лица, принимавшие участие в юнкерском восстании 29 октября. Пуришкевич отрицал какую бы то ни было связь с этим восстанием и «Комитетом спасения родины

---

[1] «Красный архив», т. 1 (26), 1928, стр. 170—171.

[2] Там же, стр. 171.

и революции»: «Юнкера, которые были в нашей организации в распоряжении Боде, были двинуты для занятия телефонной станции, Михайловского манежа и Инженерного замка вопреки распоряжению моему и Боде и подчиняясь только провокационным приказаниям полковника Полковникова и «Комитета спасения родины и революции», с коими я лично не имел никаких сношений».

Суд по делу Пуришкевича и 13 его сообщников, происходивший с 28 декабря 1917 года по 3 января 1918 года, был первым крупным политическим процессом о монархистском заговоре против молодой республики Советов. Дело вызвало огромный интерес. Зал судебного заседания был переполнен. Пришло много друзей и близких подсудимых. Защищать монархистов «из публики» вызвались видные петроградские адвокаты. Обвинителями были Д. З. Мануильский и другие большевики.

Подсудимые и их защитники стремились, хотя и безуспешно, превратить процесс в политическую демонстрацию против Советской власти. Они утверждали, что никакого монархистского заговора не было, а существовала лишь «группа единомышленников», которая собиралась якобы «для бесед на политические темы». В то же время подсудимые не скрывали своих монархистских убеждений и высказывали их на суде. Полковник Ф. Винберг заявил, например, что всю жизнь посвятил подавлению революции и нисколько в этом не раскаивается.

Судьи революционного трибунала тщательно разбирали доказательства обвинения и возражения защиты, проявляя объективность и великодушие.

Революционный трибунал под председательством И. П. Жукова констатировал, что «монархистская организация Пуришкевича преследует контрреволюционные цели, достижение которых в каждый подходящий момент может вылиться в кровопролитие», и приговорил В. М. Пуришкевича к «принудительным общественным работам при тюрьме сроком на четыре года условно, причем после первого года с зачетом предварительного заключения В. М. Пуришкевичу предоставляется свобода, и, если в течение первого года свободы не проявит активной контрреволюционной деятельности, он осво-

бождается от дальнейшего наказания». На таких же условиях, как и Пуришкевича, революционный трибунал осудил к трем годам принудительных работ барона де-Боде, полковника Ф. Винберга и И. Парфенова. Остальные подсудимые были осуждены на срок от двух до девяти месяцев, а юнкера — герцог Д. Лейхтенбергский и С. Гескет, по молодости, вовсе освобождены от наказания и отданы «под надзор родственников» [1].

17 апреля 1918 года председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский и комиссар юстиции Петроградской Коммуны Н. Н. Крестинский дали разрешение временно освободить Пуришкевича из заключения ввиду болезни сына.

1 мая 1918 года Совет рабочих и солдатских депутатов Петроградской Коммуны в ознаменование международного пролетарского праздника издал декрет об амнистии всех арестованных и осужденных за политические преступления. Во время обсуждения декрета в Совете представитель комиссариата юстиции Свидерский указал, что освобождению подлежит и Пуришкевич, в настроениях которого в последнее время будто бы замечается перелом. В. М. Пуришкевич, находившийся в то время на свободе, узнав о выступлении Свидерского, «обиделся» и опубликовал в газетах опровержение, в котором, между прочим, заявил: «Не вхожу в подробности прений, касавшихся моего освобождения, оставляя на ответственности говоривших все, что ими было сказано обо мне. Скажу кратко: я не Рузский, не Гучков и не Шульгин, чтобы лягать отказавшегося от трона бывшего государя... И я менее, чем кто-либо, способен быть «апологетом Советской власти»... Я остался тем же, чем был, само собой разумеется, не изменившись ни на йоту» [2].

И все же этот любитель «твердой» монархистской власти был по амнистии освобожден. Так же как Краснов, Пуришкевич по-своему оценил великодушие народа. Он отправился на юг, в стан монархистской контрреволюции, и продолжал бороться против революции вплоть до своей смерти в 1920 году.

---

1 ЦГАОР, ф. 336, д. 277, л. 6.
2 «Новая жизнь», 4 мая (21 апреля) 1918 г.

1. Обострение классовой борьбы в стране весной и летом 1918 года

В феврале — марте 1918 года важнейшим вопросом внутренней жизни Советской Республики был вопрос о мире с Германией. Советское правительство во главе с В. И. Лениным считало необходимым заключить с Германией мирный договор, получить передышку и использовать ее для укрепления государства рабочих и крестьян. Эта ленинская политика встретила яростное противодействие со стороны внутренних контрреволюционных сил и резкое усиление происков и вмешательства во внутренние дела России со стороны империалистов англо-французского блока и США.

В ходе начавшихся переговоров о мире германские империалисты потребовали уплаты контрибуции и отторжения от России Финляндии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Украины. Они надеялись использовать материальные ресурсы этих территорий для продолжения войны с империалистами англо-французской коалиции и США и лелеяли надежду создать здесь зависимые от Германии вассальные государства. Свои грабительские требования немцы подкрепляли силой. 18 февраля, нарушив условия перемирия, заключенного с Советским правительством 2 декабря 1917 года, они начали наступление, оккупировали значительную часть Прибалтики, Украины, заняли Двинск, Минск, Полоцк, Псков и создали угрозу Петрограду. Повсюду на оккупированной территории немцы ликвидировали советский строй, восстанавливали власть капиталистов и помещиков.

Советское правительство вынуждено было согласиться на тяжелые условия мира, продиктованные германскими империалистами. 3 марта 1918 года советская

делегация подписала в Брест-Литовске мирный договор с Германией. Это помогло советскому народу предотвратить нависшую над республикой опасность, получить некоторую передышку от тягот и бедствий войны.

А в это время империалисты англо-французской коалиции начали вооруженную интервенцию против Советской республики. 6 марта англичане высадили войска в Мурманске, куда вскоре явились американцы и французы. Они захватили в свои руки фактическую власть в городе и к июлю 1918 года заняли уже всю северную часть Мурманского края. 5 апреля под предлогом защиты «жизни и имущества японских подданных» и охраны военных запасов на Дальнем Востоке и Транссибирской магистрали от грозящей им якобы опасности со стороны... «германских военнопленных» во Владивостоке высадились японские войска. Вслед за ними стали прибывать английские, американские и французские воинские части.

25 мая началось антисоветское выступление чехословацкого корпуса, состоявшего из пятидесяти тысяч военнопленных австро-венгерской армии. Командование корпуса обратилось к Советскому правительству с просьбой пропустить их за границу для присоединения к войскам англо-французской коалиции и США, частью которых они были объявлены. Советское правительство предоставило им такую возможность, но правительства держав Антанты спровоцировали чехословаков на мятеж, и они начали военные действия против Советской власти. В короткое время чехословацкие войска захватили важные центры Сибири, Урала, Среднего Поволжья и поддержали местные антисоветские силы.

2 августа англичане высадили десант в Архангельске. В том же месяце они проникли в Закаспийскую область Туркестана и в Баку.

Пользуясь тяжелым положением страны, вопреки условиям Брест-Литовского договора оккупировали новые территории и германские империалисты. Весной и летом 1918 года помимо Украины, Белоруссии, Прибалтики немецкие войска захватили Грузию, Таганрог, Ростов, Крым, вошли в Новороссийский порт, вторглись в Донскую область. Союзница Германии — Турция захватила Армению. Немцы снабжали оружием белоказачью армию генерала Краснова, поддерживали контррево-

люцию на Дону, где вновь образовался крупный очаг борьбы с Советской властью.

Весной 1918 года на Россию надвинулся тяжелый продовольственный и хозяйственный кризис. Население городов голодало. Промышленные предприятия закрывались из-за отсутствия сырья и топлива. Не хватало продовольствия для армии. Чтобы спасти население от голода, Советское правительство установило хлебную монополию. Весь хлеб был взят на учет, крестьяне обязывались продавать его только государству по твердым ценам для централизованного снабжения населения и армии. Однако основные держатели хлеба — кулаки — отказывались продавать хлеб государству по твердым ценам, укрывали его запасы и срывали хлебную монополию. Советское правительство вынуждено было принять решительные меры. В декрете ВЦИК и СНК от 13 мая 1918 года отмечалось: «Гибельный процесс развала продовольственного дела страны, как тяжкое последствие четырехлетней войны, продолжает все более расширяться и обостряться. В то время как потребляющие губернии голодают, в производящих губерниях в настоящий момент имеются по-прежнему огромные запасы даже не обмолоченного еще хлеба урожаев 1916 и 1917 годов. Хлеб этот находится в руках деревенских кулаков и богатеев, в руках крестьянской буржуазии. Сытая и обеспеченная, скопившая в своих кубышках огромные суммы денег, вырученных от государства за годы войны, крестьянская буржуазия остается упорно глухой и безучастной к стонам голодающих рабочих и крестьянской бедноты, не вывозит хлеба к ссыпным пунктам в расчете принудить государство к новому и новому повышению хлебных цен и продает в то же время хлеб у себя на месте по баснословным ценам хлебным спекулянтам-мешочникам. Этому упорству жадных... *деревенских кулаков и богатеев* должен быть положен конец. Продовольственная практика предшествующих лет показала, что срыв твердых цен на хлеб и отказ от хлебной монополии, облегчив возможность пиршества для кучки наших капиталистов, сделал бы хлеб совершенно недоступным для многомиллионной массы трудящихся и подверг бы их неминуемой голодной смерти. Остается единственный выход: на насилия владельцев хлеба над голодающей беднотой ответить насилием над

владельцами хлеба. Ни один пуд хлеба не должен оставаться в руках крестьянина за исключением количества, необходимого на обсеменение его полей и на продовольствие его семьи до нового урожая.

Немедленное осуществление этой меры в особенности необходимо еще и потому, что после заключения мира с Украиной, оккупированной германцами, Россия совершенно не может рассчитывать на получение хлеба с Украины и должна будет довольствоваться только хлебными ресурсами Северного Кавказа и Сибири, *а этих запасов хлеба нам только-только, в обрез, хватит на обсеменение и продовольствие»* [1].

ВЦИК и СНК потребовали, чтобы кулаки немедленно сдали все излишки хлеба, и призвали всех трудящихся и не имеющих излишков хлеба крестьян «к немедленному объединению для беспощадной борьбы с кулаками» [2].

11 июня 1918 года Советское правительство издало декрет об организации в деревнях комитетов бедноты (комбедов), которые должны были содействовать изъятию хлебных излишков у кулаков, отбирать у кулачества излишки земли, инвентаря, тягловой силы и распределять их среди бедноты. В деревни направились отряды рабочих для помощи бедноте.

В ответ кулаки начали антисоветские выступления: они убивали рабочих, посланных в деревни, поднимали восстания и мятежи. Кулачество становилось теперь главной опорой контрреволюции. По данным ВЧК, в 1918 году кулаки организовали 245 контрреволюционных восстаний и выступлений, приведших к кровавым последствиям [3].

В этой сложной обстановке подняли голову и резко активизировали подрывную работу все антисоветские партии и организации. Возникали политические объединения и контрреволюционные союзы, готовившиеся захватить власть в стране. Они различались главным образом своим отношением к вопросу о мире с Германией, ориентацией на тот или другой лагерь империалистических хищников.

---

[1] «Декреты Советской власти», т. II. М., 1959, стр. 261—262.

[2] Там же, стр. 262.

[3] См. *М. Я. Лацис* (Судрабс). Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920, стр. 75.

Первым политическим объединением, направлявшим антисоветские движения в стране, был созданный в Москве в марте 1918 года нелегальный «Правый центр». В его образовании участвовали представители ЦК кадетской партии и существовавших еще со времен керенщины «Совета общественных деятелей» (объединявшего самые реакционные монархистские круги буржуазии и интеллигенции), «Торгово-промышленного комитета» (объединения крупных промышленников, финансистов, торговцев) и «Союза земельных собственников» (объединения помещиков и крупных кулаков). На организационных совещаниях по созданию «Правого центра» присутствовали: от «Совета общественных деятелей» — бывший царский министр внутренних дел Д. М. Щепкин, бывший товарищ министра внутренних дел С. М. Леонтьев, буржуазный публицист А. С. Белевский (Белоруссов); от кадетской партии — профессор П. И. Новгородцев, Н. И. Астров, В. А. Степанов, А. А. Червен-Водали; от «Торгово-промышленного комитета» — известные промышленники и фабриканты С. А. Морозов, И. А. Бурышкин, А. М. Невядомский, М. М. Федоров; от «Союза земельных собственников» — бывший царский министр А. В. Кривошеин, член царского Государственного совета В. И. Гурко, помещик И. М. Мейснер; от монархистских групп — Л. Г. Кисловский и А. П. Рогович (бывший обер-прокурор Святейшего синода). Кроме того, в образовании «Правого центра» участвовали профессор П. Б. Струве, князья Г. Н. и Е. Н. Трубецкие. Руководителями объединения стали Новгородцев, Кривошеин, Гурко и Леонтьев.

«Правый центр» ставил задачу — сплотить правые силы с тем, чтобы после предполагаемого свержения Советов взять руководство страной в свои руки и не допустить к власти левые элементы. Большинство деятелей этого объединения придерживалось германской ориентации. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией впоследствии отмечала: «Германофильский Правый центр, считавший возможным, в случае вступления в переговоры с немцами, добиться пересмотра Брест-Литовского договора, вступил летом 1918 года в переговоры с представителями германского посольства в Москве о возможности путем оккупации центральной России свержения Советской

власти и образования дружественного Германии правительства. Переговоры эти не привели к определенным результатам исключительно под влиянием колебаний немецкой политики, так как наряду с уклончивыми ответами на поставленные немцам вопросы о возможности и условиях пересмотра Брест-Литовского договора германский представитель высказался против оккупации Центральной России и обмолвился крылатой фразой: «Этого спектакля мы русской буржуазии не дадим»... Представители Правого центра в указанный период вели переговоры (и) с представителями Антанты в Москве и Петербурге, причем с представителями Франции от имени Правого центра говорили В. И. Гурко и Е. Н. Трубецкой, и представитель французского правительства предложил Правому центру через Е. Н. Трубецкого известную сумму денег за согласование политики Правого центра с политикой Антанты» [1].

Вскоре в «Правом центре» начались разногласия. Эти разногласия закончились выходом многих деятелей «Правого центра» из организации и образованием в мае — июне 1918 года объединения под названием «Национальный центр», ориентировавшегося на страны англо-французского блока и США. Деятельность «Правого центра» стала замирать, и вскоре он вовсе прекратил существование.

В образовании «Национального центра» участвовали кадеты Н. И. Астров, В. А. Степанов, Н. Н. Щепкин, впоследствии к ним присоединились А. А. Червен-Водали, видный церковный деятель А. В. Карташев, бывший товарищ министра просвещения при Временном правительстве О. П. Герасимов, представитель «Торгово-промышленного комитета» М. М. Федоров и представители «Совета общественных деятелей». Первым председателем «Национального центра» был земский деятель октябрист Д. Н. Шипов, а после его ареста в начале 1919 года председателем стал бывший член Государ-

[1] «Обвинительное заключение по делу о раскрытых в Москве контрреволюционных организациях и их деятельности в 1918—1919 году (Тактический центр и объединенные в нем организации: Союз общественных деятелей, Национальный центр, Союз возрождения, Торгово-промышленный комитет, Кусковский клуб, так называемый Союз русской молодежи и Центральный комитет кадетской партии)». М., 1920, стр. 8—9.

ственной думы кадет Н. Н. Щепкин. По замыслу учредителей «Национального центра» он должен был стать штабом, направляющим деятельность всех правых групп, борющихся с Советской властью. Этот центр поддерживал сношения с белыми генералами, воевавшими против вооруженных сил Советской республики, с подпольными военными группами, имевшимися в тылу. Летом 1918 года группа лидеров «Национального центра» (В. Степанов, М. Федоров, Н. Астров и другие) выехала на юг, в Добровольческую армию, образовала там отделение «Национального центра» и в качестве советников вошла в «правительство», созданное контрреволюционерами на Дону.

Одновременно с объединением правых группировок происходил и процесс консолидации так называемых «демократических» антисоветских групп. Этот процесс закончился образованием в Москве «Союза возрождения России», в который вошли представители партий народных социалистов, правых эсеров, некоторые меньшевики-оборонцы и часть кадетов. В основании его участвовали: от партии народных социалистов — Н. В. Чайковский, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов; от правых эсеров — Н. Д. Авксентьев, И. И. Бунаков-Фундаминский, несколько меньшевиков-оборонцев, а также профессор С. П. Мельгунов, кадеты Н. И. Астров, Н. М. Кишкин и Д. И. Шаховской. Видный деятель «Союза возрождения России» В. А. Мякотин, характеризуя задачи и цели союза, писал, что этот союз ставит своей задачей воссоздание в тесном согласии с союзниками России прежней государственной власти и продолжение войны против Германии и союзных с нею держав; по окончании войны государственная власть созовет Учредительное собрание, которое и должно будет установить формы государственной жизни России [1].

Другой деятель «Союза возрождения» — меньшевик-оборонец В. Н. Розанов впоследствии говорил: «Образование «Союза возрождения» относится к времени, непосредственно примыкавшему к Брестскому миру... Приблизительно после пасхи (1918 г.), в связи с Брестским миром в Москве происходил ряд междупартий-

[1] См. *В. Мякотин.* Из далекого прошлого. «На чужой стороне», № 1, Берлин, 1923, стр. 181.

ных совещаний в различных группировках. Тогда выяснилось, что некоторая часть цензовой буржуазии склоняется к германской ориентации и к признанию Брестского мира. Социалисты-революционеры, трудовики и меньшевики были резко против этой линии. Выяснилось, что большинство кадетов также против германской ориентации и тогдашнего поведения Милюкова. Тогда и было решено в Москве основать «Союз возрождения» со следующей платформой: 1) непризнание Брестского мира и восстановление России в границах 1914 года, за исключением Польши и Финляндии; 2) возрождение русской государственности путем созыва Учредительного собрания. На этом согласились социалисты-революционеры, меньшевики-оборонцы, трудовики и часть кадетов. Названные группы и решили образовать «Союз возрождения» как организацию, временно объединявшую участников ее для достижения названной платформы, но без ограничения их автономного существования и полной свободы действия и пропаганды» [1].

Помимо «Национального центра» и «Союза возрождения России» действовали и другие нелегальные антисоветские организации и объединения (например, «Союз защиты родины и свободы»).

Общее тяжелое положение в стране усугублялось деятельностью левых эсеров, входивших тогда в правительственную коалицию. Они выступили против Брестского мира и мер правительства в отношении кулачества.

Летом 1918 года положение Советской республики стало еще более трудным.

Белогвардейцы с помощью чехословаков, занявших Омск, разогнали Советы и создали «Временное сибирское правительство» во главе с «демократом» П. В. Вологодским. На территории Поволжья, в Самаре, образовалось так называемое «правительство Комитета членов Учредительного собрания» («Комуч») во главе с правым эсером В. В. Вольским.

В августе в Архангельске при поддержке англичан образовалось антисоветское «Верховное управление

---

[1] «Известия ВЦИК», 25 октября 1919 г.

Северной области», возглавляемое лидером партии народных социалистов Н. В. Чайковским.

Под покровительством империалистов обоих лагерей на территории бывшей России (в Закаспийской области, в Баку, на Украине, в Грузии) образовались и другие антисоветские «правительства».

Характеризуя политическую обстановку, создавшуюся в стране, В. И. Ленин говорил 29 июля 1918 года: «На Россию надвинулся бич голода, который обострился неслыханно, потому что как раз план империалистических хищников состоит в том, чтобы отрезать от России хлебные местности... Это обострение классовой борьбы в связи с продовольственным кризисом, как раз тогда, когда новый урожай в своем богатстве определился, но реализован быть не может, и тогда, когда мучительно голодных жителей в Петрограде и Москве толкают кулацкие элементы и буржуазия, которые говорят в самых отчаянных усилиях: либо теперь, либо никогда,— от этого становится понятной та волна восстаний, которая прокатывается по всей России... И мы видим влияние англо-французов; мы видим расчет контрреволюционных помещиков и буржуазии... Из этого соединенного усилия англо-французского империализма и контрреволюционной русской буржуазии вытекло то, что война гражданская у нас теперь... слилась с войной внешней в одно неразрывное целое. Кулацкое восстание, чехословацкий мятеж, мурманское движение,— это одна война, надвигающаяся на Россию... Выйдя с одной стороны из войны с одной коалицией, сейчас же испытали натиск империализма с другой стороны... Теперь другая, англо-французская, группа хищников бросается на нас... Их война с войной гражданской сливается в одно единое целое, и это составляет главный источник трудностей настоящего момента...» [1]

Возросшее сопротивление эксплуататорских классов, активизация контрреволюции, а также рост уголовной преступности потребовали от рабочего класса ответных действий в защиту социалистических завоеваний. В. И. Ленин еще в первые дни Октября предвидел: «Чем более крайним является сопротивление экс-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 11—14.

плуататоров, тем энергичнее, тверже, беспощаднее, успешнее будет подавление их эксплуатируемыми» [1].

Начиная с января 1918 года, В. И. Ленин неоднократно отмечал слабость карательной линии трибуналов против контрреволюционеров и уголовников и требовал ее усиления. «...Наши революционные и народные суды,— писал он в апреле,— непомерно, невероятно слабы». «Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов. А наша власть — непомерно мягкая, сплошь и рядом больше похожая на кисель, чем на железо. Нельзя забывать ни на минуту, что буржуазная и мелкобуржуазная стихия борется против Советской власти двояко: с одной стороны, действуя извне, приемами Савинковых, Гоцов, Гегечкори, Корниловых, заговорами и восстаниями, их грязным «идеологическим» отражением, потоками лжи и клеветы в печати кадетов, правых эсеров и меньшевиков; — с другой стороны, эта стихия действует извнутри, используя всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распущенности, хаоса» [2].

«Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся,— говорил В. И. Ленин.— Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам... Богатые и жулики, это — две стороны одной медали, это — два главные разряда *паразитов*, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно. Всякая слабость, всякие колебания, всякое сентиментальничанье в этом отношении было бы величайшим преступлением перед социализмом» [3].

В выступлении В. И. Ленина 14 января на совещании президиума Петроградского Совета по вопросу о борьбе с голодом мы встречаем уже высказывание о необходимости применения террора. «Петроградские

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 194.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 196, 197.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 200—201.

рабочие и солдаты,— сказал В. И. Ленин,— должны понять, что им никто не поможет, кроме их самих. Факты злоупотребления очевидны, спекуляция чудовищна, но что сделали солдаты и рабочие в массах, чтобы бороться с нею? Если не поднять массы на самодеятельность, ничего не выйдет... Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет... Кроме того, с грабителями надо также поступать решительно — расстреливать на месте» [1]. При этом В. И. Ленин считал, что террор могли бы применять специально организованные рабочие отряды по борьбе со спекуляцией или Советы на основании своих решений.

Как известно, в первые дни после Октябрьской революции большевистская партия и Советское правительство не считали нужным применять террор. Впоследствии, однако, развитие уголовщины, пьяные погромы вынудили допустить применение террора в отношении погромщиков и грабителей. Теперь, в январе 1918 года, когда продовольственный голод в Петрограде достиг угрожающей остроты, В. И. Ленин считал возможным применить организованный террор и в отношении спекулянтов, наживающихся на народном бедствии.

Применение террора было узаконено Советом Народных Комиссаров в известном декрете — «Социалистическое отечество в опасности!», принятом 21 февраля 1918 года. В критический для революции момент, когда немцы, прервав мирные переговоры, начали наступление на Советскую Россию и угрожали Петрограду, Совет Народных Комиссаров признал, что «Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности» и принял чрезвычайные меры для обеспечения обороноспособности и революционного порядка в стране. Статья 8-я декрета устанавливала: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления» [2].

На следующий день Всероссийская чрезвычайная

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 311.

[2] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 490—491.

комиссия по борьбе с контрреволюцией объявила: «До сих пор Комиссия была великодушна в борьбе с врагами народа, но в данный момент, когда гидра контрреволюции наглеет с каждым днем, вдохновляемая предательским нападением германских контрреволюционеров, когда всемирная буржуазия пытается задушить авангард революционного интернационала — российский пролетариат,— Всероссийская чрезвычайная комиссия, основываясь на постановлении Совета Народных Комиссаров, не видит других мер борьбы с контрреволюционерами, шпионами, спекулянтами, громилами, хулиганами, саботажниками и прочими паразитами, кроме беспощадного уничтожения на месте преступления, а потому объявляет, что все неприятельские агенты и шпионы, контрреволюционные агитаторы, спекулянты, организаторы восстаний и участники в подготовке восстаний для свержения Советской власти,— все бегущие на Дон для поступления в контрреволюционные войска калединской и корниловской банды и польские контрреволюционные легионы, продавцы и скупщики оружия для отправки финляндской и белой гвардии, калединско-корниловским и довбор-мусницким войскам, для вооружения контрреволюционной буржуазии Петрограда — будут беспощадно расстреливаться отрядами Комиссии на месте преступления» [1]. Так в момент грозной опасности, нависшей над республикой, рабоче-крестьянское правительство в ответ на действия врагов революции прибегло к крайней мере социальной защиты — расстрелу опаснейших преступников на месте преступления. Исполнение этой исключительной меры борьбы взяла на себя ВЧК.

26 февраля ВЧК расстреляла известного авантюриста-бандита, самозванного князя Эболи (он же де-Гриколи, Найди, Маковский, Далматов) и его сообщницу Бритт за ряд грабежей, совершенных ими от имени советских органов под видом обысков. Этот первый расстрел был произведен по специальному постановлению коллегии ВЧК. Заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс так объяснял причины применения расстрела: «Вопрос о смертной казни с самого начала нашей деятельности поднимался в нашей среде, и в те-

[1] «Известия ВЦИК», 23 февраля 1918 г.

чение нескольких месяцев после долгого обсуждения этого вопроса смертную казнь мы отклоняли как средство борьбы с врагами. Но бандитизм развивался с ужасающей быстротой и принимал слишком угрожающие размеры. К тому же, как мы убедились, около 70% наиболее серьезных нападений и грабежей совершались интеллигентными лицами, в большинстве бывшими офицерами. Эти обстоятельства заставили нас в конце концов решить, что применение смертной казни неизбежно, и расстрел князя Эболи был произведен по единогласному решению» [1].

28 февраля по постановлению коллегии ВЧК были расстреляны бандиты В. Смирнов и И. Заноза (он же гайдамак Строгов), которые, назвавшись комиссарами Чрезвычайной комиссии, с отрядом вооруженных лиц явились в гостиницу «Медведь» и ограбили находившихся там посетителей. Преступников задержали с поличным — награбленными деньгами.

В первое время ВЧК расстреливала только уголовных бандитов. Начало применения расстрела за контрреволюционные преступления хронологически связывается с делом бывших офицеров лейб-гвардии Семеновского полка братьев А. А. и В. А. Череп-Спиридовичей. Согласно Брестскому мирному договору Советское правительство должно было оплачивать все русские ценные бумаги, предъявляемые Германией. Используя это положение договора, немецкие агенты по указанию германского посла Мирбаха скупали за бесценок акции национализированных Советской властью предприятий, с тем чтобы предъявлять их к оплате. Братья Череп-Спиридовичи, являвшиеся крупными акционерами и членами правления Веселянских рудников, были задержаны при попытке продать германскому представительству акции национализированных рудников на сумму пять миллионов рублей. За это преступление, расцененное как государственная измена, братья Череп-Спиридовичи и их комиссионер, биржевой маклер Б. С. Берлисон, 31 мая были расстреляны.

Применение расстрела в качестве меры борьбы с контрреволюционерами изменило характер деятельности Чрезвычайной комиссии. В беседе с сотрудником

---

[1] «Известия ВЦИК», 6 ноября 1918 г.

газеты «Новая жизнь» председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский сказал: «Наша задача — борьба с врагами Советской власти и нового строя жизни. Такими врагами являются как политические наши противники, так и все бандиты, жулики, спекулянты и другие преступники, подрывающие основы социалистической власти. По отношению к ним мы не знаем пощады. Мы терроризируем врагов Советской власти, дабы задушить преступление в корне... Комиссия состоит из 18 испытанных революционеров, представителей ЦК партий и представителей ЦИК. Казнь возможна лишь по единогласным постановлениям всех членов Комиссии в полном составе... В большинстве случаев от поимки преступника до постановления проходят сутки или несколько суток, но это, однако, не значит, что приговоры наши необоснованны... Все дела о преступниках, которые представляются нам не особенно опасными для Советской власти, мы передаем в военно-революционный трибунал и оставляем за собой непосредственных врагов, с которыми и боремся предоставленными нам СНК средствами» [1].

26 июня ВЧК выступила с официальным разъяснением, в котором говорилось: «В большинстве газет Комиссия трактуется как следственная, в то время, как Комиссия является Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Подобное «недоразумение» ведет к тому, что в значительной степени извращает задачи и цели работы Комиссии и представляет в совершенно ложном свете как функции, так и способы и образ действий Комиссии» [2]. Таким образом, после того как ВЧК начала применять внесудебную репрессию — террор в виде расстрела на месте, она стала не только органом розыска и дознания, каким по преимуществу являлась раньше, но и превратилась в орган непосредственной расправы с наиболее опасными преступниками.

Усилили репрессии и революционные трибуналы. 16 июня народный комиссар юстиции П. И. Стучка, сменивший на этом посту левого эсера И. З. Штейнберга, издал постановление, в котором указывалось: «Ре-

[1] «Новая жизнь», 8 июня (26 мая) 1918 г.
[2] «Известия ВЦИК», 26 июня 1918 г.

волюционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и прочим не связаны никакими ограничениями»[1]. Тем самым революционным трибуналам предоставлялось право выносить в судебном порядке приговоры, осуждающие к смертной казни. 21 июня вновь учрежденный Верховный революционный трибунал при ВЦИК в публичном открытом заседании вынес первый смертный приговор, осудив к расстрелу за антисоветскую деятельность бывшего командующего Балтийским флотом контр-адмирала А. М. Щастного[2].

[1] СУ, 1918 г., № 44, стр. 533.

[2] В приговоре по этому делу говорилось: «Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Революционный трибунал при ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, заслушав в открытых заседаниях своих от 20 и 21 июня 1918 г. и рассмотрев дело по обвинению бывшего начальника морских сил Балтийского флота гр. Алексея Михайловича Щастного, 37 лет, признал доказанным, что он, Щастный, сознательно и явно подготовлял условия для контрреволюционного государственного переворота, стремясь своею деятельностью восстановить матросов флота и их организации против постановлений и распоряжений, утвержденных Советом Народных Комиссаров и Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом. С этой целью, воспользовавшись тяжким и тревожным состоянием флота, в связи с возможной необходимостью, в интересах революции, уничтожения его и кронштадтских крепостей, вел контрреволюционную агитацию в Совете комиссаров флота и в Совете флагманов: то предъявлением в их среде провокационных документов, явно подложных, об якобы имеющемся у Советской власти секретном соглашении с немецким командованием об уничтожении флота или о сдаче его немцам, каковые подложные документы отобраны у него при обыске; то лживо внушал, что Советская власть безучастно относится к спасению флота и жертвам контрреволюционного террора; то разглашал секретные документы относительно подготовки на случай необходимости взрыва Кронштадта и флота; то ссылаясь на якобы антидемократичность утвержденного СНК и ЦИК Положения об управлении флотом, внося, вопреки этому Положению, в Совет комиссаров флота на разрешение вопросы военно-оперативного характера, стремясь этим путем снять с себя ответственность за разрешение таких вопросов; то попустительствовал своему подчиненному Зеленому в неисполнении распоряжений Советской власти, направленных к облегчению положения флота, и замедлил установление демаркационной линии в Финском заливе, не исполняя своей прямой обязанности отстранения таких подчиненных от должности; то под различными предлогами на случай намеченного им, Щастным, переворота задерживал минную дивизию в Петрограде; и всей этой

Применение Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией террора в виде расстрела на месте и особенно введение смертной казни по суду вызвало озлобленные вопли всех врагов революции. Вопрос о смертной казни стал предметом дискуссии на V Всероссийском съезде Советов. Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов, излагая сущность разногласий по этому вопросу с левыми эсерами, 5 июля говорил на съезде: «Вначале вся аргументация их (левых эсеров.— *Д. Г.*) сосредоточилась на вопросе формальном: на том, что 2-й съезд Советов отменил смертную казнь... Я должен указать, что нас этот формальный момент, если бы он даже и был, нисколько не связывает... Плох тот революционер, который не понимает, что ничего длительно-спокойного и незыблемого революция не устанавливает. Революция в своем развитии вынуждает нас к целому ряду таких актов, к которым в период мирного развития, в эпоху спокойного органического развития, мы бы никогда не стали прибегать». Отмечая непоследовательность позиции левых эсеров, Я. М. Свердлов продолжал: «Я напомню товарищам о том, что во Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией... во всех работах и в расстрелах, практикуемых Комиссией, принимают равное участие и левые эсеры и большевики, и по отношению к этим расстрелам у нас как будто бы никаких разногласий нет. Тут нужно сделать корректив: (левые эсеры выступают.— *Д. Г.*) против смертной казни по суду. Но смертная казнь без суда допускается. Для нас, товарищи, такое положение совершенно непонятно, оно кажется нам совершенно нелогичным. Я не сторонник употребления резких слов, но важно указать, что надо же как-нибудь свести концы с концами» [1].

В речи, направленной против большевиков, лидер левых эсеров Мария Спиридонова с «революционным»

деятельностью своей питал и поддерживал во флоте тревожное состояние и возможность противосоветских выступлений. Принимая во внимание, что вся эта деятельность Щастного проявлялась им в то время, когда он занимал высокий военный пост и располагал широкими правами во флоте Республики, Трибунал постановил: считая его виновным во всем изложенном, расстрелять. Приговор привести в исполнение в течение 24 часов» («Известия ВЦИК», 22 июня 1918 г.).

[1] «Известия ВЦИК», 6 июля 1918 г.

пафосом возражала против использования советского государственного аппарата для подавления сопротивления эксплуататоров, в частности против применения смертной казни по суду. Она отрицала необходимость для пролетарского государства иметь организованную армию. Судебные и карательные органы, созданные пролетариатом для защиты завоеваний социалистической революции, для защиты своей Советской власти, она анархистски считала «арсеналом буржуазного государства»[1].

Псевдореволюционные доводы левых эсеров на деле означали призыв к полному разоружению пролетарского государства перед лицом бешено сопротивляющегося классового врага. В. И. Ленин в речи на съезде показал лицемерие левых эсеров и не оставил камня на камне от их трескучих фраз. Он говорил: «Ужасное бедствие — голод — надвинулось на нас, и чем труднее наше положение, чем острее продовольственный кризис, тем более усиливается борьба капиталистов против Советской власти. Вы знаете, что чехословацкий мятеж — это мятеж людей, купленных англо-французскими империалистами. Постоянно приходится слышать, что то там, то здесь восстают против Советов. Восстания кулаков захватывают все новые области. На Дону Краснов, которого русские рабочие великодушно отпустили в Петрограде, когда он явился и отдал свою шпагу, ибо предрассудки интеллигенции еще сильны и интеллигенция протестовала против смертной казни, был отпущен из-за предрассудков интеллигенции против смертной казни. А теперь я посмотрел бы народный суд, тот рабочий, крестьянский суд, который не расстрелял бы Краснова, как он расстреливает рабочих и крестьян. Нам говорят, что, когда в комиссии Дзержинского расстреливают — это хорошо, а если открыто перед лицом всего народа суд скажет: он контрреволюционер и достоин расстрела, то это плохо. Люди, которые дошли до такого лицемерия, политически мертвы. Нет, революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни. Не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых не было бы расстрелов»[2].

---

[1] «Известия ВЦИК», 6 июля 1918 г.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 503.

Таким образом, расстрел на месте и смертная казнь по суду рассматривались большевиками и Советским правительством как исключительные меры, вызванные резкой активизацией враждебной деятельности контрреволюционеров. Широта их применения зависела от политической обстановки в стране. Известный деятель ВЧК М. Я. Лацис указывал, что за первую половину 1918 года чрезвычайными комиссиями было расстреляно всего 22 человека, в дальнейшем же широкая волна заговоров и самый необузданный белый террор потребовали усиления карательных мер по отношению к контрреволюционной буржуазии [1].

2. Ликвидация преступных анархистских групп

Страшную дезорганизацию в жизнь страны вносили в то время анархисты. Небольшие их группы вместе с большевиками приняли участие в Октябрьской революции; некоторые из них, увлеченные общенародным революционным подъемом, храбро сражались за победу Октября. Однако каждая анархистская группа считала себя совершенно самостоятельной и не признавала никакой организованности в действиях. Их мелкобуржуазная распущенность сказалась в полной мере после установления Советской власти. Анархисты по-прежнему не признавали какой бы то ни было государственной власти, не видели различия между буржуазным и советским государством. Многие из них требовали немедленного перехода к «безгосударственному» строю. Другие группы анархистов, хотя и изъявляли готовность сотрудничать с большевиками, участвовать в советской работе, но выступали против ленинского принципа демократического централизма, предлагали передать всю полноту государственной власти на места, а предприятия и фабрики — в собственность тем, кто на них работает. В ряде городов анархисты захватывали особняки, принадлежавшие буржуазии, создавали «для защиты революции» вооруженные отряды так назы-

---

[1] См. *М. Я. Лацис (Судрабс).* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921, стр. 9.

ваемой «Черной гвардии», которые фактически занимались главным образом экспроприациями для добывания средств «на нужды организации». В анархистские группы потянулись преступные элементы, и под флагом анархизма начались ограбления лавок, складов, магазинов, частных квартир.

31 января 1918 года анархисты Лев Черный (П. Д. Турчанинов), Михаил Крупенин, В. Гармаш и Абба Гордин образовали «Совет Московской федерации анархистских групп» и самовольно заняли для нужд этой организации помещение бывшего купеческого клуба в Москве. Они объявили целью своей организации распространение анархистских учений и привлечение новых членов в анархистские группы. Совет федерации образовал также вооруженный отряд под названием «Черная гвардия» для борьбы с контрреволюцией, производства обысков и реквизиций у буржуазии. Под влиянием совета федерации в Москве стали быстро расти анархистские группы, носившие разные названия — «Ураган», «Авангард», «Борцы», «Студенческая группа», «Коммуна Морозова», «Десма». Некоторые из них признавали федерацию как центральную объединяющую организацию, другие — не признавали. К началу апреля группки анархистов заняли в городе около 20 особняков. Многие члены этих групп никакого представления об анархизме как идейном течении не имели, их привлекала в группы возможность под прикрытием анархистского флага совершать преступные дела. Нередко под видом анархистских образовывались настоящие уголовные шайки. Вскоре и в составе «Черной гвардии» появились уголовники, которые под предлогом производства обысков у контрреволюционеров совершали кражи и грабежи. Совет федерации, конечно, знал об этих преступлениях, но никакой борьбы с ними не вел.

Одна из анархистских газет, «Буревестник», пыталась даже «теоретически» обосновать участие преступных элементов в анархистских группах. Она писала: «За нами идет целая армия преступности. Мы это хорошо знаем. Почему же мы идем вместе? Вернее, почему они идут под нашим прикрытием? У нас с внешней стороны одна цель. Мы разрушаем современное общество, и они разрушают. Мы выше современного

общества, а они ниже. Но мы с глубоким презрением к современному обществу протягиваем руку этим преступникам. У нас общий враг — современное общество... Мы приветствуем всякое разрушение, всякий удар, наносимый нашему врагу. Разите его, доконайте его — вот возгласы поощрения, издаваемые нами при всяком покушении, при всяком посягательстве на современное общество» [1].

Такова была «идеология» многих анархистов. А вот один из примеров их «практики». В апреле несколько анархистов из «Всероссийской федерации анархистов-коммунистов» во главе с Ф. Горбовым явились в частную московскую контору торгового товарищества «Кавказ и Меркурий». Они предъявили мандат от анархистской федерации и потребовали выдачи всего опиума, хранившегося на складе. По их словам, они должны были уничтожить его как вредный для общества продукт. Комиссар предприятия потребовал от явившихся подтверждения их мандата советскими органами. Анархисты удалились и вскоре возвратились с тем же мандатом, на котором теперь имелась подпись одного из членов президиума солдатской секции Московского Совета. Администрация товарищества выдала опиум, и анархисты, погрузив его на подводу, вывезли. Об этом происшествии сообщили в ВЧК. По указанию Ф. Э. Дзержинского и при его личном участии чекисты произвели обыск в гостинице «Метрополь», где жил Ф. Горбов, являвшийся членом ВЦИК от анархистской федерации. Чекисты нашли несколько бомб, револьверов и крупную сумму денег, принадлежащих федерации. Горбова арестовали. В той же гостинице был арестован и другой участник «операции» с опиумом — А. Светлов, у которого также обнаружили револьверы, бомбы, патроны, бинты и запасы остро дефицитных в то время чая, круп и других продуктов. Далее выяснилось, что анархисты подделали подпись члена президиума солдатской секции на мандате, предъявленном при изъятии опиума. Наконец, чекисты нашли у спекулянта Журинского весь вывезенный анархистами со склада товарищества «Кавказ и Меркурий» опиум — 200 посылок весом по 10 фунтов каждая. Опиум был

[1] «Буревестник», 19 апреля 1918 г.

оптом за 100 тысяч рублей запродан спекулянту. Деньги получил анархист Мамонт-Дальский.

Дезорганизаторские, преступные действия анархистских групп не могли быть терпимы Советской властью. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией в марте 1918 года, в первые же дни своего пребывания в Москве, выступила с предупреждением: «Волею Совета Народных Комиссаров РСФСР мы призваны к деятельности в г. Москве. Вступая в отправление своих обязанностей, ВЧК считает необходимым довести до сведения граждан Москвы, что первейшей задачей ВЧК будет борьба за полную безопасность и неприкосновенность личности и имущества граждан от произвола и насилий самовольных захватчиков и бандитов, разбойников и хулиганов и обыкновенного жулья, осмелившихся скрываться и выдавать себя за анархистов, красногвардейцев и членов других революционных организаций. В борьбе с этими двойными преступниками, охотно входящими в сношения и принимающими в свою среду контрреволюционеров, ударников и белогвардейцев, будет проявлена особая решительность и беспощадность. Все население призывается к полному содействию законной власти, к неукоснительному искоренению всех элементов, деятельность которых явно враждебна свободному республиканскому строительству нашего социалистического отечества... Лицам, занимающимся грабежами, убийствами, захватами, налетами и прочими тому подобными, совершенно нетерпимыми, преступными деяниями, предлагается в 24 часа покинуть город Москву или совершенно отрешиться от своей преступной деятельности, зная наперед, что через двадцать четыре часа после опубликования этого заявления все застигнутые на месте преступления немедленно будут расстреливаться» [1].

В ночь на 12 апреля по решению ВЧК и городских властей чекисты с помощью красноармейцев разоружили в Москве различные сомнительные анархиствующие группы и арестовали около 400 человек. В разъяснении ВЧК говорилось, что эта операция направлена против бандитов и уголовников. Всех анархистов, непричастных к грабежам и уголовщине, освобождали.

[1] «Известия ВЦИК», 3 апреля 1918 г.

Но оказалось, что таких среди арестованных было не более 5 процентов. Яркое представление о «деятельности» арестованных членов анархистских групп дает такое сообщение ВЧК: «Отделом при ВЧК по борьбе с преступностью ведется в настоящее время интенсивная работа по очищению Москвы от преступного элемента. Значительная часть из обнаруживаемых преступников — это лица, так или иначе примазавшиеся к идейному течению анархизма. Расстрелянный недавно изверг — главарь шайки «Граком» — Лапшин-Липкович на допросе выдавал многих своих товарищей, и по его указанию еще до сих пор открываются возмутительные по своей дерзости грандиозные преступления, участниками которых были члены групп «анархистской» платформы. Лапшин-Липкович, как известно, во время одной «экспроприации» замучил бесчеловечной пыткой Батурина, скальпировав свою жертву, поливая рану одеколоном, пытаясь таким способом вырвать у Батурина признание, где спрятаны деньги. Из допроса, между прочим, выяснилось, что этот Лапшин на одном из собраний «анархистских» групп требовал, чтобы все члены групп разных наименований признавали своим кредо безграничное право реквизиций и конфискаций. Предлагалось товарищам, не согласным с такими постановлениями, высказываться. Однако на собрании не нашлось ни одного, который бы высказался хотя бы за ограничительное право конфискации. Многие группы действовали в контакте, совместно устраивали грабежи. Таковы были группы: 1-й Самарский отряд, 2-й отряд, «Граком», «Буря» и другие. Членами этих групп были совершены десятки грабежей на миллионные суммы... Из преступников на месте преступления захвачены: С. Кузин, С. Захаров, В. Матейчик. Первые двое из них, принадлежавшие к организованной шайке, захвачены во время вооруженного грабежа по Цветному бульвару, № 21, а последний — при грабеже в Барашковском переулке, где он оказал вооруженное сопротивление»[1]. Сознались в совершенных преступлениях И. Д. Слоп, И. Т. Зильберман, А. С. Данилин, В. Спаков, А. А. Бойцов, И. Г. Цулукидзе, А. Андреев («Зюзик»),

[1] «Известия ВЦИК», 31 мая 1918 г.

С. Г. Кузин, С. Захаров, В. П. Матейчик и И. Е. Баранов.

Бандиты были расстреляны.

Решительные меры, принятые ВЧК против «анархиствующих» бандитов в Москве и в других городах (Петроград, Саратов, Воронеж), оздоровили обстановку и нанесли серьезный удар по дезорганизаторской деятельности анархистов.

3. Под флагом борьбы за «учредиловскую демократию»

VIII совет партии правых социалистов-революционеров, состоявшийся 7—14 мая 1918 года, провозгласил официальной линией партии подготовку вооруженного восстания против Советской власти и образование «демократического правительства», избранного Учредительным собранием. Совет правых эсеров признал также необходимым добиваться возобновления войны с Германией в союзе с правительствами стран англо-французской коалиции и США, создания на территории России «восточного фронта» и считал «приемлемым для стратегических целей» приглашение в Россию войск Антанты. По плану эсеровской партии восстание должно было начаться на Волге, а оттуда распространиться по всей стране. Для подготовки и руководства антисоветскими выступлениями ЦК эсеров командировал своих членов в Саратов, Самару, Царицын и другие города Поволжья. Чехословацкий мятеж способствовал эсерам в осуществлении их целей. На территории, занятой мятежниками, в Самаре, эсеры по соглашению с другими антисоветскими группами, в частности с меньшевиками, образовали «правительство Комитета членов Учредительного собрания». Как признал впоследствии член ЦК партии эсеров Д. Донской, деятельность всех эсеровских партийных организаций в тылу Красной Армии после этого направлялась «в русло поддержки образовавшегося восточного фронта, в русло содействия приближению войск Комитета членов Учредительного собрания на запад... в русло ведения вооруженной борьбы против Советской власти...». Эсеровские организации, свидетельствовал Донской, «имели своей задачей облег-

чить продвижение народной армии (так эсеры называли антисоветскую армию, образованную «учредиловским правительством».— *Д. Г.*) и в случае ее прихода подготовить на данном месте, к моменту ее прихода, восстание» [1].

Партия меньшевиков после победы Великой Октябрьской социалистической революции встала примерно на те же антисоветские позиции, что и партия правых социалистов-революционеров. Меньшевики не признавали диктатуры пролетариата и выступали за создание в России демократической республики буржуазного образца. Они утверждали, что Советы являются лишь общественной организацией рабочего класса и должны представлять его узкопрофессиональные интересы, а не быть государственными органами. В противовес Советам они выдвинули идею созыва «беспартийных рабочих конференций», создания «Всероссийского рабочего съезда», которые должны были «оказывать влияние» на правительство, отстаивая профессиональные интересы. Такое противопоставление «беспартийных конференций» Советам должно было, по мнению меньшевиков, оторвать рабочий класс от большевиков и Советской власти.

Впервые меньшевикам удалось созвать «беспартийное собрание уполномоченных фабрик и заводов» в Петрограде в клубе меньшевиков 13 марта. Эта «беспартийная конференция» избрала организационный комитет в составе меньшевиков А. Смирнова, И. Шлейфера и эсера Е. Берга для подготовки созыва «Всероссийского съезда уполномоченных от беспартийных рабочих» и организации всеобщей антисоветской забастовки.

13 июня подобное же «беспартийное собрание» меньшевики созвали в Москве в клубе Александровской железной дороги под предлогом обсуждения продовольственного вопроса. На собрании присутствовало 59 человек, в том числе 44 меньшевика и эсера. Среди делегатов находились член ЦК меньшевиков М. Камермахер-Кефали, секретарь Московского комитета партии меньшевиков Г. Кучин и другие меньшевистские деятели. Организаторы сборища, назвавшие его «Чрезвы-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, д. 349, л. 9—11.

чайным собранием представителей фабрик и заводов Москвы», выступали с антисоветскими речами, требовали разрешения свободной торговли, созыва Учредительного собрания и призывали к забастовкам.

Открытая антисоветская деятельность правых эсеров и меньшевиков вынудила ВЧК принять меры борьбы против них. 10 июня чекисты выследили нелегальное собрание на Николаевской улице в Петрограде и арестовали там 10 работников военной комиссии эсеровского ЦК партии, в том числе руководителя комиссии Р. Р. Леппера. Выяснилось, что эта комиссия собирала сведения о расположении, численности и моральном состоянии красноармейских частей, вербовала и направляла людей в районы мятежа для участия в военных действиях против Красной Армии. Она пользовалась поддельными документами, печатями, бланками красноармейских частей и издавала антисоветские прокламации. Военная комиссия поддерживала связи с другой эсеровской группой — «организацией налетчиков», занимавшейся грабежами («экспроприациями») для добывания средств на нужды партии. Главарь этой второй группы, бывший офицер Погуляев-Демьяновский, был убит во время ареста при попытке к бегству [1].

13 июня чекисты арестовали и участников меньшевистского «беспартийного» собрания в Москве.

А 14 июня ВЦИК постановил:

«Принимая во внимание:

1) что Советская власть переживает исключительно трудный момент, выдерживая одновременно натиск как международного империализма всех фронтов, так и его союзников внутри Российской Республики, не стесняющихся в борьбе против Рабоче-Крестьянского правительства никакими средствами, от самой бесстыдной клеветы до заговора и вооруженного восстания;

2) что присутствие в советских организациях представителей партий, явно стремящихся дискредитировать и низвергнуть власть Советов, является совершенно недопустимым;

3) что из ранее опубликованных, а также оглашенных в нынешнем заседании документов ясно обнару-

---

[1] См. *М. Я. Лацис (Судрабс).* Два года борьбы на внутреннем фронте, стр. 52—54.

живается, что представители партий — социалистов-революционеров (правых и центра) и меньшевиков, вплоть до самых ответственных, изобличены в организации вооруженных выступлений против рабочих и крестьян в союзе с явными контрреволюционерами — на Дону с Калединым и Корниловым, на Урале с Дутовым, в Сибири с Семеновым, Хорватом и Колчаком и, наконец, в последние дни с чехословаками и примкнувшими к последним черносотенцами,

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

исключить из своего состава представителей партий социалистов-революционеров (правых и центра) и меньшевиков, а также предложить всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов удалить представителей этих фракций из своей среды» [1].

Эсеры и меньшевики с еще большим ожесточением продолжали подрывную деятельность.

Меньшевистский организационный комитет по созыву «Всероссийского съезда уполномоченных от беспартийных рабочих», избранный в марте, назначил на 2 июля всеобщую забастовку в Петрограде. Но питерский пролетариат отказался участвовать в этой меньшевистской затее: все заводы и фабрики в этот день работали.

21 июля в Москве собралось около 40 делегатов, нелегально избранных на предприятиях разных городов. Они объявили себя «Всероссийской конференцией уполномоченных беспартийных рабочих». Конференцией руководили Р. Абрамович, А. Смирнов, П. Борисенко, И. Шпаковский, Д. Замараев, М. Вороничев, П. Уханов, являвшиеся видными деятелями меньшевистской партии, бундовец Д. Альтер, эсеры Е. Берг, А. Бейлин, В. Шестаков и С. Полукаров. Конференция приняла две резолюции. Одна из них требовала «прекращения опытов социализации и национализации», создания условий для привлечения в промышленность русских и иностранных капиталов «на началах свободной конкуренции». Во второй резолюции основной политической задачей рабочего класса провозглашалась «борьба за низвержение Советской власти и восстановление

---

[1] «Декреты Советской власти», т. II, стр. 430—431.

демократического строя». 23 июля участники конференции были арестованы.

В августе Отдел военного контроля и Чрезвычайная комиссия 4-й армии ликвидировали в этой армии заговор, имевший целью открыть фронт уральским казакам. Во главе заговора стояли бывший генерал Буренин, командир 2-го кавалерийского полка Бредихин, его помощник Шевелев, помещик Ларин; часть арестованных заговорщиков понесла наказание. Однако чекисты полагали, что заговор имеет более глубокие корни, и продолжали вести активное наблюдение за подозрительными лицами.

В октябре красноармейцы захватили в плен белого офицера Николая Ракина. Он рассказал, что полтора месяца находился у белых, а до того жил в Саратове, где его завербовали в белую армию представители тайной организации. Завербовавший его Н. И. Панфилов, квартира которого была сборным пунктом этой организации, предложил ему выехать в Покровск Саратовской губернии и явиться к П. В. Поспелову, который отправит его через фронт к белым. 15 августа Ракин и выехавший вместе с ним Новичков явились к Поспелову. Последний вначале предложил им поступить на службу в Красную Армию, во 2-й кавалерийский полк, которым командовал уже упомянутый участник заговора Бредихин, а затем согласился переправить их через фронт. 18 августа Ракин и Новичков по указанию Поспелова явились к адъютанту 2-го кавалерийского полка Трущелеву и затем уже были переправлены через фронт; вместе с ними бежал к белым и сам Трущелев.

На основании показаний Ракина чекисты арестовали в Саратове Панфилова (оказавшегося эсером) и С. М. Максимова, жившего в его квартире под именем В. С. Люблинского. Максимов рассказал, что в мае, приехав в Петроград, он познакомился с шофером Шульинским, который предложил ему «работу» и представил некоему Ганжонкову [1]. Ганжонков свел его с «Виктором Борисовичем», а последний направил в дом № 22 по Литейному проспекту, где помещался

[1] Эсер Ганжонков был известен чекистам: он неоднократно проходил по материалам разных следственных дел как активный враг Советской власти.

эсеровский клуб. Здесь Максимов встретился с Е. Ивановой, которая порекомендовала ему поехать в Москву и выдала на дорогу деньги и подложные документы на имя И. М. Слепцова. Прибыв 27 июня в Москву, Максимов по указанному адресу явился к Н. В. Скуридиной и получил от нее адрес и пароль, по которому выехал в Саратов. Там через разных лиц он и нашел Панфилова, занимавшегося отправкой завербованных лиц в белогвардейскую армию. Максимов завязал с ним отношения и стал одним из активных членов подпольной организации.

Помимо вербовки и отправки бывших офицеров в район расположения белой армии заговорщики занимались засылкой своих людей и в советские воинские части. Таким путем комплектовались контрреволюционными кадрами 2-й кавалерийский полк, с помощью которого генерал Буренин намеревался открыть фронт казакам, батальон связи при штабе 4-й армии и 3-я минноподрывная рота. Заговорщики собирали шпионские сведения для передачи противнику, готовили взрывы мостов и крушения воинских поездов.

Так на основании показаний Ракина, Максимова, Панфилова и других была раскрыта подпольная эсеровская антисоветская организация. Во главе заговорщиков стояли видные эсеры И. С. Куликовский [1], Д. И. Нечкин, Г. И. Васильев, В. К. Рейзнер. Они-то и вовлекали белогвардейцев в деятельность своей организации. Под видом артели грузчиков они, например, создали железнодорожную группу во главе с эсерами Д. И. Нечкиным и И. Г. Львицыным, которая занималась подготовкой крушения поездов. В качестве исполнителей в этой группе действовали бывший полковник Чесноков, офицеры Трынкин, Горбунов и другие «грузчики».

Расследование дела саратовской организации позволило чекистам раскрыть петроградскую и московскую подпольные эсеровские организации. Во время ареста одного из членов московской организации, Н. Н. Гладкова, у него нашли квитанцию о сдаче саквояжа в камеру хранения на Николаевском (ныне Ле-

---

[1] Под фамилией «И. С. Куликовский» скрывался И. С. Дашевский — член военной комиссии при ЦК партии эсеров. Впоследствии он был амнистирован и вышел из партии эсеров.

нинградском) вокзале. Когда этот саквояж вскрыли, в нем оказался динамит, доставленный из Петрограда.

В обвинительном заключении по этому делу председатель Обвинительной коллегии Верховного революционного трибунала Н. В. Крыленко так сформулировал обвинение против привлеченных к ответственности лиц: И. С. Куликовский, Д. И. Нечкин, Г. И. Васильев, В. К. Рейзнер и Н. И. Панфилов обвиняются «в том, что они, будучи членами партии социалистов-революционеров (правых), т. е. лицами, называющими себя убежденными социалистами и сторонниками, следовательно, интересов рабочего класса и трудового крестьянства, сознательно, по взаимному между собою соглашению, вошли в тайную организацию, имевшую свои отделения в Москве, Петрограде, Аткарске, Покровске и других городах... в целях свержения власти Рабоче-Крестьянского правительства в России, для чего, пользуясь имевшимися в их распоряжении паспортными бланками, подложными документами, а также динамитом и другими взрывчатыми веществами, и при помощи личных связей и знакомств с отдельными лицами, занимавшими те или другие посты в Рабоче-Крестьянской Красной Армии, систематически занимались транспортировкой своих сторонников из явно белогвардейских элементов, из состава бывшего офицерства, по ту сторону фронта к чехословакам в целях нанесения наибольшего ущерба Советской власти путем оказания военной помощи внешнему неприятелю; во-вторых, в тех же целях занимались транспортированием взрывчатых веществ из Петрограда в Саратов в целях организации железнодорожных крушений, взрыва мостов и повреждения железнодорожных путей, пользуясь для этих целей теми же белогвардейскими элементами или привлеченными ими рабочими, привлекая их на службу в товарную станцию в Саратов и понуждая их собирать и засим подпиливать железнодорожные гайки; в-третьих, в тех же целях, при помощи связи с воинскими частями, занимались насыщением красноармейских частей своими сторонниками, а именно: 2-го кавалерийского полка, 3-й минноподрывной роты и службы связи и штаба 4-й армии... в-четвертых, распространяли при помощи своих сторонников контрреволюционного содержания литературу среди воинских частей в тех же

целях подготовки свержения Советского правительства, причем, в частности... Куликовский играл под именем Михаила Петровича руководящую роль в саратовской и московской организациях, В. К. Рейзнер в петроградской и саратовской организациях, Н. И. Панфилов в саратовской, руководил, сверх того, переправкой офицеров по ту сторону фронта и сообщением им же секретных военных сведений. Д. И. Нечкин играл такую же роль в саратовской организации и, сверх того, занимался поставкой, под видом грузчиков, агентов по подготовке разрушения железнодорожных путей сообщения, Г. И. Васильев, сверх того, по обвинению в оказании вооруженного сопротивления при аресте».

В. П. Кузнецов, Е. А. Иванова, Н. Н. Богоявленская, Н. В. Скуридина и И. Г. Воронин обвинялись в том, что, зная о существовании контрреволюционной организации и ее целях, они предоставляли участникам ее явочные конспиративные квартиры, укрывали у себя членов этой организации или направляли их по заранее условленным с главарями организации адресам, уведомляя о паролях.

П. В. Васильеву, К. Коваленко, С. И. Одинцову, К. М. Полякову-Хреновскому, П. В. Поспелову, Б. В. Аксенову, Д. А. Рогову, А. И. Доброхотову и Ф. Ф. Коневу предъявлялось обвинение в том, что они, состоя членами той же организации, занимались отправкой офицеров на ту сторону фронта, добыванием и передачей неприятелю секретных военных сведений и документов, хранили в зашифрованном виде руководящие директивы организации.

В. Д. Суворкин, П. Л. Фалунин, П. В. Цветаев, И. Г. Львицын, В. М. Трынкин, В. М. Горбунов, Н. В. Власов, А. Никонов, С. А. Иванов, В. П. Барков и И. И. Поляков, привлеченные по этому делу, принимали участие в подготовке взрыва железнодорожного пути, собирали сведения о движении воинских эшелонов и сообщали их руководителям организации, а некоторые из них участвовали ранее в антисоветском выступлении в Саратове.

Обвиняемые М. Г. Масленников и Е. С. Швырков, зная о существовании тайной организации и находясь на службе в Красной Армии, вели работу по разложению частей Красной Армии путем агитации и распро-

странения контрреволюционной литературы, в чем им помогали В. К. Белецкий, Я. С. Ефимов и С. В. Черников.

Н. Н. Гладков, В. Ф. Томашевич, П. И. Рудаков и В. И. Михайлов, будучи членами подпольной организации, доставляли ее распоряжения, пакеты, переправляли из Петрограда в Саратов динамит для взрыва железнодорожных путей[1].

История, однако, показала, что это были далеко не все преступления правых эсеров.

4. Левоэсеровский мятеж. Измена Муравьева

Левые социалисты-революционеры после Октябрьской революции порвали с правым большинством своей партии. В конце ноября начале декабря 1917 года они вошли в состав Советского правительства, где получили по соглашению с большевиками семь важных постов, но вскоре начали борьбу с большевистским руководством, выступив против заключения Брестского мира. Когда же IV Всероссийский съезд Советов в марте 1918 года большинством голосов ратифицировал мирный договор, левые эсеры вышли из состава Совета Народных Комиссаров, оставшись, однако, в составе ВЦИК и в других советских учреждениях, в том числе и в Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Возникли разногласия и по другим вопросам политики Советской власти.

4 июля в Москве открылся V Всероссийский съезд Советов. Левые эсеры располагали на нем не более чем одной третью голосов, но вели себя крайне агрессивно. Они выступили против организации в деревне комитетов бедноты, против посылки туда продовольственных отрядов и других мероприятий Советской власти. Особенно они ополчились на большевиков при обсуждении вопроса о положении на Украине, где немецкие интервенты поставили у власти марионеточное правительство гетмана Скоропадского. Не считаясь с тяжелым состоянием страны, разоренной изнурительной четырех-

---

[1] См. «Красный архив», т. 1 (20), 1927, стр. 156—165.

летней войной, левоэсеровские лидеры истерически призывали к разрыву мирного договора с Германией и возобновлению военных действий. Один из членов ЦК партии левых эсеров Б. Камков, выступая 5 июля с трибуны съезда, грозил германскому послу графу Мирбаху, находившемуся в дипломатической ложе. «Они (солдаты.— *Д. Г.*),— восклицал Камков,— не будут молчаливыми свидетелями того, как рукой германского разбойника, рукой палачей, которые сюда явились, рукой мерзавцев, грабителей, разбойников...» Шум не позволил ему закончить фразы.

6 июля около двух часов дня в германское посольство в Москве явились двое неизвестных. Один из них назвал себя членом ВЧК Блюмкиным, а другой — членом революционного трибунала Андреевым. Они предъявили удостоверение с подписями председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского и секретаря И. К. Ксенофонтова, скрепленное печатью, и потребовали личного свидания с Мирбахом для переговоров по служебному делу. Мирбах после некоторого колебания согласился принять явившихся. В приемной посольства собрались Мирбах и его сотрудники — советник Ритцлер и лейтенант Мюллер. Блюмкин стал рассказывать о деле арестованного ВЧК по обвинению в немецком шпионаже офицера австрийской армии Роберта Мирбаха, являвшегося будто бы племянником посла. Мирбах, прервав Блюмкина, заявил, что это дело его не интересует. Тогда Блюмкин спросил:

— Видимо, графу интересно, какие меры будут приняты с нашей стороны?

Вслед за этим Блюмкин и Андреев вскочили с мест и открыли стрельбу в посла и его сотрудников. Мирбах кинулся в другую комнату, но Блюмкин последовал за ним и бросил бомбу. Мирбах был убит, а его сотрудники ранены. Воспользовавшись поднявшейся суматохой, террористы выскочили через окно во двор и скрылись, уехав в ожидавшем их автомобиле.

Это чрезвычайное происшествие было чревато серьезными политическими осложнениями. Убийство германского посла лицами, назвавшимися работниками советских органов, могло отразиться на взаимоотношениях между советским и германским правительствами. Столь нужный тогда стране мир ставился под угрозу.

В. И. Ленин и Я. М. Свердлов вынуждены были явиться в германское посольство и принести извинения от имени Советского правительства.

Для расследования происшедшего в посольство прибыл председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский. Осмотрев оставленное убийцами удостоверение, он установил, что подписи на нем подделаны, хотя печать ВЧК и бланк удостоверения — подлинные. Яков Блюмкин был известен Дзержинскому: левый эсер, он работал тогда в ВЧК в качестве начальника секретного отделения, а Николай Андреев был фотографом ВЧК. Возникло подозрение, что убийство Мирбаха является левоэсеровской провокацией.

Сотрудники ВЧК принялись за поиски Блюмкина и узнали, что он скрывается в отряде ВЧК, находящемся под командованием левого эсера Д. Попова в Трехсвятительском переулке. Чекисты потребовали выдачи Блюмкина, но Попов не исполнил их требования. Тогда Ф. Э. Дзержинский сам отправился в отряд. В докладе правительству он рассказывал: «...В сопровождении нескольких десятков вооруженных матросов подошли ко мне члены ЦК левые эсеры Прошьян и Карелин, заявив мне, что я напрасно ищу Блюмкина... что Блюмкин убил графа Мирбаха по распоряжению ЦК партии эсеров. В ответ на это заявление я объявил Прошьяна и Карелина арестованными, сказав присутствовавшему при этом начальнику отряда Попову, что если он, как подчиненный мне, не подчинится и не выдаст их, то я моментально пущу ему пулю в лоб, как изменнику. Прошьян и Карелин тут же заявили, что они повинуются моему приказанию, но, вместо того чтобы пойти в мой автомобиль, они вошли в соседнюю комнату, где заседал ЦК, и вызвали Спиридонову, Саблина, Камкова, Черепанова, Александровича, Трутовского и начальника их боевой дружины Фишмана и других. Меня окружили со всех сторон матросы; вышел Саблин и приказал мне сдать оружие. Тогда я обратился к окружающим матросам и сказал: позволят ли они, чтобы какой-то господин разоружил меня, председателя ЧК, в отряде которой они состоят. Матросы заколебались. Тогда Саблин, приведший 50 матросов из соседней комнаты, при помощи Прошьяна (который схватил меня за руки) обезоружил меня. После того, когда отняли у нас

оружие, Черепанов и Саблин с триумфом сказали: вы стоите перед совершившимся фактом. Брестский договор сорван, война с Германией неизбежна»[1]. Таким образом, в первые же часы после убийства Мирбаха стало известно, что этот террористический акт совершили по решению ЦК партии левых эсеров лица, работавшие в ВЧК. Более того, в отряде ВЧК обосновался штаб левоэсеровских заговорщиков — их Центральный комитет. Среди заговорщиков был и заместитель председателя ВЧК левый эсер В. И. Александрович. Это он использовал вверенную ему по службе печать ВЧК для изготовления подложного удостоверения, по которому Блюмкин и Андреев проникли в германское посольство.

Арестовав Ф. Э. Дзержинского, мятежники объявили его заложником для обеспечения безопасности лидера левых эсеров М. А. Спиридоновой, отправившейся на заседание V Всероссийского съезда Советов. Они выпустили прокламации и разослали агитаторов в части московского гарнизона, рассчитывая найти поддержку у красноармейцев. Левые эсеры уверяли, что убили германского посла, чтобы защитить русский трудовой народ, социалистическую революцию и Советскую власть от международного империализма. Они клеветнически утверждали, что большевистское правительство, испугавшись империалистов, ведет соглашательскую линию.

Как выяснилось впоследствии, левые эсеры действовали в соответствии с принятым Центральным комитетом их партии 24 июня секретным постановлением, в котором признавалось необходимым «в самый короткий срок положить конец так называемой передышке, создавшейся благодаря ратификации большевистским правительством Брестского мира». В этих целях ЦК партии левых эсеров решил организовать «ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма», а в случае принятия Советским правительством мер противодействия «прибегнуть к вооруженной обороне занятых позиций»[2].

---

[1] Ф. Э. *Дзержинский*. Избранные произведения, т. 1. М., 1957, стр. 267—268.

[2] «Красная книга ВЧК», т. 1. М., 1920, стр. 209—210.

Одновременно левоэсеровское руководство намеревалось развернуть активную работу на местах и захватить местные аппараты власти.

Осуществляя тактику так называемой «вооруженной обороны занятых позиций», левые эсеры вступили в вооруженную борьбу с Советской властью. Они мобилизовали силы и стали стягивать в Москву свои периферийные боевые дружины [1]. Заговорщики выставили в Москве патрули, задерживали автомобили, арестовывали большевиков — ответственных работников (всего арестовали 27 человек). Пользуясь тем, что отряд Попова нес охрану ВЧК, они арестовали М. Я. Лациса, назначенного, после того как эсерами был задержан Ф. Э. Дзержинский, председателем ВЧК, захватили председателя Московского Совета П. Г. Смидовича и объявили всех их заложниками. Член ЦК партии левых эсеров П. П. Прошьян прибыл в занятое отрядом Попова помещение Центрального телеграфа на Мясницкой улице и стал передавать оттуда воззвания заговорщиков. Член ЦИК Всероссийского почтово-телеграфного союза, левый эсер Лихобабин, даже издал приказ, в котором объявил левых эсеров «правящей в настоящее время» партией и предписал задерживать все телеграммы за подписями Ленина и Свердлова [2].

Псевдореволюционная, авантюристическая политика левых эсеров могла иметь гибельные последствия для революции и Советской власти. Срывая мирный договор с Германией и втягивая Советскую Россию в войну с сильным тогда еще германским империализмом, они ставили под угрозу революционные завоевания рабочих и крестьян России.

Опасность левоэсеровского мятежа усиливалась тем, что в той острой политической обстановке он мог активизировать белогвардейские силы. Советское правительство приняло решительные меры к его подавлению. По указанию В. И. Ленина на борьбу были мобилизованы большевистские партийные организации и верные революции воинские части. Общее руководство ликвидацией мятежа было поручено Н. И. Подвойскому, а непосредственное командование войсками — началь-

[1] Прибыл только отряд из Петрограда (45 человек), но и он был обезоружен по дороге с вокзала.

[2] См. «Известия ВЦИК», 8 июля 1918 г.

нику Латышской дивизии И. И. Вацетису. Все левоэсеровские делегаты Всероссийского съезда Советов во главе с М. Спиридоновой были изолированы. Рано утром 7 июля начались военные действия против мятежников. После того как советские войска обстреляли здание, занимаемое отрядом Попова, мятежники стали разбегаться и сдаваться в плен. Захваченные левыми эсерами заложники были освобождены самими караульными.

В официальном правительственном сообщении говорилось: «Ликвидация мятежа была вполне достойна первоначального замысла и всего хода этой постыдной авантюры... Поставя перед собой такую цель, как захват государственной власти, вожди левых эсеров, по-видимому, совершенно не оценивали размеров и значения этой совершенно непосильной для них задачи. Мятежники после ничтожных попыток сопротивления начали посылать в разных направлениях парламентеров, а затем перешли к беспорядочному отступлению» [1]. К двум часам дня мятеж был ликвидирован.

При ликвидации мятежа был задержан один из организаторов убийства Мирбаха, бывший заместитель председателя ВЧК В. Александрович, а также 12 человек из отряда Попова, участвовавших в аресте сотрудников ВЧК и в военных действиях. По решению ВЧК их расстреляли. Рядовые участники выступления, взятые в плен, были освобождены. ВЧК объявила: «После провокационного убийства 6 июля германского посла графа Мирбаха отряд Попова, состоящий боевым отрядом при ВЧК, вооружившись с ног до головы, предательски выступил против той же Комиссии, против Советской власти. Главным организатором этого выступления, как и убийства графа Мирбаха, был В. И. Александрович, бывший товарищ председателя ВЧК. Воспользовавшись своим положением, он ввел в Комиссию убийц Мирбаха — Блюмкина и Андреева. Он же приложил печать к подложному удостоверению, с помощью которого убийцы добились приема у графа Мирбаха. Кроме того, им были захвачены из Комиссии 544 000 рублей и переданы ЦК партии левых эсеров. Решившись на выступление, Александрович заблаго-

[1] «Декреты Советской власти», т. II, стр. 536.

временно подготовил пути отступления для отряда и принял самое деятельное участие в восстании. Им был отдан приказ арестовать Лациса, Дабола, Петерса, Визнера и других членов и сотрудников Комиссии. Он же послал отряд для захвата всей Комиссии и ее помещения. Во главе посланного отряда стоял комендант помещения Комиссии Жаров, назначенный на этот пост Поповым, а также Загорин. В числе напавших на Комиссию были: Филонов, Кабанов, Костюк, Козин, Буркин, Юшманов. Все они члены боевого отряда при ВЧК. За эти преступления все вышеозначенные лица расстреляны. Кроме них расстреляны члены боевого отряда Кулаков, Немцев, Лопухин, Пинешин, захваченные как разведчики, с оружием в руках во время самого мятежа» [1].

Для полного расследования событий 6—7 июля Совет Народных Комиссаров образовал особую следственную комиссию в составе П. И. Стучки, В. Э. Кингисеппа и Я. С. Шейнкмана.

В. И. Ленин характеризовал левоэсеровский мятеж как «бессмысленную и преступную авантюру», «безумную попытку... убийством Мирбаха вовлечь нас в войну»; авантюру, в результате которой «Россия оказалась на волоске от войны», а лидеров заговора — как людей, «увлеченных звонкой фразой», «безголовых», «преступных авантюристов, интеллигентов-истериков», «оказавшихся пособниками белогвардейцев, помещиков и капиталистов» [2].

В связи с преступной авантюрой левых эсеров германское императорское правительство потребовало допустить в Москву для охраны германского посольства немецкие воинские части. Категорически отказавшись выполнить это требование, В. И. Ленин, Я. М. Свердлов и В. А. Аванесов от имени Советского правительства 15 июля 1918 года обратились ко всем рабочим и крестьянам с заявлением, в котором говорилось: «Бессмысленная и преступная авантюра левых эсеров привела нас на волосок от войны. Отношения наши

---

[1] «Известия ВЦИК», 14 июля 1918 г.; «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 179.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 518—519, 525, 526, 531, 532.

к германскому правительству, вопреки нашему желанию, не могли не обостриться. Признавая законность желания германского правительства усилить охрану своего посольства, мы шли и идем далеко для удовлетворения этого желания. Но когда нам было сообщено желание германского правительства, не носящее еще характера безусловного требования, чтобы мы пропустили в Москву батальон вооруженных немецких войск в форме, то мы ответили — и повторяем теперь этот ответ перед лицом высшего органа Советской власти рабочих и крестьян, перед лицом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета,— что подобного желания мы ни в коем случае и ни при каких условиях удовлетворить не можем, ибо это было бы объективно началом оккупации России чужеземными войсками» [1]. Предвидя возможность нападения немецких войск на Советскую Россию, Советское правительство призвало рабочий класс и крестьянство к бдительности, выдержке и защите социалистического Отечества. Благодаря большим усилиям, дипломатическому такту и твердости Советскому правительству удалось урегулировать взаимоотношения и избежать войны с Германией.

Зловещим откликом на левоэсеровское выступление в Москве была измена главнокомандующего Восточным фронтом М. А. Муравьева, решившего поддержать эту авантюру.

М. А. Муравьев представлял собою своеобразную фигуру. Это был человек честолюбивый, склонный к авантюризму, с весьма крутым нравом. Способный и храбрый офицер, он не имел определенных политических убеждений. После Февральской революции капитан Муравьев поддерживал керенщину и носился с идеей создания ударных батальонов для «оздоровления» старой армии, затем разочаровался в Керенском и примкнул к левым эсерам. После Октябрьской революции явился в Смольный и предложил свои услуги Советской власти. В дни похода Керенского — Краснова на Петроград он возглавлял войска Петроградского военного округа. В декабре 1917 года В. А. Антонов-Овсеенко, вступивший в командование войсками, действовавшими против Каледина и Центральной рады, взял его к себе в

---

[1] «Декреты Советской власти», т. III. М., 1964, стр. 33—34.

Харьков начальником штаба. Потом Муравьев командовал группой войск, сражавшихся против Центральной рады и румынских захватчиков.

Между тем отрицательные качества характера М. Муравьева проявлялись все сильнее. В ВЧК поступали сведения о его самодурстве, отсутствии политического такта, карьеризме. В апреле 1918 года Муравьев из-за самолюбия отказался от нового назначения, предложенного ему Антоновым-Овсеенко, и уехал в Москву. Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский предложил привлечь его к ответственности за злоупотребления властью [1]. Он был арестован, однако по ходатайству и поручительству ряда военных деятелей был освобожден. 13 июня Совет Народных Комиссаров, учитывая боевые качества Муравьева, назначил его главнокомандующим создавшимся для борьбы против чехословаков фронтом. Тогда же был образован Революционный военный совет фронта в составе видных большевиков П. А. Кобозева, К. А. Мехоношина и Г. И. Благонравова, которым поручалось направлять и контролировать деятельность Муравьева.

Когда началась левоэсеровская авантюра, Советское правительство рассматривало вопрос о возможности дальнейшего пребывания Муравьева, левого эсера, на столь ответственном посту. Находясь в штабе фронта в Казани, Муравьев заверил Реввоенсовет фронта в том, что он решительно против организованного левоэсеровскими лидерами мятежа, в знак протеста он даже заявил о выходе из партии левых эсеров. Реввоенсовет фронта сообщил о заявлении Муравьева В. И. Ленину, и он 7 июля телеграфировал К. А. Мехоношину: «Запротоколируйте заявление Муравьева о его выходе из партии левых эсеров, продолжайте бдительный контроль. Я уверен, что при соблюдении этих условий нам вполне удастся использовать его превосходные боевые качества» [2]. Но Муравьеву удалось обмануть членов Реввоенсовета.

В ночь на 10 июля 1918 года с отрядом численностью около тысячи человек он оставил штаб фронта и выехал из Казани в Симбирск. Оттуда он послал телеграммы в Совет Народных Комиссаров, в германское посольство

[1] См. *П. Г. Софинов*. Очерки истории ВЧК. М., 1960, стр. 79.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 116.

и в другие адреса с объявлением войны Германии. Одновременно Муравьев отдал распоряжение войскам фронта повернуть оружие против немцев, которые якобы перешли в наступление на Советскую Россию. Вслед за тем Совет Народных Комиссаров объявил для всеобщего сведения: «Муравьев сбежал из штаба Революционного военного совета в Симбирск и отдал по всем войскам приказ повернуть против немцев, которые будто бы взяли Оршу и наступают на нас. Приказ Муравьева имеет своей предательской целью открыть Петроград и Москву и всю Советскую Россию для наступления чехословаков и белогвардейцев. Измена Муравьева своевременно раскрыта Революционным военным советом, и все войска, действующие против чехословаков, верны Советской власти.

Сим объявляется по войскам, по Советам и всем гражданам Советской республики:

1. Немцы нигде на нас не наступают, на немецком фронте все спокойно.

2. Всякие призывы к наступлению на немецком фронте являются провокацией и должны караться расстрелом на месте.

3. Бывший главнокомандующий на Чехословацком фронте левый эсер Муравьев объявляется изменником и врагом народа. Всякий честный гражданин обязан его застрелить на месте.

4. Все приказы по войскам, действующим против чехословаков, будут впредь до нового распоряжения подписываться Мехоношиным и Благонравовым» [1].

В Симбирске Муравьев вызвал к себе командующего Симбирской группой войск левого эсера К. Иванова, подтвердил ему свое решение выступить против Советского правительства и повернуть подчиненные ему войска против немцев. Муравьев назначил Иванова командующим Симбирским укрепленным районом. Впоследствии Иванов писал, что в ответ на его вопрос, действует ли он по решению партии левых эсеров, Муравьев заявил, что «действует в данный момент самостоятельно, но Центральный комитет партии левых эсеров об этом знает».

---

[1] «Декреты Советской власти», т. III, стр. 9—10.

Вечером 10 июля Муравьев выступил на собрании актива левоэсеровской организации. Он лицемерно заявил, что является сторонником Советской власти, но обстановка требует немедленной передачи власти в руки партии левых эсеров и что московские события заставили его форсировать выступление. Муравьев предложил образовать Поволжскую Советскую республику, главою правительства избрать Камкова, членами правительства Спиридонову, Карелина и других, немедленно заключить перемирие с чехословаками, прекратить гражданскую войну и объявить войну Германии. Кроме того он заявил, что предлагает произвести мобилизацию офицеров.

Пока на собрании левых эсеров шло обсуждение этих предложений, отряды мятежников по распоряжению Муравьева арестовывали партийных и военных работников. В числе арестованных были заместитель председателя губисполкома Шеленшкевич и командующий 1-й армией М. Н. Тухачевский. Отряд солдат во главе с адъютантом Муравьева занял почту, телеграф и другие важные пункты города.

Оставшиеся на свободе большевики во главе с председателем губкома партии И. М. Варейкисом приняли меры к ликвидации авантюры. Они повели разъяснительную работу в гарнизоне и в отряде Муравьева. Большевистская фракция губисполкома решила арестовать Муравьева. Его вызвали на заседание губисполкома. А в комнате, рядом с залом заседаний, была устроена засада: там находилась группа красноармейцев под командованием начальника Московского рабочего отряда А. Медведя.

Явившийся на заседание Муравьев выступил с провокационной речью, призывая к перевороту. И. М. Варейкис так описывает события, происшедшие на заседании: «Наша фракция, особенно тт. Фрейман и Иванов (комиссар труда), дали Муравьеву и фракции эсеров достойный отпор, называя его авантюристом и шулером. Муравьев нервничал, кусал губы. В заключительной своей речи в резкой форме я заявил, что мы не за вас, а против вас. Фракция эсеров, встретив такое сопротивление со стороны нашей фракции, потребовала перерыва. Перерыв фракция потребовала еще и потому, что она догадалась, что наша фракция что-то замышляет, го-

товит для нее неожиданный сюрприз. ...Все взоры направлены на Муравьева. Я смотрю на него в упор. Муравьев тоже. Чувствуется, что он что-то прочитал неладное для себя, или ему совестно стало своей трусости, что его заставило сказать: «Я пойду успокою отряды». Повернулся и направился солдатским шагом со своей свитой к двери. Для слабых — момент психологически невыносимый. В это время за дверью все приготовились для ареста. Медведь наблюдал в стекло двери и ждал условного знака, который я условился подать в нужный момент. Муравьев шел к выходной двери. Ему осталось сделать шаг, чтобы взяться за ручку двери. Я махнул рукой. Медведь скрылся... Через несколько секунд дверь перед Муравьевым растворилась, блестят штыки... Муравьев оказался поставленным лицом к лицу с вооруженными, с зло сверкающими взглядами красноармейцами и коммунистами. «Вы арестованы!» — «Как? Провокация!» — крикнул Муравьев и схватился за маузер, который висел у него за поясом. Медведь схватил его за руку. Он выхватил из кармана браунинг и начал стрелять. Увидав вооруженное сопротивление, отряд тоже начал стрелять. После шести — семи выстрелов с той и другой стороны в дверях исполкома Муравьев свалился» [1].

Войска, приведенные Муравьевым в Симбирск, осознав предательский характер его затеи, поддержали Советскую власть. Авантюра была ликвидирована.

5. Крах «Союза защиты родины и свободы»

В мае 1918 года к командиру латышского полка, охранявшего Кремль, явилась сестра милосердия и сообщила, что бывший юнкер Иванов, скрывающийся под видом больного в Иверской больнице, рассказал ей о су-

---

[1] В официальное сообщение о ликвидации авантюры Муравьева, опубликованное в «Известиях ВЦИК» 12 июля 1918 г., вкралась ошибка: там указано, что Муравьев, после провала своей попытки склонить Симбирский Совет на свою сторону, покончил с собою. Действительные обстоятельства ликвидации авантюры изложены в статье И. М. Варейкиса, опубликованной через год после событий, 12 июля 1919 г., в симбирской газете «Заря», откуда и приводится выдержка.

ществовании в Москве тайной организации, которая готовит восстание. Командир полка передал эти сведения в ВЧК. Заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс и начальник оперативного отдела М. Я. Лацис лично занялись расследованием дела и распорядились установить тщательное наблюдение за Ивановым. Вскоре выяснилось, что тот бывает в одной из квартир дома № 3 по Мало-Левшинскому переулку, где часто собираются подозрительные лица. 29 мая отряд во главе с Я. Х. Петерсом окружил этот дом. Чекисты проникли в квартиру в момент, когда там шло нелегальное собрание. За столом сидели 13 человек: Иванов, хозяин квартиры Сидоров (Аваев), бывшие офицеры Парфенов (Покровский), Висчинский, Ольгин (Герцен) и другие. Перед собравшимися лежала пачка денег, от которой все они отказались, и набросок схемы построения пехотного полка. При личном обыске у задержанных нашли программу «Союза защиты родины и свободы», отпечатанную на пишущей машинке; странный картонный треугольник, вырезанный из визитной карточки, с буквами «ОК»; инструкцию квартирьерам; «Памятку во исполнение общей цели»; сведения о расквартировании воинских частей и разные адреса в Казани.

В найденной программе ближайшими задачами «Союза защиты родины и свободы» объявлялись: свержение Советского правительства, организация «твердой власти» в России, воссоздание старой армии и продолжение войны с Германией. Программа устанавливала строгие конспиративные правила построения тайного общества. Ядро этого общества составляло офицерство. Руководители обязаны были ознакомить подчиненных с программой общества и «предложить отказаться от участия в деле тем, кто чувствует себя слабым духом и неспособным выдерживать те испытания, которые неизбежны в активной, решительной борьбе... Отказы принимаются до 25 мая (время поступления в Центральный штаб). После этого всякие уклонения от обязанностей и отказы будут считаться сознательной изменой, равно как и разглашение тайны организации, и караться до лишения жизни включительно...» [1]

[1] «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 16.

Таким образом, чекисты нащупали опасную контрреволюционную организацию. Дальнейшее раскрытие ее представило, однако, большие трудности. Конспиративная квартира по Мало-Левшинскому переулку являлась штабом лишь одного из «полков» организации. Заговорщики же, задержанные там, не давали откровенных показаний и не называли главарей. Настойчивый и умелый допрос все же принес результаты. Юнкер Иванов (Мешков) среди членов организации назвал штабс-капитана Пинкуса (Альфреда), являвшегося начальником пехотных формирований «Союза защиты родины и свободы». Через несколько дней Пинкус был арестован, и Я. Х. Петерсу удалось склонить его к правдивым показаниям. Впоследствии Я. Х. Петерс рассказывал: «Пинкус не имел возможности скрыть от меня свои контрреволюционные убеждения (Петерс в свое время встречался с ним на службе в армии.— *Д. Г.*). Сначала он вообще отказывался давать показания, но с первого же разговора я видел, что Пинкус чрезвычайный трус, что арест и грозящее наказание его очень пугали. Поэтому, поговорив с ним несколько часов, я убедил его сознаться и рассказать все» [1].

Пинкус рассказал, что «Союз защиты родины и свободы» насчитывает до 5 тысяч членов; строится по военному образцу; имеет отделения помимо Москвы в Казани, Ярославле, Рыбинске, Рязани, Челябинске, Муроме и других городах и готовит вооруженное выступление против Советской власти, которое должно начаться в Поволжье. В Казани уже созданы склады оружия, туда посланы квартирьеры и людские резервы. Работу «Союза» направляет Главный штаб, который под видом «лечебницы для приходящих больных» помещается на Остоженке, в Молочном переулке, 2, квартира 7. При помощи Пинкуса чекисты узнали и значение картонного треугольника из части визитной карточки с буквами «ОК». Это был условный знак, пароль для связи между участниками заговора: одна часть визитной карточки — треугольник — находилась у лица, к которому должен был явиться член организации с другой частью визитной карточки. Пинкус же указал и другой пароль,

---

[1] «Пролетарская революция», № 10 (33), 1924, стр. 13—14.

посредством которого можно было проникнуть к участникам заговора в Казани. Наконец, он назвал главаря организации — Бориса Савинкова.

Извилисты были жизненные пути этого человека. В 1903—1907 гг. он — один из руководителей эсеровской «Боевой организации», принимал участие в убийстве министра внутренних дел Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Романова. В 1907 году из-за разногласий с эсеровским руководством Савинков вышел из партии и выехал за границу. В начале Февральской революции он появился в Петрограде, именуя себя «независимым социалистом». Керенский назначил его комиссаром Временного правительства на Юго-Западном фронте, а затем управляющим военным министерством. Вместе с генералами-монархистами Корниловым и Алексеевым этот «социалист» мечтал об установлении в стране военной диктатуры и являлся сторонником жестоких расправ с солдатами, не желавшими воевать за интересы буржуазии. В первые дни после Октябрьской революции Савинков участвовал в походе корпуса Краснова на Петроград, а после провала этой авантюры бежал на Дон и вошел в «Гражданский совет», образованный генералом Алексеевым в противовес Советской власти. В феврале — марте 1918 года Савинков по поручению Алексеева нелегально приехал в Москву и создал контрреволюционный «Союз защиты родины и свободы», о котором идет речь.

ВЧК столкнулась с опытным конспиратором, человеком, склонным к авантюрам, хитрым и коварным врагом. Его надо было во что бы то ни стало задержать. Пинкус предложил ВЧК свои услуги и в этом отношении. Я. Х. Петерс рассказывал: «Пинкус стал говорить все... стал водить наших сотрудников, указывать им участников организации и, наконец, попросил, чтобы его освободили, и он найдет Савинкова. Его освободили, обязав ежедневно являться ко мне на квартиру, и он регулярно являлся. Одно утро он мне сообщил, что он встретится с Савинковым у Большого театра... Мы мобилизовали все силы... Но... Пинкус не явился... и с тех пор мы Пинкуса не видели» [1]. Впоследствии из воспоми-

[1] «Пролетарская революция», № 10 (33), 1924, стр. 15. Пинкус после побега участвовал в боях против Красной Армии, а затем эмигрировал в буржуазную Латвию.

наний Савинкова стало ясно, что Пинкус раскрыл далеко не все обстоятельства заговора.

Главный штаб «Союза защиты родины и свободы» составляли «командующий вооруженными силами» генерал-лейтенант Рычков, начальник штаба полковник А. П. Перхуров, начальник разведки Ян Бреде (предатель, занимавший одновременно пост командира латышского советского полка), начальник отдела сношений с «союзниками» А. А. Дикгоф-Деренталь и начальник иногороднего отдела военный врач Д. С. Григорьев из близкой к меньшевикам группы «Единство». Штаб «Союза» помещался на конспиративной квартире в Молочном переулке, где Григорьев для маскировки открыл под чужим именем медицинский кабинет. Заседания проводились в других местах, но все спешные дела решались здесь.

Арестовать членов главного штаба не удалось. Б. Савинков и его сподвижники после провала организации скрылись. «К вечеру выяснилось,— писал потом Савинков,— что арестовано в Молочном переулке и в других местах города до 100 членов «Союза», но выяснилось также, что не арестован ни один из начальников отделов. Полковник Перхуров, Дикгоф-Деренталь, доктор Григорьев, полковник Бреде и другие были целы и невредимы. Это давало полную возможность продолжать дело» [1].

В ночь на 6 июля в Ярославле, 7 июля в Рыбинске и 8 июля в Муроме начались вооруженные антисоветские выступления. Тотчас же выяснилось, что ими руководят избежавшие ареста главари «Союза защиты родины и свободы». Во главе восстания в Ярославле стоял начальник главного штаба «Союза» полковник Перхуров,

---

[1] Более успешно чекисты провели операцию в Казани. Командированный туда один из сотрудников ВЧК, использовав открытый Пинкусом пароль, под видом белогвардейца проник в штаб заговорщиков. Ему удалось арестовать большое количество контрреволюционеров. Кроме того, удалось раскрыть в Казани монархистскую офицерскую группу, руководимую генерал-майором И. И. Поповым, и обнаружить склад оружия белогвардейцев. По признанию генерала, он имел в своем распоряжении в Казани вооруженный офицерский отряд численностью в 500 человек, которые должны были в момент восстания действовать вместе с отрядами «Союза защиты родины и свободы».

в Рыбинске — начальник разведки Ян Бреде (туда выезжали также Савинков и Дикгоф-Деренталь), а в Муроме — начальник иногороднего отдела доктор Григорьев и полковник Сахаров. В Ярославле мятежникам удалось захватить город и удерживать его 16 дней.

Восстание в Ярославле начала небольшая группа заговорщиков (106 человек), к ним присоединился изменивший Советской власти броневой дивизион, находившийся в руках бывших офицеров. Заговорщики захватили воинские склады и вооружились. К ним примкнули проживавшие в городе бывшие офицеры, буржуазные и купеческие элементы, часть интеллигенции, духовенства и служащие из бывших чиновников.

Полковник Перхуров объявил себя «главноначальствующим» Ярославской губернии и командующим группой войск «Северной добровольческой армии». Своим помощником «по гражданской части» Перхуров назначил железнодорожного служащего, лидера местных меньшевиков И. Т. Савинова, а в городскую управу — бывшего царского городского голову, инженера домовладельца Лопатина, купца Каюкова, учителя кадета Соболева, кадета Горелова, бывшего присяжного поверенного меньшевика Мешковского и в качестве «представителя рабочих» — меньшевика Абрамова. По приказу Перхурова все декреты Советской власти отменялись, советские органы упразднялись; восстанавливались судебные учреждения, волостные старшины, уездная и городская полиция (стража) по правилам, действовавшим при царизме.

С первых же часов мятежа в Ярославле начался дикий разгул белого террора. Мятежники разыскивали советских и партийных работников и расправлялись с ними. Они зверски убили комиссара военного округа, видного большевика С. Нахимсона, председателя исполкома городского Совета Д. Закгейма, членов губисполкома Шмидта, Зелинченко и многих других советских работников, надругались над их трупами. Свыше двухсот советских активистов они обрекли на мучения и голод, посадив на баржу, поставленную посреди Волги. При малейшей попытке узников бежать с этой «баржи смерти» мятежники стреляли. Только через 13 дней находившимся на барже заключенным удалось сорвать ее

с прицепа и привести в расположение красноармейских частей. В живых осталось 109 человек.

Мятежники лихорадочно метались по предприятиям города и ближайшим волостям, подбивая население выступить в их поддержку. В этих целях они играли на недовольстве кулацкой части деревень и продовольственных трудностях в городе. Бывший член губисполкома эсер Мамырин поднял на восстание часть крестьян Заволжья, но они, не дойдя до Ярославля, разошлись по домам.

Между тем большевики Ярославля и верные рабоче-крестьянскому правительству красноармейские части (1-й Советский полк) организовали сопротивление мятежникам. Вскоре белогвардейцы были окружены в городе подоспевшими отрядами Красной Армии. В Ярославле развернулись ожесточенные бои.

Тем временем провалились предпринятые по плану «Союза защиты родины и свободы» выступления в других городах Поволжья. В Рыбинске, где находился Савинков, местная чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией своевременно узнала о готовящемся выступлении. Большевики города мобилизовали рабочих и достойно встретили мятежников. Борис Савинков впоследствии писал: «В Рыбинске наше тайное общество насчитывало до 400 членов, отборных офицеров кадровых и военного времени, большевистский же гарнизон был немногочисленен... Я проверил силы рыбинской организации. Они были достаточны для восстания. Я проверил силы большевиков. Они были невелики... Я подсчитал количество имевшегося в нашем распоряжении оружия. Оно было достаточно для того, чтобы взять артиллерийские склады. Взяв артиллерийские склады, предполагалось двинуться с артиллерией на город... Мы были преданы. Большевикам стали известны наши сборные пункты, и конные большевистские разъезды были на всех дорогах, ведущих к артиллерийским складам... Когда члены нашей организации двинулись, вооружившись, на Рыбинск, они встретили заготовленные заранее пулеметы. Им пришлось отойти. К утру, понеся большие потери, они вышли за город».

Вечером 8 июля восставшие в Муроме захватили власть. Как и в Ярославле, к ним присоединились бывшие офицеры, торговцы, гимназисты, некоторые свя-

щенники и монахи во главе с епископом Митрофаном Муромским, давшим мятежникам свое «благословение». Но уже на следующий день местные рабочие и воинские части изгнали мятежников из города.

Таким образом, надежды заговорщиков Ярославля на помощь из Рыбинска и Мурома не оправдались. Кольцо окружения Ярославля сжималось. В городе насчитывались сотни жертв, сгорело 2147 строений. Тогда под предлогом вылазки «главноначальствующий» Перхуров с отрядом в 50 человек покинул город. И не вернулся. Бежали и другие главари восстания. Настали критические часы мятежа.

В то время в Ярославле находилось около 1500 немцев-военнопленных, готовившихся к выезду на родину на основании Брестского мирного договора. Поднявшие восстание ярославские мятежники решили... сдаться этим немцам. Председатель германской комиссии военнопленных лейтенант Балк из понятной классовой солидарности с мятежниками 19 июля предложил им свои услуги, заявив, что вооруженные немцы сумеют гарантировать им безопасность как германским «пленникам». После решающего боя 20 июля, когда у мятежников не осталось никаких надежд, штаб савинковцев в количестве 57 офицеров «сдался» немцам, которые поместили их в городской театр и приняли на себя их охрану. 21 июля лейтенант Балк издал такой любопытный приказ: «Допущенная на основании Брестского договора правительством Русской Федеративной Республики и уполномоченная тем же правительством германская комиссия № 4 в Ярославле имеет честь оповестить следующее: штаб Ярославского отряда Северной добровольческой армии объявил 8-го сего июля германской комиссии № 4, что Добровольческая армия находится с Германской империей в состоянии войны. Так как военные операции не привели к желательным результатам и дабы избегнуть дальнейших разрушений города и избавить жителей от неисчислимых бедствий, Ярославский отряд Северной добровольческой армии 21 июля 1918 года предложил германской комиссии № 4 сдаться ей и выдать свое оружие. Германская комиссия № 4 приняла предложение. Комиссия передает штаб в качестве военнопленных Германской империи своему непосредственному начальству в Москве, где дано будет все дальней-

шее. Германская комиссия № 4 располагает сильной боевой частью, образованной из вооруженных военнопленных, и займет для поддержания спокойствия в городе Ярославле до получения решения из Москвы положение вооруженного нейтралитета. Для соблюдения порядка и восстановления нормального течения жизни комиссия окажет по возможности мирному населению должную поддержку. Да займутся обыватели многострадального города вновь своими делами и заживут с полной надеждой на лучшее будущее» [1].

Затем лейтенант Балк, возомнивший себя главой власти в Ярославле, выслал навстречу наступающим советским войскам парламентеров. Но советское командование предложило Балку сложить оружие. Немецкие солдаты выполнили это требование. Офицеры-мятежники, находившиеся в городском театре, были арестованы и понесли заслуженное наказание.

Ярославское восстание было ликвидировано.

Еще в начале восстания, как только стало известно об участии в нем «Союза защиты родины и свободы», Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией приняла решение расстрелять арестованных в конце мая и в июне в Москве и Казани наиболее активных деятелей «Союза». В официальном сообщении об этом указывалось: «Практика показала, что заключение членов этого преступного сообщества в тюрьмах не достигает цели, так как эта организация, обладая огромными средствами, организует побеги, причем скрывшиеся лица продолжают свою контрреволюционную деятельность. Подготовляемый вооруженный мятеж грозил огромными человеческими жертвами также и со стороны мирного населения, почему ВЧК в целях предупреждения этих возможных жертв решила уничтожить в корне контрреволюционную организацию, поступив с главарями ее, как с открытыми врагами рабоче-крестьянского строя, пойманными с оружием в руках» [2]. На этом основании были расстреляны генерал И. Попов, руководитель вооруженного отряда белогвар-

---

[1] «Шестнадцать дней. (Материалы по истории Ярославского белогвардейского мятежа 6—21 июля 1918 г.)». Ярославль, 1924, стр. 83—84.

[2] «Известия ВЦИК», 13 июля 1918 г.

дейцев, задержанный в Казани; бывшие офицеры А. Виленкин (начальник кавалерийских формирований и казначей «Союза защиты родины и свободы», бывший присяжный поверенный и юрисконсульт английского генерального консульства), Сидоров-Аваев (начальник штаба 2-го полка «Союза», на квартире которого были задержаны 13 заговорщиков) и некоторые другие руководящие лица «Союза». Ряд заговорщиков был заключен в концлагерь.

ВЧК командировала в Ярославль группу своих сотрудников во главе с членом коллегии Д. Г. Евсеевым для расследования обстоятельств мятежа на месте. Была образована Особая следственная комиссия, которая выявляла организаторов мятежа. Мятежники понесли заслуженное наказание.

Сокрушительный удар, нанесенный «Союзу защиты родины и свободы», провал поднятых им восстаний привели к тому, что уже в 1918 году он прекратил свое существование. Его главарь, Борис Савинков, вместе с секретарем Ф. Клепиковым и А. Дикгоф-Деренталем едва успели убежать из Рыбинска. Бежали и многие другие руководители «Союза» [1].

6. Шпионы с дипломатическими паспортами

Уже в дни Октябрьского вооруженного восстания разведчики и дипломаты держав Антанты выступили на стороне русской контрреволюции. Конкретное представление об их деятельности дает дело поручика 9-го драгунского казачьего полка Н. А. Штырева.

---

[1] Скрывшийся член главного штаба «Союза защиты родины и свободы» Ян Бреде был вскоре пойман и приговорен к расстрелу. Д. С. Григорьев в 1919 году убит во время колчаковского переворота. А. П. Перхуров, произведенный контрреволюционерами за свои «подвиги» в чин генерал-майора, после побега из Ярославля сражался против советских войск в рядах колчаковцев, а затем, скрыв свое участие в мятеже, перешел на советскую службу в штаб Приуральского военного округа. В мае 1922 года он опять вступил на путь контрреволюции и был разоблачен. 19 июля 1922 года по приговору Военной коллегии Верховного трибунала был расстрелян.

В первые дни революции в одном из аристократических домов Петрограда Штырев встретился с вербовщиком, который свел его с членами французской военной миссии — капитаном Лораном, поручиком Вокье — и рекомендовал для разведывательной работы. На допросе в январе 1918 года Штырев так рассказал о заданиях, полученных от французов: «В это время (28 октября 1917 года.— *Д. Г.*) Керенский находился в Царском Селе. Мне были предложены следующие задачи: I. 1) где Керенский, кто с ним из членов правительства; 2) состав его штаба; 3) кто командует отрядом; 4) состав отряда; 5) настроение среди высших и низших чинов отряда; 6) настроение в петроградском гарнизоне. Эта задача была частью мною лично выполнена... Дня через два мне предложено было: II. 1) где находятся комиссары Ленин (и другие); 2) что делается в Смольном; 3) возможно ли достать какие-либо документы из кабинета Ленина (и других.— *Д. Г.*)... Затем, III. 1) отправиться в Москву и в кратчайший срок вернуться; 2) передать в Москве по адресу: Арбат, № 22, госпоже Клячкиной устно: «Вся семья здорова, шлет привет, все чувствуют себя хорошо»; 3) постараться войти в сношение с правительственной партией, ее настроение и состояние; 4) положение большевиков, их настроение; 5) кто руководит правительственными войсками, состав штаба; 6) кто из членов правительства в Москве... Получил на выполнение задачи 300 рублей. Вслед за этим капитан Лоран экстренно вызвал меня и сообщил: только что перехватили телеграмму из Швеции Фюрстенберга-Ганецкого, где он сообщает на имя Ленина, что он выезжает в Россию, и затем узнается, что из Петрограда в Торнео заказан экстренный поезд, очевидно для Ганецкого, и что он на следующий день в 8 часов утра выезжает из Торнео, в 2 часа будет в Белоострове. Мне поручается: IV. 1) какими угодно средствами похитить чемодан Фюрстенберга-Ганецкого; 2) отправить похищенное в миссию; 3) отправиться в Воронеж или Новочеркасск, войти в связь с Калединым, узнать подробно положение и состояние его войск. На выполнение задачи получено всего 500 рублей для пункта 1 и 2, а 400 — для 3, так за все время я получил 1200 рублей... И последняя задача: V. 1) проникнуть в Петропавловскую крепость и поста-

раться передать Бурцеву [1] для подписи чек на 30 тысяч рублей на имя его секретаря (Лебединский); 2) узнать, живет ли на Мойке, 22, фон Люциус и кто там бывает... Кроме вышеизложенного мне было поручено зарегистрировать в Петрограде все большие винные склады и склады, имеющие военное значение, чтобы при надобности можно было их уничтожить» [2].

К выполнению полученных шпионских заданий Штырев привлек своих друзей. Но скоро его стали терзать угрызения совести: он увидел себя в низкой роли шпиона, агента иностранной разведки, с которым «хозяева» поступали самым бесцеремонным образом, как с последним наемником. Вскоре он был пойман ВЧК.

Во время похода генерала Краснова на Петроград (27—31 октября 1917 года) «союзники» поддерживали связь с организаторами этого похода. Как показал следственной комиссии Военно-революционного комитета Краснов, в расположение его отряда, наступавшего на Петроград, приезжал с разведывательными целями член французской военной миссии Ниссель. Он встречался с генералом и вел переговоры с Керенским [3].

14 ноября 1917 года представитель армии США подполковник М. Керт и начальник французской военной миссии генерал Лавернь обратились к верховному главнокомандующему русской армии генералу Духонину с письмами, в которых призывали его не вступать в переговоры о перемирии с немцами. Лавернь писал: «Ваше превосходительство! Председатель Совета министров и военный министр уполномочили меня заявить вам нижеследующее: Франция не признает власти Народных Комиссаров. Доверяя патриотизму русского Верховного командования, она рассчитывает на его твердые намерения отклонить всякие преступные переговоры и держать в дальнейшем русскую армию лицом к общему врагу» [4]. В таком же духе было выдержано и письмо

---

[1] В. Л. Бурцев — в прошлом редактор журнала «Былое»; во время войны — крайний шовинист. Резко выступил против социалистической революции и Советов, за что был задержан в первые дни Октября. Впоследствии белоэмигрант, активный враг Советской страны.

[2] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 353, л. 8—11.

[3] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 358, л. 131.

[4] «Наша речь», Петроград, 17 (30) ноября 1917 г.

американского представителя М. Керта. Эти обращения были сделаны в тот момент, когда Советское правительство предложило Духонину начать переговоры о перемирии. Народный комиссариат по иностранным делам заявил решительный протест против вмешательства «союзных» военных агентов во внутренние дела России. «Военные представители союзных стран,— говорилось в протесте,— позволяют себе призывать генерала Духонина вести политику, прямо противоположную той, какую ведет Совет Народных Комиссаров.

Такое положение не может быть терпимо. Никто не требует от нынешних союзных дипломатов признания Советской власти. Но в то же время Советская власть, ответственная за судьбы страны, не может допустить, чтобы союзные дипломатические и военные агенты, во имя тех или других целей, вмешивались во внутреннюю жизнь нашей страны и пытались разжигать гражданские войны.

Дальнейшие шаги на этом пути неминуемо вызовут самые тяжкие осложнения, ответственность за которые Совет Народных Комиссаров заранее снимает с себя» [1]. В заявлении особенно отмечалось лицемерие дипломатических представителей Соединенных Штатов Америки. В то время как подполковник М. Керт обращался к генералу Духонину с призывом не подчиняться Советскому правительству, начальник военной миссии США бригадный генерал У. В. Джонсон официально заверял, будто «американцы питают величайшую симпатию ко всему русскому народу и в той сложной обстановке, в которой русский народ сейчас находится, не желают вмешиваться ничем, кроме помощи, в разрешение каких-либо русских проблем» [2].

«Союзным» дипломатам не удалось сорвать переговоры Советского правительства с Германией.

В начале декабря 1917 года был раскрыт один из первых заговоров представителей держав Антанты против Советской республики. Его организовали агенты американской дипломатической службы в поддержку мятежного генерала Каледина. В опубликованном 9 декабря сообщении Советского правительства указыва-

[1] «Документы внешней политики СССР», т. 1. М., 1957, стр. 33.

[2] Газета «Наша речь», 17 ноября 1917 г.

лось: «Отдельные союзные офицеры, члены союзных военных миссий и посольств позволяют себе самым активным образом вмешиваться во внутренние дела России, разумеется, не на стороне народа, а на стороне контрреволюционных калединско-кадетских сил. Мы предостерегали этих господ не раз. Но настал, по-видимому, час последнего предостережения. Виднейшие представители Соединенных Штатов оказываются замешанными в калединском заговоре: они принимали все меры, чтобы оказать ему содействие». Далее сообщалось, что американские офицеры в Яссах Андерсен и Перкинс с помощью русских офицеров Колпашникова и Верблюнского предприняли попытку под видом поезда Красного Креста, предназначавшегося для Юго-Западного фронта, отправить 80 автомобилей и другое имущество на Дон, Каледину. Заговор был раскрыт, полковник Колпашников и другие участники его арестованы, в руки советских властей попали документы, уличающие заговорщиков. Телеграммой начальника американской миссии Красного Креста в Яссах Андерсена полковнику Колпашникову поручалось получить у посла Соединенных Штатов Фрэнсиса 100 тысяч рублей на отправку поезда... в Ростов. У Колпашникова было изъято подписанное Фрэнсисом удостоверение о том, что поезд идет «из Петрограда в Яссы». «Сейчас этот таинственный поезд никуда не пойдет,— говорилось в сообщении.— Он задержан в Петрограде Советской властью». Сообщение заканчивалось таким обращением к послу Соединенных Штатов Америки: «Заговор раскрыт. Заговор американских (и не только американских) империалистов с калединцами. Нити этого заговора ведут, как мы видели, очень высоко. Слово за г. Фрэнсисом! Слово за теми, кто его сюда послал!» [1]

Принужденный отвечать, посол Соединенных Штатов Америки Дэвид Р. Фрэнсис выступил с опровержением, в котором вопреки фактам утверждал: «Обвинение или инсинуации в том, что я оказывал содействие Каледину или какой-либо другой из многочисленных русских партий, лишено всякого основания, и это мое утверждение должно было бы быть достаточным, чтобы убедить всех в правдивости и конкретности этого утвер-

---

[1] «Известия ВЦИК», 9 декабря 1917 г.

ждения»[1]. Фрэнсис не мог опровергнуть факта попытки с помощью посольства США отправить белогвардейцам поезд автомобилей, но заявил, будто он помогал лишь переотправить автомобили в Румынию и был заинтересован в том, чтобы машины не попали в руки немцев. Даже некоторые американцы, например начальник американской миссии Красного Креста в России полковник Реймонд Робинс и его помощник Вордвел, признавали, что явный корниловец Колпашников намеревался сам сопровождать автомобили к генералу Каледину.

Не менее энергично в то время работала против Советской России и агентура кайзеровской Германии.

В конце 1917 — начале 1918 года в Петрограде существовала антисоветская организация, возглавляемая присяжным поверенным Н. Н. Ивановым, который был тайно связан с командованием германских войск. Эта организация замышляла достигнуть соглашения с германским генеральным штабом, чтобы двинуть несколько немецких корпусов на Петроград, свергнуть Советскую власть и заменить ее реакционным правительством. Главарь организации Иванов вел переговоры с начальником генерального штаба германской армии Людендорфом через начальника штаба северного германского фронта, с которым был непосредственно связан, тайно ездил в Германию и пользовался средствами из немецких источников. Не имея какой-либо поддержки в народе и в то же время стремясь хоть как-то действовать, организация вынуждена была довольствоваться доступными ей средствами: ее участники подкупали темных, малосознательных людей, явных авантюристов, создавали шпионские группы. Ей удалось проникнуть в Петрограде в минный дивизион и вызвать там антисоветские волнения. Иванов пытался установить связь с правоэсеровскими военными организациями[2].

В январе 1918 года Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией выяснила, что некоторые «благотворительные общества» в Петрограде под видом оказания помощи нуждающимся офицерам объединяли их для борьбы с Советской властью. Деятели этих обществ имели связи в «высших» аристокра-

---

[1] «Известия ВЦИК», 12 декабря 1917 г.

[2] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 346, л. 31—33, 183—189, 197—199.

тических кругах и с иностранцами, в особенности с прибывавшими в Петроград немецкими военнопленными и военнообязанными, занимавшимися шпионажем. Одна из таких групп, которую возглавляли некие Орел, Ланской и капитан Иванов, готовилась к вооруженному выступлению в момент, когда немецкие войска двинутся на Петроград. По ее планам, в выступлении должны были участвовать немцы и австрийцы. В официальном сообщении по этому делу отмечалось, что вскрытая контрреволюционная организация располагает значительными силами, «приблизительно до 3500 человек, которые вербовались как здесь, среди несознательных солдат и представителей разных классов до подонков и преступников включительно, так и в Финляндии и на Дону. Число вооруженных немцев и австрийцев из числа военнопленных и военнообязанных, с которыми должны были слиться русские контрреволюционеры, дошло до 13 000 человек. Для последних вооружение было своевременно приготовлено путем покупки при содействии видных иностранцев в Финляндии, в Петрограде и в разных местах в провинции, преимущественно в прифронтовой полосе, во время самовольной демобилизации» [1]. Заговорщическая деятельность этой контрреволюционной организации была своевременно пресечена.

В феврале 1918 года немцы, заключив договор с Центральной радой, оккупировали Украину. Там стали формироваться монархистские организации и воинские части, которые при содействии и помощи германского военного командования вели подрывную работу в советском тылу и совершали боевые операции, нападая на красноармейские части. В Киеве при содействии германского военного командования был образован монархистский союз «Наша родина», имевший отделения в ряде городов юга и юго-запада России. Во главе этой организации стояли бывший член Государственной думы граф Бобринский, герцог Н. Лейхтенбергский, присяжный поверенный Акадатов. В Смоленске западное отделение этого союза возглавлял генерал М. Дорман. Активное участие в деятельности организации принимали помещики Реутт, Энгельгардт и другие. В программном

---

[1] «Известия ВЦИК», 7 марта 1918 г.

документе, найденном при ликвидации этой организации, говорилось: «Цель и назначение организации «Наша родина» — борьба с большевиками, восстановление в России монархии. Ориентация: сперва выгнать большевиков, восстановить монархию, а потом уже разбирать наши внутренние дела... Образ правления — монархия с народным представительством при двухпалатной системе, министерство ответственное, но не парламентарное» [1]. «Союз» создал так называемую «южную армию», во главе которой стали герцог Н. Лейхтенбергский и генерал-лейтенант Литовцев. Агенты «Союза» — хорошо оплачиваемые офицеры, заведующие этапными пунктами, курьеры — вербовали личный состав «южной армии» и направляли людей в главные пункты сбора: Харьков, Полтаву, Екатеринослав через этапные пункты Минск, Псков, Бердичев, Житомир. Сформированные воинские части вооружались и снабжались немецким командованием. Одна из таких частей — 1-я дивизия под начальством генерала Семенова — была направлена на Дон в помощь германскому ставленнику генералу Краснову и сражалась там с Красной Армией. В северо-западных районах России, оккупированных немцами (Псковская губерния), с помощью германского военного командования формировалась белогвардейская «северная армия» (впоследствии армия генерала Юденича).

В феврале 1918 года германский империализм представлял собою главную угрозу существованию Советской республики. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией 23 февраля радиограммой предупреждала все Советы, что навстречу и в помощь наступающим германским войскам «ринулись польская, белорусская и украинская буржуазия... Всероссийская буржуазия с нетерпением ожидает и радуется пришествию Вильгельма. Она с каждым днем льет ушаты грязи, клеветы и подлости на российскую революцию... На помощь наступающим отрядам офицеров, юнкеров и белогвардейцев Вильгельма приготовились предательски выступить офицеры, юнкера и белогвардейцы российской и национальной буржуазной контрреволюции, путем вооруженного восстания ударить —

[1] «Известия ВЦИК», 29 октября 1918 г.

Вильгельм — извне, российская контрреволюция — изнутри — в лицо и в спину Советской Социалистической Республике, помочь взять Петроград, Москву и другие российские города. Штабы этого вооруженного восстания раскрыты. Центральные штабы находятся в Петрограде и в Москве, а остальные почти по всем городам России. Названия они носят: «Организация борьбы с большевиками и отправка войск к Каледину», «Все для родины», «Белый крест», «Черная точка». Многие из штабов вооруженного восстания ютятся в различных благотворительных организациях, как-то: помощь пострадавшим от войны офицерам и т. п.» [1]. ВЧК призывала трудящихся к беспощадной борьбе с заговорщиками.

Продолжали вести подрывную работу миссии и посольства держав Антанты и США. После заключения Брестского мира они превратились в центры, направлявшие такую работу в советском тылу. С ними были связаны все основные контрреволюционные организации («Национальный центр», «Союз возрождения России», «Союз защиты родины и свободы» и др.). Французской агентурой в России руководили посол Франции Нуланс и глава военной миссии генерал Лавернь. От имени правительств «союзных» стран Нуланс выступил с «вербальной нотой», которую посольство распространило среди так называемых русских «общественных деятелей». В ноте выражались «соболезнование» по поводу заключения Брестского мира и готовность «помочь» русскому народу. Лицемерно подчеркивая, что «союзники» будто бы не намерены вмешиваться во внутренние дела России, французский посол рекомендовал «общественным деятелям» образовать противобольшевистское русское правительство, которое должно стать «правительством директивного типа, опирающимся на национальный фронт... и имело бы своей задачей созвать Учредительное собрание» [2].

Французский журналист Ренэ Маршан, работавший при французском генеральном консульстве в Москве, рассказывал впоследствии советским следственным органам: «Французская миссия и консульство в Москве по

---

[1] «Известия ВЦИК», 23 февраля 1918 г.
[2] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 363, л. 75—76.

поручению Нуланса имели и поддерживали в 1918 году связь отдельно и специально с каждой из политических группировок в России. Связь с Савинковым поддерживалась через Готье, связь с монархическими организациями — через графа де-Шавиньи, связь с меньшевиками — через бывшего депутата социалиста Шарля Дюма, связь же с партией с-р поддерживалась миссией через Эрлиха... Я знаю, что французский консул Гренар придавал большое значение связям с эсерами и Савинковым... Партия эсеров получала довольно значительные субсидии от французского консульства через Эрлиха для работы своих боевых дружин... Под именем «мосье Анри» в Москве в 1918 году работал агент миссии для разрушений. Его фамилия Вертимон. Это — морской капитан, он занимался тогда работами по разрушению железных дорог и железнодорожных мостов... В работе Вертимона принимал участие представитель английской военной миссии Рейли»[1]. Далее Ренэ Маршан уточнил: «Деятельность генерального консульства все время, даже в тот период, когда велись переговоры с Советской властью... в действительности была исключительно направлена к свержению Советской власти, для каковой цели велись переговоры с политическими русскими группами... Презрение (французского посла.— *Д. Г.*) Нуланса к России было чем-то поразительным... Я помню одну фразу, весьма характерную, когда на докладе Эрлиха о переговорах с Черновым Нуланс сказал: «Скажите им, что нам довольно этих социалистических экспериментов в России и что мы больше никаких социалистических экспериментов не намерены допускать...» Помимо связи консульства с партией социалистов-революционеров для политических действий была с нею связь для так называемых активных действий у французской военной миссии. Члены ЦК партии эсеров встречались на тайной квартире с капитаном Лораном, который был раньше членом французской миссии в Петрограде и, официально уехав во Францию, затем совершенно секретно вернулся в Россию»[2].

Вскоре после Октября в знак непризнания рабоче-крестьянского правительства английский посол Дж.

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 346, л. 176—177.
[2] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 362, л. 33, 35, 37.

Бьюкенен покинул Россию. Впрочем, он оставил в Петрограде своих сотрудников, продолжавших военную и разведывательную работу; среди них был опытный разведчик — капитан морской службы Кроми.

В январе 1918 года английское правительство командировало в Россию миссию во главе с Р. Локкартом, работавшим ранее (с 1912 по сентябрь 1917 года) в английском генеральном консульстве в Москве. Р. Локкарт слыл в Англии, как он сам выражался, «особенно искусной ищейкой» и оказывал услуги военному министерству, выведывая военные тайны России. Он имел широкие знакомства в аристократических и бюрократических кругах Москвы. Эти «способности» Локкарта и были учтены при назначении его руководителем британской миссии в Советской республике. Прибыв в Россию, Локкарт прикинулся «другом», «доброжелателем», стоящим за признание Советского правительства, и под таким прикрытием повел разведывательную и подрывную работу. В опубликованной много лет спустя книге-«исповеди» Локкарт писал: «Гикс (помощник Локкарта по разведке.— *Д. Г.*) служил посредником между мною и врагами большевиков. Они были представлены в Москве так называемым центром, имевшим левое и правое крыло, и, кроме того, Лигой спасения России, созданной Савинковым. Между этими двумя организациями происходили постоянные распри... Оба контрреволюционные крыла были единодушны лишь в одном отношении — оба желали получить от союзников помощь деньгами и оружием... На протяжении многих недель финансирование их было предоставлено всецело французам. Политические агенты Алексеева и Деникина ставили мне в укор, что я отстраняюсь на задний план... Я принял часть финансирования на себя. Раздобыть наличные деньги было не очень трудно, хотя банки и были закрыты, а девизные операции воспрещены. Многие русские обладали крупными запасами наличных рублей, которые они охотно обменивали на переводы на Лондон. Для большей безопасности мы поручили сбор этих денег одной английской фирме в Москве, которая вела торговлю с русскими. Она устанавливала курс и выдавала переводы на Лондон. В некоторых случаях мы принимали гарантии за эту фирму. Рубли доставлялись в американское генеральное консульство и

вручались Гиксу, который заботился об их дальнейшем направлении» [1].

Английская «Интеллидженс сервис» командировала в Москву помимо Локкарта еще и специального агента — лейтенанта разведывательной службы Сиднея Рейли. Это был один из искуснейших ее представителей. Его прошлое загадочно. По некоторым данным, под именем Сиднея Рейли скрывался некий Розенблюм, родившийся в Одессе. Он занимался коммерцией и проживал по большей части в Петербурге, а во время войны оказался в Англии, принял тамошнее подданство, женился на ирландке и в честь тестя (Рейли Келлегрэн) принял его фамилию и назвался Сиднеем Рейли [2]. Прекрасно зная русский язык, обладая значительными средствами, выдавая себя то за русского, то за «турецкого и восточных дел негоцианта», Сидней Рейли входил в доверие людей, вербовал среди морально неустойчивых элементов агентов и вел активную разведывательную работу против Советской России.

Весной 1918 года англичане послали в Россию еще одну миссию, состоявшую из английского консула в Кашгаре Джорджа Маккартнея, известного разведчика майора Бейли и капитана Блеккера. Прибыв из Индии в Ташкент, англичане заявили, что желают установить контакты с местными советскими властями. Фактически же это была шпионская миссия. В августе 1918 года она способствовала оккупации Закаспийской области английскими войсками под командованием генерала Маллисона. Она же поддерживала тайные отношения с русскими антисоветскими организациями (контрреволюционной «Туркестанской военной организацией») и с басмачами. Английский полковник Тод много лет спустя так характеризовал работу миссии: «...Были частые свидания с представителями Советской власти и извлечены выгоды из их доверчивости. Но было нелегко успокоить их подозрительность, когда были получены в Ташкенте сведения о боях между большевистскими силами и войсками военной миссии Маллисона в Закаспии... Однако маленькая группа продолжала игру обмана до конца сен-

---

[1] *Р. Локкарт*. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933, стр. 282, 307.

[2] См. там же, стр. 267, 319.

тября. Тогда сэр Маккартней решил, учитывая трудность получения сведений, которые могли бы быть своевременно переданы для использования, что дальнейшее пребывание в Ташкенте бесцельно. Поэтому он убедил местный Совет дать в его распоряжение специальный поезд для отправки миссии в Андижан, откуда она проследовала через китайский Памир обратно в Индию. Лишь один офицер, майор Бейли, остался еще на год для наблюдения за событиями в Ташкенте и его окрестностях. После головокружительных приключений ему едва удалось уйти переодетым и добраться до Мешхеда» [1]. С этой характеристикой деятельности миссии можно согласиться. Следует только заметить, что, вопреки мнению английского полковника, Туркестанская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией хорошо знала о шпионской подоплеке деятельности миссии Маккартнея.

Активную работу против молодой Советской республики вели и агенты Соединенных Штатов Америки, возглавляемые послом Дэвидом Фрэнсисом.

Представители держав Антанты на первых порах делали ставку на так называемые демократические группировки внутренней российской контрреволюции.

«Союз возрождения России», о котором уже говорилось, имел военную организацию, подготовлявшую кадры для антисоветских вооруженных выступлений и участия в военных действиях на восточном фронте против Германии. Эта организация целиком финансировалась «союзниками». Один из ее руководителей в Петрограде, генерал А. И. Верховский, в прошлом военный министр Временного правительства, спустя несколько лет рассказывал: «Я был в марте 1918 года персонально приглашен «Союзом возрождения России» в состав военного штаба «Союза». Военный штаб являлся организацией, имевшей целью организацию восстания против Советской власти... Военный штаб имел связи с союзническими миссиями в Петрограде. Сношениями с союзническими миссиями ведал генерал Суворов... Представители союзнических миссий интересовались моей оценкой положения с точки зрения возможности восстановления восточного фронта против Германии. Я имел по

---

[1] *С. П. Тимошков*. Борьба с английской интервенцией в Туркестане. М., 1941, стр. 61.

этому поводу беседы с генералом Нисселем — представителем французской миссии. Военный штаб через кассира штаба Суворова получал денежные средства от союзнических миссий» [1].

Другой деятель штаба «Союза возрождения России» — член ЦК партии народных социалистов В. И. Игнатьев впоследствии также подтверждал, что источник средств организации был «исключительно союзный». Первую сумму из иностранных источников Игнатьев получил от генерала Геруа, к которому его направил генерал Суворов. Из беседы с Геруа он узнал, что генералу поручено отправлять офицеров в Мурманский район в распоряжение английского генерала Пуля и что на это дело ему отпущены средства. Первую сумму денег (6—7 тысяч рублей) Игнатьев получил непосредственно от Геруа, а вторую сумму — от генерала Суворова.

«Союз возрождения России» получал деньги не только от английских, но и от французских союзников. Генерал Суворов вел переговоры с французской миссией о получении для военной организации «Союза возрождения» 100—200 тысяч рублей. По прошествии некоторого времени агент французской миссии, приехавший из Москвы, вручил Игнатьеву 30 тысяч рублей и сообщил, что вскоре он получит значительно большую сумму [2].

Интересные детали о связях дипломатических представителей стран англо-французской коалиции и США с деятелями «Союза возрождения России» сообщил один из деятелей этого «Союза» профессор В. А. Мякотин в воспоминаниях, опубликованных за границей. Он писал о том, что все сношения с дипломатическим представительством союзников вели несколько членов центральной организации «Союза». Пока послы союзников находились в Москве, эти связи осуществлялись через французского посла Нуланса, позже, когда послы уехали в Вологду,— через французского консула Гренара. При первой встрече с членами «Союза возрождения России» представители союзников заверили их, «что они продол-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 346, л. 195. А. И. Верховский был арестован в мае 1918 года и вскоре освобожден. После этого он отошел от антисоветской деятельности и служил в Красной Армии.

[2] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 362, л. 123—126.

жают видеть в России союзницу, временно попавшую в бедственное положение, хотели бы всячески прийти ей на помощь... При одном из следующих свиданий представители держав Согласия поставили «Союзу» вопрос, как отнеслось бы население России к высадке союзников в русских пределах для борьбы с Германией... Мы решили указать, что, по нашему мнению, население России отнеслось бы благожелательно к высадке союзников».

В. А. Мякотин подтвердил также, что французы финансировали «Союз возрождения». Он, между прочим, отметил бесцеремонное поведение французского посла Нуланса во время переговоров с членами «Союза». Был случай, когда они в беседе с Нулансом указали «на некоторые неправильные действия представителей союзников в России». В ответ он заявил, что «союзники, собственно, и не нуждаются в содействии русских политических организаций, и, если высадят свои войска в России, смогут удовольствоваться непосредственными сношениями с русскими железнодорожниками, кооператорами и т. д.» [1].

Средства, полученные от представителей стран англо-французской коалиции и США «Союзом возрождения России» в целом и отдельными антисоветскими партиями, использовались на нужды контрреволюционной работы и организацию антисоветских переворотов.

Были связаны с «союзными» разведчиками и правоэсеровские заговорщики. Так, например, диверсионно-подрывная эсеровская группа, во главе которой стоял бывший офицер М. А. Давыдов, поддерживала в Москве связи с «подрывником» — уже известным нам французским разведчиком «мосье Анри» (морским капитаном Вертимоном), от которого получала взрывчатые вещества для диверсий в тылу Красной Армии. В обвинительном заключении по делу правых эсеров отмечалось: «Давыдов встречался вместе с Глебом (другим участником диверсионной группы.— *Д. Г.*) с двумя французами, с Мартеном, среднего роста, бритым, темным блондином, и с Анри, худощавым брюнетом, на Страстном

[1] *В. Мякотин.* Из недалекого прошлого. «На чужой стороне», № 2. Прага, 1923, стр. 188—190.

бульваре, где и был разговор с Мартеном о снабжении группы оружием. С Анри встреча была у Красных ворот. Явочная квартира у французов была у Мясницких ворот, в каком-то французском убежище «Азиль». От французов было получено два револьвера и три коробки с взрывчатыми веществами... Согласно показанию гр. Ренэ Маршана, Вертимон является как раз тем лицом из французской миссии, которое фигурирует по показаниям Давыдова под именем Анри. Эта компания работала по разрушению железных дорог». В том же обвинительном заключении отмечалось, что французский гражданин Паскаль (молодой офицер, работавший во французской военной миссии) рассказал на предварительном следствии, что «в Москве заготовкой гранат и бомб ведал Лоран, а Вертимон имел запас взрывчатых веществ» [1].

В 1918 году ВЧК раскрыла несколько дел, связанных с подрывной работой агентуры международного империализма.

В марте в Москве была выявлена подпольная организация, занимавшаяся вербовкой людей (главным образом офицеров старой армии), снабжением их и отправкой в контрреволюционные банды генералов Каледина и Корнилова на Дону. Графиня Ланская в доме на Новинском бульваре содержала штаб-квартиру этой организации и распоряжалась крупными денежными средствами: приобретала обмундирование для белогвардейцев, снабжала их продовольствием на дорогу и т. п. Большую роль в этих делах играл известный в Москве заводчик — американский подданный В. А. Бари. 14 апреля у него был произведен обыск. Найденные переписка и счета показали, что Бари финансировал работу графини Ланской, посылал курьеров с поручениями расплатиться с завербованными в белогвардейскую армию людьми. Консульство США в Москве выступило в защиту арестованного Бари и представило официальное поручительство, настаивая на освобождении его до суда. В. А. Бари освободили, и он скрылся.

Через несколько месяцев Московский революцион-

---

[1] «Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров...», стр. 105.

ный трибунал вынужден был рассматривать дело Бари и нескольких русских участников заговора заочно. В приговоре по этому делу указывалось: «Московский революционный трибунал считает вполне установленным, что американский гражданин В. А. Бари, пользуясь покровительством консульства Соединенных Штатов Америки и его содействием, с 29 октября 1917 и по 26 марта 1918 года принимал активное участие в помощи врагам Советской социалистической России в борьбе с трудовым населением Российской республики... Это участие выразилось в том, что Бари по соглашению с Харлафовым, Кривошеиным (бывшими офицерами.— *Д. Г.*) и другими представителями буржуазии и бывшим командным составом организовал банды из контрреволюционно настроенных офицеров и студентов, снабжая последних деньгами, продовольствием, обмундированием и отправляя их на Дон к генералам Корнилову и Каледину, заклятым врагам рабоче-крестьянской власти. Виновность Бари усиливается и тем, что, пользуясь правами американского гражданина и защитою правительства США и помогая скрытым врагам революционного пролетариата, злоупотреблял именем трудящихся масс Соединенных Штатов. Ввиду изложенного Московский революционный трибунал заочно приговорил: ...Скрывшегося от суда американского гражданина Бари объявить врагом всего трудящегося человечества, лишенным защиты рабоче-крестьянской власти, и, в случае выдачи или поимки его, по удостоверении личности, расстрелять. Расстрелять Бари должен всякий встретивший его на земном шаре гражданин, кому дорого освобождение человечества».

В приговоре далее имелось частное определение, относящееся к консульству США: «Московский революционный трибунал, обсудив неисполнение высокоавторитетным учреждением США, его московским консульством, поручительства в том, что Бари от суда никуда не скроется, и принимая во внимание, что поручительство это было уважено только из доверия к представителю правительства США, постановил: Московское североамериканское консульство, представляемое Пулем и Лерсом, считать укрывателем преступника, содействовавшим побегу Бари, обманувшим доверие рабоче-крестьянской власти в России, привлечь которого к от-

ветственности сможет один только американский народ»[1].

ВЧК неоднократно разоблачала членов военных миссий «союзников», в частности французской военной миссии, которые под предлогом наблюдения за эвакуацией военнопленных эльзасцев, чехов, поляков, сербов разъезжали по городам России, формировали польские и чешские легионы, белогвардейские банды, финансировали их и занимались шпионажем.

В апреле 1918 года ВЧК ликвидировала польскую организацию, возглавляемую братьями Лютославскими, работавшими под руководством начальника французской военной миссии генерала Лаверня. Эта организация переправляла военнопленных поляков из России во Францию для участия в войне с Германией. Она вела среди польских солдат и офицеров, находившихся в России, антисоветскую агитацию, фабриковала провокационные, фальшивые документы, в которых утверждалось, будто Советское правительство заключило тайное соглашение с немцами и отдает польский народ во власть Германии.

1 июля 1918 года сотрудники ВЧК арестовали на Ярославском вокзале в Москве 45 офицеров, польских легионеров. Они были завербованы агентами польской националистической организации по заданию французской военной миссии и направлялись в Вологду для вступления во французскую армию. В Воронеже чекисты установили, что отряд железнодорожной охраны, состоявший из 400 поляков, способствовал переброске польских легионеров на Мурман. Тогда же и в Вологде выявили до 600 легионеров. Несомненно, французская военная миссия силами польских легионеров готовила выступление, подобное чехословацкому мятежу[2].

Советскому правительству, конечно, было известно о происках разведчиков, шпионов иностранных государств. Нити многих раскрытых заговоров вели к дверям посольств и миссий этих держав. Но посольства и миссии пользовались дипломатической неприкосновенностью.

[1] «Известия ВЦИК», 3 января 1919 г.

[2] См. «Известия ВЦИК», 4 мая, 2 июля 1918 г. *М. Я. Лацис* (Судрабс). Два года борьбы на внутреннем фронте, стр. 19. Впоследствии почти все задержанные польские легионеры были освобождены как обманутые своими лидерами.

7. «Рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором»

1 января 1918 года в Петрограде, когда В. И. Ленин вместе с секретарем Швейцарской социал-демократической партии Ф. Платтеном возвращался с митинга, около Михайловского манежа его автомобиль обстреляли неизвестные. Ленин остался невредим, а Платтена легко ранили в руку.

Весть о нападении на вождя рабочего класса вызвала возмущение пролетарских масс. Рабочие на собраниях принимали негодующие резолюции. Газета «Правда» писала в передовой статье: «Пролетариат... борется за освобождение всего человечества. И, когда в этой отчаянной борьбе (ибо для него тоже сейчас стоит вопрос о жизни и смерти) негодяи буржуазии пытаются казнить вождей пролетариата, пусть не пеняют, что пролетариат расправится с ними так, как они того заслужили.

Если они будут пытаться истребить рабочих вождей, они будут беспощадно истреблены сами. Все рабочие, все солдаты, все сознательные крестьяне скажут тогда: да здравствует красный террор против наймитов буржуазии!» [1].

Виновников покушения на жизнь В. И. Ленина установить не удалось.

Тогда же, в январе 1918 года в чрезвычайную комиссию по охране города Петрограда, которую возглавлял К. Е. Ворошилов, поступили сведения о готовящемся покушении на жизнь В. И. Ленина. Латышские стрелки, несшие караульную службу в Смольном, заметили, что какие-то люди следят за выездами Ленина из Смольного и записывают номера автомобилей народных комиссаров.

В середине января к управляющему делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу явился солдат, георгиевский кавалер Я. Н. Спиридонов, и рассказал, что ему поручили выследить и взять живым (или убить) В. И. Ленина и обещали за это 20 тысяч рублей. Солдат некоторое время следил за Лениным и Бонч-Бруевичем, у которого иногда бывал Ленин, но затем в нем заговорила совесть, он отказался выполнять преступное зада-

[1] «Правда», 3 января 1918 г.

ние и решил рассказать о нем советским органам. Выяснилось, что во главе заговора стоят деятели петроградского Союза георгиевских кавалеров: его председатель старший унтер-офицер А. С. Осьминин, подпоручик Г. Ушаков (в прошлом адъютант командующего Московским военным округом полковника А. Е. Грузинова), капитан Зинкевич, военный врач М. В. Некрасов (брат бывшего министра Временного правительства Н. В. Некрасова), вольноопределяющийся Н. Мартьянов.

Чрезвычайная комиссия по охране Петрограда приступила к расследованию. Задержанные Ушаков, Осьминин и другие заговорщики сознались в том, что разрабатывали план нападения на В. И. Ленина, с тем чтобы захватить его в качестве заложника (или, как показал Спиридонов, убить). На вопрос, с какой целью они замыслили это злодеяние, подпоручик Ушаков ответил, что они хотели таким путем заставить большевиков прекратить борьбу с контрреволюцией.

В. Д. Бонч-Бруевич впоследствии рассказывал об этом: «По логике вещей все главные виновники покушения, конечно, должны были быть немедленно расстреляны, но в революционное время действительность и логика вещей делают огромные, совершенно неожиданные зигзаги, казалось бы, ничем не предусмотренные.

Когда следствие уже было закончено, вдруг была получена депеша из Пскова, что немцы двинулись в наступление... Все дела отпали в сторону. Принялись за мобилизацию вооруженного пролетариата для отпора немцам.

Как только было опубликовано ленинское воззвание «Социалистическое отечество в опасности», из арестных комнат Смольного пришли письма покушавшихся на жизнь Владимира Ильича, просивших отправить их на фронт на броневиках для авангардных боев с наседавшим противником.

Я доложил об этих письмах Владимиру Ильичу, и он, всегда забывавший о себе, в мгновение ока сделал резолюцию: «Дело прекратить. Освободить. Послать на фронт».

И вот те, которые еще вчера были у нас на следствии и сидели под строгим арестом, ожидая неминуемого расстрела, спешили броситься в головной ударной группе в атаку на немцев.

Громадное благородство было проявлено здесь Владимиром Ильичем...

Что может быть более возвышенным, чем этот поступок действительно революционного бойца и глубоко проникновенного социалиста, каким всегда был Владимир Ильич?» [1]

Между тем в недрах вражеского подполья готовились новые террористические акты.

20 июня 1918 года в Петрограде проходили рабочие собрания в связи с кампанией перевыборов в Советы. На этих собраниях выступали виднейшие деятели большевистской партии, в том числе член президиума Петроградского Совета, комиссар по делам печати, пропаганды и агитации В. Володарский. Во время поездки Володарского по городу в связи с этой кампанией автомобиль из-за нехватки горючего остановился на одной из пустынных улиц, недалеко от фарфорового завода. В. Володарский и сопровождающие его сотрудницы Смольного Н. А. Богословская и Е. Я. Зорина, выйдя из автомобиля, направились к находившемуся поблизости зданию районного Совета. В это время на улице появился неизвестный, который, по-видимому, узнав Володарского, быстро пошел навстречу и, приблизившись, произвел в него несколько выстрелов в упор, а затем бросился бежать. За убийцей погнались люди, находившиеся недалеко от места происшествия, но он, бросив бомбу, скрылся. Володарский, смертельно раненный в сердце, скончался на месте [2].

Убийство В. Володарского вызвало сильное возбуждение. Рабочие хотели ответить врагам революции их же оружием — террором, но петроградские партийные и советские органы сдерживали рабочих. Узнав об этом, В. И. Ленин писал 26 июня 1918 года Зиновьеву, Лашевичу и другим членам ЦК: «...Только сегодня мы услыхали в ЦК, что в Питере *рабочие* хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолю-

---

[1] *В. Д. Бонч-Бруевич.* Избранные сочинения, т. III. М., 1963, стр. 274.

[2] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 359, л. 51—53, 55—60.

циях Совдепа массовым террором, а когда до дела, *тормозим* революционную инициативу масс, *вполне* правильную.

Это не-воз-мож-но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего *решает»* [1].

Обнаружить убийц Володарского не удалось. Расследование, продолжавшееся до 28 февраля 1919 года, не дало результатов [2].

В пятницу 30 августа в десятом часу утра на Дворцовой площади появился велосипедист. Он остановился у дома № 6, где в то время помещались Комиссариат внутренних дел Петроградской коммуны и Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией. Велосипедист — молодой человек в кожаной куртке и фуражке офицерского образца — поставил велосипед на панели у подъезда и вошел в здание. В Комиссариате внутренних дел был приемный день. В вестибюле ожидали посетители, и никто не обратил внимания на молодого человека, который уселся в кресло неподалеку от входной двери.

Около десяти часов утра к зданию комиссариата подъехал в автомобиле народный комиссар внутренних дел Петроградской коммуны и председатель Петроградской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией М. С. Урицкий. Он прошел через вестибюль, направляясь к лифту. Швейцар открыл дверь лифта — и вдруг раздались выстрелы. Стрелял неизвестный в кожаной куртке. Увидев М. С. Урицкого, он быстро встал с кресла и, подойдя вплотную, сделал несколько выстрелов из револьвера. М. С. Урицкий, смертельно раненый в голову, упал и на месте скончался. Убийца выбежал на улицу, схватил свой велосипед и помчался на нем по Дворцовой площади.

Дежурный швейцар сразу же вызвал охрану. Красноармейцы погнались за убийцей в автомобиле и вскоре почти настигли преступника, но тот, бросив велосипед, вбежал в подъезд дома по Миллионной улице, № 17, в

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 106.
[2] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 359, л. 39, 41—42.

котором помещалось петроградское английское собрание, и скрылся. Через две-три минуты убийца вновь появился на лестнице. Теперь уже поверх кожаной куртки на нем было пальто. Преступник спускался по лестнице к выходу на улицу. Но красноармейцы уже двигались навстречу. Тогда он открыл стрельбу, вскочил в лифт и спустился на первый этаж, но здесь при выходе на улицу был схвачен.

В Чрезвычайной комиссии убийца назвался Леонидом Канегиссером — студентом 4 курса Политехнического института, 22 лет. Он заявил, что является социалистом, но назвать партию, к которой принадлежит, отказался. Свое преступление он объяснил политическими мотивами, утверждая, что действовал один, по собственной инициативе, вне связи с какой-либо организацией или партией, и отказался сообщить подробности подготовки убийства.

Выяснилось, что Канегиссер происходит из богатой семьи директора металлического завода; при Временном правительстве был юнкером Михайловского артиллерийского училища, членом партии народных социалистов и состоял председателем секции юнкеров-«социалистов».

В тот же день, когда был убит М. С. Урицкий, 30 августа 1918 года в Москве было совершено покушение на жизнь В. И. Ленина. Около восьми — девяти часов вечера в Замоскворецком районе на заводе Михельсона (ныне завод имени Владимира Ильича) состоялось собрание, на котором В. И. Ленин выступил с докладом «Две власти (диктатура пролетариата и диктатура буржуазии)». Когда собрание закончилось, Ленин направился к выходу, во двор завода, где его ждал автомобиль. Уже во дворе, около автомобиля, он остановился, продолжая беседу с рабочими. В это время один за другим раздались три револьверных выстрела. Толпа отхлынула, рассыпалась в сторону. У автомобиля недвижимым остался лежать тяжело раненный двумя пулями Владимир Ильич. Третьей пулей была ранена беседовавшая с ним участница собрания М. Г. Попова — кастелянша Петропавловской больницы.

Шофер Ленина С. К. Гиль, находившийся в автомобиле, в момент стрельбы заметил на расстоянии не более трех шагов от В. И. Ленина какую-то женщину с

револьвером в руке. Он выскочил из машины, рванулся к этой женщине, но она бросила ему под ноги револьвер и скрылась в толпе.

Раненого Ленина поместили в автомобиль и отправили машину в Кремль. А в это время случайно находившийся на собрании помощник военного комиссара 5-й Московской пехотной дивизии С. Н. Батулин бросился разыскивать убийцу. Вот что он потом рассказал: «...Я закричал: «Держите убийцу товарища Ленина»,— с этими криками выбежал на Серпуховку... Добежавши до так называемой «стрелки» (трамвайной линии.— *Д. Г.*) на Серпуховке, я увидел... позади себя, около дерева... с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом остановила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от преследования... Я спросил эту женщину, зачем она сюда попала. На эти слова она ответила: «А зачем вам это нужно?» Тогда я, обыскав ее карманы и взяв портфель и зонтик, предложил ей идти за мной. В дороге я ее спросил, чуя в ней лицо, покушавшееся на товарища Ленина: «Зачем вы стреляли в товарища Ленина?», на что она ответила: «А зачем вам это нужно знать?»... В это время ко мне подошли еще человека три-четыре, которые помогли мне сопровождать ее. На Серпуховке кто-то из толпы в этой женщине узнал человека, стрелявшего в товарища Ленина. После этого я еще раз спросил: «Вы стреляли в товарища Ленина?»,— на что она утвердительно ответила... Боясь, как бы ее не отбили из наших рук лица, ей сочувствующие и ее единомышленники, как бы над ней не было произведено толпой самосуда, я предложил находившимся в толпе и имевшим оружие милиционерам и красноармейцам сопровождать нас. А товарищи рабочие, по большей части рабочая молодежь, образовали цепь, которой сдерживали толпу народа, требовавшую смерти преступнице» [1].

Террористку привели обратно на завод. Здесь ее опознал и председатель заводского комитета Н. Я. Иванов, приметивший ее еще до начала собрания, когда она подслушивала разговоры рабочих о скором приезде В. И. Ленина. Настроение рабочих было гневным; они

---

[1] «Пролетарская революция», № 6—7 (18—19), 1923, стр. 279—280.

готовы были растерзать преступницу, посягнувшую на жизнь народного вождя. Террористка, очутившись лицом к лицу с возмущенными рабочими, закрывала лицо руками. Н. Я. Иванов отвел ее руки и сказал: «Если ты не имела стыда стрелять в товарища Ленина, то пусть у тебя не будет стыда смотреть нам в глаза».

С. Н. Батулин и заводские рабочие-активисты отвезли преступницу в Замоскворецкий военный комиссариат, куда вскоре прибыли работники органов следствия. В расследовании приняли участие заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс, народный комиссар юстиции Д. И. Курский, член коллегии НКЮ М. Ю. Козловский, председатель Московского революционного трибунала А. Дьяконов, член ВЦИК В. Э. Кингисепп, заведующий отделом борьбы с контрреволюцией ВЧК Н. А. Скрыпник и другие.

Террористка назвалась Фаней Ефимовной Каплан, 28 лет. На первом допросе, 30 августа в 11 часов 30 минут вечера, она заявила, что стреляла в В. И. Ленина по политическим мотивам, но отказалась давать подробные объяснения. Она сказала: «Я сегодня стреляла в Ленина. Я стреляла по собственному побуждению... Решение стрелять в Ленина у меня созрело давно. Я считала себя социалисткой». Преступница упорно скрывала соучастников злодеяния и изображала его «индивидуальным» политическим актом. Она упрямо твердила: «Ни к какой партии не принадлежу... Я совершила покушение лично от себя... Революцией я была недовольна — встретила ее отрицательно. Я стояла за Учредительное собрание и сейчас стою за это. По течению эсеровской партии я больше примыкаю к Чернову... Самарское правительство принимаю всецело и стою за союз с союзниками против Германии». На вопросы об оружии, которым она стреляла, о найденных у нее деньгах и железнодорожном билете Томилино — Москва она отвечала: «Из какого револьвера я стреляла — не скажу... Кто дал мне револьвер, не скажу... Когда я приобрела железнодорожный билет Томилино — Москва, я не помню... В Томилино я не была... Откуда у меня деньги, я отвечать не буду» [1]

---

[1] «Пролетарская революция», № 6—7 (18—19), 1923, стр. 282—285.

Весть об убийстве М. С. Урицкого и злодейском покушении на жизнь Владимира Ильича Ленина мгновенно облетела страну. Эти террористические акты, а также зверства белогвардейцев против рабочих и крестьян в местностях, где им удавалось свергнуть Советскую власть, вызвали бурю негодования рабочего класса. Теперь уже советские и партийные органы не могли сдержать народной ярости и гнева. Повсюду, еще до опубликования решений правительства, рабочий класс по своей инициативе начал ответный массовый красный террор против врагов революции.

31 августа в газетах появилось сообщение ВЦИК о покушении на В. И. Ленина. ВЦИК призвал трудящихся усилить борьбу с контрреволюционными элементами и объявил, что «на покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов Революции» [1].

1 сентября 1918 года ВЧК заявила о том, что обнаглевшая контрреволюция поднимает голову, делая попытки вырвать из наших рядов вождей рабоче-крестьянского дела. Предательский выстрел в Ленина ВЧК с полным основанием расценивала как преступление против рабочего класса в целом. Призывая трудящихся сплотить ряды и дружным напором раздавить гидру контрреволюции, ВЧК указывала: «Преступная авантюра с-р, белогвардейцев и всех других лжесоциалистов заставляет нас на преступные замыслы врагов рабочего класса отвечать массовым террором» [2].

2 сентября Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, заслушав сообщение Я. М. Свердлова о покушении на жизнь В. И. Ленина, принял резолюцию, в которой предупредил прислужников российской и союзнической буржуазии, что за каждое покушение на деятелей Советской власти будут отвечать все контрреволюционеры и их вдохновители. «На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти,— говорилось в резолюции,— рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов» [3].

---

[1] «Декреты Советской власти», т. III, стр. 266.
[2] «Известия ВЦИК», 1 сентября 1918 г.
[3] «Декреты Советской власти», т. III, стр. 267.

Подтверждая применение красного террора, 5 сентября 1918 года Совет Народных Комиссаров объявил, что все лица, причастные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, подлежат расстрелу[1].

Теперь буржуазия подняла вой. Старшина дипломатического корпуса, швейцарский посланник Э. Одье от имени «нейтральных» дипломатических представителей в России направил народному комиссару по иностранным делам РСФСР ноту, в которой «во имя гуманности» протестовал против красного террора. В ответной ноте народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин дал ответ «защитникам гуманизма». Он писал: «Подавляющее большинство русского народа в лице Второго съезда рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов отдало власть в руки Рабоче-Крестьянского правительства. Кучка капиталистов, желающих получить обратно в свои руки фабрики и банки, отнятые у них в пользу всего народа, кучка помещиков, желающих отнять у крестьян их землю, кучка генералов, желающих снова палкой учить подчинению рабочих и крестьян, не признали этого решения русского народа. Они при помощи денег иностранного капитала мобилизуют контрреволюционные банды, при помощи которых отрезывают Россию от хлеба, дабы костлявая рука голода задушила русскую революцию. Они, убедившись в невозможности скинуть рабочее правительство, поддерживаемое народными массами, руками этих масс, устраивают контрреволюционные восстания с целью оторвать Рабоче-Крестьянское правительство от положительной работы, помешать ему вывести страну из анархии, в которую толкнула его преступная политика прежних правительств. Они предали Россию на юге, севере и востоке чужестранным империалистическим государствам, призывая чужие штыки отовсюду, откуда только их могут получить. Из-за леса иностранных штыков они посылают наемных убийц, дабы устранить вождей рабочего класса, в которых не только пролетариат России, но и все истерзанное человечество видит олицетворение своих надежд. Эту контрреволюционную клику, пользующуюся поддержкой иностранного капитала и русской буржуазии, желающей набросить на

---

[1] См. «Декреты Советской власти», т. III, стр. 291—292.

шею русского народа петлю рабства и войны, русский трудовой народ беспощадно подавит. Мы заявляем перед лицом пролетариата всего мира, что никакие лицемерные протесты и просьбы не удержат руку, которая будет карать тех, кто поднимает оружие против рабочих и беднейших крестьян России, кто их хочет заморить голодом, кто их хочет погнать на новые войны во имя интересов капитала» [1].

ВЧК расследовала обстоятельства убийства М. С. Урицкого и покушения на жизнь В. И. Ленина. Это было трудное дело. Непосредственные исполнители террористических актов Канегиссер и Каплан отказались назвать сообщников и раскрыть связи с какими-либо политическими организациями. ВЧК вынесла решение о расстреле непосредственных исполнителей террористических актов. 3 сентября 1918 года комендант Московского Кремля П. Д. Мальков выполнил постановление о расстреле Каплан; был расстрелян в Петрограде и убийца М. С. Урицкого — Канегиссер.

Центральный комитет партии правых эсеров официально в печати заявил: «Ввиду поступающих со стороны местных организаций запросов по поводу убийства т. Урицкого в Петрограде и покушения на т. Ленина в Москве, Центральный комитет партии социалистов-революционеров заявляет, что ни одна организация партии к этим актам отношения не имеет» [2]. Но это было лживое заявление. Лишь в 1922 году обстоятельства покушения на жизнь В. И. Ленина были раскрыты во всей полноте.

8. Заговор «трех послов»

Как-то летом 1918 года в Петрограде в Латышском клубе появились двое молодых командиров-латышей. Они быстро вошли в доверие завсегдатаев клуба, среди которых были члены контрреволюционной группы, связанной с морским атташе английского посольства Кроми. В беседах с новыми знакомыми молодые командиры, напоминавшие бывших офицеров, не скрывали того, что отрицательно относятся к советским порядкам.

[1] «Известия ВЦИК», 13 сентября 1918 г.

[2] «Известия ВЦИК», 6 сентября 1918 г.

Вскоре заговорщики решили познакомить молодых командиров с английским разведчиком. Первая такая встреча состоялась в гостинице «Французская». Кроми решил, что один из командиров, назвавшийся бывшим офицером Шмидхеном, заслуживает доверия. Через некоторое время Кроми предложил Шмидхену выехать в Москву, связаться там с начальником британской миссии Р. Локкартом и под его руководством начать подрывную работу в советских латышских воинских частях. Он дал Шмидхену рекомендательное письмо к Локкарту.

На следующий день Шмидхен и его товарищ выехали в Москву. Там они, соблюдая осторожность, немедленно направились в ВЧК. Молодые командиры были чекистами. Их послал в Петроград Ф. Э. Дзержинский для раскрытия антисоветского подполья. Чекист, назвавшийся Шмидхеном, в действительности был Ян Буйкис [1], а его товарищ — Ян Спрогис.

ВЧК решила продолжить начатую «игру», проникнуть в лагерь дипломатических заговорщиков, выяснить их замыслы и разоблачить. Для этого к «игре» был подключен командир первого дивизиона латышских стрелков Эдуард Берзинь, который должен был сыграть роль «разочаровавшегося» командира, готового к измене.

14 августа Шмидхен вместе с Эдуардом Берзинем явились на частную квартиру Роберта Брюса Локкарта (по Басманной улице, Хлебный переулок, 19, кв. 24).

Появление Шмидхена и Берзиня насторожило опытного разведчика. Локкарт тщательно осмотрел переданное ему письмо. Сомнения исчезли. Много лет спустя, в книге-«исповеди» Локкарт писал: «Шмидхен принес мне письмо от Кроми, которое я тщательно проверил. Я держался постоянно начеку, опасаясь провокаторов, но убедился в том, что письмо это несомненно писано рукою Кроми. В тексте письма имелась ссылка на сообщения, переданные мною Кроми через посредство шведского генерального консула. Типичною для такого бравого офицера, как Кроми, была фраза о том, что он приготовляется покинуть Россию и собирается при этом

---

[1] Обстоятельства участия Я. Я. Буйкиса в разоблачении Локкарта были освещены в печати лишь в 1966 г. (см. «Неделя», № 11, 13, 1966).

сильно хлопнуть за собою дверью. Характерным было также правописание... Орфографию Кроми никто не сумел бы подделать... В заключительной части письма Шмидхен рекомендовался мне как человек, услуги коего могут мне быть полезны» [1].

Убедившись в том, что письмо подлинное, Локкарт начал беседу. Э. Берзинь и Шмидхен представились ему как латышские офицеры, разочаровавшиеся в Советской власти. В частности, они заявили, что не хотят воевать с архангельским английским десантом, куда их собираются послать большевики, и не прочь были бы договориться с командующим десантом английским генералом Пулем. Локкарт был осторожен. Поддержав намерение Берзиня и Шмидхена порвать с большевиками, он вместе с тем не сделал каких-либо определенных заявлений и предложил им явиться на следующий день. Прежде чем связываться с Берзинем и Шмидхеном, Локкарт решил посоветоваться со своими коллегами-союзниками. В своей книге Локкарт так рассказал об этом: «Вечером я подробно переговорил о происшедшем с генералом Лавернем и французским генеральным консулом Гренаром... Мы пришли к тому заключению, что предложение латышей является, по всем вероятиям, искренним и что, если мы будем действовать с необходимой осторожностью, то особого вреда от того, что мы направим этих людей к Пулю, получиться не может... Мы решили свести обоих латышей с Сиднеем Рейли, который сможет наблюдать за ними и помочь им в осуществлении их благих намерений» [2].

На следующий день состоялась вторая встреча Локкарта с Берзинем и Шмидхеном. Теперь уже Локкарт не был так осторожен, как прежде. Он всячески поддерживал их намерение порвать с большевиками, говорил им, что союзники помогут латышам восстановить независимость Латвии, советовал создать «национальный латышский комитет» и обещал финансировать заговор. Чтобы связать Берзиня и Шмидхена с генералом Пулем, Локкарт заготовил удостоверения, по которым заговорщики должны были отправиться в расположение

---

[1] *Р. Локкарт*. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата, стр. 309—310.

[2] Там же, стр. 311.

английских войск для переговоров. Эти документы с официальным гербом и печатью британской миссии были подписаны Локкартом. Они гласили: «Всем британским военным властям в России. 17 августа 1918 г. Предъявитель сего... латышский стрелок, состоит на ответственной службе в штабе британской миссии в Москве. Прошу дать ему материальную поддержку и свободный проезд и оказывать ему всемерное содействие. Роберт Локкарт». Один экземпляр удостоверения был заполнен на имя Яна Яновича Буйкиса (на подлинную фамилию, имя и отчество Шмидхена), другой — на имя капитана Крып Кранкаля[1]. Вручив эти документы Э. Берзиню, Локкарт в заключение беседы направил его к лейтенанту Сиднею Рейли, с которым предложил в дальнейшем держать связь.

Конечно, документы, собственноручно подписанные Локкартом, были тотчас же переданы в ВЧК. Они служили несомненными доказательствами подрывной деятельности начальника британской миссии.

Первая встреча Э. Берзиня с Сиднеем Рейли состоялась в сквере Цветного бульвара. Английский разведчик стал обсуждать с ним, какое участие смогут принять латышские стрелки в военных действиях союзнического десанта в Архангельске. Потом Сидней Рейли заговорил и об участии латышей в готовящемся антисоветском восстании в Москве. Так как латышские стрелки охраняли Кремль, английский разведчик поручил им захватить членов Совета Народных Комиссаров, Государственный банк, Центральный телеграф, телефон и другие важные учреждения. Во время свидания Сидней Рейли передал Э. Берзиню 700 тысяч рублей на расходы по организации заговора.

22 августа состоялось новое свидание Берзиня с английским разведчиком. Теперь они обсуждали план захвата Совета Народных Комиссаров во время одного из пленарных заседаний. Разведчик особенно интересовался Председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным. По первоначальному плану предполагалось направить членов Совнаркома под конвоем в Архангельск, но теперь Сидней Рейли изменил план. Он

---

[1] См. «Известия ВЦИК», 3 сентября 1918 г.; «Неделя», № 11, 1966.

сказал Эдуарду Берзиню: «Ленин обладает удивительной способностью подходить к простому человеку. Можно быть уверенным, что за время поездки в Архангельск он сумеет склонить на свою сторону конвойных и те освободят его. Поэтому было бы наиболее верным Ленина немедленно после ареста расстрелять...» [1]

22 августа Сидней Рейли передал Берзиню 200 тысяч, а во время свидания 28 августа еще 300 тысяч рублей. Все полученные деньги, 1200 тысяч рублей, Эдуард Берзинь сдал в ВЧК.

В это же время ВЧК получила и другие данные, подтверждавшие подрывную деятельность дипломатических заговорщиков. Среди них было письмо французского журналиста Ренэ Маршана на имя президента Французской республики Пуанкаре. В письме говорилось: «Мне довелось присутствовать недавно на официозном собрании, вскрывшем самым неожиданным для меня образом огромную, тайную и в высшей степени опасную, на мой взгляд, работу... Я говорю о закрытом собрании, имевшем место в генеральном консульстве Соединенных Штатов... Присутствовали генеральный консул Соединенных Штатов господин Пуль и наш генеральный консул. Присутствовали союзные агенты... Случайно я был поставлен в курс замысла тем, что высказывали присутствующие агенты. Так, я узнал, что один английский агент подготовлял разрушение железнодорожного моста через реку Волхов, недалеко от Званки. Достаточно бросить взор на географическую карту, чтобы убедиться, что разрушение этого моста равносильно обречению на полный голод Петрограда; в таком случае город фактически оказался бы отрезанным от всяких сообщений с востоком, откуда прибывает весь хлеб, и без того крайне недостаточный для существования... Один французский агент присовокупил, что им уже сделаны попытки взорвать Череповецкий мост, что привело бы продовольствование Петрограда к таким же гибельным последствиям, как и разрушение моста у Званки, так как Череповец расположен на линии, соединяющей Петроград с восточными областями. Затем речь шла о разрушении рельсов на разных линиях... Я не распространяюсь, полагая, что уже доста-

[1] «Известия ВЦИК», 3 сентября 1918 г.

точно сказал, чтобы на основании недвусмысленных фактов выяснить формулированные мною выше тяжелые опасения. Я глубоко убежден, что дело идет не об изолированных починах отдельных агентов. Но даже частные подобные инициативы могут иметь единственный гибельный результат: бросить Россию во все более кровавую политическую и бесконечную борьбу, обрекая ее на нечеловеческие страдания от голода...» [1]

Впоследствии Ренэ Маршан разъяснил: «В августе месяце 1918 года генеральный консул (Гренар, который собирался тогда уезжать из России.— *Д. Г.*) сказал мне, что я намечен остаться в России в качестве политического информатора, чтобы посылать доклады о политическом положении в стране, и при этом заявил, чтобы я зашел в пять часов вечера в здание американского консульства, где он познакомит меня до своего отъезда с некоторыми людьми, которые тоже будут оставлены в России. Я туда явился. Тут (были.— *Д. Г.*) генеральный консул Гренар, американский консул Пуль... Здесь американский генеральный консул представил мне как агента по экономическим вопросам гр. Каламатиано... Потом здесь же был английский лейтенант Рейли и Вертимон, которые мне были представлены несколько дней тому назад во французском консульстве как агенты по разрушению на Украине, которая еще тогда была оккупирована немцами. На этом собрании, к моему большому удивлению, пришлось мне услышать совершенно для меня неожиданный план взятия Петрограда измором, путем взрыва мостов на реке Званке и на реке Волхове, на большой магистрали Москва — Петроград. Это на меня произвело колоссальное впечатление... И несмотря на то, что для меня тогда было очень тяжело, потому что это значило вступление в открытую борьбу с режимом, с которым я был тогда всецело связан... я счел необходимым принять все меры, чтобы положить конец подобному лицемерию и подобной гадости. Я это сделал. С тех пор я стал открыто в противоположный лагерь для борьбы против французского правительства, которое одновременно изменило не только русскому народу, но и изменило одновременно и французскому народу, который

---

[1] Это письмо было опубликовано в «Известиях ВЦИК» 24 сентября 1918 г.

никогда ему не давал и не мог дать подобных злодейских поручений»[1].

В самый разгар распутывания нитей заговора послов, 30 августа, произошли чрезвычайные события — покушение на жизнь В. И. Ленина и убийство М. С. Урицкого. Надо было принять энергичные меры против представителей международного империализма, фактически находившегося в состоянии войны с Советской Россией. Было немало оснований подозревать их причастность к покушению на жизнь В. И. Ленина. Поэтому решено было ликвидировать заговор, хотя бы и пришлось нарушить дипломатическую неприкосновенность иностранных разведчиков и заговорщиков. Заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс впоследствии писал: «Предварительная работа по раскрытию этого заговора еще далеко не была доведена до конца. При продолжении работ... открылись бы все новые и новые данные, пролетариат увидел бы, как Локкарт, пользуясь правом экстерриториальности, организовывал поджоги, восстания, готовил взрывы... Но после ленинградских событий... необходимо было немедленно производить аресты»[2]. В Петроград выехал Ф. Э. Дзержинский, в Москве руководство операцией поручалось Я. Х. Петерсу.

В 6 часов вечера 31 августа группа чекистов во главе с Гиллером оцепила здание английского посольства на Французской набережной в Петрограде и заняла его нижний этаж. Когда чекисты поднимались на второй этаж, раздались выстрелы. Помощник комиссара Шейнкман был ранен в грудь, разведчик Янсон убит, следователь ЧК Бортновский ранен. Чекисты открыли ответный огонь (в результате оказался убитым морской атташе посольства разведчик Кроми), а затем заняли помещение посольства.

В тот же день чекисты произвели обыски и аресты среди сотрудников английской и французской дипломатических служб в Москве. Ночью 31 августа комендант Московского Кремля П. Д. Мальков по поручению ВЧК явился на квартиру Локкарта, произвел обыск и доставил английского дипломата и его помощника Гикса в ВЧК. Я. Х. Петерс спросил Локкарта, знает ли он терро-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 362, л. 41—43.

[2] «Пролетарская революция», № 10 (33), 1924, стр. 25.

ристку Каплан, а затем предложил дать объяснения по поводу попытки подкупить командира советской воинской части Э. Берзиня, предъявив выданное британской миссией удостоверение на имя латышского «заговорщика», командированного в расположение английских войск. Локкарт сильно смутился, но, ссылаясь на правила дипломатической неприкосновенности, отказался давать объяснения. По указанию Я. М. Свердлова и Г. В. Чичерина дипломата-заговорщика отпустили, и он ушел из ВЧК.

Несмотря на все принятые в эту ночь меры, иностранные шпионы Сидней Рейли, Анри Вертимон и Ксенофонт Каламатиано скрылись. В комнате Анри Вертимона, жившего в помещении католической гимназии при церкви Петра и Павла (где директором была Жанна Моренс), нашли только неубранные 18 фунтов 48 золотников пироксилина, 39 капсул от динамитных шашек, шпионские шифры и карту Генерального штаба. Чекисты устроили засаду на одной из конспиративных квартир Сиднея Рейли по Шереметьевскому переулку, 3, кв. 85, где проживала бывшая актриса Художественного театра Елизавета Оттен. Здесь они задержали бывшую надзирательницу гимназии Марию Фриде, принесшую пакет, в котором оказались зашифрованные сводки шпионских донесений. Выяснилось, что Мария Фриде служит в американском консульстве в Москве сестрой милосердия отряда Красного Креста и одновременно выполняет секретные поручения дипломатических заговорщиков. Пакет, который она должна была вручить Сиднею Рейли через актрису Елизавету Оттен, поручил ей передать брат, Александр Фриде. Чекисты направились к квартире Марии Фриде. Как только появился комиссар ВЧК, мать Фриде выбежала с каким-то свертком, пытаясь скрыться. Сверток у нее отобрали, в нем нашли шпионские материалы, принадлежавшие ее сыну Александру Фриде, при царизме служившему военным следователем Московского военно-окружного суда, а в данный момент работавшему в управлении начальника военных сообщений. В квартире Фриде нашли спрятанными за потайным зеркалом 50 тысяч рублей. Засада, оставленная в квартире сотрудниками ВЧК, вскоре задержала участника шпионской группы, бывшего чиновника московской таможни Солюса. Александр Фриде

был вынужден сознаться в том, что состоит на службе у американского агента Каламатиано и по его поручению собирает сведения об экономическом, политическом и военном положении Советской республики.

Среди знакомых Сиднея Рейли оказалась сотрудница ЦИК Ольга Старжевская, которой он дал 20 тысяч рублей на покупку обстановки и квартиры, где намеревался устроить конспиративную явку. Через Старжевскую он рассчитывал получать сведения о работе советских учреждений. Рейли поддерживал близкое знакомство с заведующим автомобильным складом Московского военного округа Трестаром, который предоставлял ему в пользование автомобили.

Таковы были результаты первых дней расследования. Я. X. Петерс отмечает: «Было арестовано около 30 человек, но, за исключением брата и сестры Фриде и еще нескольких лиц, против которых были все данные, обвиняющие их в шпионаже, против остальных арестованных прямых улик не было. Трех главных виновников, которых иностранные посольства наметили оставить в России и руководить шпионской работой после своего отъезда за границу: Рейли, Вертимона и Каламатиано — поймать не удалось. Так что нить оборвалась...» [1]

Французское и английское правительства, западная буржуазная печать подняли шумную кампанию протеста против нарушений Советским правительством правил дипломатической неприкосновенности. В отместку англичане без всяких оснований арестовали в Лондоне представителя РСФСР М. М. Литвинова и его сотрудников. Совет Народных Комиссаров Северной Коммуны в обращении «Ко всему цивилизованному миру» заклеймил позорную деятельность иностранных «дипломатов». «Неслыханные, чудовищные преступления совершаются на нашей земле,— говорилось в обращении.— Английская и французская буржуазии, кичащиеся своим мнимым демократизмом, взяли на себя задачу восстановления монархии в России... Англо-французскими шпионами кишмя-кишат наши родные города. Мешки англо-французского золота употребляются на подкуп различных негодяев... Мы получили совершенно

---

[1] «Пролетарская революция», № 10 (33), 1924, стр. 26.

точные данные, что официальные английские представители подготовляют взрыв железнодорожных мостов около Званки и Череповца для того, чтобы отрезать нас от Перми и Вятки и тем оставить нас совсем без хлеба. Они готовят ряд взрывов наших фабрик и заводов, подготовляют крушения поездов, подготовили ряд террористических покушений... Мы не можем молчать, когда посольство превращается в конспиративную квартиру заговорщиков и убийц, когда официальные лица, живя на нашей территории, плетут сеть кровавых интриг и чудовищных преступлений против нашей страны» [1].

Арест в Англии представителя Советского правительства М. М. Литвинова и его сотрудников привел к новому задержанию Р. Локкарта в Москве. Народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин 7 сентября 1918 года заявил иностранцам: «Дипломатические и военные представители Англии и Франции пользуются своим званием для организации на территории РСФСР заговоров, направленных к захвату Совета Народных Комиссаров с помощью подкупа и агитации среди войсковых частей, к взрыву мостов, продовольственных складов и поездов... Данные устанавливают с несомненностью тот факт, что нити заговора сходились в руках главы английской миссии Локкарта и его агентов. Равным образом установлено, что здание английского посольства в Петрограде фактически было превращено в конспиративную квартиру заговорщиков... Поэтому правительство РСФСР поставлено в необходимость создать для лиц, уличенных в заговоре, такие условия, при которых они были бы лишены возможности продолжать свою преступную, с точки зрения международного права, деятельность». Далее народный комиссар по иностранным делам от имени Советского правительства заявил: «Все интернированные представители английской и французской буржуазии, среди которых нет ни одного рабочего, будут немедленно освобождены, как только русские граждане в Англии и во Франции и в районах оккупации союзных войск и чехословаков не будут больше подвергаться репрессиям и преследованиям. Английские и французские граждане будут иметь возможность немедленно покинуть территорию России,

[1] «Известия ВЦИК», 5 сентября 1918 г.

когда эту же возможность получат российские граждане в Англии и во Франции. Дипломатические представители той и другой стороны, и в том числе глава заговорщиков Локкарт, одновременно будут пользоваться возможностью возвращения на родину...» [1]

Пока шла дипломатическая переписка, многие из заговорщиков-дипломатов (в том числе французский генеральный консул Гренар, генерал Лавернь и другие) укрылись в помещении нейтрального норвежского посольства и отсиживались там. За ними было установлено наблюдение.

Однажды во время наблюдения разведчики ВЧК задержали гражданина, который пытался пробраться в норвежское посольство. Он предъявил паспорт на имя С. Н. Серповского. В действительности это был разыскиваемый американский агент Ксенофонт Каламатиано. Его доставили в ВЧК. Сотрудники ВЧК Петерс и Кингисепп во время допроса Каламатиано обратили внимание на его массивную трость. Они начали ее рассматривать и, в конце концов, открыли эту трость. Внутри нее они обнаружили массу записок, шифровок и расписок в получении денег. В толстой трости Каламатиано оказалась тайная шпионская канцелярия. Необходимо было лишь выяснить, какие фамилии скрываются под номерами, которые находились на расписках в получении денег. Таких номеров было до тридцати [2]. Каламатиано увидел, что он окончательно провалился, и вынужден был давать объяснения и расшифровывать фамилии, скрывавшиеся под номерами. Действуя вместе с союзными разведчиками — Сиднеем Рейли и Вертимоном, прикрываясь вывеской американских коммерческих фирм, Каламатиано завербовал на службу американской разведке людей (зашифрованных под номерами), которые за плату доставляли сведения об экономическом, политическом и военном положении Советской республики. В эту шпионскую сеть входили: Александр Фриде, являвшийся ближайшим помощником Каламатиано, бывший генерал-майор Загряжский, бывший чиновник московской таможни Солюс, бывший подполковник Генерального штаба Голицын, студент

[1] «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. II. М., 1925—1929, стр. 170—171.

[2] См. «Пролетарская революция», № 10 (33), 1924, стр. 26—27.

университета Хвалынский, журналист Ишевский, служащий Центропленбежа[1] Иванов, бывший офицер Потемкин и другие.

Представление о характере сотрудничества Каламатиано со своими осведомителями и о моральном облике последних дает, между прочим, найденное при обыске письмо агента Ишевского на имя Каламатиано: «С первых же ваших слов я заключил, что «фирма» и «условия транспорта» есть не что иное, как маска, прикрывающая политическую и военную разведку. В этом направлении я и стал вести наблюдения во время моей командировки. Но каково было мое удивление, когда я, по возвращении в Москву, узнаю от вас, что в моих услугах не нуждаются. Получили то, что было нужно, и дали гроши, которые получают курьеры теперешних министерств... Человек в надежде на будущие перспективы рисковал многим, сидел под арестом, работал... и за все — 600 рублей и «уходи вон!». Нет, к своим секретным агентам другие государства так не относятся, и в полном сознании своей моральной правоты... я требую восстановления справедливости. Я свое требование — получить 4500 рублей — готов поддержать имеющимися в моем распоряжении средствами»[2].

Данные по делу о заговоре Локкарта, собранные при расследовании, все же не давали полного представления о подрывной деятельности «союзных» послов против Советской России. Впоследствии были выявлены и другие факты.

Благодаря мерам, принятым Советским правительством в результате расследования, преступная деятельность иностранных шпионов, скрывавшихся под маской дипломатов, в значительной степени была пресечена.

---

[1] Центральная коллегия по делам пленных и беженцев при Народном комиссариате внутренних дел.

[2] «Правда», 20 октября 1918 г.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Перегруппировка вражеских сил

Осенью и зимой 1918 года в Советской России происходили серьезные сдвиги на внутреннем фронте борьбы с контрреволюцией.

За прошедший год со времени Октябрьской революции советский строй значительно окреп. Созданная рабочим классом и крестьянством Красная Армия грудью отстаивала свободу и независимость страны. Органы ВЧК нанесли сокрушительный удар по лагерю внутренней контрреволюции; во время кампании красного террора были ликвидированы или загнаны в глубокое подполье наиболее активные и опасные антисоветские кадры. Если раньше враждебные элементы внутри страны вели активное наступление и органы ВЧК раскрывали один за другим крупные антисоветские заговоры, то с осени 1918 года и вплоть до весны 1919 года отмечалось как бы затишье: ни одного крупного заговора не было обнаружено. Это было относительное, временное затишье, вызванное происходившей перегруппировкой сил в антисоветском лагере в связи с событиями международного и внутреннего характера.

К осени 1918 года предпринятое антисоветскими силами и международным империализмом первое наступление на Советскую республику было в основном приостановлено. Этому способствовала международная обстановка. В некоторых странах Западной Европы начался революционный подъем. В сентябре 1918 года вспыхнуло солдатское восстание в Болгарии; в октябре началась революция в Австро-Венгрии, а в ноябре — в Германии. Немецкий народ низложил кайзера. Весной

1919 года в Венгрии и Баварии возникли советские республики.

13 ноября 1918 года ВЦИК аннулировал навязанный стране грабительский Брест-Литовский договор. Началось очищение от германских войск оккупированных ими советских территорий. Теперь перед Советской республикой стояла только коалиция держав Антанты и США.

Страны Антанты вначале надеялись, по выражению В. И. Ленина, «разделаться с Советской Россией» при помощи небольшого количества собственных войск и усилили интервенцию на территории России. Но их надежды оказались нереальными. 18 января 1919 года Генеральный штаб главного командования армий Антанты вынужден был констатировать: «Благодаря поражению центральных держав и недостаточным действиям союзников в России большевизм неуклонно увеличивает свое могущество.

На Севере и на Востоке его, по-видимому, задержали.

Но внутри страны он укрепился.

На Западе и Юго-Западе уход германских войск открывает ему свободное поле действий в прибалтийских провинциях, Польше и на Украине. Красная Армия стоит у ворот Ревеля, занимает Ригу и Вильно, она вступила в Харьков, откуда уже угрожает флангу армий Краснова и Деникина... Если Антанта хочет сохранить плоды своей победы... она сама должна вызвать перерождение России путем свержения большевизма и воздвигнуть прочный барьер между этой страной и центральными державами.

Интервенция, преследующая эту цель, является для нее жизненной необходимостью». Исходя из такой оценки положения, Генеральный штаб Антанты разработал план, предусматривавший не только вооруженные действия своих войск, но и «мощную материальную и моральную поддержку» русским антисоветским военным формированиям. План предполагал также «восстановление прочной в военном отношении Польши, способной играть роль буферного государства между Россией и Германией». Генеральный штаб предлагал поделить «зоны действий» между странами Антанты и настойчиво призывал правительства «срочно прийти к соглашению

в целях установления принципов интервенции в России, уточнения распределенных обязанностей, обеспечения единого руководства» [1].

Пока в дипломатических и военных сферах Антанты шло обсуждение планов интервенции, посланные в Россию войска встречали все возраставшее сопротивление окрепшей Красной Армии и широких трудящихся масс. Зрело и движение рабочего класса против интервенции внутри капиталистических стран. В войсках Антанты началось брожение; они быстро революционизировались под влиянием идей Октября.

Не менее важны были и социально-политические сдвиги, происходившие внутри России. В то время как на центральной территории республики советская государственная система укреплялась, по ту сторону фронта, в Сибири, на Урале, в Поволжье, где эсеры и меньшевики образовали так называемые «демократические правительства», углублялся процесс разложения.

«Учредиловские демократии» влекли за собой реставрацию буржуазно-помещичьего строя. В самарском перевороте вместе с «социалистическими» партиями участвовали белогвардейские офицерские отряды под командованием полковника Галкина. Эсеры предоставили ему пост «командующего войсками» так называемой «народной армии» — оплота созданного ими «правительства Комитета членов Учредительного собрания». Отовсюду на территорию, подвластную самарскому правительству, собирались белогвардейские элементы, которые восстанавливали на местах старорежимные методы правления, душили рабочих и крестьян, творили зверства и произвол. Тюрьмы были переполнены, свирепствовали контрразведка и военно-полевые суды, состоявшие из белых офицеров; по их приговорам расстреливались рабочие, подозреваемые в большевизме. Карательные отряды в деревнях пороли нагайками бедняков. В сущности, власть принадлежала эсеровскому «Комучу» только формально, фактически она находилась в руках белогвардейцев. Террористический режим озлоблял трудящихся. Советы рабочих депутатов, превращенные эсерами и меньшевиками в безвластные органы

---

[1] «Из истории гражданской войны в СССР», т. 1. М., 1960, стр. 82—84, 87.

«выражения общественного мнения», все более революционизировались. Рабочие требовали сохранения советских законов о труде, рабочего страхования, прекращения политических репрессий, арестов. Стало прозревать и крестьянство, испытывавшее на себе все «прелести демократического рая». Если раньше крестьяне поддавались агитации эсеров, то теперь подавляющее их большинство, и прежде всего бедняки и середняки, стали отворачиваться от эсеров и их «правительства».

Такое же положение складывалось и на севере. Сформированное в Архангельске в августе 1918 года антисоветское «Верховное управление Северной области» возвестило, что оно ставит перед собой задачу восстановления деятельности Учредительного собрания, земств и городских дум [1].

Народные социалисты, возглавлявшие «Верховное управление», включили в его состав представителей цензовых элементов кадетов Н. Старцева и П. Зубова, а «командующим всеми русскими вооруженными силами Северной области» назначили английского агента, белогвардейца капитана 2-го ранга Чаплина, участвовавшего с офицерским отрядом в перевороте.

Они денационализировали и возвратили прежним владельцам все предприятия в области. Член «Верховного управления» правый эсер М. А. Лихач призывал рабочих к «самоограничению» в пользу буржуазии. Как и в Самаре, белогвардейская контрразведка на Севере беспощадно попирала права и свободу рабочих и крестьян.

Разгул контрреволюции дополнялся тяжелым гнетом оккупантов, высадившихся в городе. Английское военное командование поддерживало самые реакционные местные силы. Вместе с английскими и французскими войсками с военных кораблей высадились на берег такие русские монархистские деятели, как генерал Гурко, князь Щербатов и другие. «Социалистические» заправилы «Верховного управления» пресмыкались перед дипломатами стран Антанты, добиваясь своего «признания».

В ночь на 6 сентября Чаплин со своими штабными офицерами, при участии кадета Н. Старцева, арестовал

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 366, л. 80—81.

членов «Верховного управления», вывез их в Соловецкий монастырь и установил военную диктатуру. Трудящиеся Архангельска, оказавшиеся перед фактом перехода власти к монархистам, объявили всеобщую забастовку. Движение приняло такой широкий размах, что «союзники» вынуждены были 10 сентября 1918 года возвратить из Соловецкого монастыря арестованных членов «Верховного управления». Но ненадолго. Вскоре они принудили «социалистов» из «Верховного управления» уступить свое место более правым элементам. От широко возвещенной «социалистами» «учредиловской демократии» не осталось и следа.

Процесс превращения «демократических правительств» в режимы военной диктатуры шел повсюду. Но наиболее сильного развития он достиг в Западной Сибири. 18 ноября белогвардейцы совершили переворот в Омске. Отряд казаков под звуки оркестра, исполнявшего «Боже, царя храни», вывез эсеро-меньшевистских членов «демократического правительства» на границу с Китаем. Военщина передала власть на территории Сибири, Урала и Поволжья вице-адмиралу А. В. Колчаку, принявшему титул «верховного правителя России».

К тому времени на юге России, после гибели Корнилова под Екатеринодаром в апреле 1918 года, во главе белой Добровольческой армии стал генерал А. И. Деникин. В феврале 1919 года ему подчинилось и «всевеликое войско Донское», которым командовал ранее Краснов. Деникин объявил себя «главнокомандующим вооруженными силами юга России» и вскоре заявил о своем подчинении Колчаку.

Так повсюду на территории, захваченной контрреволюционными силами, власть перешла в руки монархистских генералов — военных диктаторов. Эсеры и меньшевики с их идеями «учредительной демократии» окончательно обанкротились. Всем стало ясно, что они только расчищали путь военной диктатуре монархистов, что «правительства», созданные по их рецептам, были лишь ступеньками на пути к полной реставрации буржуазно-помещичьего строя. В политических настроениях крестьянства и других мелкобуржуазных слоев населения начался перелом. Подавляющее их большинство, и прежде всего колебавшиеся ранее крестьяне-середняки, повернуло на сторону Советской власти.

Среднее крестьянство поняло, что только рабочий класс во главе с партией большевиков может спасти трудящихся от возврата помещиков и капиталистов. Теперь уже мелкобуржуазные «социалистические» партии, если они не желали окончательно рвать с массами, должны были пересмотреть свою тактику.

В ноябре 1918 года ЦК меньшевиков опубликовал «Воззвание к социалистам всех стран». В этом воззвании меньшевики вынуждены были признать, что, «руководствуясь исключительно целью беспрепятственной эксплуатации природных богатств России и ее политического подчинения, союзный империализм пользуется теми анархией и гражданской войной, которые царят в России, чтобы выступить в роли умиротворителя страны и организатора ее экономического и гражданского возрождения... Чтобы покончить с большевистским правительством, союзники сплачивают вокруг своих десантов те русские вооруженные силы, которые в ходе гражданской войны образовались в течение последнего года. Социальный характер и политические тенденции этих сил в преобладающем большинстве случаев являются контрреволюционными и реакционными... Действительной программой руководящих групп антибольшевистской коалиции является отобрание у крестьян взятой ими у помещиков земли и т. п. Весь опыт господства этих групп на Украине, на Дону и в Белоруссии не оставляет в этом сомнения, равно как и деятельность их в Сибири и на Волге, где у власти стояли более демократические группы и где эти контрреволюционеры не останавливались перед попытками государственного переворота, чтобы еще до полной своей победы во всей России обеспечить диктатуру помещичьих и милитаристских элементов» [1].

Признав, таким образом, контрреволюционность антисоветских движений и агрессивный характер вмешательства международных империалистов в дела России, меньшевики заявили, что они отказываются от поддержки этих контрреволюционных сил. Однако они попрежнему считали единственно правомочным органом власти Учредительное собрание. Кроме того, они выступали за ликвидацию чрезвычайных комиссий, пре-

[1] «Известия ВЦИК», 26 ноября 1918 г.

кращение красного террора, за отказ от борьбы с буржуазией в области экономики [1].

Колчаковский переворот в Сибири заставил и правых эсеров пересмотреть свою политику соглашательства с белогвардейцами и изменить тактику, с тем чтобы сохранить свое влияние среди мелкобуржуазных слоев населения. Избранный в ноябре на съезде членов Учредительного собрания комитет призвал сибирские, казацкие и словацкие воинские части выступить против Колчака. Делегация комитета в составе бывшего председателя «Комуча» В. К. Вольского, секретаря съезда Н. В. Святицкого, товарища секретаря Шмелева и некоторых деятелей эсеровской партии (Н. Ракитникова, К. Буревого, Б. Черненкова) начала переговоры с Советским правительством о «примирении».

Большевистская партия и Советское правительство чутко прислушивались к изменению настроений мелкобуржуазных кругов. Они считали необходимым учесть и использовать в интересах революции это изменение настроений и политической ориентации мелкой буржуазии и ее партий (хотя, зная двойственность и противоречивость природы мелкой буржуазии, понимали, что такое изменение политической ориентации могло оказаться недолговременным). Учитывая изменение соотношения классовых сил в стране, В. И. Ленин выступил за изменение политики по отношению к мелкой буржуазии. В докладе на собрании партийных работников Москвы 27 ноября В. И. Ленин говорил: «Очень ошибся бы тот, кто задумал бы механически перенести теперь лозунги нашей революционной борьбы того периода, когда между нами не могло быть никакого примирения, когда мелкая буржуазия была против нас, когда наша непоколебимость требовала от нас применения террора. Теперь это была бы не непоколебимость, а просто глупость, недостаточное понимание тактики марксизма...

...Теперь, когда эти люди начинают поворачиваться к нам, мы не должны отворачиваться от них только потому, что наш лозунг в листовках и газетах раньше был другим. Когда мы видим, что они делают полуоборот к нам, мы должны написать наши листовки заново, потому что изменились отношения этой мелкобуржуаз-

[1] См. «Известия ВЦИК», 26 ноября 1918 г.

ной демократии к нам. Мы должны сказать: милости просим, мы вас не боимся. Если вы думаете, что мы умеем действовать только насилием, то вы ошибаетесь. Мы могли бы достигнуть соглашения...

...Мы вас, господа меньшевики, после вашего выступления о «союзниках» охотно легализируем. Это будет сделано Центральным Комитетом нашей партии. Но мы не забудем того, что в вашей партии остались меньшевики-«активисты», и по отношению к ним наши методы борьбы остаются старыми... Мы оставляем за собой государственную власть, *только за собой*» [1].

30 ноября 1918 года ВЦИК обсудил вопрос об отношении к тем политическим группам, которые его постановлением от 14 июня были исключены из Советов за совместные с контрреволюционной буржуазией выступления против Советской власти. В принятом на заседании ВЦИК постановлении говорилось:

«Ознакомившись с содержанием резолюций и воззванием Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков), Центральный Исполнительный Комитет констатирует, что эта партия, по крайней мере в лице ее руководящего центра, ныне отказалась от союза (коалиции) с буржуазными партиями и группами, как российскими, так и иностранными.

Тем самым партия меньшевиков открыла для себя возможность принимать — наряду с другими партиями — участие в работе Советов, в работе по организации и обороне страны.

Центральный Исполнительный Комитет, исходя из этого, постановляет считать недействительною резолюцию Центрального Исполнительного Комитета от 14 июня 1918 г. в той ее части, которая касается партии меньшевиков.

Ввиду того что Центральный комитет Российской социал-демократической рабочей партии на деле не может взять на себя ответственность за поведение всех групп и членов своей партии, Центральный Исполнительный Комитет считает нужным отметить, что настоящее решение не относится к тем группам меньшеви-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 218, 220.

ков, которые продолжают находиться в союзе с русской и иностранной буржуазией против Советской власти» [1].

В феврале 1919 года в Петрограде состоялась партийная конференция правых эсеров, живших на территории Советской республики. Участники конференции признали, что международный империализм ведет к реставрации монархии в России, и, так же как и руководящие деятели партии меньшевиков, в тактических целях провозгласили отказ от поддержки интервенции и вооруженной борьбы с Советской властью, от «блокирования и коалиции с буржуазией» [2].

19 февраля 1919 года ЦК РКП(б) заслушал сообщение делегации ВЦИК о результатах переговоров с делегацией комитета съезда членов Учредительного собрания и предложил ВЦИК принять решение о «легализации правых эсеров». 26 февраля ВЦИК вынес постановление, в котором отмечалось, что партийная конференция правых эсеров Советской России в своих резолюциях отвергла попытки вооруженной борьбы с Советской властью, признав, что подобная борьба служит только на пользу контрреволюции; признала ошибочность всей политики мелкобуржуазной демократии, колебания которой привели ее к ряду преступлений против интересов трудящихся масс и способствовали иностранному вмешательству и захвату власти на отдельных окраинах контрреволюционерами; призвала свои партийные организации к свержению реакционных правительств в областях, находящихся во власти иностранных империалистов. ВЦИК учел и то, что комитет съезда членов Учредительного собрания и члены ЦК партии эсеров, руководившие вооруженной борьбой против Советской власти на Восточном фронте, прекратили вооруженную борьбу и призвали мобилизованные ими воинские части обратить свое оружие против Колчака, действуя совместно с Советской властью. ВЦИК постановил: «...Отменить свое постановление от 14 июня (1918 года.— *Д. Г.*) по отношению ко всем группам партии правых социал-революционеров, считающим для себя обязательными указанные выше поста-

[1] «Декреты Советской власти», т. IV. М., 1968, стр. 96—97.

[2] «Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров...», стр. 36.

новления и шаги партии социал-революционеров и комитета членов Учредительного собрания, предоставив им право наряду с другими партиями принимать участие в советской работе, предложить административным и судебным органам Советской Республики освободить из заключения тех членов партии социал-революционеров, которые разделяют точку зрения, изложенную в вышеуказанных резолюциях и заявлениях». В постановлении указывалось: «Продолжая по-прежнему беспощадную борьбу со всеми группами, каким бы знаменем они ни прикрывались, которые прямо или косвенно поддерживают внутреннюю или внешнюю контрреволюцию, Центральный Исполнительный Комитет считает своим долгом предоставить партиям мелкобуржуазной демократии возможность на деле в открытой работе доказать свою готовность поддержать пролетариат и крестьянство в борьбе с внешней и внутренней буржуазной контрреволюцией» [1].

Таким образом, эсеры и меньшевики, отказавшиеся от вооруженной борьбы с Советской властью, были легализованы. Советские органы борьбы с контрреволюцией могли пока что отложить в сторону острые формы борьбы в отношении этой части антисоветского лагеря. Отсюда вытекала необходимость пересмотра общей карательной линии советских органов в борьбе с контрреволюцией.

2. Реформа органов борьбы с контрреволюцией

Энергичная работа чрезвычайных комиссий по охране революционных завоеваний в тяжелый период, пережитый молодой Советской республикой, высоко подняла их авторитет и значение. Чрезвычайные комиссии создавались во всех уездах, районах, городах, на транспорте и в Красной Армии (позднее они были объединены с органами военного контроля в «Особые отделы»). Кое-где на периферии, однако, чрезвычайные комиссии ускользали из-под контроля НКЮ, НКВД и местных советских и партийных организаций, а иногда продолжали действовать методами красного террора, когда это

[1] «Декреты Советской власти», т. IV, стр. 437.

не вызывалось необходимостью. В связи с этим на местах возникали трения между чрезвычайными комиссиями и местными советскими и партийными организациями.

Осенью 1918 года работники советской юстиции, многие партийные и советские органы стали высказываться за ограничение компетенции чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, за усиление партийного контроля за их деятельностью и подчинение их местным исполкомам Советов. Одновременно ставился вопрос о повышении роли обычных судебных органов в борьбе с контрреволюцией и уголовной преступностью и о смягчении жесткой карательной линии, принятой после введения красного террора.

В печати началась дискуссия по вопросу о правах чрезвычайных комиссий, о том, кому они должны подчиняться и как нужно контролировать их деятельность. Дискуссия продолжалась с перерывами с октября 1918 до февраля 1919 года.

Но основным моментом дискуссии являлся все же вопрос не о подчиненности чрезвычайных комиссий, а о совершенствовании методов их деятельности. Часть работников чрезвычайных комиссий, не учитывая изменения внутриполитической обстановки в стране, выступала по-прежнему за те методы борьбы с контрреволюцией, которые применялись при проведении красного террора. Эти ошибочные взгляды были осуждены Коммунистической партией и центральными правительственными органами.

Президиум ВЦИК, рассматривая вопрос о ВЧК, постановил детально ознакомиться с деятельностью Чрезвычайной комиссии и ее отделов. С этой целью была назначена специальная комиссия. Одновременно для урегулирования деятельности центральной и местных чрезвычайных комиссий, а также их взаимоотношений с другими советскими учреждениями Президиум ВЦИК назначил комиссию по выработке «Положения о чрезвычайных комиссиях» под председательством Я. М. Свердлова. Вместе с тем Президиум указал «на необходимость продолжать беспощадную систему борьбы с контрреволюцией и контрреволюционерами» [1].

[1] «Декреты Советской власти», т. III, стр. 450—451.

28 октября 1918 года Президиум ВЦИК утвердил выработанное комиссией «Положение о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях». ВЧК признавалась центральным органом СНК, «объединяющим деятельность местных чрезвычайных комиссий», работающим «в тесном контакте с Народными комиссариатами внутренних дел и юстиции». Председатель ВЧК включался в коллегию Народного комиссариата внутренних дел. В свою очередь комиссариаты внутренних дел и юстиции обязывались делегировать своих представителей в ВЧК. В отношении местных чрезвычайных комиссий в Положении указывалось, что они организуются местными Советами или их исполкомами на одинаковых правах с остальными их отделами, причем члены местных ЧК назначаются и отзываются исполкомами. Высшим органам ЧК предоставлялось право посылать в низшие органы своих представителей с правом решающего голоса, приостанавливать и отменять постановления ЧК в низших инстанциях [1].

Рядом законодательных актов Советская власть изменяла и карательную политику. По предложению Совета Народных Комиссаров VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов 6 ноября 1918 года объявил амнистию. Постановлением съезда предписывалось освободить из заключения всех лиц, задержанных органами борьбы с контрреволюцией, которым в течение двух недель со дня ареста не предъявлено или не будет предъявлено обвинение в непосредственном участии в заговоре против Советской власти или подготовке его, или в организации белогвардейских сил, или в содействии тем партиям и группам, которые явно поставили себе целью вооруженную борьбу против Советской власти; освободить из заключения всех заложников, кроме тех из них, временное задержание которых необходимо как условие безопасности товарищей, попавших в руки врагов. Всем революционным трибуналам и народным судам предписывалось в срочном порядке пересмотреть списки осужденных ими лиц и применить досрочное освобождение в самых широких размерах в отношении тех, освобождение кого не представляет опасности для Республики [2].

[1] См. «Декреты Советской власти», т. III, стр. 458—459.
[2] См. там же, стр. 529—530.

Это была первая амнистия, проведенная во всероссийском масштабе. Содержавшееся в постановлении съезда положение о необходимости предъявлять конкретные обвинения всем задержанным органами борьбы с контрреволюцией, о запрещении каким бы то ни было организациям, кроме ВЧК, брать заложников означало большой шаг в развитии революционной законности.

Через некоторое время вопрос о работе чрезвычайных комиссий вновь встал перед центральными правительственными учреждениями в связи с обсуждением порядка арестов специалистов, работающих на предприятиях и на железной дороге и занимающихся антисоветской деятельностью.

Сохранились собственноручные заметки В. И. Ленина от 3 декабря 1918 года, в которых он высказал свои мысли и предложения о работе чрезвычайных комиссий. В. И. Ленин писал: «Во главе должны стоять члены партии, не менее двух лет пробывшие в партии.

Переработать положение о ЖЧК.

Подтвердить право *профессиональных* и партийных организаций *брать на поруки*.

[Более строго преследовать и карать расстрелом за ложные доносы.

Право брать на поруки дать наркомам с подписью двух членов коллегии.

Право участия в следствии предоставляется и т. д.

[При введении учета технических сил, а равно интеллигенции вообще, предупредить, что не зарегистрировавшиеся теряют право на получение свидетельств с поручительствами.

Немедленно расширить в ВЧК отдел жалоб и просьб об ускорении дела» [1].

Требуя беспощадно бороться с контрреволюцией, соблюдать революционную законность, Ленин всегда заботился о вдумчивом, серьезном отношении к каждому аресту, к судьбе каждого обвиняемого.

«Есть ли серьезные обвинения против арестованного вами профессора Зернова?

Горбунов и Красин просят освободить»,— запрашивал он ВЧК [2]. «Есть ли серьезные улики?» — телеграфи-

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 535.
[2] Ленинский сборник XXI, стр. 233.

ровал он Рогачевской чрезвычайной комиссии в связи с арестом Я. Загорского и А. Козловского [1]. «Оставить в тюрьме можете только тех, против кого имеете улики» [2] — указывал он Самарскому губисполкому и ЧК. «...Я не знаю, есть ли теперь данные против Пальчинского? Какие? серьезные? Почему не применен к нему закон об амнистии?» [3] — запрашивал он Петроград.

В. И. Ленин показывал пример чуткого отношения к людям, обращающимся с жалобами на те или иные, по их мнению, неправильные действия органов Советской власти.

В телеграмме Тамбовскому губисполкому он писал: «Получил жалобу Ивана Богданова на арест его сына Владимира, 17 лет, больного бронхитом, за саботаж. Пересмотрите дело, проверьте болезнь, неопытность, молодость арестованного, особенно расследуйте, не были ли настоящими саботажниками 30 служащих земельного комиссариата, которые отказались от работы, взвалив ее на Богданова. Результат проверки телеграфируйте» [4]. В августе 1918 года во Владимире был арестован бывший нотариус И. В. Одинцов. Он пожаловался в Совет Народных Комиссаров, указывая на старческую слабость и тяжесть пребывания в тюрьме. Управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич доложил жалобу В. И. Ленину, написав, что старик умирает в тюрьме. В. И. Ленин тотчас отдал распоряжение о его освобождении. Благодаря этому вмешательству И. В. Одинцов был освобожден из заключения.

В ноябре 1918 года ВЧК арестовала по подозрению в связях с кадетской партией зубного врача К. С. Гинзбурга. В. И. Ленин писал тогда в ВЧК: «Я запросил сегодня утром сведений о том, почему не освобожден Кирилл Семенович Гинзбург, несмотря на то что его берут на поруки два члена Российской Коммунистической партии большевиков — Дауге и Жуховицкий, а равно сведений о том, кто из членов ВЧК и когда зая-

---

[1] Ленинский сборник XXI, стр. 238.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 216.
[3] Ленинский сборник XXI, стр. 235.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 216.

вил; будто не могут найти Гинзбурга, хотя он содержится в Бутырках.

Сведения эти я затребовал к вечеру 11 ноября. До сих пор, $10^1/_2$ часов, ответа не имею. Повторяю еще раз свое требование» [1]. В другом случае В. И. Ленин телеграфировал Самарской ЧК: «Сообщите основания ареста Павла Александровича Преображенского. Отложите решения до приезда Свидерского (члена коллегии Наркомпрода, очевидно лично знавшего педагога Преображенского.— *Д. Г.*), коего прошу ознакомить с делом, а также сообщите мне, нельзя ли освободить Преображенского на поруки учительскому союзу» [2].

Вскоре после смерти В. И. Ленина на одном из собраний, посвященных его памяти, Мария Ильинична Ульянова поделилась своими воспоминаниями о нем и, между прочим, сказала: «Вы помните 18 и 19 гг., вы помните, какое количество врагов Советской власти было повсюду, какую непреклонную борьбу приходилось вести с ними. Владимир Ильич умел быть непреклонным к этим врагам, но он мог проявлять высшую справедливость, поскольку он видел ту или другую ошибку, допущенную к кому-либо из них. Я приведу один небольшой факт. Их можно было бы привести много, но я ограничусь пока одним. На днях мы получили письмо. Автор этого письма в 19 году был приговорен к расстрелу. Его мать, обезумевшая от горя, побежала в Кремль в надежде, что она сможет повидать Ленина, но ей не удалось видеть его. Она возвращается домой и находит письмо Ленина, доставленное самокатчиком, в котором он пишет, чтобы она не волновалась, что можно подать кассационную жалобу и, наконец, просить ВЦИК о помиловании. Кассационная жалоба не была удовлетворена. Но когда мать автора этого письма пришла во ВЦИК просить о помиловании, то секретарь встретил ее словами: "Да, знаю, знаю, мне т. Ленин много раз звонил о вас". В результате обвиняемый был помилован и позднее был выбран членом Московского Совета.

«Скажите,— пишет автор,— в какой части света можно найти главу государства, который проявил бы столь-

---

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 203—204.
[2] Там же, стр. 211.

ко внимания к человеку, совершенно для него незнакомому и чуждому?»»[1].

11 декабря 1918 года Совет Рабочей и Крестьянской Обороны принял постановление о порядке ареста сотрудников советских учреждений и предприятий. В нем указывалось, что аресты сотрудников болезненно отзываются на работе учреждений и предприятий, в то время как борьба с ополчившимся на Советскую Россию империализмом требует напряжения всех сил. Совет Обороны потребовал от ВЧК и ее местных органов в случаях, когда представится возможным, предварительно извещать соответствующее ведомство относительно своих постановлений об арестах ответственных работников, инженеров и техников, занятых в промышленных предприятиях и на железных дорогах, а если невозможно известить предварительно, то делать это не позднее 48 часов после ареста, сообщая вместе с тем и существо обвинения, предъявленного арестованному. Народным комиссариатам, губернским и городским комитетам партии предоставлялось право посылать своих делегатов для участия в следствии об арестованных гражданах и право освобождать из-под ареста тех, за кого письменно поручатся два члена коллегии комиссариата или два члена городского или губернского комитета партии. Такое же право предоставлялось губернским и городским Советам депутатов (под письменное поручительство всех членов президиума), а также местным или центральным профсоюзам (под письменное поручительство всех членов правления союза)[2].

Это постановление усиливало контроль партийных органов над деятельностью комиссий, устанавливало право участия советских и профессиональных организаций в работе чрезвычайных комиссий. В нем нашла свое выражение и ленинская идея поручительства общественных организаций при решении вопроса о судьбе арестованных[3]. Тем самым постановление укрепляло на-

---

[1] «Правда», 8 февраля 1924 г.

[2] См. «Декреты Советской власти», т. IV, стр. 208—209.

[3] Ленинская идея поручительства общественных организаций за арестованных вошла в практику работы чрезвычайных комиссий. Например, приказом ВЧК от 8 января 1921 года были даны такие указания периферийным органам ЧК: «...Если заставить (провинившегося.— *Д. Г.*) рабочего вместо тюрьмы

чала социалистической законности и партийности в практике борьбы с контрреволюцией.

В развитие этого постановления ВЧК издала 19 декабря приказ местным органам. В нем отмечалось, что в ряде мест чрезвычайные комиссии часто применяют такие методы и приемы борьбы, которые идут вразрез с политикой, намечаемой Советской властью и Коммунистической партией на ближайшее будущее. В подтверждение этого в приказе приводились такие примеры: «1) в то время как Советская власть, сделавшись сильной и приступив к сознательной работе по налаживанию хозяйственного, военного механизма страны, для чего решено было использовать все колеблющиеся мелкобуржуазные, обывательские и буржуазные технические силы, ЧК на местах не дают возможности этого выполнить, арестовывая их на каждом шагу, чем идут вразрез с постановлением центра и дискредитируют ЧК как орган государственной власти;

работать на своем же заводе, под ответственностью остальных рабочих, то такое пребывание на всем честном народе, который будет ждать... опозорит он опять завод или станет настоящим сознательным товарищем,— такой порядок будет действовать гораздо сильней и целесообразней, чем сидение под следствием и судом. Рабочая среда сумеет выправить слабых, малосознательных товарищей, а тюрьма их окончательно искалечит. Лозунг органов ЧК должен быть — «тюрьма для буржуазии, товарищеское воздействие — для рабочих и крестьян»...»

В приказе предлагалось: «Произвести обследование мест заключения и пересмотреть дела на предмет выявления осужденных рабочих и крестьян; а) поднять вопрос перед местными завкомами и профсоюзами о возбуждении последними ходатайств о досрочном освобождении на поруки и под свое наблюдение осужденных рабочих и крестьян; б) вменить в обязанность ответственным работникам ЧК регулярно посещать места заключения и посредством личной беседы с арестованными рабочими и крестьянами выяснять мотивы проступков и возможность возбуждения ходатайств о применении досрочного освобождения; в) поднять вопрос перед парткомитетами о регулярном посещении мест заключения и ведении бесед, особое внимание уделив арестованным рабочим и крестьянам».

Вместе с тем в том же приказе говорилось: «Уголовный элемент отпускать на поруки с крайней осторожностью, избегая освобождения рецидивистов»; «освобождать на поруки лиц буржуазного класса лишь в крайних случаях, проверив незаменимость их как специалистов в работе учреждения»; «досрочное освобождение к буржуазии не применять» (*М. Я. Лацис*. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, стр. 19—23).

2) в то время когда нужно в высшей степени осторожно подходить к создающемуся экономическому, военному и железнодорожному аппарату страны, относительно которых к деятельности ЧК было сделано особое постановление Высшего Совета Обороны 3 декабря 1918 г., целый ряд комиссий и местных властей его совершенно неправильно поняли и истолковали». Президиум ВЧК потребовал от руководителей губернских ЧК, чтобы они привели методы работы на местах в соответствие с общей политикой Советской власти: «1) Не терроризировать мирную обывательскую среду, а дать ей возможность окончательно убедиться в прочности и необходимости существования Советской власти. То же самое относительно рабочих и беднейших крестьян: надо быть сугубо осторожным и не терроризировать их в процессе борьбы с буржуем, кулаком.

2) Мелкобуржуазным элементам и всем социалистам необходимо дать полную возможность работать, однако, чтобы не имели возможности надуть Советскую власть, ЧК необходимо установить строжайшее негласное наблюдение...

3) В занимаемых нами вновь областях прекратить террор мирного населения и прочистить советские ряды от примазавшихся элементов, которые спешат занять советские места, будучи явными врагами Советской власти.

4) Относиться в высшей степени осторожно к железнодорожному аппарату, давая возможность налаживать таковой» [1].

7 января 1919 года коллегия ВЧК решила сократить аппарат чрезвычайных комиссий и ликвидировать уездные ЧК. Это решение было подтверждено 24 января 1919 года Президиумом ВЦИК [2].

В декабре 1918 года Народный комиссариат юстиции разработал и представил в центральные партийные и советские органы общий проект реформы чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов, вносивший изменения в методы и формы борьбы с контрреволюцией (одним из основных авторов проекта был Н. В. Крыленко). Согласно проекту единственным органом, имев-

[1] «Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. 1917—1921 гг.», стр. 236—237.

[2] СУ, 1919 г., № 1, стр. 14.

шим право выносить решения по делам контрреволюции, признавался суд — революционный трибунал, а за чрезвычайными комиссиями сохранялись розыскные и следственные функции. Вместе с тем намечались меры по укреплению революционных трибуналов, которые должны были стать более эффективным, чем раньше, орудием борьбы с контрреволюцией и другими опасными преступлениями. Этот проект был вынесен на обсуждение общественности и вызвал дискуссию.

8 февраля 1919 года ЦК РКП(б) опубликовал обращение ко всем коммунистам — работникам чрезвычайных комиссий, в котором высказал свое отношение к намеченной реформе. ЦК высоко оценил деятельность ВЧК и указал на огромную роль, которую она сыграла в укреплении Советской власти. Вместе с тем ЦК РКП(б) указал:

«Изменение внутреннего положения и международной обстановки Советской власти, достигнутые успехи в деле подавления белогвардейского заговора внутри и военные успехи в борьбе с контрреволюцией вовне должны будут сказаться и на характере и функциях ЧК...

ЦК намечает новые правила работы ЧК. Эти правила устанавливают, что право вынесения приговоров передается новым, реорганизованным революционным трибуналам, а деятельность ЧК сосредоточивается на общем наблюдении за движением контрреволюционных сил, на непосредственной борьбе с вооруженными выступлениями (контрреволюционными, бандитскими и т. д.)...

ЦК партии коммунистов твердо уверен, что и в этой области работы работники ЧК проявят всю свою преданность делу пролетарской революции, и призывает их к дальнейшей энергичной и дисциплинированной работе по директивам и указаниям партии» [1].

17 февраля 1919 года ВЦИК принял постановление «О Всероссийской чрезвычайной комиссии», в первой статье которого говорилось о том, что право вынесения приговоров по всем делам, возникающим в ЧК, передается реорганизованным трибуналам. Постановление предусматривало также основные принципы реорганизации революционных трибуналов, которые обеспечи-

---

[1] «Правда», 8 февраля 1919 г.

вали эффективное и быстрое рассмотрение дел. Ревтрибуналам предоставлялось право проверки следственных действий чрезвычайных комиссий и проверки закономерности содержания арестованных. Вместе с тем ВЦИК сохранял за чрезвычайными комиссиями право непосредственной расправы для пресечения преступлений при наличии вооруженных контрреволюционных и бандитских выступлений, а также в местностях, объявленных на военном положении, за преступления, указанные в постановлении о введении военного положения. Им предоставлялось право заключения виновных в концентрационный лагерь на основании специальной инструкции, утвержденной ВЦИК [1].

Докладчиком от имени большевистской фракции на заседании ВЦИК был Ф. Э. Дзержинский. «Мне кажется,— говорил он,— что необходимость в реорганизации ЧК и революционных трибуналов настолько созрела, что возражать по этому поводу едва ли кто будет серьезно...» Он указал, что методы враждебной деятельности изменились, что теперь контрреволюционеры стараются пролезть в советские учреждения и действовать изнутри, а массовых, сплоченных контрреволюционных сил уже нет. Поэтому теперь нужно выявлять и судить отдельных преступников. Заканчивая свое выступление, Ф. Э. Дзержинский говорил: «С принятием настоящего проекта не будет у нас того параллелизма, благодаря которому до сих пор преступники, которые должны были быть наказаны, оставались часто безнаказанными. У нас были два органа: ЧК и ревтрибуналы, которые действовали совершенно самостоятельно, одновременно и параллельно. Настоящей реорганизацией этот параллелизм будет уничтожен. Новое положение проводит разделение труда и взаимное дополнение. ЧК будет доставлять материалы в ревтрибунал для того, чтобы последний судил. Таким образом, не будет столкновений и не будет той волокиты, когда дела, поступавшие от нас, переходили в ревтрибунал, где они слишком долго залеживались, залеживались до того, что дело теряло всякую живость. Теперь этого не будет» [2].

---

[1] СУ, 1919 г., № 12, стр. 130.

[2] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 21, д. 8, л. 109—111. Стенограмма выступления Ф. Э. Дзержинского.

ВЦИК принял единственно целесообразное решение. В то время нельзя было отказаться от такого действенного орудия борьбы с контрреволюцией, каким были чрезвычайные комиссии. Но их деятельность упорядочивалась и ставилась под контроль революционных трибуналов. В то же время усиливался партийный контроль за деятельностью чрезвычайных комиссий.

3. Судебный процесс по делу Локкарта

В конце ноября — начале декабря 1918 года, когда политическая обстановка в стране в значительной мере смягчилась, когда произошли изменения в карательной политике Советской власти в борьбе с внутренней контрреволюцией, состоялся судебный процесс по делу о заговоре Локкарта, раскрытом раньше.

Перед судом Верховного революционного трибунала предстали 24 обвиняемых, из них четверо — Локкарт, Гренар, Сидней Рейли и Генрих (Анри) Вертимон — судились заочно, так как Рейли и Вертимон скрылись от следствия, а Локкарту и Гренару Советское правительство разрешило выехать на родину, взамен добившись освобождения арестованных за границей М. М. Литвинова и его сотрудников.

Бывший начальник английской миссии в Москве Локкарт и бывший французский генеральный консул Гренар обвинялись в том, что они, вопреки международному праву и обычаю, использовали свое положение для создания в России контрреволюционной организации, причем в задачу их входило путем повреждения железнодорожных мостов и путей сообщения создать в стране волнения на почве голода и, пользуясь недовольством масс, при помощи подкупленных латышских войск свергнуть правительство Советской республики с целью реставрации буржуазно-капиталистического строя.

Лейтенант английской службы Сидней Рейли, французский гражданин Генрих Вертимон, американский гражданин Каламатиано, проживавший по подложному паспорту Сергея Серповского, обвинялись в том, что, зная о планах Локкарта и Гренара, принимали непосредственное участие в их осуществлении, причем Рей-

ли для подкупа латышских стрелков передал Берзиню 1200 тысяч рублей.

Бывший подполковник Александр Фриде, служивший в управлении начальника военных сообщений, и бывший генерал-майор Загряжский обвинялись в том, что были ближайшими сотрудниками Каламатиано в созданной им организации. Бывший офицер Потемкин, бывший чиновник московской таможни Солюс, бывший подполковник Генерального штаба и военный цензор Голицын, студент Петроградского университета Хвалынский, корреспондент газет Ишевский, бывший служащий Центропленбежа Иванов, чешский гражданин Пшеничко, бывшая сотрудница распределительного отдела ВЦИК Старжевская и бывший заведующий автомобильным складом Московского военного округа Трестар обвинялись в том, что, пользуясь своим служебным положением, собирали сведения для Каламатиано и Рейли. Артистка Художественного театра Оттен, бывшая надзирательница женской гимназии Мария Фриде и бывшая директриса женской гимназии Жанна Моренс обвинялись в том, что принимали участие в контрреволюционной организации в качестве посредниц по тайной передаче донесений, сводок и корреспонденций. Бывший генерал-майор Политковский, чешские граждане Шмейц, Лингарт и Иелиннек, английский подданный Кембер-Хиггс обвинялись в том, что укрывали агентов-шпионов и облегчали им работу по собиранию сведений [1].

Дело рассматривалось в Москве с 28 ноября по 3 декабря 1918 года в открытом судебном заседании, в условиях полной гласности, под председательством заместителя председателя Верховного революционного трибунала О. Я. Карклина, с участием обвинителя Н. В. Крыленко и 14 защитников, в числе которых были видные деятели дореволюционной адвокатуры Н. Муравьев, А. Тагер и С. Плевако. На суде присутствовали представители дипломатических миссий нейтральных держав (норвежской, шведской, датской).

Центральной фигурой судебного процесса был американский шпион Ксенофонт Каламатиано, пойманный

---

[1] См. «Известия ВЦИК», 26 ноября 1918 г.

с поличным во время расследования дела. Вынужденный признать факт сбора им через агентуру, состоявшую из завербованных русских граждан, шпионских сведений, он показал, что не был связан с Локкартом, а действовал в интересах американских коммерческих фирм, которые требовали выяснения экономического, политического и даже военного положения России.

«Какое же отношение к торговым делам имеет сообщение агента № 12 (подполковника Голицына.— *Д. Г.*) о количестве винтовок и пулеметов, вырабатываемых на тульских заводах, а также сведения о формировании Красной Армии?» — спрашивал на суде Н. В. Крыленко.

Подсудимый Каламатиано не мог ни дать вразумительного ответа на этот вопрос, ни объяснить, почему конспирировал свою «легальную коммерческую работу», храня шпионскую канцелярию в толстой полой трости, зашифровывал своих агентов номерами и т. д. В то же время он признал на суде, что делился добытыми через свою агентуру сведениями с сотрудниками английской и французской разведок — Сиднеем Рейли и Анри Вертимоном.

Главный помощник Каламатиано А. Фриде вовлек в шпионаж ряд лиц (Загряжского, Солюса, Потемкина); он же обрабатывал донесения агентов и составлял из них сводки для Каламатиано и Сиднея Рейли. На суде Фриде признал, что обнаруженные у него при обыске 50 тысяч рублей Каламатиано дал ему «на сохранение». Конечно, такой компетентный человек, как Фриде (царский военный следователь), не мог отрицать военно-шпионского характера собираемых им сведений, но он оправдывался тем, что эти сведения будто бы являлись «общеизвестными». Остальные агенты американского разведчика также признали на суде, что за вознаграждение собирали для Каламатиано различные сведения о положении Советской России.

В обвинительной речи Н. В. Крыленко привел факты одновременной и согласованной деятельности Каламатиано и дипломатических заговорщиков (Локкарта, Гренара), раскрыл его связь с разведчиками Рейли и Вертимоном, обрисовал характер его деятельности (конспирация, типичные шпионские приемы) и убедительно доказал, что он был одним из участников международного империалистического заговора против Советской

России. «Каламатиано,— говорил Крыленко,— требовал от своих агентов сведений о количестве военных сил в той или иной местности прифронтовой полосы, о быстроте продвижения войск, о деятельности оружейных заводов, о состоянии транспорта, железнодорожных путей и мостов, о настроении населения — вовсе не... для будущих сношений Америки и России. Ему важно было выяснить, насколько сильна враждебная капиталу Советская власть и насколько способны к сопротивлению советские области. Каламатиано вторгся в малоразвитую экономически страну только с одной целью — поработить эту страну. Будучи тесно связан с американскими фирмами, Каламатиано пытался подготовить экономическое и торговое завоевание России американским капиталом. Коммерческая деятельность идет рука об руку с политической — и этим объясняется связь Каламатиано с представителями дипломатических миссий капиталистических стран... Стремясь при посредстве Каламатиано к экономическому подчинению и завоеванию Российской республики, американские капиталисты старались подготовить момент для наложения своей руки и на политическое управление страной. Каламатиано являлся проводником этих тенденций» [1].

Адвокаты А. Тагер и Н. Муравьев, защищавшие Каламатиано, пытались доказать, что «коммерческая работа» Каламатиано являлась «полезной», так как и советские органы заинтересованы в развитии торговых отношений с Соединенными Штатами Америки. Они внушали, что для выяснения торговых возможностей Каламатиано мог собирать необходимые сведения о положении России, и призывали в интересах урегулирования отношений с США не выносить Каламатиано строгого наказания. Горячую отповедь защитникам дал Н. В. Крыленко: «В речи защитника Муравьева прозвучал отклик угрозы, бросаемой нам, социалистам, всем капиталистическим миром. Муравьев утверждает, что суровый приговор, вынесенный по отношению к американскому гражданину Каламатиано, тяжело отразится на судьбах широких масс русского населения. Ввиду объявленной нам международными капиталистами открытой войны в целях всемерного подавления социа-

---

[1] «Известия ВЦИК», 4 декабря 1918 г.

лизма эта угроза имеет реальное основание. С ней приходится считаться. Но мы, марксисты, знаем, что не мелкие факты решают сложные международные отношения, а факты крупного экономического значения, и произнесенная здесь угроза не может заставить нас забыть о той основной розни, какая существует между представителями капитала и социалистами».

3 декабря Верховный революционный трибунал вынес приговор. Он признал установленной «преступную деятельность дипломатических агентов правительств англо-франко-американской коалиции, пытавшихся при пособничестве представителей русских буржуазных контрреволюционных сил, путем организации тайной агентуры для получения сведений политического и военного характера, подкупа и дезорганизации частей Красной Армии, взрывов железнодорожных мостов, поджогов продовольственных складов и, наконец, свержения рабоче-крестьянской власти и убийств из-за угла вождей трудовых масс,— нанести смертельный удар не только русской, но и международной социалистической революции» [1]. Политическое значение приговора подчеркивалось указанием на ответственность международного империализма за преступную деятельность подсудимых. «Попытка контрреволюционного переворота,— говорилось в нем,— будучи сопряженной с циничным нарушением элементарных требований международного права и использованием в преступных целях права экстерриториальности, возлагает всю тяжесть уголовной ответственности прежде всего на те капиталистические правительства, техническими выполнителями злой воли которых являются (подсудимые.— *Д. Г.*)». Приговор суда молодой Советской республики пригвоздил к позорному столбу международных империалистов и стал орудием революционного воздействия на трудящиеся массы зарубежных стран.

Решая судьбу каждого человека, сидящего на скамье подсудимых, Верховный революционный трибунал строго определял степень его виновности в преступлениях. Восьмерых подсудимых, среди которых были Е. Оттен, английский подданный В. Кембер-Хиггс, француженка Жанна Моренс и чехи Лингерт, Шмейц и

[1] «Известия ВЦИК», 5 декабря 1918 г.

Иелиннек, трибунал оправдал, считая их преступную связь со шпионами недоказанной. Сотрудницу ЦИК О. Старжевскую, находившуюся в близких отношениях с разведчиком Сиднеем Рейли, трибунал приговорил к трем месяцам лишения свободы и запретил ей службу в советских государственных учреждениях. Агентов, поставлявших Каламатиано шпионские сведения,— Загряжского, Потемкина, Солюса, Хвалынского, Голицына, Иванова, Ишевского и Марию Фриде — к тюремному заключению сроком на пять лет каждого. Ксенофонта Каламатиано и Александра Фриде — к расстрелу. Впоследствии расстрел для Каламатиано был заменен другим наказанием. Локкарт, Сидней Рейли и Вертимон были заочно объявлены врагами трудящихся, состоящими вне законов РСФСР; они подлежали расстрелу «при первом же обнаружении их в пределах территории России».

Народный комиссар юстиции Д. И. Курский, разъясняя этот приговор, заявил: «Советская власть настолько окрепла, что ей не приходится прибегать к суровым карам в целях устрашения. Трибунал отбросил в этом деле привходящие соображения и подошел к процессу Локкарта с чисто деловой точки зрения. Не довольствуясь данными предварительного следствия, трибунал сам произвел тщательную проверку всего следственного материала, детально расследовав степень участия в заговоре каждого из подсудимых. Поэтому приговор не мог быть огульным, одинаковым для всех. Трибунал строго распределил подсудимых на категории и покарал действительных виновников и участников заговора, освободив остальных» [1].

Этим судебным процессом закончился первый год борьбы с подрывной деятельностью разведчиков и заговорщиков международного империализма. Борьба была начата могущественными силами иностранных капиталистических государств, их опытнейшими специалистами по части разведки и провокаций. Советским органам государственной безопасности удалось в неравной борьбе защитить завоевания Октябрьской революции. Молодые, недостаточно еще опытные сотрудники советской контрразведки не дали провести себя опытнейшим спе-

[1] «Известия ВЦИК», 5 декабря 1918 г.

циалистам английской, французской и американской разведок — Кроми, Локкарту, Лавернию, Гренару, Сиднею Рейли, Каламатиано.

Некоторые из агентов международного империализма, действовавшие против Советской России в 1917—1918 годах, продолжали свою тайную работу и в последующие годы [1], но большинство из них больше не решались появляться в Стране Советов.

4. Политическая смерть левых эсеров

В ноябре 1918 года состоялся судебный процесс по делу о левоэсеровском мятеже. В это время партия левых эсеров как политическая организация переживала процесс разложения и распада. Провокационная авантюра левоэсеровских лидеров 6—7 июля 1918 года была неожиданной для многих местных организаций партии левых эсеров. В Москве выделилась группа левых эсеров, которая официально порвала с политикой своего ЦК. 18 августа 1918 года на организационном собрании она объявила себя партией «народников-коммунистов» и стала издавать свою газету «Знамя трудовой коммуны». В Саратове по инициативе влиятельных левоэсеровских деятелей (А. Колегаева, А. Биценко, А. Устинова, М. Доброхотова, В. Безеля) в сентябре был созван Всероссийский съезд левых эсеров, не согласных с политикой своего ЦК. Съезд признал недопустимой политику насильственного срыва Брестского мирного договора и высказался за поддержку Советского правительства. Участники съезда вышли из партии левых эсеров и объявили себя «партией революционного коммунизма». Советское правительство, не желая рвать с

[1] В этом отношении интересна судьба английского агента Сиднея Рейли. Бежав из России после провала заговора, он был в Англии у Черчилля советником по «русским вопросам» и в течение ряда лет продолжал заниматься организацией шпионской и подрывной работы против Советской России. В 1925 году Сидней Рейли был пойман в искусную ловушку, расставленную советской контрразведкой. Он приехал в СССР для связи с контрреволюционной организацией и был арестован ОГПУ. 5 ноября 1925 года его, как непримиримого врага Советской России, расстреляли. Так над ним был исполнен приговор Верховного революционного трибунала от 3 декабря 1918 года.

революционными элементами левоэсеровской партии, приняло решение исключать из Советов только тех левых эсеров, которые солидаризировались с авантюристической политикой своего Центрального Комитета.

Между тем упорствующие лидеры партии и поддерживавшие их лица продолжали антисоветские выступления. 13 октября в Петрограде на общем собрании 2-го Балтийского экипажа часть моряков настояла на принятии резолюции в поддержку левоэсеровских требований[1]. Возбужденные антисоветской агитацией матросы арестовали своих командиров и комиссаров и выбрали новых. Вечером они вышли на площадь перед Мариинским театром и, принудив администрацию театра предоставить им духовой оркестр, двинулись на набережную Невы. Демонстранты призывали матросов всех кораблей примкнуть к ним и едва не избили прибывшего к ним главного комиссара Балтийского флота И. П. Флеровского. Вскоре, однако, они были окружены и обезоружены.

Как выяснила Петроградская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, «организатором выступления был Петроградский комитет партии левых эсеров, ибо резолюция, принятая матросами 2-го Балтийского экипажа, была выработана при участии членов комитета и единогласно одобрена затем на Петроградской конференции партии, которая послала приветствие матросам. Кроме того, печатание резолюции происходило на ротаторе в помещении Петроградского комитета, и Петроградский комитет посылал на матросские митинги своих партийных агитаторов»[2]. Главарем выступления был моряк Черноморского флота, левый эсер, участник V съезда Советов Я. Шашков, приехавший в Петроград 9—10 октября. Использовав недовольство части матросов в связи с нехваткой продовольствия и обмундирования и искусственно возбуждая новые взрывы недовольства, он перешел к обычной левоэсеровской агитации и увязал свою «работу» с деятельностью членов Петроградского комитета партии левых эсеров матроса Мозжухина, Хаскелиса и члена морской секции

[1] См. «Петроградская правда», 17 октября 1918 г.
[2] «Петроградская правда», 30 октября 1918 г.

комитета — бывшего офицера В. Дедова. Организаторы этого авантюристического выступления понесли должное наказание.

В ноябре 1918 года Обвинительная коллегия Верховного трибунала при ВЦИК сформулировала обвинение против руководителей июльского мятежа левых эсеров. Спиридонова, Майоров, Прошьян, Фишман, Камков, Карелин, Трутовский, Магеровский, Голубовский и Черепанов обвинялись в том, что они, будучи членами ЦК партии левых эсеров, явились инициаторами и организаторами мятежа.

Спиридонова, Черепанов, Камков, Карелин, Магеровский, Фишман, Саблин и Попов после исполнения террористического акта над Мирбахом укрыли от ареста Блюмкина.

Андрееву и Блюмкину было предъявлено обвинение в том, что они приняли преступное поручение членов ЦК партии левых эсеров, заведомо сознавая все значение террористического акта и возможные его последствия, и убили Мирбаха.

Названные выше члены ЦК партии эсеров после убийства Мирбаха и в ходе дальнейших событий составили, напечатали и распространили ряд печатных воззваний, листков и бюллетеней, в которых от имени ЦК распространяли клеветнические измышления по адресу Советского правительства и его отдельных членов, обвиняя их в соглашении с германским империализмом и предательстве революции, призывали народные массы к восстанию против Советского правительства, в поддержку партии левых эсеров. Кроме того, Спиридонова, Карелин, Фишман, Камков, Трутовский, Прошьян, Магеровский, Черепанов, Попов, Саблин после убийства Мирбаха призывали обманутые ими воинские части к вооруженному выступлению и свержению Советской власти, к сопротивлению наступавшим для подавления мятежа советским частям и руководили этим сопротивлением, результатом чего были ранения и смерть ряда лиц с той и другой стороны.

Прошьян обвинялся, кроме того, в том, что по поручению ЦК своей партии захватил с применением вооруженной силы телеграф, арестовал находившихся там при исполнении своих обязанностей комиссаров и отправил во все города Советской России телеграмму об

убийстве Мирбаха, призывая поддержать начатое левыми эсерами антисоветское выступление.

Участники заговора, прежде всего Карелин, Прошьян, Саблин, Попов и Камков, задержали и обезоружили находившихся при исполнении служебных обязанностей председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского, его помощника М. Я. Лациса, председателя Московского Совета П. С. Смидовича, начальника отряда Венглинского и ряд других лиц, а также отдали распоряжение о задержке и аресте видных советских работников. А после проигранного выступления Саблин и Попов руководили отходом своих частей от помещения отряда Попова по Владимирскому шоссе, организуя вооруженное сопротивление советским войскам.

Давая общую оценку действиям мятежников, обвинительная коллегия Верховного трибунала при ВЦИК указывала, что убийством Мирбаха обвиняемые поставили Советскую республику под угрозу быть раздавленной превосходящими силами империализма Германии в момент, когда собственные военные силы республики еще не были в состоянии оказать должного сопротивления, и подвергли этим русский пролетариат и крестьянство опасности очутиться под властью буржуазии, восстановленной при помощи немецких штыков. С помощью вероломства, лжи и клеветы они еще более усугубили эту опасность, создав для всех контрреволюционных сил благоприятные условия выступления против Советской власти, для удушения революции, объективно оказавшись сами в рядах врагов революции в качестве их деятельных и наиболее активных пособников [1].

27 ноября 1918 года дело левых эсеров было рассмотрено Верховным революционным трибуналом под председательством О. Я. Карклина и при участии обвинителя Н. В. Крыленко.

На суд были доставлены только М. Спиридонова и Ю. Саблин, остальные обвиняемые от суда скрылись. Спиридонова и Саблин заявили, что они отказываются принимать участие в судебном процессе, так как, по их мнению, здесь будто бы «происходит суд одной партии

---

[1] См. «Красная книга ВЧК», т. I, стр. 206—220.

над другой». Верховный революционный трибунал отклонил этот отвод.

Н. В. Крыленко в обвинительной речи указал, что «партия левых эсеров... в настоящее время умерла, но остались определенные лица, с которыми необходимо бороться, когда они становятся вредными», и потребовал строгого наказания для начальника левоэсеровского отряда при ВЧК Попова, изменившего своему служебному долгу, а для других обвиняемых — лишения свободы и высылки из пределов Советской республики [1].

В тот же день Верховный революционный трибунал, признав обвинения, предъявленные в заключении Обвинительной коллегии при Революционном трибунале ВЦИК, доказанными, приговорил: Попова объявить врагом трудящихся, стоящим вне закона, и при поимке и установлении личности расстрелять; Прошьяна, Камкова, Карелина, Трутовского, Магеровского, Голубовского, Черепанова, Блюмкина, Андреева, Майорова, Фишмана — заключить в тюрьму с применением принудительных работ на три года; Спиридоновой и Саблину, принимая во внимание их особые прежние заслуги перед революцией, смягчить меру наказания и заключить их в тюрьму сроком на один год [2].

29 ноября Президиум ВЦИК под председательством Я. М. Свердлова постановил амнистировать Спиридонову и Саблина и освободить их из заключения. Не подверглись позднее наказанию и лица, осужденные заочно. Непосредственный исполнитель террористического акта над Мирбахом — Я. Блюмкин, явившийся в органы ВЧК с повинной, 16 мая 1919 года был также амнистирован Президиумом ВЦИК [3].

Снисходительное отношение Советского правительства к лидерам левых эсеров не оказало, однако, на них должного воздействия. В ВЧК поступали сведения о том, что они готовятся к новым авантюрам. На конференциях левоэсеровской партии 15 ноября и 20 декабря 1918 года были приняты решения создать при губернских комитетах специальные отделы «по конспиративной подготовке свержения большевиков, организации экспроприаций и террористических актов», организовать

[1] См. «Красная книга ВЧК», т. I, стр. 222.
[2] См. там же, стр. 221—223.
[3] См. там же, стр. 235.

контрразведку «для ведения учета квартир и местожительств всех ответственных работников коммунистов, в особенности членов чрезвычайных комиссий». Орган левых эсеров «Наш путь», издававшийся в Вильно, 3 февраля 1919 года опубликовал написанную одним из левоэсеровских лидеров статью, в которой говорилось, что «только немедленный переход власти к нашей партии может спасти положение». В той же газете была помещена резолюция съезда партии левых эсеров по военному вопросу, в которой указывалось, что партия «считает необходимым: а) широчайшую политическую и военную подготовку восстания трудящихся; б) введение явочным порядком солдатских комитетов в существующей Красной Армии» [1]. Выступления левых эсеров на рабочих собраниях становились все более резкими и вызывающими. Эти обстоятельства вынудили ВЧК принять меры. 11 февраля в Москве были арестованы Спиридонова, Штейнберг, Трутовский, Рыбин, Прокопович, Розенблюм, Сирота, Кроник и другие видные левоэсеровские деятели. Тогда же были обнаружены и ликвидированы их конспиративная квартира и нелегальная типография. Аресты левых эсеров были проведены и в других городах.

24 февраля 1919 года в Московском революционном трибунале под председательством А. Дьяконова рассматривалось дело Спиридоновой, обвинявшейся в контрреволюционной агитации. Революционный трибунал признал доказанным, что Спиридонова, выступая в январе на московских митингах, фабриках и заводах, публично клеветала на Советскую власть и отдельных ее представителей, своей преступной агитацией среди рабочих, крестьян и солдат способствовала дезорганизации революционных сил и, таким образом, помогала контрреволюции. Определяя меру наказания для Марии Спиридоновой, революционный трибунал постановил: «Принимая во внимание болезненно-истерическое состояние обвиняемой, не преследуя в наказании целей отмщения врагам революции и не желая причинять Марии Спиридоновой излишних страданий, одновременно с тем охраняя рабоче-крестьянскую революцию и стоя на страже ее завоеваний, трибунал постановил изолиро-

[1] «Известия ВЦИК», 13 февраля 1919 г.

вать Спиридонову от политической и общественной деятельности на один год посредством заключения ее в санаторий, с предоставлением ей возможности здорового физического и умственного труда» [1].

Разложение и распад левоэсеровской партии продолжались. Революционные элементы ее образовывали группы, борющиеся против экстремистского руководства, выходили из партии, вступали в большевистскую партию. От линии ЦК партии эсеров отошел участник мятежа П. Прошьян. Вступили в Коммунистическую партию Ю. Саблин, Я. Фишман, А. Колегаев, А. Биценко и другие. В то же время немногочисленные группы «активистов» все более скатывались в болото открытых врагов Советской власти или вливались в ряды анархистов. В конце концов левоэсеровская партия сошла с политической сцены, сама себя похоронила.

---

1 «Известия ВЦИК», 25 февраля 1919 г.

1. Общая расстановка главных борющихся сил в России в период решающих побед Красной Армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции.

Перегруппировка сил антисоветского лагеря, начавшаяся осенью 1918 года, закончилась к весне 1919 года. Теперь на первый план борьбы с Советской властью выдвинулись наиболее реакционные круги контрреволюции.

К весне 1919 года при политической, военной и материальной поддержке империалистов Антанты на территории России оформилось несколько крупных антисоветских военно-политических объединений под управлением военных диктаторов — монархистских генералов. На востоке это были силы во главе с «верховным правителем России» вице-адмиралом А. В. Колчаком, на юге — во главе с «главнокомандующим вооруженными силами юга России» генералом А. И. Деникиным; в районе Петрограда — во главе с генералом Н. Н. Юденичем. Политическим ядром руководящих учреждений этих военно-диктаторских режимов стали монархистские и кадетские организации.

Главной опорой деникинщины являлось южнорусское объединение известного нам «Национального центра», возглавлявшееся бывшим членом Государственной думы монархистом В. В. Шульгиным. За ним шел возникший в октябре 1918 года в Киеве «Совет государственного объединения России», состоявший из буржуазных деятелей бывшей Государственной думы, Государственного совета, земских и городских самоуправлений, крупных торговцев, промышленников, земельных собственников, церковных деятелей и финансистов. Председателем «Совета» состоял барон В. В. Меллер-Закомельский, бывший председатель Петербургской губернской земской управы и член Государственного со-

вета; товарищами председателя — А. В. Кривошеин, бывший царский министр, профессор П. Н. Милюков, С. Н. Маслов, земский деятель, Третьяков, от торгово-промышленной группы; членами «Совета» — профессор Е. Н. Трубецкой, князь Голицын и другие. Самой «левой» легальной организацией юга России был южнорусский «Союз возрождения России»; к нему примыкал «Совет земств и городов юга России». Как и в центре России, в южнорусский «Союз возрождения России» входили так называемые государственномыслящие народные социалисты, левые кадеты, некоторые правые эсеры и меньшевики.

Такие же монархистские и кадетские организации действовали при Колчаке, Юдениче и других военных диктаторах.

Деникинский, колчаковский и юденичский очаги контрреволюции оказывали сильное влияние на состояние фронта борьбы с внутренней контрреволюцией в тылу Советской республики. Агенты Колчака, Деникина, Юденича неустанно создавали подпольные организации и заговоры в тылу борющейся Красной Армии. Теперь, в 1919 году, и внутри Советской России на первый план контрреволюционной борьбы выдвинулись реакционные элементы, сосредоточенные в тайных монархистских, кадетских организациях, подрывная деятельность которых увязывалась с военными действиями мятежных генералов. На место правосоциалистических партий в качестве руководящих органов антисоветского подполья стали главным образом кадетские организации «Национального центра». Кадеты превратились в соучастников монархистской контрреволюции.

Так к весне 1919 года определились главные борющиеся классовые и политические силы в России. На одной стороне фронта стояли рабочий класс и революционное крестьянство во главе с большевистской партией и Советским правительством, на другой — буржуазия и помещики в союзе с империалистами Антанты.

Вооруженные и поддерживаемые международным империализмом Колчак, Деникин, Юденич начали активные военные действия против Советов. Гражданская война вспыхнула с еще большей силой.

Первой в начале марта 1919 года в наступление на Восточном фронте перешла колчаковская армия, под-

держанная Деникиным на юге, генералом Миллером на севере и белогвардейцами Прибалтики. 13 мая начал свой поход на Петроград Юденич. Именно в это время в тылу Красной Армии на самом опасном участке фронта — в Петрограде — начало активную подрывную работу петроградское отделение «Национального центра». Усилиями Красной Армии войска Колчака и Юденича были остановлены и понесли поражение. Одновременно ВЧК вскрыла и ликвидировала заговор петроградского отделения «Национального центра».

Во второй половине 1919 года по плану Антанты главный удар должен был нанести генерал Деникин с юга. Предполагалось также наступление войск Колчака на востоке, генерала Миллера на севере и Юденича в районе Петрограда. Деникин захватил Донбасс, Грозный, Царицын; к середине октября 1919 года его войска заняли Украину, Курск, Орел, угрожали Туле и Москве. В этот грозный для Советской республики час в тылу Красной Армии «Национальный центр» и подпольный «Штаб добровольческой армии Московского района» готовили восстание в сердце страны — Москве.

В октябре войска генерала Юденича вновь начали движение на Петроград. Им удалось захватить Ямбург, Красное Село, Гатчину, Детское Село и приблизиться к окрестностям Петрограда. И снова в тылу Петроградского фронта «Национальный центр» готовил удар в спину революции.

В октябре Красная Армия приостановила наступление Деникина, а в ноябре разгромила Юденича под Петроградом. К концу 1919 года были уничтожены основные военные силы генералов Деникина, Юденича и добит Колчак. Территория Советской России, Украина и Северный Кавказ очищались от вражеских банд. Тогда же в тылу Страны Советов ВЧК ликвидировала и остатки контрреволюционных организаций «Национального центра».

Страна получила передышку. Но она продолжалась недолго. Вскоре Антанта натравила на Советскую Россию буржуазно-помещичью Польшу. Активизировался и окопавшийся в Крыму последыш Деникина — белогвардейский генерал барон Врангель. 25 апреля 1920 года польские войска напали на советские границы и вскоре заняли Киев; двинулись и белогвардейские

банды Врангеля из Крыма. И вновь в тылу Красной Армии зашевелились подрывные элементы. 9 мая в Москве произошел взрыв склада артиллерийских снарядов. В течение одного месяца по России было взорвано около 20 военных складов и заводов. Это действовали диверсанты по заданиям разведки «буферной» Польши.

В октябре Советское правительство заключило перемирие с Польшей. Вслед за тем, сосредоточив силы против Врангеля, Красная Армия нанесла ему решительное поражение. Гражданская война в России в основном окончилась.

Во время гражданской войны вся страна была объявлена единым военным лагерем. 30 ноября 1918 года ВЦИК, образовав под председательством В. И. Ленина Совет Рабочей и Крестьянской Обороны, так определил стоявшие перед страной задачи:

«Необходимо обеспечить армию снабжением и для этого повысить производительность труда.

Необходимо обеспечить продовольствием армию и флот, а также Москву, Петроград и все другие центры формирования и труда.

Для этого нужно заставить все продовольственные и железнодорожные органы в центре и на местах работать с высшим напряжением и высшей добросовестностью.

Не только в армии и во флоте, но и в продовольственном и транспортном деле, а также в области военной промышленности должен быть установлен *военный режим*, т. е. режим суровой трудовой дисциплины, отвечающий положению страны, которую бандиты империализма вынудили превратить в военный лагерь» [1].

В эти годы сложилась система хозяйственных отношений, вошедшая в историю под названием «военного коммунизма». Государством были установлены принудительные нормы, регулировавшие сельскохозяйственное и промышленное производство, распределение товаров и продуктов, дисциплину труда в интересах победы на фронте. Были полностью национализированы и централизованы крупная, средняя и часть мелкой промышленности, введено государственное распределение

[1] «Декреты Советской власти», т. IV, стр. 93.

товаров и продуктов. Сердцевиной этой системы хозяйственных отношений были продовольственная разверстка и запрещение свободной торговли. Согласно декрету о продовольственной разверстке, принятому в январе 1919 года, Советское правительство определяло количество необходимого для удовлетворения государственных потребностей хлеба и фуража, разверстывало его между производящими губерниями для отчуждения у крестьян по твердым ценам. Запрещалась свободная торговля хлебом; у крестьян изымались все излишки хлеба (а иногда и не только излишки), которые у них имелись. Суровые правила осажденного лагеря поддерживались всеми сознательными рабочими. Подавляющее большинство крестьянства, заинтересованного в избавлении от помещиков, которые возвращались в свои имения вслед за войсками белогвардейцев и интервентов, соглашалось нести тяготы войны. Сложился военно-политический союз рабочего класса и крестьянства, явившийся основной предпосылкой победы.

Между тем на территории, занятой белогвардейцами, все более углублялось разложение контрреволюционного режима. Рабочий класс в тылу у белых вел борьбу с реакционными «правительствами» и буржуазией, крестьяне поднимались на восстания. Войска военных диктаторов терпели поражения под ударами Красной Армии. В такой обстановке среди групп, поддерживавших «верховного правителя» и «главнокомандующего вооруженными силами юга России», начались распри. Отдельные политические группировки пытались наметить меры по «оздоровлению» белогвардейских режимов. В одной из последних записок, представленных генералу Деникину, южнорусский совет «Союза возрождения России» обращал внимание на уязвимые места деникинского режима. Причины тяжелых неудач, какие потерпели в последнее время белые войска, авторы записки искали в состоянии тыла и армии. Вину за развал тыла они возлагали не только на население, но и на деникинскую власть, которая проявляла, по их мнению, бессилие и безволие. Деятелей «Союза», как видно, не удовлетворял даже такой террористический режим! В то же время, чтобы укрепить этот режим, «возрожденцы» советовали Деникину пойти навстречу нуждам крестьянства в аграрном вопросе,

ибо «без этого нельзя успокоить страну», преодолеть враждебное отношение крестьянства к «государственной власти». Стремясь убедить Деникина в необходимости принятия срочных мер по укреплению тыла, авторы записки вынуждены были довольно правдиво обрисовать положение на подвластных ему территориях: «Дороговизна нарастает с ужасающей быстротой, и все сильнее и шире разыгрывается спекуляция. Последняя не только обездоливает население, но и развращает администрацию, заражая ее чуть не поголовно взяточничеством... Вынужденные иногда сами добывать пропитание и обмундирование, воинские части невольно втягиваются в грабежи и хищничество» [1]. Эта «верноподданническая» критика со стороны «Союза возрождения России» не касалась всех злодеяний деникинщины, но и она весьма показательна.

Разложение контрреволюционного режима на территории, занятой белогвардейцами, оказывало влияние на позиции мелкобуржуазных партий. Часть меньшевиков и эсеров выступала против деникинщины и колчаковщины.

В августе 1919 года группа правых эсеров, заключившая осенью 1918 года от имени членов съезда «Комуча» соглашение с Советским правительством об отказе от вооруженной борьбы, образовала самостоятельную эсеровскую группу «Народ». Ее руководящая «восьмерка» — К. Буревой, В. Вольский, И. Дашевский, Н. Ракитников, Н. Святицкий, Л. Либерман, Н. Смирнов и Б. Черненков — провозгласила основной задачей группы борьбу против белых генералов в защиту Советской республики. Группа направила ряд своих членов в распоряжение военных органов Советской власти для борьбы с деникинщиной. Под влиянием этой группы и ЦК большинства партии правых эсеров заявил о мобилизации партийных организаций для борьбы с белогвардейщиной. Такую же мобилизацию провели и меньшевики, эсеры-максималисты и некоторые другие мелкобуржуазные партии.

Допущенные на VII Всероссийский съезд Советов (декабрь 1919 года) представители этих партий высту-

---

[1] *В. Мякотин.* Из недалекого прошлого. «На чужой стороне», XI. Прага, 1925, стр. 226—230.

пили даже с лозунгом создания единого революционного фронта. Лидер меньшинства партии правых эсеров К. Буревой говорил на съезде: «Тяжелые уроки кровавого опыта, выпавшие на нашу долю, крайне губительно отразились не только на самой партии эсеров, но и на деле завоевания и укрепления российской революции. Этот опыт показал, что борьба с Советской властью неизбежно сосредоточивает вокруг себя врагов трудового народа, выдвигает и усиливает контрреволюцию, дает мощь мировой реакции». Аналогичные заявления делал на съезде и лидер меньшевиков Ф. Дан [1].

Однако политические позиции мелкобуржуазных партий не отличались устойчивостью. Их словесные декларации расходились с практической деятельностью. Во время успехов контрреволюционных сил даже левые элементы мелкобуржуазной демократии проявляли шатания, колебания, готовность сговориться с реакцией. Значительная часть меньшевиков и эсеров входила в контрреволюционные организации, участвовала в антисоветских заговорах и выступлениях.

Большевистская партия и Советское правительство зорко следили за зигзагами этих партий и решительно пресекали их «работу», когда она шла во вред рабочему классу и Советскому государству.

В феврале 1919 года провокационный, опасный характер приобрела пропаганда меньшевистской газеты «Всегда вперед», и Советское правительство запретило ее издание. В специальном постановлении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 26 февраля 1919 года, проект которого написал В. И. Ленин, говорилось: «В газете «Всегда Вперед» партией меньшевиков, которая на словах провозгласила разрыв с буржуазной контрреволюцией и на словах же признала необходимость поддерживать Советскую власть как единственную в настоящее время революционную власть, ведется агитация, целиком направленная не только к возможному ослаблению Советской власти, но и к нанесению ей военного удара смертельными врагами рабочего класса и трудового крестьянства. Так, в номере от 20/II 19 г. в статье «Прекратите гражданскую войну» газета обличает перед трудовым народом, в осо-

[1] См. «Правда», 6 декабря 1919 г.

бенности перед крестьянством, Советскую власть в том, что она расходует много материальных средств, в частности продовольствия, на поддержание Красной Армии, и в качестве вывода отсюда требует от Советской власти прекратить гражданскую войну».

В постановлении указывалось, что требование прекратить гражданскую войну, обращенное к Советской власти, означает требование разоружить рабочий класс и крестьянскую бедноту перед лицом наступающих со всех сторон врагов, что представляет в этих условиях самый злостный вид государственного преступления — измену рабочему и крестьянскому государству. «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет считает допустимой и полезной деловую критику работы Советской власти во всех областях. Но Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет не может допустить, чтобы в тылу у рабочей и крестьянской Красной Армии, за ее спиной, под ее защитой велась разнузданная агитация, которая может иметь только одну цель и один результат: ослабить Советскую Россию перед лицом ее многочисленных врагов». ВЦИК утвердил постановление Президиума ВЦИК о прекращении издания меньшевистской газеты до тех пор, пока меньшевики делами своими не докажут решимости последовательно порвать с Колчаком и твердо встать на защиту и поддержку Советской власти. Постановление заканчивалось предупреждением: «...Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет напоминает всем так называемым оппозиционным элементам, что Советская республика есть военный лагерь, что на всех ее фронтах, истекая кровью, лучшие рабочие и крестьяне отстаивают великие завоевания революции, и предупреждает меньшевиков, что продолжение ими контрреволюционной работы вынудит Советскую власть выслать их в пределы колчаковской демократии» [1].

В июле 1919 года меньшевики опубликовали декларацию под названием «Что делать?». В ней они потребовали расширения избирательных прав в Советы, «восстановления свободы печати, собраний», ликвидации чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией

[1] «Декреты Советской власти», т. IV, стр. 440.

и отмены смертной казни. И это в грозное время гражданской войны, когда деникинские полчища рвались к Москве!

На территориях же, занятых белогвардейцами, меньшевики по-прежнему приспосабливались к монархистской контрреволюции и сотрудничали с белогвардейцами под предлогом «защиты профессиональных интересов рабочих». В марте 1920 года Киевский чрезвычайный революционный трибунал рассмотрел дело о группе лидеров меньшевистской партии, действовавших в городе в период деникинщины. Суд установил, что ответственные деятели этой партии Кучин-Оранский, Романов, Ланда, Шпер, будучи членами Центрального бюро киевских профсоюзов, сотрудничали с белогвардейской властью и владельцами промышленных предприятий. Они даже ходатайствовали перед деникинцами о выдаче ссуды Центральному бюро профсоюзов и кооперативу «Сила». Используя свое пребывание в правлении профсоюзов, меньшевики от их имени составляли предательские обращения к рабочим организациям Западной Европы, в которых заявляли о «крахе» Советской власти. Члены комитета киевской организации меньшевиков Кучин-Оранский, Биск, Скаржинский, Семковский, Сумский-Каплун и Балабанов послали представителей своей партии в городскую управу (восстановленную с приходом деникинских войск), несмотря на ее черносотенный характер. Своей политикой соглашения с буржуазией и белогвардейщиной меньшевики способствовали контрреволюции в удушении Советской власти [1]. Аналогичное дело — о сотрудничестве меньшевиков с деникинцами на Дону — рассматривалось в 1921 году в Верховном революционном трибунале. Именем своей партии меньшевики прикрывали белогвардейский террор.

Не лучше было и поведение правых эсеров. Весной 1919 года, в грозный момент наступления белогвардейских войск Колчака, Деникина и Юденича на Советскую республику, эсеровский ЦК обратился к Советскому правительству с «ультиматумом», требуя провести «свободные перевыборы Советов».

---

[1] См. «Партия меньшевиков и деникинщина». Процесс киевских меньшевиков. М., 1923, стр. 117—119.

28—30 июня 1919 года IX совет партии правых эсеров принял резолюцию (в то время большевистская партия и Советское правительство об этом не знали), в которой говорилось: «Выдвигаемая в настоящее время политическая ситуация отказа от вооруженной борьбы с большевистской диктатурой... должна истолковываться лишь как тактическое решение, продиктованное положением вещей и расчетом наиболее целесообразного употребления партийных и народных сил»[1]. Таким образом, партия эсеров официально признала, что провозглашенная ею ранее политика отказа от вооруженной борьбы с Советской властью является лишь тактическим маневром. А на сентябрьской конференции 1920 года эсеры приняли резолюцию, в которой заявили, что «конференция предвидит неизбежность в будущем восстановления партией вооруженной борьбы с большевистской властью»[2].

В. И. Ленин в письме ЦК РКП(б) к организациям партии «Все на борьбу с Деникиным!» дал исчерпывающую характеристику антисоветского лагеря того времени. Он писал: «...За прямой и открытой контрреволюцией, за черной сотней и кадетами, которые сильны своим капиталом, своей прямой связью с империализмом Антанты, своим пониманием неизбежности диктатуры и способностью осуществлять ее (по-колчаковски),— за ними плетутся, как всегда, колеблющиеся, бесхарактерные, словами прикрашивающие свои дела, меньшевики, правые эсеры и левые эсеры.

Никаких иллюзий на этот счет! Мы знаем «питательную среду», порождающую контрреволюционные предприятия, вспышки, заговоры и прочее, знаем очень хорошо. Это среда буржуазии, буржуазной интеллигенции, в деревнях кулаков, повсюду — «беспартийной» публики, затем эсеров и меньшевиков. Надо утроить и удесятерить надзор за этой средой. Надо удесятерить бдительность...

Относительно меньшевиков, правых и левых эсеров надо учесть последний опыт. Среди их «периферии», среди тяготеющей к ним публики, несомненно, есть сдвиг

[1] «Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров...», стр. 38.
[2] Там же, стр. 42.

от Колчака и от Деникина в сторону сближения с Советской властью. Мы этот сдвиг учли, и каждый раз, когда он хоть в чем-нибудь реальном проявляется, делали известный шаг навстречу с своей стороны...

Но в данный момент мелкобуржуазная демократия с эсерами и меньшевиками во главе, бесхарактерная и колеблющаяся, как всегда, держит нос по ветру и колеблется в сторону победителя Деникина...

Наше дело — ставить вопрос прямо. Что лучше? Выловить ли и посадить в тюрьму, иногда даже расстрелять сотни изменников из кадетов, беспартийных, меньшевиков, эсеров, «выступающих» (кто с оружием, кто с заговором, кто с агитацией против мобилизации, как печатники или железнодорожники из меньшевиков и т. п.) *против* Советской власти, *то есть за Деникина*? Или довести дело до того, чтобы позволить Колчаку и Деникину перебить, перестрелять, перепороть до смерти десятки тысяч рабочих и крестьян? Выбор не труден» [1].

Эти указания В. И. Ленина и были положены в основу деятельности органов борьбы с контрреволюцией в тот период.

2. Разоблачение преступной деятельности «Национального центра»

Весной 1919 года, когда войска генерала Родзянко готовились в Эстонии к наступлению на революционный Петроград, в тылу советских войск Петроградского фронта стали совершаться диверсионные акты, налицо была и открытая измена. В. И. Ленин придавал серьезное значение этим фактам и полагал, что здесь действует антисоветская организация, имеющая связь с наступающими белогвардейскими войсками. В обращении к народу 31 мая 1919 года В. И. Ленин и Ф. Э. Дзержинский призывали:

«Смерть шпионам!

Наступление белогвардейцев на Петроград с очевидностью доказало, что во всей прифронтовой полосе, в каждом крупном городе у белых есть широкая организация шпионажа, предательства, взрыва мостов, уст-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 59—61.

ройства восстаний в тылу, убийства коммунистов и выдающихся членов рабочих организаций...

Все сознательные рабочие и крестьяне должны встать грудью на защиту Советской власти, должны подняться на борьбу с шпионами и белогвардейскими предателями. Каждый пусть будет на сторожевом посту — в непрерывной, по-военному организованной связи с комитетами партии, с ЧК, с надежнейшими и опытнейшими товарищами из советских работников» [1].

12 июня командный состав форта Красная Горка во главе с комендантом, бывшим офицером Неклюдовым, спровоцировал часть гарнизона на мятеж. Заговорщики арестовали свыше 350 коммунистов. Одновременно бунт вспыхнул на фортах Серая Лошадь и Обручев. Мятежники открыли огонь по Кронштадту, требуя, чтобы и кронштадтцы присоединились к ним, сдали крепость врагу. В ночь на 16 июня этот мятеж был подавлен.

Партийные и советские органы Петрограда приняли решительные меры к очистке города от контрреволюционных элементов. Свыше 15 тысяч питерских рабочих вместе с сотрудниками Чрезвычайной комиссии под руководством заместителя председателя ВЧК Я. Х. Петерса провели массовые обыски в подозрительных квартирах, в некоторых консульствах и посольствах враждебных Советской России держав. Были изъяты 6626 винтовок, 141 895 патронов, 644 револьвера, пулеметы, бомбы и пироксилиновые шашки; в некоторых консульствах были обнаружены драгоценности, принадлежавшие богатым именитым русским семьям. В доме румынского посольства оказалось даже орудие. Чекисты задержали сотни контрреволюционеров, часть которых выслали из города. Тогда же удалось разоблачить группу изменников — военных специалистов, которые готовили восстание в районе Кронштадта. Среди них были начальник штаба кронштадтской крепости Рыбалтовский, командир артиллерии крепости Будкевич, командиры дивизионов Разин и Шишков, командиры батарей Веселовский, Уманский, Шуров, Александров и Шевляков, командир миноносца «Украина» Ливанов, командир миноносца «Достойный» Тахтарев и другие.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 399.

В июне на лужском направлении Петроградского фронта красноармейский секрет заметил человека, который пробирался в расположение врага. Красноармейцы открыли огонь и убили неизвестного. Он оказался бывшим офицером А. Никитенко. Сотрудники военно-разведывательных органов внимательно осмотрели вещи убитого и в мундштуке одной из папирос нашли записку: «Генералу Родзянко или полковнику С. При вступлении в Петроградскую губернию вверенных вам войск могут выйти ошибки, и тогда пострадают лица, секретно оказывающие нам весьма большую пользу. Во избежание подобных ошибок просим вас, не найдете ли возможным выработать свой пароль. Предлагаем следующее: кто в какой-либо форме или фразе скажет слова «во что бы то ни стало» и слово «ВИК» и в то же время дотронется рукой до правого уха, тот будет известен нам, и до применения к нему наказания не откажите снестись со мной. Я известен господину Карташеву, у которого обо мне можете предварительно справиться. В случае согласия вашего благоволите дать ответ по адресу, который даст податель сего» [1]. Записка была подписана неизвестным, скрывшимся под кличкой «ВИК».

В июле на финляндской границе задержали изменников: начальника сестрорецкого пограничного пункта А. Самойлова и агента того же пункта Н. Борового-Федотова, которые намеревались бежать на сторону противника. При аресте Боровой-Федотов пытался выбросить пакет, но красноармейцы подняли его. В нем оказалось письмо от 14 июля, адресованное «дорогим друзьям». Оно содержало сведения о дислокации войск Красной Армии. В письме, между прочим, сообщалось и о группировках контрреволюционных сил, имеющихся в Петрограде. «Здесь работают,— писал шпион,— в контакте три политические организации... В нац. (в «Национальном центре».— *Д. Г.*) все прежние люди... Все мы пока живы и поддерживаем бодрость в других... В Москве было несколько провалов тамошней военной организации... Со смертью Геонисова и с израсходованием средств прекратилась наша связь с остатками этой военной осведомительной организации. Москва нам

[1] «Известия ВЦИК», 25 сентября 1919 г.

должна за три месяца. Астров и Москва говорят о каком-то миллионе... Просим экстренным порядком все выяснить нам и, если можно, немедленно переправить деньги, иначе работа станет. Между тем сейчас наша работа могла бы быть особенно полезной и ценной. Мы взялись за объединение всех военно-технических и других подсобных организаций под своим руководством и контролем расходования средств, и эта работа продвинулась уже далеко». В письме был назван представитель генерала Юденича, с июня возглавившего белогвардейские силы северо-запада, генерал Махров, с которым организация «находится в контакте, объединяя работу всех технических сил» [1]. Это письмо-донесение, как и письмо, найденное у убитого офицера Никитенко, подписал «ВИК». Допросив Борового-Федотова и Самойлова, чекисты выяснили, что донесение для передачи в штаб Юденича они получили от некоего Штейнингера.

В. И. Штейнингер оказался петроградским инженером, владельцем фирмы «Фосс и Штейнингер», членом партии кадетов. При обыске у него нашли письмо Никольского, антисоветские воззвания и пишущую машинку, на которой печаталось шпионское донесение, обнаруженное у Борового-Федотова. Письмо Никольского от 30 июня было обращено к «дорогому ВИКу» и содержало инструкции, каким образом поддерживать конспиративную связь с находившимися по ту сторону фронта членами организации, кому направлять донесения. Никольский писал «ВИКу»: «Мы очень просим вас укрепить с нами связи и поддерживать их, так как считаем работу необходимой, а вами пересылаемые сведения очень ценными с чисто военной и с политической точки зрения... До сих пор нельзя сколько-нибудь определенно установить срок взятия Петрограда. Надеемся не позже конца августа. Но твердой уверенности в этом у нас нет. Хотя в случае наступления давно ожидаемых благоприятных обстоятельств, в виде помощи деньгами, оружием, снаряжением в достаточном количестве, этот срок может сократиться... Весьма вероятно, что в ближайшие дни Ю. (Юденич.— *Д. Г.*), с которым мы в полном единении, и все мы перейдем на русскую почву, на

[1] «Известия ВЦИК», 5 и 9 октября 1919 г.

тот берег, чтобы вложиться в непосредственную работу» [1].

Арестованный Штейнингер вначале не желал давать объяснений, но доказательства были бесспорны, и вскоре он признался, что «ВИК» — его конспиративная кличка, а найденное у Борового-Федотова письмо от 14 июля является его ответом на приведенное выше письмо от 30 июня одного из кадетских лидеров — Бориса Никольского, занимающегося политической работой при штабе генерала Юденича. Выяснилось, что В. И. Штейнингер — член руководства петроградского отделения кадетской контрреволюционной организации «Национальный центр», имеющей тесные связи с Деникиным, Колчаком, Юденичем и другими белыми генералами.

После ареста Штейнингера чекисты оставили в его квартире засаду и вскоре арестовали некоего М. Махова, явившегося туда для связи. Махов и был тем самым представителем Юденича — генералом Махровым, о котором говорилось в письме от 14 июля. Там же в квартире чекисты задержали и известного петроградского меньшевика-оборонца В. Н. Розанова.

Штейнингер и другие арестованные дали на следствии скудные показания, назвав имена лишь тех своих сообщников, которых они считали погибшими, разоблаченными или перебравшимися за линию фронта; они не открывали центра организации или руководящих лиц. Поэтому ВЧК, к началу августа закончившей расследование, на первых порах удалось обезвредить только небольшую часть заговорщиков, в частности арестовать помимо названных барона А. Штромберга, князя М. М. Андроникова (личного друга Николая II и Григория Распутина), князя М. Оболенского, генералов Н. И. Алексеева и А. А. Дмитриева. Тогда же выяснилось, что мятежники на «Красной Горке» и изменники — военные специалисты из Кронштадта — тоже состояли в «Национальном центре».

В письме от 14 июля, изъятом у Борового-Федотова, имелись сведения о существовании помимо петроградского еще и московского отделения «Национального

---

[1] «Известия ВЦИК», 25 сентября 1919 г.

центра», однако ничего существенннного о нем выяснить пока не удалось.

27 июля сотрудники милиции, проверяя документы граждан, проезжавших через село Вахрушево, Слободского уезда, Вятской губернии, задержали неизвестного, который назвался Николаем Карасенко. При обыске у него нашли около миллиона рублей «керенками» и два револьвера. Карасенко показал, что везет деньги в Москву по поручению «киевского купца Гершмана». 5 августа Карасенко допросили в вятской ЧК, и он признался, что в действительности является Николаем Павловичем Крашенинниковым, сыном помещика Орловской губернии, и служит в разведывательном отделении колчаковского штаба. В начале июня ему поручили отвезти деньги в Москву и сдать их человеку, который должен был встретить его на Николаевском вокзале, назвать сумму и воинскую часть, которой он послан.

Из Вятки Крашенинникова отправили в Москву. Он долго упорствовал, не желая больше ничего сообщать, но чекисты были настойчивы. В надежде завязать отношения с известными ему лицами Крашенинников как-то передал на свободу две записки. Они попали в руки чекистов. В записках арестованный упоминал какого-то человека, называя его инициалами «В. В. М.», и спрашивал, «арестованы ли Н. Н. Щ. и другие, кого я знаю?» Чекисты предъявили эти записки Крашенинникову, и ему пришлось давать объяснения. Оказалось, что он должен был доставить деньги в Москве организации «Национального центра» и передать их «Н. Н. Щ.» — Николаю Николаевичу Щепкину или Алферову, что «В. В. М.» — это Василий Васильевич Мишин (Москвин), который должен был доставить из штаба Колчака для московского отделения «Национального центра» еще миллион рублей.

22 августа 1919 года ВЧК сообщила В. И. Ленину о раскрытии ею центральной организации «Национального центра» и намеченных в связи с этим операциях. Прочитав сообщение, В. И. Ленин написал Дзержинскому о том, что на эту операцию «надо обратить *сугубое* внимание. Быстро и энергично и *пошире* надо захватить» [1].

---

[1] Ленинский сборник XXXVII. М., 1970, стр. 167.

В ночь на 29 августа чекисты на основании показаний Крашенинникова арестовали бывшего члена Государственной думы III и IV созывов, крупного домовладельца кадета Н. Н. Щепкина и супругов Алферовых. Щепкин оказался виднейшим деятелем московского отделения «Национального центра», а А. Д. Алферов — директором школы, которую он вместе с женой превратил в конспиративный пункт этой организации.

Во время обыска у Щепкина, в котором участвовал Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский, во дворе чекисты нашли жестяную коробку с шифрованными и нешифрованными записками, шифром, рецептами проявления химических чернил и фотографическими пленками. Записки были написаны очень мелкими буквами на узких полосках бумаги (чтобы удобнее было конспиративно переправлять через фронт) и содержали в себе: изложение плана действий Красной Армии от Саратова; список дивизий Красной Армии по состоянию на 15 августа; сведения об артиллерии одной из армий; план действий армейской группы с указанием ее состава; сообщение о месторасположении и предполагаемых перемещениях некоторых штабов; описание одного из укрепленных районов, расположения зенитных батарей в нем, сведения о фронтовых базисных складах. Там же было найдено письмо от 27 августа, адресованное начальнику штаба любого белогвардейского отряда прифронтовой полосы: «Прошу в самом срочном порядке протелеграфировать это донесение в штаб Верховного разведывательного отделения полковнику Хартулари». Затем излагались сведения о советских войсках, о предположительном плане действий Красной Армии и об имеющихся в Москве силах деникинцев. Наконец, там же нашли письмо Н. Н. Щепкина от 22 августа деятелям кадетской партии, находившимся при штабе Деникина: «22/8. Н. С. От объединения Национального центра, Союза освобождения и Совета общественных деятелей. Действия против большевиков разрозненны: один фронт выступает, потом отходит, за ним второй и т. д. Эти толчки вредны... (вызывают.— *Д. Г.*) разочарование населения. Предпочтительнее общий удар сразу. Хотя центр изнемогает и вымирает, но готов молча терпеть, если будет знать, что вместо толчков будет накоплена сила и месяца через два последует один общий удар и

освобождение. Толчки и отступления создают представление бессилия и морально на руку большевикам». В письме высказывалось мнение, что в скором времени («недели через две») может начаться восстание в Москве. «На этот случай,— продолжал Щепкин,— вам надо подготовить нам помощь и указать нам, где ее найти и куда послать для установления связи... Сообщите все технические данные, необходимые для сношений по радио... Просим нас поставить в известность о решении о нас Антанты, роль Англии, Польши, Финляндии, немцев и других. Какие состоялись соглашения... Передайте Колчаку через Стокгольм, Москвин прибыл в Москву с первой партией груза, остальных нет. Без денег работать трудно. Оружие и патроны дороги. Политические группы, кроме большей части меньшевиков и почти всех эсеров, работают в полном соглашении. Считают, что до Учредительного собрания не надо Временного правительства, достаточно верховного правителя. Часть эсеров с нами. Вообще, это партия разложения и не пользуется доверием у населения... В ваших депешах давайте только то, за что ручаетесь. Живем в страшной тревоге, начались бои у Деникина, опасаемся его слабости и повторения истории с Колчаком... В Петрограде наши гнезда разорены, связь потеряна. Пишите и шлите прямо в Москву: по адресам, указанным гонцом. Имена и адреса берегите...» [1]

Это письмо открывало важные данные о технической работе и методах деятельности «Национального центра». Стало ясно, что он опирается на самые реакционные группировки контрреволюции и готовится к расправе над пролетариями Советской страны после победы Деникина и Колчака. «Национальный центр» широко применял обман народа. Особенно показательны были его рекомендации «умалчивать» о Советах, пользующихся большим доверием у трудящихся.

Чекисты проявили фотографические пленки, найденные у Щепкина. В них оказались письма деятелей кадетской партии, состоявших при штабе Деникина,— Н. И. Астрова, В. Степанова, князя Долгорукова. Из писем стало ясно, что Щепкин регулярно поставлял деникинцам шпионские сведения. В одном из писем Астров

---

[1] «Известия ВЦИК», 5 октября 1919 г.

писал: «Пришло длинное письмо дяди Кокки (кличка Щепкина.— *Д. Г.*), замечательно интересное и с чрезвычайно ценными сведениями, которые уже использованы... Наше командование, ознакомившись с сообщенными вами известиями, оценивает их очень благоприятно, они раньше нас прочитали ваши известия и весьма довольны» [1].

Не менее эффективным был и обыск, произведенный у директора школы Алферова, в прошлом царского офицера. Этим обыском руководил член коллегии ВЧК В. А. Аванесов. Старый чекист Ф. Т. Фомин, участвовавший в операции, рассказывает: «...Уже... под самое утро взгляд Аванесова остановился на мраморном пресс-папье, украшавшем письменный стол. Аванесов осторожно развинтил его, снял верхнюю мраморную плитку, и мы увидели под ней сложенный вдвое небольшой листочек тонкой бумаги, сплошь исписанный бисерным почерком,— длинный перечень фамилий.

В старых брюках Алферова я нашел записную книжку. На первый взгляд в ней не было ничего подозрительного. Что-то вроде счетов, словно хозяин записывал за своими знакомыми одолженные суммы. Например: «Виктор Иванович — 452 руб. 73 коп.»; «Владимир Павлович — 435 руб. 23 коп.»; «Дмитрий Николаевич — 406 руб. 53 коп.» и т. д. Эти цифры показались мне подозрительными: а не шифр ли это? Может быть, номера телефонов? А что, если попробовать позвонить? Отбрасываю все «руб.» и «коп.» и прошу телефонистку соединить меня с номером 4-52-73. Слышу в трубке мужской голос. Спрашиваю:

— Виктор Иванович?

— Я у телефона.

— Очень хорошо. Алексей Данилович (Алферов) срочно просит приехать вас к нему, как можно быстрее!

Моя догадка подтвердилась. В записной книжке были зашифрованы телефоны многих участников заговора» [2].

В квартире Щепкина была оставлена засада, и вскоре чекисты арестовали явившихся туда деникинского курьера Г. Шварца; бывшего офицера штаба глав-

---

[1] «Известия ВЦИК», 12 октября 1919 г.

[2] *Ф. Т. Фомин.* Записки старого чекиста. М., 1962, стр. 108.

нокомандующего, а к моменту ареста окружного инспектора Всевобуча П. Мартынова; профессора Института путей сообщения кадета А. Волкова; видного члена партии народных социалистов Волк-Карачевского; жену генерала Н. Стогова. Шварц приехал из Екатеринодара с подложным документом на имя В. Клишина. За несколько дней до этого он передал Щепкину скатанную в трубку фотографическую пленку, когда же пришел за ответом для деникинского штаба, его арестовали. Волков хранил при себе часть расшифрованных и часть не расшифрованных еще сообщений. У него на квартире нашли записанную им расшифровку фотографической пленки. После этого он сознался, что взялся расшифровать трудные места сообщения, полученного через Шварца.

Исследование донесений, найденных при обыске у Щепкина, и сопоставление их с действительными данными командования Красной Армии показали, что сведения собирались шпионами-специалистами, имеющими доступ в советские военные и гражданские учреждения. ВЧК установила, что сводные донесения, направлявшиеся в штаб Деникина, редактировались генералом Н. Н. Стоговым, который возглавлял так называемый «Штаб добровольческой армии Московского района», и полковником В. В. Ступиным — начальником штаба этой организации, поддерживавшей тесную связь с «Национальным центром». «Штаб добровольческой армии Московского района» имел широкую сеть агентов в военных учреждениях Красной Армии. Один из арестованных на квартире у Щепкина, офицер Мартынов, как раз и являлся членом этой организации. Его показания сыграли важную роль в раскрытии дела.

В сентябре 1919 года ВЧК арестовала ряд активных деятелей контрреволюционного «штаба», в том числе генерала Н. Н. Стогова и генерала С. А. Кузнецова, занимавшего пост начальника оперативного отдела Главного штаба Красной Армии. Спустя некоторое время был арестован и последний главарь «штаба» — полковник В. В. Ступин. На допросе в ВЧК он показал, что после ареста Кузнецова он связался со Щепкиным, чтобы выяснить положение. Через несколько дней Щепкин дал ему инструкции: 1) не предрешая вопроса о главе организации, вести «дело» дальше, 2) взять в свое веде-

ние разведку, 3) поддерживать с ним постоянную связь. Согласившись руководить подготовительной работой организации, Ступин предложил Щепкину конкретизировать задачи организации, спросив «признается ли желательным, чтобы организация готовилась к максимуму, т. е. к самостоятельному выступлению... Ответом послужило указание готовиться... к самостоятельному выступлению» [1].

«Штаб добровольческой армии Московского района» разработал согласованный с «Национальным центром» план восстания в Москве, в котором должны были участвовать курсанты некоторых подмосковных военных училищ и многие бывшие офицеры. Ф. Э. Дзержинский в докладе на Московской общегородской конференции РКП(б) 24 сентября 1919 года говорил: «Цель их была захватить Москву и дезорганизовать наш центр. На своих последних заседаниях они уже подготовляли окончательно свое выступление. Даже час назначен: 6 часов вечера. Они надеялись захватить Москву хотя бы на несколько часов, завладеть радио и телеграфом, оповестить фронты о падении Советской власти, вызвать, таким образом, панику и разложение в армии. Для осуществления этого плана они скапливали здесь своих офицеров, и в их руках были три наших военных школы. Они предполагали начать выступление в Вешняках, Волоколамске и Кунцеве, отвлечь туда силы, а затем поднять восстание в самом городе... Москва была разбита на секторы по Садовому кольцу; за Садовым кольцом на улицах предполагалось устроить баррикады, укрепиться по линии Садового кольца и повести оттуда в некоторых пунктах наступление к центру... Они были настолько уверены в победе, что заготовили даже целый ряд воззваний и приказов... Чтобы привести свой план в исполнение, им надо было иметь оружие. Они сосредоточили его незаконным образом в школах, которые были под их влиянием, а также закупали его в наших складах и образовывали свои склады. Силы их, по подсчетам, равнялись 800 человек кадровых офицеров, и, кроме того, они рассчитывали на некоторые

---

[1] Показания опубликованы в «Известиях ВЦИК» 2 октября 1919 г. Они несомненно принадлежат В. В. Ступину, хотя при опубликовании фамилия указана не была.

части, в которые им удалось послать своих людей для подготовки почвы. Благодаря большим связям в штабах им удалось посылать своих людей всюду, где это было необходимо» [1].

Все эти планы были сорваны. Их выполнение предупредила ВЧК. С помощью партийных организаций и рабочих чекисты арестовали около 700 контрреволюционеров и разоружили курсантов военных училищ, зараженных влиянием контрреволюционного офицерства. Одновременно с разгромом контрреволюционного заговора в тылу Красная Армия остановила наступление Деникина на Москву.

В октябре 1919 года, когда войска генерала Юденича второй раз подступили к Петрограду, в советском тылу опять активизировалось контрреволюционное подполье. 2 ноября сотрудники ВЧК задержали у станции Преображенская (ныне Толмачево) некоего Сапожникова с фальшивыми документами на имя Лямина. Он нес шпионские донесения для белогвардейцев. 4 ноября задержали и второго курьера заговорщиков М. Шидловского, имевшего фальшивые документы на имя Шереметьева. Из показаний Шидловского следовало, что он получил задание доставить шпионские сведения в штаб белых от Б. П. Берга, состоявшего в должности начальника воздушного дивизиона Балтийского флота. Б. П. Берг был немедленно арестован и при допросе сознался: «Я главный агент английской белой контрразведки, инструкции получаю от разведочной конторы в Стокгольме, военного совета в Лондоне, связи имею с Финляндией... Моими обязанностями были военная морская контрразведка и общие политические... сведения, которые я доставлял раз в неделю» [2].

Так ВЧК раскрыла вражескую сеть в Петрограде. Ее участниками были не выявленные ранее, при ликвидации группы Штейнингера, кадры «Национального центра» и связанной с ним военной организации, в которую входили военные специалисты, служившие в Красной Армии: адмирал Бахирев, полковник В. Г. Люндеквист, начальник сухопутного отдела штаба Балтийского флота полковник В. С. Медиокритский, на-

---

[1] «Известия ВЦИК», 27 сентября 1919 г.

[2] «Петроградская правда», 23 ноября 1919 г.

чальник воздушной обороны Петрограда С. А. Лишин, начальник воздушного отряда Ораниенбаумского дивизиона В. Ф. Еремин, начальник оперативного отдела штаба флота Эриксон и другие лица. В этой же организации действовали и шпионы-профессионалы.

Организатором шпионажа являлся агент английской секретной службы «Интеллидженс сервис» Поль Дюкс (клички «Павел Павлович», «Шеф»). Этот разведчик под маской «социалиста, сочувствующего идеалам революции», в ноябре 1918 года, переодетый в крестьянскую одежду, нелегально перешел финляндскую границу и пробрался на советскую территорию. Ему удалось войти в доверие некоторых советских учреждений, создать шпионскую сеть и организовать передачу сведений в Лондон через английские консульства в Гельсингфорсе и Стокгольме. Дюкс связался с руководителями петроградского и московского отделений «Национального центра» Штейнингером и Щепкиным, наладил финансирование этой организации и использовал ее аппарат для шпионажа в пользу Англии.

Центральной фигурой петроградской военной подпольной организации являлся полковник В. Г. Люндеквист — бывший начальник штаба 7-й советской армии. Хорошо осведомленный о силах и расположении советских войск под Петроградом, Люндеквист разработал и передал в штаб Юденича план наступления на Петроград, который предусматривал прорыв фронта обороны в районе 6-й дивизии или же в районе Луги. Наступление должно было развиваться по трем главным направлениям: 1) по Балтийской и Виндавской железным дорогам, 2) по Николаевской железной дороге на Колпино, 3) со стороны «Красной горки» и Ораниенбаума. Одновременно морской флот должен был помогать бомбардировкой сухопутному фронту, а воздушный флот — совершить налет на Петроград. План предусматривал, что самолет сбросит на Знаменскую площадь пятипудовую бомбу (без разрыва), которая послужит сигналом к восстанию внутри города.

Когда наступление Юденича осенью 1919 года было отбито, другой изменник, полковник В. С. Медиокритский, разработал для передачи в штаб Юденича еще один, новый вариант плана наступления на Петроград. В этом плане Медиокритский указывал: «Для того

чтобы исправить положение, необходимо наступать тремя колоннами. 1-я колонна численностью в 3—4 тысячи должна двигаться, связавшись с заслоном, скрывавшим линию Усть — Рудницы и Гостилицы, во фланг такой-то дивизии Красной Армии; 2-я колонна и 3-я, выбравшись на исходный пункт, должны наступать между Гатчиной и названной дивизией на Красное село, в расчете на неустойчивость этого участка; 3-я колонна — на Колпино, так как колпинский кулак красных рассосался» [1].

Белогвардейская военная организация разработала подробный план восстания в Петрограде, руководить которым должны были полковник Люндеквист и адмирал Бахирев. Город разбивался на 12 участков, специальные отряды выделялись для захвата Смольного, телеграфной и телефонной станций, стоявшего на городском рейде военного корабля «Севастополь» (заговорщики намеревались использовать его для обстрела Петропавловской крепости и других важных объектов).

Еще задолго до наступления генерал Юденич поручил петроградскому отделению «Национального центра» сформировать «правительство», которое в случае вступления его войск в город могло бы сразу приступить к управлению. Главою «правительства» намечался профессор Технологического института кадет А. Н. Быков, который впоследствии показывал: «Я познакомился с покойным Штейнингером летом... Он усиленно спрашивал мое мнение о возможных, по моим представлениям, кандидатах на министерские посты. Относительно поста министра финансов я назвал Бернадского (я полагал, что он на Украине) и говорил, что мне случалось с разных сторон слышать, что мог бы быть таким кандидатом и Вебер. А что министром продовольствия следовало бы пригласить кого-либо из крупных кооператоров, кого же именно — я решительно не знал, так как в этих кругах знакомств не имею...» [2].

Осенью 1919 года переговоры о сформировании «правительства» стали конкретными. При активном участии английского агента Поля Дюкса «правительство» было сформировано в составе председателя —

---

[1] «Петроградская правда», 23 ноября 1919 г.
[2] Там же.

А. Н. Быкова, министра финансов — бывшего при царе товарищем министра С. Ф. Вебера, министра путей сообщения — инженера М. Д. Альбрехта, морского министра — адмирала А. В. Развозова, его заместителя — адмирала Бахирева, министра просвещения — бывшего попечителя Петроградского учебного округа монархиста Воронцова, министра внутренних дел — Завойко, министра религиозных культов — в прошлом члена Временного правительства А. В. Карташева. Петроградским градоначальником намечался полковник Люндеквист. Уже обсуждалась будущая программа «правительства».

Однако вынашиваемые контрреволюционерами планы не опирались на реальные силы. По подсчетам, сделанным на основании показаний заговорщиков, в момент восстания они могли располагать силами не более 400 человек, среди которых были и завербованные Дюксом уголовники. События показали полное бессилие контрреволюции. Войска генерала Юденича были отброшены от Петрограда, заговор своевременно раскрыт, большинство его участников во главе с «министрами» (за исключением Карташева, находившегося за границей) арестованы. Как только начались эти провалы, Поль Дюкс бежал из Советской России, передав шпионскую сеть своей заместительнице, бывшей эсерке Н. В. Петровской (кличка «Мария Петровна»). Одновременно она занималась организационной и технической работой «Национального центра». Впрочем, через некоторое время была арестована и Петровская.

3. Взрыв в Леонтьевском переулке

25 сентября 1919 года в помещении Московского комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке собрались ответственные работники большевистской партии, лекторы и агитаторы (всего около 100—120 человек) для обсуждения вопроса о заговоре «Национального центра». Около девяти часов вечера, когда были уже выслушаны доклады, в середину зала, где происходило собрание, через окно, выходившее в сад, была брошена бомба. Раздался оглушительный взрыв. Им частично было разрушено здание, убито 12 и ранено 55 человек.

В числе погибших был секретарь МК РКП(б) В. М. Загорский, ранены — А. Ф. Мясников, М. С. Ольминский, Ю. М. Стеклов, Е. М. Ярославский, М. Н. Покровский и другие большевики.

Через некоторое время в Москве появилось нелегальное печатное извещение, в котором сообщалось, что взрыв совершен «Всероссийским повстанческим комитетом революционных партизан» в знак «отмщения» большевикам за расстрел в Харькове нескольких махновцев по приговору революционного трибунала[1]. Наряду с типичными анархистскими высказываниями в извещении было написано, что комитет ставит своей целью стереть с лица земли советский строй[2].

2 октября в поезде около Брянска чекисты задержали анархистку украинской группы «Набат» С. Каплун, у которой нашли письмо одного из лидеров «Набата» — А. Барона (Факторовича), адресованное единомышленникам. Барон писал: «Теперь Москва начеку. Пару дней тому назад местный комитет большевиков взорван бомбой, погибло больше десятка. Дело, кажется, подпольных анархистов, с которыми у меня нет ничего общего. У них миллионные суммы. Правит всем человечек, мнящий себя Наполеоном. Они сегодня, кажется, публикуют извещение, что это сделали они»[3]. Итак, из письма следовало, что террористический акт совершили анархисты-подпольщики, а легальные анархисты знали преступников. Однако представители московских легальных анархистов, к которым обратились советские органы, отказались что-либо сообщить о преступниках.

В конце октября Московская чрезвычайная комиссия установила, что квартирой, где прежде жила известная анархистка Мария Никифорова, пользуются какие-то подозрительные лица. В квартире произвели внезапный обыск и оставили засаду. Вскоре туда явился неизвестный. При попытке задержать его он стал стрелять и ранил одного из комиссаров чрезвычайной комиссии, но и

---

[1] Речь идет о деятелях штаба махновских отрядов Озерове, Михалеве, Павленко, Бурдыге, Олейнике, Коробко, Костине, Полунине и Добролюбове, осужденных в связи с дезорганизаторскими действиями махновцев на Южном фронте.

[2] См. «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 256—257.

[3] «Известия ВЦИК», 14 октября 1919 г.

сам был убит. У него нашли револьвер, подложные документы и черновик обращения, сходного по содержанию с извещением, выпущенным «Всероссийским повстанческим комитетом революционных партизан». Убитый оказался Казимиром Ковалевичем, бывшим служащим Московско-Курской железной дороги, как выяснилось потом, вожаком организации анархистов подполья. Во время суматохи, вызванной перестрелкой, проживавшие в квартире А. Восходов и какая-то женщина скрылись. Через несколько дней чекисты установили адрес, куда перебрался Восходов, и 3 ноября произвели там обыск. Были обнаружены приходно-расходные записи о средствах организации анархистов подполья, списки ее членов, бомбы, револьверы, инструкции для взлома несгораемых шкафов и другие вещественные доказательства и арестованы несколько участников подпольной организации.

4 ноября в Гнездниковском переулке (где была устроена засада) при перестрелке с двумя комиссарами чрезвычайной комиссии был убит второй вожак анархистов подполья, Петр Соболев. У него нашли три револьвера и записную книжку с пометками о выдаче денег видному члену московской организации левых эсеров, бывшему члену ЦК этой партии, известному по делу о левоэсеровском мятеже,— Д. А. Черепанову.

Наконец, один из задержанных, анархист М. Тямин, после бесед в чрезвычайной комиссии осудил действия своих сообщников и рассказал о преступлениях анархистов подполья. Он подтвердил, что это они устроили взрыв в помещении МК РКП(б). Из его показаний стало известно, что «подпольщики» месяца полтора назад сняли дачу в поселке Красково под Москвой, устроили там штаб-квартиру, типографию и лабораторию для изготовления бомб.

В ночь на 5 ноября отряд чекистов оцепил дачу. Находившиеся там анархисты встретили прибывших огнем. Завязалась перестрелка, продолжавшаяся около двух часов. Не выдержав боя, осажденные подожгли имевшиеся у них взрывчатые вещества, взорвали дачу и самих себя. На месте взрыва остались обгоревшие части типографского станка, оболочки бомб, револьверы. Погибли анархисты Яков Глазгон, Василий Азов (Азаров), Дмитрий Хорьков, неизвестные по имени Захар

(Хромой), Миша и Таня. Вскоре в поселке Одинцово нашли принадлежащий анархистам склад динамита.

Во время допросов арестованных были выяснены подробности подготовки взрыва и его участники. Анархист А. Барановский (Попов) показывал: «Взрыв в Леонтьевском переулке был произведен анархистами подполья. В нем участвовали пять человек — я, Петр Соболев (он бросал бомбу), Миша Гречанников, Федя Николаев и один, который убит на даче в Красково, фамилию его не назову». По словам Барановского, Петр Соболев, узнав о заседании Московского комитета РКП(б), пришел к нему и предложил взорвать здание МК. Взяв бомбу, они вдвоем отправились в Чернышевский переулок, где их ожидали другие участники взрыва.

Анархисты Ценципер и Гречанников показали, что взрыв был лишь одним из террористических актов, которые наметили анархисты подполья в борьбе с большевиками. Левый эсер Николаев в числе участников взрыва назвал Черепанова [1]. Арестованный 17 февраля левый эсер Д. А. Черепанов заявил при допросе, что «Всероссийский повстанческий комитет революционных партизан» организовал он совместно с Казимиром Ковалевичем. Главнейшей своей целью «комитет» считал осуществление ряда террористических актов. Одним из таких актов и был взрыв в Леонтьевском переулке. Подготовка этого взрыва, выработка плана и руководство до самого последнего момента были возложены на Д. А. Черепанова. Он лишь отрицал свое участие в непосредственном метании бомбы [2].

Итак, выяснилось, что во «Всероссийском повстанческом комитете революционных партизан» и его преступлениях участвовали анархисты и «активистская» группа московских левых эсеров.

Вожак и организатор «Всероссийского повстанческого комитета революционных партизан» Казимир Ковалевич являлся представителем той части московских анархистов, которая после разоружения анархистских групп стояла на точке зрения «активного» терроризма и вооруженной борьбы против Советской власти. В мае

---

[1] См. «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 303.

[2] См. там же, стр. 315—316.

1919 года Ковалевич выехал в Харьков и встретился там с Глазгоном, Ценципером и другими анархистами, служившими ранее у Махно. Здесь и произошло зарождение подпольной террористической организации. «Решено было,— как говорил один из анархистов, арестованных ЧК,— начать бить по центру, т. е. по Москве, откуда все зло». Возвратившись в Москву, Ковалевич с несколькими единомышленниками, к которым вскоре примкнул экспроприатор Петр Соболев, давший «на организационные расходы» 300 тысяч рублей, добытых грабежами, основали «Всероссийский повстанческий комитет революционных партизан».

К моменту ликвидации эта группа не превышала 30 человек и делилась на три части: литературную, ведавшую изданием листовок и нелегальной газеты, типографскую, обслуживавшую типографию, и группу боевиков, занимавшуюся экспроприациями, добыванием взрывчатых веществ и подготовкой террористических актов.

Сначала эта организация издала в десяти тысячах экземпляров листовку под заглавием «Правда о махновщине». После того как экспроприаторы совершили ряд грабежей и добыли деньги, была издана вторая листовка — «Где выход?» (15 тысяч экземпляров). Подпольщики в листовке призывали к восстанию. 12 августа экспроприаторы ограбили 9-е отделение Народного банка в Москве, 18 августа — отделение банка на Большой Дмитровке, 29 августа — патронный завод в Туле, похитив там 3480 тысяч рублей. После этого они приобрели типографский станок, оружие, взрывчатые вещества, сняли дачу для штаба, издали два номера газеты «Анархия» и листовки. Петр Соболев мечтал добыть 60 пудов динамита, подложить «под Кремль и взорвать его».

Деятельность подпольщиков особенно усилилась после установления связей с группой московских левых эсеров, возглавляемой Д. Черепановым. Эта левоэсеровская группа выступала за активное продолжение борьбы с Советской властью. Во время ареста одного из членов группы было обнаружено письмо, характеризующее линию поведения этого «левого крыла» партии левых эсеров. Автор письма писал своим друзьям: «Приходится констатировать, что ЦК соглашателей (так автор называет ЦК партии левых эсеров.— *Д. Г.*) в пре-

словутое мирбаховское время теперь превратился частью в мнимых активистов, частью в людей, по ночам уже видящих сны, где они фигурируют с министерскими портфелями. Теперешний состав ЦК: Камков, Карелин, Штейнберг, Трутовский и Маруся да Самохвалов. Из них большинство соглашателей и лишь Самохвалов, вероятно, будет с нами, Маруся (речь идет о Марии Спиридоновой.— *Д. Г.*) занимает позицию среднюю — активность на словах» [1]. По мнению автора письма, лишь два члена ЦК партии левых эсеров — Черепанов и Крушин — стояли за активную борьбу с Советской властью. Они вышли из ЦК и вступили в московскую организацию левых эсеров. Превознося успехи «Партизанского штаба», в котором левые эсеры работали совместно с анархистами, автор письма остановился на основной задаче, стоявшей перед левыми эсерами: «Задача момента — по всей России организовать этот Повстанческий штаб революционных партизан из нас и анархистов (настоящих), где они есть, и действовать от их имени».

Политическое «кредо» объединенной левоэсеровской и анархистской организации — «Повстанческого комитета» — представляло собою смесь путаных мелкобуржуазных идей и демагогических требований, нередко замаскированных псевдореволюционной фразой. В цитированном уже письме говорилось: «Сейчас для масс ясны два имени: большевики и Деникин. Надо популяризировать третье — Повстанческий штаб, за этой третьей силой, революционной силой, будут все — вот, товарищи, наш план действий, которого не дал партии ЦК в течение долгого времени...» В случае успеха задуманного дела — победы «Повстанческого штаба» — левый эсер Черепанов предполагал таким образом решить вопрос о власти: «...Всю власть необходимо передать профессиональным союзам... Те или другие объединения профсоюзов являются органами власти, а Всероссийский союз профсоюзов — верховным органом власти. Совершенно не важно, если некоторые профсоюзы в настоящий момент имеют почти черносотенную окраску, классовое самосознание и руководство высших органов

---

[1] «Известия ВЦИК», 25 января 1920 г.

власти всегда смогут... революционизировать и эти массы»[1].

В сущности, раскрытая подпольная организация, совершившая ряд кровавых преступлений, была небольшой группой уголовников и людей с путаной мелкобуржуазной идеологией, выдававших себя за «революционеров». Московская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией пресекла деятельность заговорщиков. М. Гречанников, А. Барановский (Попов), Ф. Николаев, А. Восходов, Д. Хлебныйский («дядя Ваня» — участник многочисленных грабежей), Ценципер, П. Исаев, предатель А. Домбровский (пробравшийся в члены Коммунистической партии и связанный с участниками взрыва) — были расстреляны. Д. А. Черепанов выслан в Сибирь, где позднее заболел тифом и умер.

4. Сохраняя боевую готовность, учитывать переход к миру

Начавшееся весной 1919 года наступление крупных антисоветских военных сил, резкая активизация подрывной деятельности в тылу, раскрытие одного за другим опасных заговоров против Советской власти показали, что прежние представления, будто главные силы внутренней контрреволюции уже разбиты, были неправильны. Обстановка потребовала усилить меры борьбы с антисоветским подпольем.

Когда в марте 1919 года контрреволюция предприняла диверсии в тылу Красной Армии (на Петроградском фронте), председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский довел до всеобщего сведения: «Ввиду раскрытия заговора, ставящего целью посредством взрывов, порчи железнодорожных путей и пожаров призвать к вооруженному выступлению против Советской власти, Всероссийская чрезвычайная комиссия предупреждает, что всякого рода выступления и призывы будут подавляться без всякой пощады. Во имя спасения от голода Петрограда и Москвы, во имя спасения сотен и тысяч невинных жертв Всероссийская чрезвычайная комиссия

---

[1] «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 316; «Известия ВЦИК», 25 января 1920 г.

принуждена будет принять самые суровые меры наказания против всех, кто будет причастен к белогвардейским выступлениям и попыткам вооруженного восстания». В другом объявлении ВЧК тогда же предупредила: «Пусть помнят враги Советской власти, что великодушие восставшего рабочего класса может быть исчерпано и карающий меч революции может опуститься на головы изменников и всех пособников контрреволюции... Во имя спасения завоеваний Октябрьской революции она (ВЧК.— *Д. Г.*) беспощадной рукой подавит всякие попытки к восстанию и заглушит призывы к свержению Советской власти» [1].

После мятежа на Красной Горке ВЦИК подтвердил, что ВЧК и губернским чрезвычайным комиссиям принадлежит право непосредственной расправы (вплоть до расстрела) за контрреволюционные и некоторые другие преступления в местностях, объявленных на военном положении [2]. Применив этот закон к предателям и изменникам, готовившим мятеж в районе Кронштадта (дело Рыбалтовского и других), ВЧК 12 июля заявила: «Опыт полутора лет гражданской войны показал, что иностранные и отечественные империалисты не надеются в открытом бою победить революцию... Одним из главных средств борьбы у контрреволюции является дезорганизация нашей обороны, нашего тыла». Указав, что контрреволюция пытается заговорами и предательством, изменой и шпионажем победить рабочих и крестьян, Всероссийская чрезвычайная комиссия объявила о необходимости строже наказывать виновных в подобного рода преступлениях и тем самым помочь Красной Армии как можно скорее покончить с внутренними и внешними врагами. «Никакой пощады изобличенным в белогвардейских заговорах и организациях не будет»,— говорилось в этом заявлении. В то же время ВЧК обращалась с последним предостережением ко всем тем, кто оказался втянутым в белогвардейские организации по неосмотрительности или излишней доверчивости, она предлагала таким лицам в недельный срок явиться в

---

[1] «Известия ВЦИК», 2 апреля 1919 г.

[2] «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг.», стр. 299—300.

ВЧК, гарантируя явившимся и раскаявшимся полную безнаказанность [1].

Принимая решительные меры по борьбе с вражеской агентурой, ЦК Коммунистической партии и Советское правительство вместе с тем предостерегали от возврата к методам массового красного террора. После взрыва, организованного контрреволюционерами в помещении Московского комитета партии, Пленум ЦК РКП(б) рассмотрел вопрос о красном терроре и опубликовал извещение, в котором указывал, что новое преступление контрреволюционеров может побудить рабочих расправиться с заложниками и находящимися на свободе представителями буржуазных и правосоциалистических партий. Однако ЦК считал, что взрыв в помещении Московского комитета не должен отразиться на обычной деятельности ВЧК и губернских ЧК, ибо Советская власть настолько окрепла, что может навести страх на врагов и обезвредить их организации, «не впадая в нервность, сохраняя обычный темп работы трибуналов и комиссий по борьбе с контрреволюцией, не допуская случайных ошибок, которые имели место в прошлом году» [2].

Как только положение на фронтах гражданской войны улучшилось, ВЧК вновь рассмотрела вопрос о мерах борьбы с контрреволюцией. В январе 1920 года коллегия ВЧК пришла к заключению, что разгром Юденича, Колчака и Деникина, занятие Ростова, Новочеркасска и Красноярска создают новые условия борьбы с контрреволюцией, что разгром белогвардейских армий в корне подрывает надежды и расчеты отдельных групп контрреволюционеров свергнуть Советскую власть путем заговоров, мятежей и террористической деятельности. Исходя из этого, ВЧК сочла возможным отказаться от применения к врагам Советской власти расстрела, «отложить в сторону оружие террора», возвращение к которому может быть вызвано только возобновлением Антантой попыток нарушить устойчивое положение Советской власти и мирный труд рабочих и крестьян путем вооруженного вмешательства или материальной поддержки мятежных сил. Коллегия ВЧК обязывала

---

[1] См. «Правда», 12 июля 1919 г.

[2] «Известия ЦК РКП(б)» № 7, 22 октября 1919 г.

все чрезвычайные комиссии обратить усиленное внимание на борьбу со спекуляцией и преступлениями по должности, содействуя налаживанию хозяйственной жизни, устранению всех препятствий, создаваемых саботажем, недисциплинированностью и злонамеренностью. ВЧК постановила прекратить применение расстрела по решениям всех ее органов и войти в Совет Народных Комиссаров и ВЦИК с предложением об отмене высшей меры наказания и по приговорам революционных трибуналов. Это постановление вводилось в действие по телеграфу [1].

По представлению Ф. Э. Дзержинского 17 января 1920 года ВЦИК и СНК отменили смертную казнь как по постановлению ВЧК и ее местных органов, так и по приговорам революционных трибуналов (за исключением военных трибуналов) [2]. Это постановление было утверждено 2 февраля на первой сессии ВЦИК 7-го созыва. В докладе на этой сессии В. И. Ленин говорил: «Вы знаете, что тотчас же после главной победы над Деникиным, после взятия Ростова, тов. Дзержинский, руководящий ВЧК и Наркомвнудел, внес предложение в Совнарком и провел его у себя в ведомстве, чтобы всякое зависящее от ЧК применение смертной казни было отменено... Террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом, и это означало террор, но это было навязано нам террористическими приемами Антанты. И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни... И я думаю, надеюсь и уверен, что ВЦИК единогласно подтвердит это мероприятие Совнаркома и разрешит его таким образом, чтобы применение смертной казни в России стало невозможным. Само собой понятно, что всякая попытка Антанты возобно-

---

[1] См. *М. Лацис*. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, стр. 18.

[2] См. СУ, 1920 г., № 4—5, ст. 22.

вить приемы войны заставит нас возобновить прежний террор...» [1]

На 4-й Всероссийской конференции губернских чрезвычайных комиссий (3—6 февраля 1920 года) Ф. Э. Дзержинский поставил вопрос о перестройке работы Чрезвычайной комиссии и призвал «изыскать такие методы, при помощи которых нам не нужно было бы производить массовых обысков, не пользоваться террором, однако все время вести наблюдение и пресекать корни козней и злонамерений врагов» [2]. Выступивший на конференции В. И. Ленин указывал чекистам: «...Первый острый момент борьбы с контрреволюцией, с белогвардейской вооруженной силой как скрытой, так и явной, этот первый острый период, по-видимому, проходит. Но более чем вероятно, что попытки тех или иных контрреволюционных движений и восстаний будут повторяться...

Так что, хотя по инициативе т. Дзержинского после взятия Ростова и была отменена смертная казнь, но в самом начале делалась оговорка, что мы нисколько не закрываем глаза на возможность восстановления расстрелов. Для нас этот вопрос определяется целесообразностью...

Одним словом, нам по-прежнему надо сохранять полную боевую способность к отражению врага... Сохраняя эту боевую готовность, не ослабляя аппарата для подавления сопротивления эксплуататоров, мы должны учитывать новый переход от войны к миру, понемногу изменяя тактику, изменяя характер репрессий» [3].

Опасения В. И. Ленина о возможности новой активизации контрреволюции оправдались. Поэтому в изданном 18 марта 1920 года новом Положении о революционных трибуналах последним предоставлялось «не ограниченное ничем право в определении мер репрессии». Вместе с тем революционные трибуналы признавались единственными органами, имеющими право вынесения приговоров (даже в местностях, объявленных на военном положении). В примечании к статье 1-й Положения было допущено лишь одно изъятие из этого правила: «...В целях борьбы с нарушителями трудовой дисципли-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 100—101.
[2] «Исторический архив» № 5, 1957, стр. 184.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 113—115.

ны, охранения революционного порядка и борьбы с паразитическими элементами населения, в случае, если дознанием не установлено достаточных данных для направления дел о них в порядке уголовного преследования, за ВЧК и губЧК с утверждения ВЧК сохраняется право заключения таких лиц в лагерь принудительных работ на срок не свыше 5 лет» [1].

В приказе ВЧК № 48 от 17 апреля 1920 года Ф. Э. Дзержинский и член-докладчик кассационного трибунала Н. В. Крыленко дали местным чрезвычайным комиссиям разъяснение по поводу этого изъятия. Необходимость его вызывалась тем, что борьба буржуазии и преступного мира против трудящихся не вошла еще в такое русло, когда всякое преступление могло бы караться только в судебном порядке, когда имеются возможности точно определить всякое преступление и передать его на гласное рассмотрение с уверенностью, что преступник будет наказан. Поэтому закон оставил за ЧК право в административном порядке изолировать антиобщественные элементы и лица, заподозренные в контрреволюционных деяниях. В таком порядке могли подвергаться заключению бывшие помещики, капиталисты, князья, царские чиновники, члены враждебных Советской власти партий, лица, подозреваемые в спекуляции или уличенные в связи с явными контрреволюционерами, хранившие их переписку или деньги, а также лица, нарушающие трудовую дисциплину или саботирующие хозяйственную жизнь республики [2]. 25 апреля 1920 года польские войска начали наступление на Советскую Россию. ВЦИК объявил страну на военном положении и предоставил некоторым губернским революционным трибуналам права военных трибуналов. Учитывая усилившуюся деятельность польской агентуры в тылу Красной Армии, ряд поджогов, взрывов, а также саботаж, ВЦИК и Совет Труда и Обороны издали 28 мая декрет, в котором заявили о необходимости «придать военному положению самый решительный и непреклонный характер». Для общего наблюдения за поддержанием военного положения, применением на местах вытекающих из него мер беспощадной

[1] СУ, 1920 г., № 22—23, ст. 115.

[2] См. «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг.», стр. 386.

расправы с врагами республики при Совете Труда и Обороны была образована специальная коллегия (председатель В. А. Аванесов, члены: В. А. Антонов-Овсеенко и С. А. Мессинг). ВЧК и тем ее органам, которые получали специальные полномочия этой коллегии, предоставлялись права военных революционных трибуналов в отношении всех преступлений, направленных против военной безопасности республики (взрывы, поджоги, измена, шпионаж, спекуляция военным имуществом, преступное нерадение при проведении охраны военных складов и других военных мероприятий). Суровые правила борьбы с внутренней контрреволюцией действовали вплоть до 1922 года.

Оценивая карательную линию советских органов борьбы с контрреволюцией в период «военного коммунизма», следует отметить, что они последовательно проводили классовый пролетарский принцип. Беспощадная расправа, жесткие меры против представителей буржуазии, помещиков, явных белогвардейцев, выступавших с оружием в руках, сочетались с бережливым отношением к тем лицам, которые случайно, временно оказывались на стороне контрреволюции. Видный деятель ВЧК М. Я. Лацис указывал, что пролетариат не наказывал попавших во вражеские сети рабочих и крестьян, ограничивался их арестом и изоляцией на время, «пока не поумнеют, пока не раскроются глаза и пока опасная для нас минута, какие бывали не раз, не пройдет. Но зато он не жалел сознательных и закоренелых контрреволюционеров; он искал руководителей и бил по ним... Но и здесь мы подчас были преступно великодушны» [1]. Классовый подход применялся и при производстве арестов, и при вынесении приговоров, и в практике частных амнистий. Помимо общих амнистий, касавшихся осужденных и привлекавшихся к ответственности за контрреволюционные преступления, Советское правительство применяло специальные амнистии в отношении рабочих и крестьян, обманом вовлеченных в антисоветские выступления. Гибкой была карательная линия и в отношении интеллигенции, представителей мелкобуржуазных элементов и партий.

---

[1] «Известия ВЦИК», 6 февраля 1920 г.

Исключительная опасность заговоров «Национального центра» в момент наступления антисоветских армий на республику, злодейский взрыв помещения МК РКП(б), естественно, вызвали суровые репрессии: эти дела рассматривала внесудебным порядком Чрезвычайная комиссия, активные участники этих преступлений были расстреляны. Но, как правило, подавляющее большинство дел о контрреволюционных преступлениях рассматривалось не органами Чрезвычайной комиссии, а реорганизованными и ставшими вполне эффективными боевыми органами советского правосудия — революционными трибуналами в открытых судебных заседаниях.

В ноябре 1918 года согласно постановлению Президиума ВЦИК об амнистии было прекращено расследование по известному делу «рабочей конференции» и освобождены видные меньшевики и правые эсеры, арестованные в июле. 30 июня 1919 года Верховный революционный трибунал при ВЦИК освободил от суда и наказания обвинявшихся по делу саратовской, петроградской и московской организаций правых эсеров, выразивших солидарность с резолюцией конференции своей партии об отказе от вооруженной борьбы с Советской властью. 5 ноября 1919 года Советское правительство в дополнение к общей амнистии в ознаменование годовщины Октябрьской революции опубликовало решение «освободить из мест заключения и концентрационных лагерей всех членов тех политических групп и партий, которые объявили мобилизацию своих членов в защиту Советской Республики, как это сделали интернационалисты, революционные коммунисты, поалейционисты, группа социалистов-революционеров «Народ», РСДРП (меньшевиков) и бундовцы, за исключением тех из них, к которым предъявлены обвинения в участии в контрреволюционных организациях»[1].

Одновременно советские органы принимали решительные меры пресечения деятельности мелкобуржуазных партий и их «активистов», когда они наносили вред обороне республики. Были такие моменты в годы гражданской войны, когда в «профилактических целях» приходилось заключать в концлагерь правых и левых

[1] «Известия ВЦИК», 5 ноября 1919 г.

эсеров и часть активных меньшевиков и анархистов. Однако они рассматривались не как наказуемые, а как временно, в интересах революции изолируемые от общества.

В отчете VIII съезду партии 18 марта 1919 года В. И. Ленин говорил: «Главный урок — быть чрезвычайно осторожным в нашем отношении к среднему крестьянству и к мелкой буржуазии... От нас потребуется частая перемена линии поведения, что для поверхностного наблюдателя может показаться странным и непонятным. «Как это,— скажет он,— вчера вы давали обещания мелкой буржуазии, а сегодня Дзержинский объявляет, что левые эсеры и меньшевики будут поставлены к стенке. Какое противоречие!..» Да, противоречие. Но противоречиво поведение самой мелкобуржуазной демократии, которая не знает, где ей сесть, пробует усесться между двух стульев, перескакивает с одного на другой и падает то направо, то налево. Мы переменили по отношению к ней свою тактику, и всякий раз, когда она поворачивается к нам, мы говорим ей: «Милости просим». Мы нисколько не хотим экспроприировать среднего крестьянства, мы вовсе не желаем употреблять насилие по отношению к мелкобуржуазной демократии. Мы ей говорим: «Вы — не серьезный враг. Наш враг — буржуазия. Но если вы выступаете вместе с ней, тогда мы принуждены применять и к вам меры пролетарской диктатуры»» [1].

Гибкая тактика по отношению к мелкобуржуазным слоям населения и их партиям в годы гражданской войны помогала Коммунистической партии, Советскому правительству и органам борьбы с контрреволюцией одерживать все новые победы в борьбе с врагами Советской власти.

5. Ликвидация «Тактического центра»

Расследование дел об организациях контрреволюционного подполья, особенно групп «Национального центра», показало, что в стране существуют политические объединения, центры, которые направляют антисо-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 136—137.

ветские движения. Но в условиях гражданской войны детально распутать все нити заговоров и ликвидировать их центры не удавалось.

После поражения Юденича, Колчака и Деникина контрреволюция в тылу Советской республики переживала распад. В феврале 1920 года ВЧК арестовала группу контрреволюционеров, в том числе профессоров Н. Н. Виноградского и С. А. Котляревского, оказавшихся членами руководящих подпольных центров. Виноградский и Котляревский, а затем и другие арестованные, убедившиеся на собственном опыте участия в колчаковщине и деникинщине в безнадежности борьбы против Советской власти, признали ошибочность своих политических позиций и раскаялись. Это помогло выявить руководящие кадры контрреволюционных организаций и открыть неизвестный ранее «Тактический центр», направлявший антисоветское движение в стране.

Показания обвиняемых помогли в основном верно раскрыть картину борьбы контрреволюционного подполья с Советской властью в 1918—1919 гг., выявить антисоветские политические организации и объединения, их руководящие кадры, действовавшие в России начиная с момента Октябрьской революции («Совет общественных деятелей», «Торгово-промышленный комитет», «Союз земельных собственников», «Правый центр», «Национальный центр», «Союз возрождения России»).

Зимой 1918/19 года в Москве у известной буржуазной общественной деятельницы, бывшей «экономистки» Е. Д. Кусковой собирались «за чашкой чая» деятели разных антисоветских групп. Они обсуждали политические события, происходившие в стране, стараясь выработать приемлемую для них политическую платформу. В этой среде и образовался «Тактический центр». В обвинительном заключении ВЧК говорилось: «В феврале 1919 года начинаются события, заставляющие московских контрреволюционеров сблизиться окончательно. Таким импульсом, прежде всего, является радио Антанты о предполагаемом созыве конференции на Принцевых островах. В феврале, таким образом, созывается предварительное совещание членов «Национального центра» и «Союза возрождения», на котором присутствуют от «Национального центра» — Щепкин Н. Н., Кольцов, Котляревский, Трубецкой С. Е., Герасимов, Фельд-

штейн; от «Союза возрождения» — Мельгунов, Волк-Карачевский, Левицкий-Цедербаум (брат известного лидера меньшевиков Ю. Мартова.— *Д. Г.*), Филатьев, Студенецкий, Кондратьев, а затем второе совещание, на которое помимо указанных лиц приглашаются лидеры «Совета общественных деятелей» — Д. М. Щепкин и Леонтьев; присутствовал также член «Национального центра» Муравьев. На этих совещаниях обсуждается вопрос об объединении всех трех организаций в тактическом отношении и в смысле выработки единого плана действий. В результате этих совещаний создается тесный заговорщический союз между монархистами, кадетами, социалистами-революционерами, меньшевиками, народными социалистами и группой «Единство»... Таким образом, в апреле 1919 года образуется «Тактический центр», объединяющий «Совет общественных деятелей», «Национальный центр» и «Союз возрождения», сохраняя за ними автономность и организационную обособленность, а также самостоятельность касс. Договаривавшиеся группы остановились на следующей общей платформе: восстановление государственного единства России; Национальное собрание, долженствующее разрешить вопрос о форме правления в России; единоличная диктаторского характера военная власть, восстанавливающая в стране «порядок» и разрешающая на основе признаваемого права личной собственности ряд неотложных мероприятий экономического и социального характера, вместе с тем «Тактический центр» высказывается за признание Колчака «верховным правителем России»» [1].

В руководство созданной организации вошли: от «Национального центра» — Н. Н. Щепкин, О. П. Герасимов и князь С. Е. Трубецкой; от «Совета общественных деятелей» — Д. М. Щепкин и С. М. Леонтьев; от «Союза возрождения России» — профессор С. П. Мельгунов. Была образована и особая военная комиссия в составе Н. Н. Щепкина, С. М. Леонтьева и С. Е. Трубецкого для связи с подпольными военными группами.

«Тактический центр» не был централизованной организацией, не имел устава и точно зафиксированной

[1] «Обвинительное заключение по делу о раскрытых в Москве контрреволюционных организациях и их деятельности в 1918—1919 году...», стр. 20—21.

программы. Он представлял собою скорее контактную комиссию, состоявшую из ответственных деятелей «Совета общественных деятелей», «Национального центра» и «Союза возрождения России», и расценивался его участниками как некий «мозговой центр» всех антисоветских движений. Его члены разрабатывали принципы общей программы и отдельных преобразований, которыми должно было руководствоваться будущее правительство России. Это были различные проекты государственного устройства, решения аграрного, рабочего, продовольственного, национального вопросов, которые рассматривались ими, в общем, в духе программы кадетов. Кроме того, члены «Тактического центра» поддерживали отношения с мятежными генералами, военными подпольными группами и дипломатическими представителями стран Антанты.

Известное представление о характере деятельности руководящего ядра «Тактического центра» и о взаимоотношениях входивших в «центр» групп дают показания профессора Н. Н. Виноградского. Он заявил, что «Тактический центр» обсуждал вопрос об отношении к конференции на Принцевых островах и выработал декларацию, не признававшую никакого соглашения с Советской властью и призывавшую Антанту оказать вооруженную и материальную помощь армиям, борющимся на окраинах против Советской власти. Когда выяснилось, что конференция на Принцевых островах не состоится, в «Совете общественных деятелей» возникла мысль информировать страны Антанты о положении дел в Советской России: составить записку, характеризующую все стороны государственной и общественной жизни страны. Составленная записка обсуждалась в первой половине 1919 года. Щепкин и Леонтьев поставили в известность «Тактический центр» о намерении «Совета общественных деятелей» информировать таким путем страны Антанты. «Национальный центр» и «Союз возрождения» согласились, чтобы начатая «Советом общественных деятелей» работа была доведена им до конца, а затем подверглась обсуждению в «Тактическом центре». Позднее Леонтьев доложил «Совету общественных деятелей», что записка принята «Тактическим центром» с небольшими изменениями.

Н. Н. Виноградский рассказал, что на заседаниях

«Совета общественных деятелей» и «Тактического центра» заслушивались сообщения тайно приезжавших в Москву деникинских и колчаковских разведчиков: Хартулари (начальника деникинской разведки), ротмистра Донина и Азаревича. В конце марта 1919 года, по свидетельству Виноградского, на заседание «Совета общественных деятелей» Леонтьев привел некоего Азаревича, приехавшего из Сибири, и прибывшего с юга Хартулари. Приехавшие сделали доклады о военном положении на фронтах и подробно обрисовали общее положение, наиболее интересовавшее «Совет общественных деятелей». На следующем заседании эти доклады обсуждались и было решено послать в «Колчакию» и «Деникию» декларацию о том, какой строй должен быть установлен на местах после «освобождения» их от Советской власти. Такая декларация была составлена «Советом общественных деятелей» и обсуждалась в «Тактическом центре».

Летом 1919 года «Национальный центр» через свою петроградскую организацию вошел в сношения с главой английской контрразведки в России Полем Дюксом. Дюкс жил в 1919 году в Петрограде, но, узнав о существовании в Москве «Национального центра» и других контрреволюционных организаций, в июне выехал в Москву. При посредстве ближайшей своей помощницы по шпионажу Н. В. Петровской он встречался с С. М. Леонтьевым, который познакомил его с Н. Н. Щепкиным, представив его Дюксу как председателя «Тактического центра». Поль Дюкс виделся с ним несколько раз. Н. Н. Щепкин просил Дюкса войти от имени «Национального центра» в сношение с русскими комитетами в Лондоне и Париже. Дюкс предложил Н. Н. Щепкину субсидию английского правительства в размере полмиллиона рублей в месяц на расходы организации. Щепкин хотя сначала и отклонил предложение английского шпиона, полагаясь на финансирование организации Колчаком, но все же запросил мнение «Национального центра». Трубецкой и некоторые другие высказались за принятие денег. Щепкин подробно информировал Дюкса о политическом, хозяйственном и военном положении Советской России, обнадеживал его неминуемым крушением Советской власти в результате взрыва изнутри при содействии «Тактического центра». Дальней-

шие переговоры с английским разведчиком оборвались из-за ареста Щепкина и отъезда Дюкса в Англию [1].

В августе 1920 года расследование дела «Тактического центра» было закончено. Многих участников преступлений, совершенных в 1918—1919 годах, освободили от ответственности по амнистии. Суду Верховного революционного трибунала были преданы 28 человек: руководители «Тактического центра» Д. М. Щепкин, С. М. Леонтьев, С. Е. Трубецкой и С. П. Мельгунов; члены «Совета общественных деятелей» и «Национального центра» профессора В. М. Устинов, С. А. Котляревский, Г. В. Сергиевский, В. С. Муралевич, Д. Н. Каптерев, М. С. Фельдштейн, составлявшие проекты программы будущего управления страной; профессор Н. К. Кольцов, хранивший денежные средства «Национального центра»; член коллегии Главтопа профессор Н. Н. Виноградский; бывший начальник политического кабинета в Министерстве иностранных дел Временного правительства В. Н. Муравьев; члены ЦК кадетской партии Н. М. Кишкин, Ю. Б. Губарева-Топоркова, Д. Д. Протопопов; член «Торгово-промышленного комитета» бывший фабрикант С. А. Морозов, финансировавший деятельность «Правого центра», «Совета общественных деятелей» и «Национального центра»; бывший товарищ министра внутренних дел при царизме и Временном правительстве С. Д. Урусов; бывший член Государственной думы В. И. Стемпковский; члены «Союза возрождения России» Н. Д. Кондратьев (Китаев), меньшевики-оборонцы Г. В. Филатьев, В. О. Левицкий-Цедербаум и В. Н. Розанов; член контрреволюционного «Союза русской молодежи» Н. С. Пучков, содействовавший приезжавшим в Москву деникинским агентам (он снабжал их паспортами, украденными в Главном санитарном управлении, где он служил делопроизводителем); Е. И. Малеина, занимавшаяся технической работой и расшифровкой секретных документов контрреволюционных объединений; А. Л. Толстая, предоставлявшая свою квартиру для заседаний «Тактического центра», и другие. Дело рассматривалось Верховным революционным трибуналом с 16 по 20 августа 1920 года под председательством И. К. Ксе-

[1] См. «Обвинительное заключение по делу о раскрытых в Москве контрреволюционных организациях и их деятельности в 1918—1919 году...», стр. 15—16.

нофонтова; обвинение поддерживал Н. В. Крыленко, защитниками выступала группа адвокатов, в их числе профессор А. Тагер и Н. Муравьев.

Характеризуя особенности судебного процесса, Н. В. Крыленко в обвинительной речи говорил: «Начиная от малозначительной фигуры подсудимой Малеиной, типичной интеллигентки, окончившей Высшие педагогические курсы, от молодого представителя интеллигенции Пучкова до убеленных сединой профессоров, авторов научных фолиантов, как Котляревский, до бывших помещиков, собственников и фабрикантов, представители которых также сидят перед вами,— все подсудимые принадлежат к интеллигенции». Отметив потрясения, которые пережила известная часть интеллигенции в процессе революции, Н. В. Крыленко продолжал: «Сейчас наступает иной момент. 1920 год принес с собою... победу Республики на польском фронте, фактическое признание нашей мощи представителями мирового империализма и, наконец, фактическое вступление рабоче-крестьянской России в ряды европейских держав, которые начинают считаться с нами, как с мировой державой. В связи с этим в рядах интеллигенции опять намечается новый перелом; целый ряд ее представителей, подводя итоги своей борьбы против рабочих и крестьян, говорят: «Мы ошибались, мы сознаем свои ошибки, а в дальнейшем, как граждане, будем исполнять свои обязанности к Советской власти вполне лояльно...» Я не хочу для отдельных представителей данной социальной группы закрывать полной возможности доказать этот перелом. В отношении пяти подсудимых я считаю возможным спокойно заявить, что не требую никакого наказания... пусть уйдут они отсюда свободными» [1].

Верховный революционный трибунал, признав главных подсудимых «виновными в участии и сотрудничестве в контрреволюционных организациях, поставивших себе целью ниспровержение диктатуры пролетариата, уничтожение завоеваний Октябрьской революции и восстановление диктатуры буржуазии путем вооруженного восстания и оказания всемерной помощи Деникину, Колчаку, Юденичу и Антанте», приговорил их к рас-

[1] *Н. В. Крыленко.* За пять лет. 1918—1922 гг. Обвинительные речи, стр. 34, 50—51.

стрелу. Но, «принимая во внимание чистосердечное раскаяние их, более или менее полное, искреннее желание работать с Советской властью и принять участие в восстановлении разрушенного хозяйства, а также решительное осуждение ими вооруженных белогвардейских выступлений и иностранной интервенции», постановил заменить им расстрел иными наказаниями. От наказания были освобождены по амнистии четверо подсудимых, к условному наказанию осуждены десять, к лишению свободы сроком на три года — трое, а до окончания гражданской войны — шесть подсудимых. Лишь руководители «Тактического центра» Д. М. Щепкин, С. М. Леонтьев, С. Е. Трубецкой и С. П. Мельгунов были приговорены к тюремному заключению сроком на 10 лет. Одного подсудимого — С. Д. Урусова — вовсе оправдали. Некоторые члены «Тактического центра», бежавшие от пролетарского суда, были объявлены врагами народа. Но когда задержали одного из них, крупного деятеля «Союза возрождения России» В. Мякотина, расстрел ему заменили пятилетним заключением. Уже в 1921 году все осужденные по этому делу по амнистии Советского правительства были освобождены из заключения.

6. Церковная контрреволюция

В буржуазно-помещичьей России высшая иерархия русской православной церкви, связанная стародавними узами с монархистскими кругами страны, делала все, чтобы церковь исправно обслуживала царизм и правящие классы страны. После Октябрьской революции во главе церкви стал представитель наиболее реакционного крыла духовенства московский митрополит Тихон (В. И. Белавин), 5 ноября 1917 года избранный на Всероссийском церковном соборе патриархом всея Руси. Самый факт восстановления сана всероссийского патриарха как символа единоличной власти в православной церкви в то время, когда совсем недавно была свергнута единоличная власть монарха в стране и в результате победы социалистической революции установлена самая демократическая власть на земле, достаточно красноречиво выразил антинародные, монархистские устремления реакционных церковников. И действительно, высшая церковная иерархия сразу же высту-

пила против Октябрьской революции, стала предавать анафеме Советскую власть и примкнула к монархистской контрреволюции.

Покончив с политическим господством буржуазии и помещиков, Советская власть одновременно приняла ряд мер, направленных на духовное раскрепощение народа. Декретами от 16, 18 декабря 1917 года и 20 января 1918 года рабоче-крестьянское правительство провозгласило свободу совести и верований и отделило церковь от государства и школы. Религия была признана частным делом граждан, церковь потеряла право участия в государственной деятельности. Преподавание закона божьего в школах отменялось. Устанавливался гражданский брак и развод по суду. Имущество церкви, в том числе крупные поместья монастырей, объявлялось народным достоянием. Эти декреты лишали православную церковь положения государственного института и в значительной степени подрывали источники ее доходов.

Реакционные церковники с ожесточением выступили как против этих, так и против других декретов Советского правительства, в том числе против декрета о земле. 27 января 1918 года Всероссийский священный собор объявил изданные декреты «сатанинским гонением» на церковь. В постановлении говорилось, что «1) изданный Советом Народных Комиссаров декрет об отделении церкви от государства представляет собою... злостное покушение на весь строй жизни православной церкви и акт открытого против нее гонения; 2) всякое участие как в издании сего враждебного церкви узаконения, так и в попытках провести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к православной церкви и навлекает на виновных кару вплоть до отлучения от церкви». Собор постановил не признавать декретов Советской власти о браке и разводе и предавать «церковному осуждению» всех, кто будет на основании этих декретов расторгать церковные браки и вступать в новые[1].

15 марта 1918 года делегация церковников во главе с А. Д. Самариным и Н. Д. Кузнецовым явилась в Совет Народных Комиссаров и вручила декларацию, в которой

[1] ЦГАОР, ф. 353, оп. 2, д. 712, л. 169—170.

утверждалось, будто русский народ смотрит на изданные декреты как «на тяжкое оскорбление его религиозного чувства». Делегация «предупредила» Советское правительство: «Да будет ведомо вам, что религиозное успокоение ста миллионов православного русского народа может быть достигнуто не иначе, как отменой всех распоряжений, посягающих на жизнь и свободу народной веры» [1]. Это был первый ультиматум реакционных церковников.

На протяжении многих лет одним из средств одурманивания отсталых народных масс и источником, из которого церковники извлекали немалые доходы, было канонизирование и почитание «святых мощей» [2]. Революционная совесть трудящихся не могла мириться с этим мракобесием и обманом. В первые годы Советской власти по почину трудящихся во многих губерниях России были произведены вскрытия мощей, хранившихся в храмах и монастырях. При вскрытиях, совершенных в присутствии народа, духовенства, экспертов, были обнаружены вопиющие факты подлога: в гробницах, раках, где помещались так называемые нетленные мощи святых, оказывались или мумифицированные от естественных причин трупы, или истлевшие, превратившиеся в пыль кости, или имитации тел с помощью ваты, воска, тканей, картона, кукол. В одних случаях при изготовлении «мощей» в раки вкладывали лишние кости, в других, наоборот, костей от скелетов не хватало. От «нетленных мощей преподобного Макария» ничего не осталось, кроме пяти фунтов ваты, которой были проложены остатки от костей. Вместо «нетленных мощей Питирима» (Тамбовская губерния) в раке обнаружили несколько костей, залитых воском; голова «святого» представляла собой восковой слепок. «Мощи праведного Прокопия Устьяжского» являлись подобием человеческого туловища, изготовленного из разрознен-

[1] ЦГАОР, ф. 353, оп. 2, д. 712, л. 51 об.

[2] Православная церковь создала культ почитания «мощей святых» — останков «благочестивых людей», являющихся будто бы божьими избранниками, посредниками между небом и землей. Тела некоторых таких умерших «святых», в отличие от тел обыкновенных людей, будто бы остаются «нетленными», то есть не гниют, не разлагаются и сохраняются как бы «в свежести». «Святым мощам» приписывалась способность исцелять больных, совершать чудеса.

ных костей, ваты (которая периодически сменялась) и покрывала. В раке Мстислава Удалого не оказалось одной руки, в раке князя Владимира были найдены остатки кожаных сапог машинного производства. Очевидные факты фальсификаций показали массам населения, чему церковники заставляли их поклоняться, и сыграли большую роль в просвещении и избавлении народа от невежественных суеверий и религиозных предрассудков.

Церковные власти, обеспокоенные этим, приняли меры. Выполняя предписания патриарха Тихона (циркуляр от 17 февраля 1919 года), церковники начали приводить мощи в порядок. Епископ Вологодский провел 7 марта заседание епархиального совета. На нем было постановлено тайно освидетельствовать состояние святых мощей и удалить из рак искусственные оправы, добавленные для придания мощам подобия человеческого тела, чтобы избежать возможного со стороны верующих разоблачения святых мощей [1]. Новгородский викарный епископ Алексий совместно с другими церковными служителями удалил из рак предметы фальсификации [2].

20 марта 1919 года патриарх Тихон обратился с письмом к Председателю Совнаркома В. И. Ленину и потребовал прекращения вскрытия мощей. Он предъявил Советскому правительству новый «ультиматум», угрожая в случае, если требование церкви не будет выполнено, обратиться к народу с призывом «повиноваться более богу, нежели человекам» [3].

Противодействие реакционных церковников мероприятиям Советского правительства не ограничилось «ультиматумами»; они провоцировали и народные волнения. Наэлектризованные ими толпы отсталых людей, созываемых набатным звоном «на защиту церкви», нападали на представителей советских органов и сельской бедноты, не давали им исполнять свои общественные и государственные обязанности.

[1] См. «Обвинительное заключение по делу бывшего патриарха Тихона (Белавина) и других руководителей церкви, обвиняемых в контрреволюционной деятельности». М., 1923, стр. 26.

[2] ЦГАОР, ф. 353, оп. 5, д. 72, л. 306.

[3] «Обвинительное заключение по делу бывшего патриарха Тихона (Белавина) и других руководителей церкви, обвиняемых в контрреволюционной деятельности», стр. 26—27.

Как-то представители Люберецкого Совета явились в Николо-Угрешский монастырь и предложили его настоятелю, на основании декрета правительства, выделить для нужд Военного комиссариата несколько лошадей. Настоятель вызывающе ответил им: «Вашей Советской власти не признаю, делайте, что хотите, грабьте без моего согласия». Явившиеся обратились к митрополиту Макарию, проживавшему в монастыре. Тот попросил немного подождать ответа. Тем временем монахи послали гонцов в окрестные села с провокационным известием о том, будто большевики грабят монастырь. Вскоре собралась большая толпа крестьян. Возбужденные духовенством, кулаками и подозрительными лицами, жившими в монастырской гостинице, собравшиеся избили представителей Совета, заперли их в пожарный сарай и держали там, пока не пришли на помощь окрестные бедняки. Николо-Угрешский монастырь, как выяснилось, являлся прибежищем приезжих белогвардейцев, ведущих антисоветскую работу среди крестьян. В покоях митрополита Макария обнаружили недавно составленное им воззвание по поводу смерти Николая II, в котором он призывал население «молиться об успокоении души благоверного сына церкви, потомка царственного дома Романовых».

Беспорядки произошли также в Звенигородском уезде, где спровоцированной антисоветскими элементами толпой, созванной колокольным звоном «на защиту церкви», были убиты советские работники Макаров, Соколов и милиционер Рожков. В Павловском Посаде возбужденная контрреволюционными церковниками толпа фанатиков сожгла здание Совета и убила семь человек. По сведениям Высшего церковного совета, при проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства в стране произошло 1414 кровавых столкновений, спровоцированных контрреволюционерами и реакционными церковниками. По данным, оглашенным Н. В. Крыленко, во время беспорядков было убито 138 коммунистов. Революционные трибуналы республики в 1918—1919 годах рассмотрели 78 таких дел [1].

---

[1] ЦГАОР, ф. 353, оп. 4, д. 391, л. 34; «Правда», 8 июля 1923 г.; *Н. В. Крыленко*. За пять лет. 1918—1922 гг. Обвинительные речи, стр. 61, 66.

Реакционные церковники и лично участвовали в борьбе против Советской власти. Не было ни одного крупного заговора, в котором бы они не были замешаны. Патриарх Тихон выступал против Брестского мира. Как это было установлено при расследовании заговора Локкарта, Тихон дал дипломатическим заговорщикам стран Антанты «благословение» на антисоветский переворот в России и обещал за успех его отслужить всенародное молебствие. Патриарх вошел в сношения с Колчаком и Деникиным, с лидерами «Национального» и «Тактического» центров. Многие служители культа непосредственно участвовали в вооруженных антисоветских выступлениях. Во время ярославского восстания священник владимирской церкви с церковной колокольни стрелял из пулемета по красноармейцам. В Муроме престарелый епископ Митрофан дал мятежникам «благословение» и собрал в их пользу среди богатеев города большую сумму денег. В муромском восстании участвовали и монахи. Владимирский губернский революционный трибунал, рассмотрев дело об этом восстании, освободил Митрофана от наказания, учитывая его преклонный возраст, и ограничился выселением его из Мурома; муромский же монастырь, как очаг контрреволюции, был закрыт [1]. Одним из руководителей кулацкого восстания в Беловодском (Семиречье) являлся местный священник Иван Ткачев, который на сходе крестьян выступил с погромной речью. Этот воинственный поп организовал «черный отряд для истребления антихристов-большевиков» [2].

Но еще более зловещей была деятельность контрреволюционных церковников на территории, занятой белогвардейцами и интервентами. Архангельское духовенство во главе с епископом Павлом (Павловским) с июля 1918 по март 1920 года поддерживало белых и интервентов. Церковники собирали деньги и вещи для белой армии, призывали население к беспощадной борьбе с Красной Армией, посылали на фронт проповедников с погромной литературой, отправили послание английскому епископу Кентерберийскому с просьбой содейст-

[1] См. «Красная книга ВЧК» т. 1, стр. 97.
[2] «Ученые записки исторического факультета Киргизского университета», вып. VI. Фрунзе, 1958, стр. 9.

вовать в том, чтобы правительства Антанты не отзывали свои вооруженные силы с севера России; они сочиняли клеветнические документы о насилиях большевиков над духовенством и направляли их за границу. В августе 1919 года протоиерей Иоанн Попов составил «акт о явлении под Архангельском Богоматери», благословляющей белую армию и интервентов [1]. Уфимский епископ Борис (Шипулин) торжественно встречал Колчака в Пермском кафедральном соборе и обратился к нему с речью как к «освободителю от большевиков»; он призывал население жертвовать на армию Колчака и бороться с Советской властью. Екатеринбургский и Ирбитский архиепископ Григорий (Яцковский) и другие отцы церкви также содействовали Колчаку.

Уважая религиозные чувства известной части трудящихся и считаясь с влиянием церкви, Советское правительство не применяло репрессий по делам о противодействии декретам об отделении церкви от государства. Лишь в случаях серьезных беспорядков революционные трибуналы наказывали зачинщиков, преимущественно кулаков и представителей реакционной части церковников. По отношению же к темным, спровоцированным на выступления людям трибуналы ограничивались минимальными наказаниями и условным осуждением.

Многие факты антисоветской деятельности церковных реакционеров были обнаружены при расследовании дела «Совета объединенных приходов г. Москвы».

Начало этому расследованию положило такое происшествие. В ноябре 1918 года член сельского Совета села Титово Зубов пожаловался волостному Совету Бронницкого уезда на то, что ему угрожает расправой кулак Королев. Выяснилось, что Королев посещает собрания церковников, распространяет контрреволюционные слухи и наставляет крестьян, чтобы они по колокольному звону являлись «на защиту церкви». Началось расследование дела. У местного священника Смирнова нашли брошюру «Доклад священника Полозова», направленную против декрета Совета Народных Комиссаров об отмене преподавания закона божьего в школе. Она была издана «Советом объединенных приходов г. Москвы» и распространялась через священников.

[1] См. «Известия ВЦИК», 5 февраля 1921 г.

Благочинный Тузов и автор брошюры Полозов были арестованы. При обыске у Полозова нашли много документов черносотенного содержания, вплоть до погромных воззваний «Союза русского народа» времен царского режима. Среди документов находилось и напечатанное гектографическим способом письмо, адресованное «благочинным уездов Московской епархии». Это был своеобразный бюллетень (издаваемый еженедельно) о деятельности учрежденного в Москве «Совета объединенных приходов». В нем указывалось, что «Совет» был избран 30 января 1918 года на первом собрании православных приходов и что он пригласил вступить в организацию все приходы Московской губернии. Особое внимание следствия привлекли рекомендации «Совета» приходам. «Совет» предлагал обсудить на собраниях «образ действий на случай покушений со стороны представителей нынешней власти захватить храм, его принадлежности или иным образом посягнуть на достояние церкви и прихода» и подробно пояснял, как противодействовать этому. В частности, «Совет» указывал: «Если бы представители власти не вняли доводам настоятеля храма или приходского совета и стали бы проявлять намерение силой осуществить свое требование, надлежало бы тревожным звоном (набатом) созвать прихожан на защиту церкви... Если есть поблизости другие храмы, то желательно войти с ними предварительно в соглашение, чтобы и в них раздался тревожный звон, по которому население окрестных приходов могло бы прийти на помощь и своею многочисленностью дать отпор покушению на церковь». «Совет» решил организовать охрану патриарха Тихона путем установления постоянного дежурства верующего мужского населения на его подворье. Об обязанностях таких дежурных в решении говорилось: «Если бы оказалось нужным, они должны принять все меры к отвращению и даже предупреждению опасности для патриарха, а в случае обнаружения таковой немедленно всеми способами, в том числе и набатным звоном ближайших церквей, созвать православную Москву на защиту Святейшего отца...» [1]

Из обнаруженных документов стало ясно, что «Совет

[1] ЦГАОР, ф. 353, оп. 3, д. 744, л. 2—4.

объединенных приходов» пытался организовать сопротивление проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства. Охрана патриарха, на жизнь которого никто не покушался, созыв набатным звоном толпы «на защиту» церкви и патриарха имели своею целью провоцировать антисоветские выступления. Правда, в указаниях «Совета» были и слова о «неприменении оружия», но это были пустые слова. Жизнь показала, что церковный набатный звон, возбуждая страсти темных людей, играл зловещую роль в кровавых беспорядках, вызванных контрреволюционерами.

Руководство «Совета объединенных приходов» по своему составу было явно контрреволюционным. Председателем «Совета» являлся известный монархистский деятель А. Д. Самарин, бывший обер-прокурор Святейшего синода, «егермейстер двора его императорского величества», губернский предводитель московского дворянства, крупный помещик, владевший до революции десятью тысячами десятин земли. В состав «Совета» входили священник Полозов — участник черносотенных организаций, профессор церковного права Н. Д. Кузнецов, московские протоиереи Цветков и Успенский, крупный торговец Емельянов.

Органы ВЧК давно следили за скрывающимся Самариным. 7 октября 1918 года его задержали на станции Брянск с подложными документами на имя Зарецкого. Он пытался пробраться на Украину, где в то время господствовал гетман Скоропадский. У Самарина обнаружили письмо патриарха Тихона, который поручал ему вести переговоры в Киеве по поводу автокефалии[1] украинской церкви. При расследовании было найдено и письмо Самарина от 18 июня 1918 года на имя уехавшего на Украину Карпова — одного из деятелей дворянского совета. В качестве «председателя постоянного Совета объединенных дворянских обществ» (давно ликвидированного революцией) Самарин писал Карпову: «Когда будете на Украине, если представится возможность, соберите там остальных членов Совета (т. е. «Совета объединенных дворянских обществ».— *Д. Г.*) и устройте совещание по вопросам, которые трактуются

[1] **Автокефалия — самостоятельность, организационная независимость поместной церкви от одноименной церковной организации, находящейся внутри или за пределами страны.**

патриархом Тихоном в его послании по поводу Брестского мира»[1]. Таково было истинное лицо Самарина, выдававшего себя за аполитичного церковного деятеля. В тот раз, однако, ВЧК освободила Самарина. А 29 августа 1919 года в связи с делом «Совета объединенных приходов г. Москвы» он был вновь арестован.

Другим виднейшим деятелем «Совета приходов» был профессор церковного права Н. Д. Кузнецов, который специализировался на борьбе с Советской властью в «юридической области»: он организовал провокационную подачу заявлений по поводу «глумления над церковью», нарушений закона о свободе совести, якобы допускаемых советскими служащими.

В марте 1919 года по решению съезда Советов Звенигородского уезда было произведено вскрытие мощей «преподобного Саввы», хранившихся в Звенигородском монастыре. Спустя некоторое время Кузнецов подал в Совнарком жалобу, в которой утверждал, будто при вскрытии мощей делегаты съезда Советов вели себя кощунственно и кто-то из них «плюнул» на череп Саввы. В. И. Ленин, к которому поступила жалоба Кузнецова, предложил произвести тщательное, всестороннее расследование[2]. Командированный на место сотрудник НКЮ установил провокационный, клеветнический характер заявления Кузнецова. Выяснилось, что воротилы монастыря, бывший кавалергард гвардейских полков игумен Иона (Фиргуф), иеромонах духовник Савва, ризничий Ефрем, иеромонах Илиодор, составили ложный акт о якобы совершенном кощунстве. В качестве «свидетелей» фигурировали ученики местной школы — сыновья священников Халанского и Покровского. По уговору старших они подписали акт, в котором говорилось, будто они видели, как кто-то «плевал» на мощи; это же подтверждал и слабоумный иеромонах Савва. Провокация в связи с вскрытием мощей в Звенигородском монастыре также была связана с деятельностью «Совета объединенных приходов г. Москвы».

Дело «Совета объединенных приходов г. Москвы» рассматривалось в Московском губернском революционном трибунале с 11 по 16 января 1920 года с уча-

---

[1] ЦГАОР, ф. 353, оп. 4, д. 391, л. 223—224.
[2] ЦГАОР, ф. 353. оп. 3, д. 744, л. 48.

стием обвинителя Н. В. Крыленко и семи защитников. Перед судом предстали 12 подсудимых, в том числе Самарин и Кузнецов. Руководители «Совета» не признавали себя виновными, утверждая, что не имели в виду выступать против Советской власти и действовали исключительно в целях «оживления церковной жизни». Сокрушительную отповедь реакционным церковникам дал Н. В. Крыленко. Он говорил: «Физиономия Совета вполне характеризуется воззванием, которое говорит: «Организуйтесь в союзы мирян, объединяйтесь повсеместно при реквизициях церковного имущества, в крайних случаях — бейте в набат». Это послание прошлось по всей республике, докатилось до Твери, Тамбова, Сольвычегодска. «Бейте в набат» — так писали в Москве, и набатный звон церковных колоколов раздавался по всей России... «Совет объединенных приходов» установил добровольную охрану патриарха. Для этого была проведена мобилизация мужского населения и учреждены постоянные дневные и ночные дежурства в подворье патриарха с инструкцией: в случае дерзновенного посягательства на его особу опять-таки ударить в набат, собрать по телефону или другими путями толпу и... идти просить не трогать патриарха, чтобы дойти хотя бы до Совета Народных Комиссаров. Что это? Политическое невежество или политический расчет? Лицемерие или грубо задуманный замысел? Когда Самарин, проведший жизнь на службе царскому режиму и видевший воочию дела царских палачей и опричников, когда он говорит о намерениях охраны только «просить» за патриарха,— можно ли ему верить?» [1]

Московский губернский революционный трибунал приговорил Самарина и Кузнецова к заключению в концлагерь «до окончательной победы Рабоче-крестьянской власти над мировым империализмом». Цветков и Иона были осуждены к 5 годам, а Максимов, Савва и Тузов к 3 годам лишения свободы. Успенский, Яницкий, Халанский, Смирнов и Ефрем — к условному наказанию. Еще до окончания гражданской войны все осужденные были выпущены по амнистии.

---

[1] *Н. В. Крыленко*. За пять лет 1918—1922 гг. Обвинительные речи, стр. 67, 69.

1. Антисоветский лагерь в конце гражданской войны

В ходе гражданской войны антисоветские силы в России потерпели поражение как на фронтах, так и в тылу. Часть активных контрреволюционеров была обезврежена, а еще более значительная их часть покинула страну. Однако на этом борьба с вражеским подпольем не закончилась. Опорой антисоветского подполья стали белоэмигранты.

Белоэмигранты представляли собой довольно значительную силу (за границей сконцентрировалось около двух миллионов эмигрантов), поддерживаемую международной буржуазией. Многие из них имели связи с правительственными кругами империалистических стран, а некоторые располагали и крупными средствами в иностранных банках.

На крайнем правом фланге белой эмиграции в конце 1920 и в 1921 году стояли организации, сконцентрировавшиеся вокруг константинопольского центра монархистов (в который входили также реакционные церковники во главе с епископами Вениамином и Евлогием) и вокруг небезызвестного черносотенца, бывшего члена Государственной думы Маркова 2-го, издававшего в Берлине газету «Двуглавый орел». Бежавший с остатками своих войск за границу барон Врангель пытался объединить и возглавить эту монархистскую часть эмиграции и стал руководить антисоветским «Союзом освобождения России».

Далее, на правом фланге эмиграции находились кадеты, среди которых наметилось несколько течений. Одна их часть объединилась с бывшими октябристами и образовала «Национальный союз», выдвинувший ло-

зунг: «Не монархия, не республика, а родина». Эти кадеты издавали газету «Общее дело» под редакцией Бурцева. Большинство же кадетов, во главе с профессором П. Н. Милюковым, продолжали работу под старыми лозунгами.

В Париже обосновался «Торгово-промышленный комитет», члены которого лишились своих предприятий в Советской России и мечтали об их возвращении. За границей находились многие деятели разгромленных в России контрреволюционных организаций «Национального» и «Тактического» центров. Широко были представлены в эмиграции и деятели «социалистических» партий.

Некоторые члены Центрального комитета партии правых эсеров — А. Гоц, Д. Донской, Е. Тимофеев и другие находились в Советской России и содержались в Бутырской тюрьме. Там они, используя льготные условия заключения (свободное передвижение в пределах тюрьмы, свидания и т. д.), вели переписку, устраивали заседания и пытались даже руководить из тюрьмы эсеровскими партийными организациями. Другие же члены Центрального комитета партии (Чернов, Керенский, Сухомлинов, Минор) эмигрировали из России и образовали заграничную делегацию Центрального комитета партии эсеров, которая издавала ряд газет («Революционная Россия», «За народное дело» — в Ревеле, «Воля России» — в Праге) и журналов и также нелегально руководила эсеровскими организациями в Советской России.

Партия меньшевиков в Советской стране находилась на легальном положении. Вместе с тем она вела и нелегальную работу в крупных городах страны. Возглавляли партию члены ЦК, оставшиеся в Советской России (Ф. Дан и другие). Одновременно члены ЦК Л. Мартов, Р. Абрамович, П. Аксельрод образовали в Берлине заграничную делегацию ЦК и издавали «Социалистический вестник», являвшийся центральным органом меньшевистской партии.

В эмиграции были и некоторые левые эсеры, а также самостоятельные, не связанные с основными политическими партиями антисоветские группы, и среди них организация Бориса Савинкова в Польше. Там же, в Польше, нашли себе пристанище эмигрантское петлю-

ровское правительство, «Белорусская рада», объединения донского, кубанского, терского реакционного казачества.

Эмигрантские деятели создавали блоки, объединения для совместной борьбы с Советской властью и для представительства перед иностранными империалистическими державами. Таким, например, был существовавший в Париже с середины 1920 года до апреля 1922 года антисоветский «Административный центр», формально являвшийся внепартийной организацией, в которую входили эсеры, некоторые меньшевики и разные эмигранты. Учредителями «Административного центра» были эсеры Чернов, Керенский, Авксентьев, Зензинов.

Таким образом, к концу гражданской войны наметилась тенденция перенести руководство антисоветской деятельностью с территории Советской России в белоэмигрантские и связанные с ними империалистические круги.

Между тем Советская республика, приступившая по окончании гражданской войны к мирному строительству, испытывала большие трудности. Народное хозяйство было разрушено империалистической и гражданской войнами. В довершение ко всему летом 1921 года страну постигло стихийное бедствие — неслыханная засуха опустошила поля плодороднейших районов, голод охватил миллионы людей.

Основные классы советского общества — рабочие и крестьяне — оказались в тяжелом положении. Рабочий класс, перенесший тяжесть империалистической, гражданской войн и хозяйственной разрухи, устал, известная часть его деклассировалась, бросала заводы и фабрики, уходила в деревню. Нелегким было и положение крестьян, которые отдавали государству все излишки продуктов. Пока шла война с помещиками и капиталистами, крестьяне мирились с тяготами и суровыми мерами «военного коммунизма», но после победы они хотели работать на полученной и отвоеванной земле, свободно распоряжаясь, как мелкие товаропроизводители, продуктами своего труда, продавая хлеб на рынке. Они стали решительно выступать против продовольственной разверстки. В результате демобилизации армии в деревни и города возвратились сотни тысяч людей, которые не могли сразу найти работу. Это увеличило количество

недовольного населения. В. И. Ленин говорил: «...В 1921 году, после того как мы преодолели важнейший этап гражданской войны, и преодолели победоносно, мы наткнулись на большой,— я полагаю, на самый большой,— внутренний политический кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих. Это было в первый и, надеюсь, в последний раз в истории Советской России, когда большие массы крестьянства, не сознательно, а инстинктивно, по настроению были против нас» [1].

В конце 1920 и в 1921 году по стране прокатились волны крестьянских выступлений, разлилась мелкобуржуазная анархическая стихия. Участники мятежей выступали главным образом под флагом «беспартийности» и выдвигали требования: «Долой продразверстку!», «Да здравствует свободная торговля!», «Свобода для всех!», «Советы без большевиков!» Но, как известно из истории, мелкая буржуазия, колеблющаяся между пролетариатом и буржуазией, никогда самостоятельно не добивалась своих целей. В. И. Ленин говорил: «Мы знаем из своего собственного опыта — и подтверждение этого видим в развитии всех революций, если брать новую эпоху, скажем, сто пятьдесят лет, во всем мире,— что везде и всегда результат был именно такой: все попытки мелкой буржуазии вообще, крестьян в частности, осознать свою силу, по-своему направить экономику и политику кончались крахом. Либо под руководством пролетариата, либо под руководством капиталистов — середины нет» [2]. Проявления мелкобуржуазной стихии в Советской России немедленно подхватывались всеми контрреволюционерами, которые пытались направить их в сторону реставрации буржуазного строя; эти движения становились ступенькой на пути к возвращению буржуазно-помещичьей власти.

Особую предательскую роль в это время играли эсеры и меньшевики. Их агитация, приноровленная к настроениям недовольных крестьян и голодных рабочих, являлась одной из причин распространения волнений. В. И. Ленин называл их «шептунами» и давал

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 282.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 136—137.

такую оценку их деятельности: «...Когда мы говорим о шептунах эсерах и меньшевиках, то мы говорим о другом классе, говорим о тех, которые идут за буржуазией, о тех, которые пользуются всяким тяжелым положением, выпускают листки и говорят: «Смотрите, у вас отбирают триста пудов излишков, отдайте все, а получите только разноцветные бумажки». Что, мы не знаем таких шептунов? Из какого они класса? Это те же помещики, как бы они себя ни называли, эсерами, сторонниками свободы, народовластия, учредилки и т. д.» [1]

Весной 1921 года сотрудники ВЧК обнаружили архив и переписку членов ЦК партии правых эсеров, находившихся в Бутырской тюрьме. По этим документам, между прочим, было установлено, что ЦК правых эсеров дал директиву местным эсеровским организациям об использовании крестьянских антисоветских движений в интересах своей партии. Так, например, выдвигая в директиве о тактике партии от 25 февраля 1921 года лозунг «решительного преодоления большевистской диктатуры», лидеры эсеров давали указания своим организациям, чтобы они брали в свои руки руководство вооруженной борьбой на местах и содействовали созданию на «освобожденной» территории органов «демократической государственности» [2].

Таким образом, правые эсеры и меньшевики, участвуя в стихийных «беспартийных» выступлениях, вновь пытались стать во главе антисоветских движений. В. И. Ленин писал: «Весенние события 1921 года показали еще раз роль эсеров и меньшевиков: они помогают колеблющейся мелкобуржуазной стихии отшатнуться от большевиков, совершить «передвижку власти» в пользу капиталистов и помещиков. *Меньшевики и эсеры научились теперь перекрашиваться в «беспартийных»...* Такие люди помогают мятежам, помогают белогвардейщине» [3]. В другой работе В. И. Ленин дал такую оценку позиции меньшевиков и эсеров в этот период: «Брожение в крестьянстве шло очень сильное, среди рабочих также господствовало недовольство. Они были утомлены и изнурены. Ведь существуют же границы для человеческих сил. Три года они голодали, но

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 362.
[2] См. «Известия ВЦИК», 24 июля 1921 г.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 241.

нельзя голодать четыре или пять лет. Голод, естественно, оказывает огромное влияние на политическую активность. Как поступили социалисты-революционеры и меньшевики? Все время они колебались и этим усиливали буржуазию. Организация всех русских партий за границей показала, как обстоит сейчас дело. Умнейшие вожди русской крупной буржуазии сказали себе: «Мы не можем победить в России немедленно. Поэтому нашим лозунгом должно стать: «Советы без большевиков»»... Лозунг сейчас таков: борьба против большевиков какой угодно ценой, во что бы то ни стало. Вся буржуазия помогает теперь меньшевикам и социалистам-революционерам. Эсеры и меньшевики являются сейчас авангардом всей реакции...

Поэтому мы должны продолжать беспощадную борьбу против этих элементов» [1].

Тяжелое положение страны пытались использовать и анархисты. Они участвовали в антисоветских выступлениях (например, в кронштадтском мятеже, в махновщине), своими дезорганизаторскими действиями осложняли трудности, а некоторые из них возрождали подпольные бандитские группы.

В самый острый момент разгула мелкобуржуазной стихии, учитывая положение страны, интересы и требования крестьян, а также потребности восстановления разоренного народного хозяйства, В. И. Ленин предложил заменить продовольственную разверстку натуральным продовольственным налогом, с тем чтобы брать у крестьян лишь часть излишков продовольствия, другую же часть оставлять в их распоряжении, разрешив свободно продавать на рынке. X съезд Коммунистической партии, состоявшийся 8—16 марта 1921 года, принял это предложение. Замена продразверстки продналогом и другие мероприятия новой экономической политики позволили Коммунистической партии и Советскому правительству преодолеть политический кризис и сыграли большую роль в стабилизации внутреннего положения в стране.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 52—53.

2. Разгул и крах мелкобуржуазной стихии

В то время, когда Советская страна переходила к новой экономической политике, в отдельных районах продолжались начавшиеся ранее движения мелкобуржуазной стихии. Одним из таких движений был тамбовский мятеж.

19 августа 1920 года в селе Каменка Кирсановского уезда Тамбовской губернии после уборки урожая начались волнения. Подстрекаемые кулаками, крестьяне отказались сдавать хлеб по продовольственной разверстке. Вскоре волнения охватили многие села Кирсановского, Тамбовского, Борисоглебского, Козловского, Моршанского уездов Тамбовской губернии и частично Воронежскую губернию. Они все более перерастали в открытое антисоветское выступление. Вначале во главе движения стояли местные крестьянские вожаки, но затем к нему присоединился и возглавил его небезызвестный в Тамбовской губернии авантюрист А. Антонов, по имени которого движение получило название «антоновщины».

Антонов, происходивший из села Инжавино Кирсановского уезда, в свое время был эсером и отбывал при царизме наказание за экспроприации. После Февральской революции он служил в Кирсанове начальником уездной милиции, а в советское время, захватив в милиции оружие, со своими сподвижниками — милиционером П. Токмаковым и эсером И. Ишиным — сколотил шайку для борьбы с Советской властью. Он изображал себя «идейным противником» большевиков, но не был связан с какой-либо политической партией, а действовал на свой страх и риск методами бандитизма: нападал на сельские Советы, убивал коммунистов, продработников, грабил советские учреждения и хозяйства. Летом 1919 года банда Антонова насчитывала свыше 150 дезертиров, кулаков, уголовников. Этот авантюрист, использовав начавшиеся в Тамбовской губернии волнения, подчинил своему влиянию несознательные массы крестьян. В его банду стали вливаться наряду с кулаками, дезертирами, уголовниками и обманутые крестьяне, недовольные продразверсткой. В распоряжении Антонова оказалось большое количество вооруженных им людей.

Антонов разбил свое «войско» на две «армии», состоявшие из «полков». «Полки» он строил по территориальному принципу: каждый из них (Каменский, Семеновский, Верхнеценский) прикреплялся к определенному селу, которое должно было снабжать его фуражом, лошадьми и пополнять людьми. Для руководства движением он образовал «Главный оперативный штаб революционной народной армии», начальником которого стал сам, а для политической работы — губернский «Союз трудового крестьянства», во главе которого поставил Токмакова и одного из инициаторов восстания в Каменке — Плужникова. «Союз трудового крестьянства» создавал свои ячейки во всех районах, охваченных восстанием.

Антоновское движение с самого начала носило кулацко-эсеровский характер. Стремясь втянуть в борьбу против Советской власти крестьянскую массу, эсеры еще весной 1920 года по директивам своего ЦК создавали на Тамбовщине «союзы трудового крестьянства». Они вооружили повстанцев лозунгами: «Долой продразверстку!», «Да здравствует свободная торговля!» Вместе с тем выдвигались требования создания «крестьянского государства» во главе с правительством из представителей антибольшевистских партий и союзов, иногда — созыва Учредительного собрания.

Центральные органы эсеровской партии отрицали свою связь с «антоновщиной». Эсеры утверждали, что созданные ими в Тамбовской губернии «союзы трудового крестьянства» не имели ничего общего с одноименными «союзами», образованными антоновцами. Они заявили, что районный комитет эсеровского «Союза трудового крестьянства» постановил воздержаться от участия в восстании, «но был втянут» в это движение. Позже, во время расследования дела членов ЦК партии правых эсеров, следственные органы сделали вполне обоснованный вывод о том, что партия социалистов-революционеров проводила предательскую политику как по отношению к Советской власти, так и по отношению к обманутым крестьянским массам. Во-первых, эсеры участвовали в работе по подготовке восстания, организовав «Союзы трудового крестьянства». Во-вторых, лозунги, с которыми шли повстанцы, являлись не чем иным, как безграмотным изложением обычных эсе-

ровских лозунгов. И, в-третьих, движение, начатое эсерами, было брошено ими на произвол судьбы и отдано в руки «первого попавшегося проходимца» [1]. Верховный революционный трибунал в приговоре по делу правых эсеров отмечал, что тамбовская организация этой партии вместе с левыми эсерами уже в феврале — марте 1920 года вела антисоветскую агитацию среди крестьян и организовывала их на борьбу за «отвоевание власти из рук Коммунистической партии в руки нового временного правительства». Официально партия эсеров во главе повстанческого движения не встала, но это было результатом «политической двойственности, боязни взять на себя ответственность за движение, хотя и вызванное с-р, но явно шедшее навстречу поражению» [2].

Кроме того, антоновцы были связаны с белогвардейщиной. Об этом рассказывал бывший работник Тамбовского губкома Коммунистической партии Б. Васильев, принимавший участие в борьбе с мятежниками: «Антоновский главный оперативный штаб и волостные повстанческие организации получали из Тамбова весьма точные сведения о передвижениях Красной Армии. Из Тамбова же приходили в деревню политические директивы повстанцам и призывы «не падать духом», так как «помощь близка», «в Москве и Питере власть большевиков уже свергнута» и т. д. В целях обнаружения источника и авторов этих документов в Тамбове были произведены массовые изъятия политически подозрительного элемента» [3]. При расследовании выяснилось, что авторов директив на этот раз надо искать не среди эсеров и меньшевиков, а правее.

Чека раскрыла, что фактическим руководителем главного оперативного штаба повстанческой армии был кадет Д. Ф. Федоров — бывший тамбовский присяжный поверенный, домовладелец и землевладелец, устроив-

---

[1] См. «Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров...», стр. 42—43.

[2] «Приговор Верховного революционного трибунала по делу партии правых эсеров», стр. 6—7.

[3] «Антоновщина». Статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеро-бандитизма в Тамбовской губернии. Тамбов, 1923, стр. 14—15.

шийся в Тамбове под видом представителя петроградской конторы по закупке лошадей. Правой рукой Федорова был железнодорожный служащий Дмитриев — также кадет по своим политическим убеждениям. Дмитриев занимался шпионажем среди красноармейских частей и организовывал крушения поездов. Федоров пытался наладить связь с центром кадетской партии через члена ЦК кадетов, бывшего тамбовского землевладельца Н. М. Кишкина[1]. Федоров тщательно скрывал от повстанцев свое прошлое и партийную принадлежность. Для них он был «товарищ Горский», представитель Центрального эсеровского комитета. Чека, поймав Федорова во время одной из его поездок в Москву, показала арестованным главарям повстанцев истинную физиономию этого кадета.

Антоновское движение, разрастаясь, все более приобретало характер политического бандитизма. Антоновцы зверски расправлялись с коммунистами, продработниками, советскими активистами, грабили советские хозяйства и учреждения. За время своего разгула они убили и замучили около двух тысяч человек. Особенной жестокостью отличался один из друзей Антонова — известный уголовник Васька Карась. Участник восстания старый эсер Подхватилин, разочаровавшийся в «движении» и добровольно сдавшийся советским властям, говорил: «Заговорщики и главари бандитизма — это люди в большинстве своем полуграмотные, крайне грубые и невежественные... Большинство руководителей выпущенной программы восстания не понимает... Они не придерживались ее в своей работе и действиях. Грабеж, пьянство, насилие, безразборчивые убийства и расстрелы тружеников — вот, по существу, их «программа»»[2].

В марте 1921 года для борьбы с «антоновщиной» была назначена полномочная комиссия ВЦИК под председательством В. А. Антонова-Овсеенко. Комиссия провела среди крестьян большую разъяснительную и политическую работу. Специальным постановлением правительства Тамбовская губерния была освобождена от выполнения плана продовольственной разверстки. Все эти

---

[1] См. «Известия ВЦИК», 8 сентября 1921 г.

[2] «Тамбовская правда», 2 июля 1922 г.

мероприятия положительно повлияли на крестьян, которые стали массами отходить от Антонова. В дни объявленного двухнедельника (с 21 марта по 5 апреля) добровольной явки с повинной в Борисоглебском уезде, например, пришло 3000 человек. Все участники движения, покинувшие Антонова, были освобождены от ответственности за участие в восстании. В дальнейшем крестьяне, понявшие, что антоновцы их обманывали, и осознавшие ошибочность своего поведения, дружно помогали Красной Армии вылавливать бандитов.

Ликвидацию бандитизма Советское правительство возложило на войска под командованием М. Н. Тухачевского. В мае 1921 года части Красной Армии, среди которых особенно отличилась кавалерийская бригада Г. И. Котовского, начали решительное наступление на антоновцев. В боях с 29 мая по 7 июня была разбита и перестала существовать так называемая «первая армия» Антонова. Антонов со своим братом и группой бандитов в 10—15 человек бежал. Была разгромлена и «вторая армия» антоновцев под командованием некоего Богуславского. Долго еще потом местные власти вылавливали остатки банды — мелкие уголовные шайки антоновцев, которые грабили окрестное население. Через год, 24 июня 1922 года, в селе Нижний Шибрей Борисоглебского уезда отряду Тамбовской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией удалось выследить Антонова, укрывавшегося вместе с братом в избе Н. И. Катанасовой. Антоновы оказали сопротивление, и оба были убиты в перестрелке. Крестьяне благодарили чекистов за избавление от бандитов.

«Антоновщина» была значительной, но не единственной вспышкой политического бандитизма. Одновременно происходили крестьянские выступления в Западной Сибири. Этими выступлениями непосредственно руководили белогвардейцы.

31 января 1921 года в северных волостях Ишимского уезда Тюменской губернии и в районе Усть-Ишима (на границе Тобольского и Тарского уездов) начались антисоветские выступления. Вскоре весь север Ишимского уезда был охвачен восстанием, которое стало распространяться на соседние уезды. К середине февраля оно охватило все уезды Тюменской губернии, а также прилегающие Петропавловский уезд Омской губернии, Кур-

ганский уезд Челябинской губернии, Камышловский и Шадринский уезды Екатеринбургской губернии и некоторые другие уезды Западной Сибири.

Повстанцы перерезали железнодорожный путь, связывающий Сибирь с Центральной Россией, прервали доставку хлеба в голодные районы страны. Они захватили ряд городов Западной Сибири, в том числе Ишим, Петропавловск, Тобольск, Березово, Обдорск, Барабинск, Каинск, подходили на 4—8 километров к Тюмени. А в это время местная чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией раскрыла и ликвидировала в Тюмени заговор, во главе которого стоял бывший колчаковец корнет Лобанов. Заговорщики готовили вооруженное выступление против Советской власти. Они вербовали сторонников среди населения, в красноармейских частях, среди железнодорожников и колчаковских офицеров. Установив связь с главарями повстанцев и заручившись с их стороны обещанием вооруженной помощи, заговорщики разработали план восстания в городе и наметили его на 9 часов вечера 11 февраля. Прежде всего намечалось перерезать телеграфную и телефонную связь и, воспользовавшись тем, что им удалось узнать пароль, захватить склады с оружием. К этому времени в Тюмень должны были прибыть повстанческие отряды из волостей. Предполагалось захватить губчека. Но заговорщики попали в руки губернской чрезвычайной комиссии, не успев привести в исполнение свой замысел. Они были сурово наказаны[1].

Антисоветские восстания в Западной Сибири имели свои особенности по сравнению с другими антисоветскими крестьянскими выступлениями 1921 года. В Сибири удельный вес кулацкой прослойки был самый высокий в стране: кулацкие хозяйства составляли в 1920 году 13,8% всех крестьянских хозяйств и засевали 36,8% общей посевной площади. Середняки также находились в более обеспеченном положении, чем в Центральной России: в 1920 году они засевали 44,8% всех посевных площадей и производили более $^2/_3$ товарного хлеба. В деревнях и городах Сибири еще и в 1921 году сказывалось влияние дореволюционных купцов и про-

---

[1] См. «Известия Тюменско-Тобольского губисполкома и губкома РКП(б)», 12 марта 1921 г.

мышленников. Здесь нашли приют белогвардейские офицеры, оставшиеся после разгрома колчаковской армии. Поэтому в Сибири имелось достаточно горючего материала, готового к антисоветским выступлениям, и эти выступления постоянно носили здесь кулацкий характер. Восстание 1921 года явилось наиболее опасным из них, так как кулачеству удалось привлечь на свою сторону значительные массы зависевшего от него среднего крестьянства, недовольного политикой «военного коммунизма».

Наиболее полно и конкретно «идеалы» и политическая платформа кулацкого движения в Западной Сибири воплотились в деятельности мятежников Тобольска, находившегося под их властью с 20 февраля по 8 апреля 1921 года. 1 марта 1921 года в статье под заглавием «Основные принципы организации народной власти» некий местный «теоретик» повстанцев с ученым видом доказывал, будто в русских национальных условиях «истинное народовластие» есть «власть, избранная пахарями», так как де «80 процентов населения России составляют крестьяне-землепашцы» [1]. Вот такую «крестьянскую диктатуру», основной задачей которой было восстановление частной собственности, и пытались создать главари мятежа. В Тобольске они образовали «городской крестьянский совет», пытавшийся распространить «крестьянскую диктатуру» на окружные села и уезды, составившие так называемую «Тобольскую федерацию». Состав «крестьянского совета» весьма показателен. В числе его 18 членов не было ни одного рабочего, ни одного крестьянина-бедняка. Главари кулацкой власти не допускали в состав «совета» даже представителей созданного после переворота «временного бюро профсоюзов», который устами своих лидеров из «социалистов» высказывался за поддержку «новой власти». После настойчивого домогательства и торга эсера Корякова с уполномоченными «власти» президиум «городского крестьянского совета» 1 марта принял постановление: «Признать такое представительство (профсоюзов в совете) принципиально приемлемым, но с сове-

[1] *М. А. Богданов.* Разгром ишимско-петропавловского кулацко-эсеровского мятежа в 1921 г. «Ученые записки Ишимского государственного педагогического института», т. 3, 1959, стр. 16.

щательным голосом»[1]. Решающий голос получили в «совете» кулаки, торговцы и черносотенные элементы вплоть до открытых монархистов. Председателем «городского крестьянского совета» стал кадет Степанов.

Заправилы восстания на первых порах не решались ликвидировать советскую форму управления, пользовавшуюся доверием у населения. В большинстве случаев они сохраняли местные сельские Советы и волисполкомы, но путем исключения из них коммунистов и включения кулаков делали их пригодными для своих целей. Здесь на практике осуществлялся провозглашенный мелкобуржуазной контрреволюцией лозунг «Советы без коммунистов». Чтобы не отпугнуть трудовое крестьянство и рабочий класс, главари повстанцев заявили, что о возврате земли помещикам и о нарушении закона о 8-часовом рабочем дне «не может быть и речи». Они приспособили к нуждам владельцев предприятий советский Кодекс о труде, исключив из него ряд положений, гарантирующих трудящимся право на отпуск, на пособия по болезни и безработице. Кулацкая власть Тобольска использовала царские судебные уставы 1864 года как «готовый стройный кодекс» и провела на их основе выборы окружного суда. Это не помешало «главнокомандующему» Желтовскому образовать и «военно-следственную комиссию», которая вопреки всякой законности расправлялась с коммунистами и лицами, сочувствовавшими Советской власти. За время кулацкого господства в Тобольске мятежники расстреляли около 200 советских и партийных работников.

Когда кулацкий отряд под командованием бывшего колчаковского офицера Третьякова, посланный из Тобольска, занял село Сургут (ныне город Сургут), тобольская «власть» 14 марта 1921 года телеграфно распорядилась образовать там «городской крестьянский совет». В телеграмме содержались основные положения политической структуры «крестьянской власти». Предлагалось упразднить советские учреждения: райпродком, милицию, суд, отдел записей актов гражданского состояния и т. д. Взамен упраздняемых советских орга-

---

[1] «Известия Тюменско-Тобольского губисполкома и губкома РКП(б)», 13 мая 1921 г.; «Трудовой набат» (Тюмень), 1 и 7 июня 1921 г.

нов восстанавливались, по образцу бывших царских учреждений, продовольственная управа, полицейская охрана, судебные учреждения, действующие по царским уставам 1864 года. Предписывалось записи актов гражданского состояния производить в церквах. Объявлялась полная свобода торговли, частного предпринимательства и собственности [1]. Во главе сургутского «городского крестьянского совета» стал крупный кулак А. Кондаков. Кулацкая власть продержалась здесь с 9 марта по 22 мая 1921 года.

Колчаковские офицеры мобилизовали мужское крестьянское население захваченной ими территории и создали довольно крупные вооруженные силы мятежной «народной армии». Под лозунгами «Да здравствует свободная торговля!», «Долой продразверстку!», «За частную собственность» и под видом защиты крестьянских интересов восставшие фактически боролись за кулацкие интересы. Председатель Тюменского губисполкома С. Новоселов на 3-м губернском съезде Советов говорил: «Характерной чертой бандитизма служат якобы «народные», «мужицкие» стремления к свободе. Нам попали в плен несколько командиров «народной армии», простые мужики. Им задаешь вопрос: почему они шли против Советской власти; получаешь ответ: «Не знаю, приказали». А кто приказал? — «Не знаю, штаб». И вот, проходя по цепи этих приказаний, приходится убедиться, что руководителями «народной армии» были «народники» в золотых погонах, с генеральскими чинами» [2].

«Штаб сибирского фронта», руководивший ишимско-петропавловской группой повстанческих отрядов, возглавлял бывший генерал царской армии Родин. «Главнокомандующим» тобольской «народной армией» был Желтовский, начальником штаба — полковник Сватош, бывший адъютант чехословацкого генерала Гайды. «Войсками», наступавшими на Петропавловск, командовал бывший полковник Кудрявцев, на Сургут — бывший колчаковский офицер Третьяков. Казачьей «Сибирской кавалерийской дивизией» командовал полковник

[1] См. «Ученые записки Тюменского государственного педагогического института», вып. 2, т. 5, 1958, стр. 84.

[2] «Трудовой набат», 23 июня 1921 г.

Токарев, Голышмановской группой — офицер Свириденко. Мелкими сельскими отрядами повстанцев командовали местные кулаки.

Повсюду на территории, захваченной повстанцами, сельские кулаки жестоко расправлялись с беднотой, с учителями и советскими работниками. Вот характерное сообщение о действиях бандитов: «Красногорская волость, Ялуторовского уезда. Одиннадцатилетний мальчик — сын коммуниста в Красногорской волости убит бандитами ударом железной остроконечной пики в голову. Бандами вырезана огромная по численности, около 200 человек, Красновская коммуна. В Ялуторовском и Заводоуковском селах разграблены ссыпные пункты. Есть много случаев убийства учителей, арестов и увоза их неизвестно куда. Зверски убит и выброшен на озеро один весьма преклонных лет коммунист, по фамилии Комальцев» [1].

Главное командование вооруженных сил республики для борьбы с повстанцами направило воинские соединения. Район мятежа был разбит на три участка: 1) северный (Ишимский), 2) южный (Петропавловский), 3) западный (Камышловско-Шадринский). В ночь на 16 февраля 1921 года части Красной Армии освободили Петропавловск. 18 февраля разбили Голышмановскую группу мятежников, находившуюся в районе железной дороги, соединяющей Сибирь с Центральной Россией, и к 25 февраля отбросили банды от линии железной дороги. В первых числах марта железнодорожное сообщение по линии Омск — Челябинск было восстановлено. Части Красной Армии очищали от банд волость за волостью северные районы Ишимского уезда. В марте Красная Армия начала наступление на Тобольск и 8 апреля освободила его. Там был захвачен главный повстанческий штаб. Остатки повстанцев вместе с главарями «народной армии» Желтовским, Сватошем, Силиным, Степановым бежали на север. В мае северные экспедиционные отряды Красной Армии окончательно разбили банды кулаков, оперировавшие в северных уездах Тюменской губернии. Желтовский, его адъютант Крупинин, полковник Сватош и начальник штаба ку-

---

[1] «Известия Тюменско-Тобольского губисполкома и губкома РКП(б)», 5 марта 1921 г.

лацкой армии Силин были убиты, председатель тобольского «крестьянского совета» Степанов и командующий войсками Данилов взяты в плен. 22 мая был освобожден Сургут, в конце мая — Обдорск.

После ликвидации основных сил повстанцев в районах и селах действовали еще мелкие части и отдельные банды, скрывавшиеся в лесах. В июне 1921 года 3-й губернский съезд Советов объявил двухнедельник добровольной явки повстанцев. Первыми откликнулись крестьяне Покровского и Яровского районов; до 300 человек явилось в чрезвычайную комиссию, они сдали винтовки, пулеметы, гранаты и бомбы и были помилованы. Потом в Тюменской губернии объявлялся трехнедельник добровольной явки повстанцев. 1 октября председатель Тюменского губисполкома Макаров говорил на собрании коммунистов города: «Проведенный трехнедельник добровольной явки бандитов дал удовлетворительные результаты, и сейчас остаются в лесах небольшие шайки бандитов, делающие налеты на склады и населенные пункты. Есть случаи убийства ответственных работников на местах»[1]. Борьба с бандитскими шайками продолжалась до конца 1921 года, когда наконец политический бандитизм в Сибири, как и в других местностях России, благодаря наступившему в настроениях среднего крестьянства перелому был ликвидирован.

Немалую роль в ликвидации бандитизма сыграли чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и революционные трибуналы. Сурово расправляясь с белогвардейскими и кулацкими главарями, они великодушно относились к среднему крестьянству, обманом вовлеченному в антисоветские движения. Выездная сессия военного трибунала рассмотрела в Петропавловске много дел участников восстания. Лишь особо злостные из них приговаривались к суровым наказаниям, малосознательные крестьяне освобождались от ответственности. Примером карательной линии революционных трибуналов может служить приговор Тюменского губернского революционного трибунала о мятежниках Червищевской волости Тюменского уезда. По этому делу привлекались к судебной ответственности 35 кре-

[1] «Трудовой набат», 5 октября 1921 г.

стьян, среди которых были командир сельского бандитского отряда Иван Рычков, председатель «крестьянского совета» Степан Панышев, товарищ председателя — Петр Панышев, секретарь «совета» Прохор Благушин, «начальник штаба» Иван Осколков. 25—26 сентября 1921 года революционный трибунал приговорил: «Рычкова И., Панышева С., Мокрюкова И., Зырянова Л. и Туранова И. подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять, но, принимая во внимание их несознательность, приговор смягчить, подвергнуть вышеуказанных лиц заключению в рабочий дом сроком на 5 лет каждого». Остальным подсудимым трибунал назначил условное наказание [1].

Самым серьезным проявлением мелкобуржуазной контрреволюции был кронштадтский мятеж. В феврале 1921 года в Петрограде началось брожение среди рабочих, закончившееся забастовкой на некоторых предприятиях города. Это движение в значительной степени было спровоцировано деятелями «социалистических» партий, главным образом меньшевиками, которые использовали недовольство рабочих, страдавших от недостатка продовольствия и хозяйственной разрухи. В Петрограде орудовал в то время член ЦК партии меньшевиков Ф. Дан. На заводских собраниях меньшевики разглагольствовали о ликвидации заградительных отрядов, боровшихся с мешочниками и спекулянтами, требовали свободной торговли, равного для всех распределения продуктов, «демократических» свобод и перевыборов Советов.

Слухи о брожении среди рабочих петроградских фабрик и заводов дошли до матросов Кронштадтской морской базы, среди которых было много крестьян, пришедших на флот взамен испытанных революционных моряков. 25 февраля на линейном корабле «Севастополь» состоялось общее собрание команды, которая решила послать делегацию в Петроград «для выявления причин волнений на фабриках и заводах». Такое же постановление 26 февраля вынесла и команда линейного корабля «Петропавловск». Делегаты матросов наслушались в Петрограде агитаторов «социалистических» партий и по возвращении в Кронштадт выступили на

[1] См. «Трудовой набат», 30 сентября 1921 г.

собраниях моряков с отчетом о результатах поездки. Подстрекаемые антисоветскими элементами, моряки «Петропавловска», а затем и «Севастополя» приняли резолюцию, повторявшую меньшевистские и эсеровские требования. 1 марта вожаки начавшегося движения созвали матросов Кронштадтской морской базы и морских частей, расположенных в Петрограде, на площадь Революции (Якорную) на митинг «беспартийных моряков». Выступившие на митинге мнимые «беспартийные» демагогическими выкриками призывали толпу к мятежу. Митинг принял резолюцию, ставшую платформой кронштадтского мятежа. В ней были требования перевыборов Советов, свободы слова и печати для мелкобуржуазных партий, освобождения из тюрем и концлагерей всех осужденных за антисоветские выступления, упразднения политотделов и коммунистических отрядов, предоставления полного права крестьянам распоряжаться землей «так, как им желательно», разрешения свободного кустарного производства и т. д. [1]

Это были типичные для того времени требования мелкобуржуазной контрреволюции. Только некоторые из них (как, например, требования свободной торговли, свободного распоряжения своим хозяйством) отражали экономические интересы мелкобуржуазных крестьянских масс, политические же требования навязывались этим массам меньшевиками, эсерами и анархистами, сомкнувшимися с белогвардейцами.

2 марта по предложению местных советских властей, стремившихся урегулировать конфликт, состоялось совещание делегатов от команд кораблей и предприятий Кронштадта для обсуждения выдвинутого на митинге требования о перевыборах Совета. В момент совещания кем-то был пущен провокационный слух, будто против собравшихся движется отряд в две тысячи человек. Делегаты под руководством писаря с линкора «Петропавловск» С. Петриченко тут же арестовали комиссара Балтийского флота Н. Н. Кузьмина и председателя Совета П. Д. Васильева и решили образовать руководящий движением комитет. Этот комитет в составе пяти человек «в целях охраны» отправился на линейный

[1] См. *А. С. Пухов*. Кронштадтский мятеж в 1921 г. М., 1931, стр. 59.

корабль «Петропавловск», ставший штабом мятежа. В тот же день по его распоряжению матросы заняли типографию, учреждения, штабы и другие важные объекты города.

3 марта состоялось заседание комитета, в котором приняли участие присоединившиеся к мятежу начальник артиллерии Кронштадтской крепости бывший генерал Козловский и некоторые офицеры, впоследствии составившие «штаб обороны» мятежников. Козловский предложил начать наступление на ближайшие населенные пункты, установить связь с Финляндией и вообще открыть наступательные действия против Советской власти, пользуясь силой крепости и внезапностью нападения.

4 марта на собрании делегатов от частей и кораблей был избран кронштадтский «временный революционный комитет». В него вошли 15 «беспартийных» моряков во главе с С. Петриченко. Среди членов комитета было два домовладельца, один бывший сыщик. Некоторые из «беспартийных» моряков были меньшевиками и эсерами. Большую роль в мятеже играли эсер-максималист А. Ламанов и бывший священник Путилин (отец Сергий), служивший ранее в Кронштадтском соборе. Они редактировали «Известия временного революционного комитета». Их сочинения носили путаный, мелкобуржуазный, анархистский характер и были наполнены злобной клеветой против большевиков и Советской власти. Так в одном антисоветском клубке сплелись меньшевики, эсеры, анархисты, священник, бывший полицейский и прочие контрреволюционеры.

После первых же выстрелов в Кронштадт прибыл из-за границы барон Вилькен, бывший командир линейного корабля «Севастополь», бежавший в свое время от революции. Он предложил «ревкому» помощь в виде 800 вооруженных офицеров и оставался в городе все время мятежа в качестве «представителя» русского отдела американского Красного Креста в Финляндии. Мятеж поддержал и лидер кадетов П. Н. Милюков. В эмигрантских «Последних новостях» он дал такую оценку программе кронштадтцев: «Эта программа может выразиться в кратком лозунге: «Долой большевиков, да здравствуют Советы». «Да здравствуют Советы» — для настоящего момента означает, всего вероят-

нее, что власть должна перейти от большевиков к умеренным социалистам, которые получат большинство в Советах...» Милюков как бы сформулировал основной лозунг кронштадтских мятежников — «Советы без большевиков» — и согласился с ним, не без оснований надеясь, что впоследствии власть перейдет в руки буржуазии. Лидер эсеров В. Чернов предложил мятежникам помощь людьми и свое посредничество перед иностранными державами для обеспечения их продовольствием. Эмигрантский контрреволюционный «Административный центр» получил от бывшего царского посла в Соединенных Штатах Америки Бахметьева 25 тысяч долларов и отправил их в Кронштадт. Кроме того, «Административный центр» прислал из Парижа 50 тысяч франков и установил связь с русскими банкирами и промышленниками, находившимися в Париже, для организации снабжения мятежников продовольствием. Одновременно с этим меньшевики, эсеры, анархисты и нелегальная группа «Уполномоченных собрания представителей фабрик и заводов Петрограда» вели агитацию среди питерских рабочих в поддержку мятежников. Однако питерские рабочие, поняв, к чему могут привести забастовки на предприятиях, приступили к работе, отвернувшись от мятежников.

В. И. Ленин характеризовал кронштадтский мятеж как яркое проявление «мелкобуржуазной анархической стихии». 8 марта 1921 года на X съезде партии он говорил: «Что оно означает? Переход политической власти от большевиков к какому-то неопределенному конгломерату или союзу разношерстных элементов, как будто бы даже немножко только правее большевиков, а может быть даже и «левее» большевиков,— настолько неопределенна та сумма политических группировок, которая в Кронштадте попыталась взять власть в свои руки. Несомненно, что в то же время белые генералы,— вы все это знаете,— играли тут большую роль. Это вполне доказано. За две недели до кронштадтских событий в парижских газетах уже печаталось, что в Кронштадте восстание. Совершенно ясно, что тут работа эсеров и заграничных белогвардейцев, и вместе с тем движение это свелось к мелкобуржуазной контрреволюции, к мелкобуржуазной анархической стихии... Тут проявилась стихия мелкобуржуазная, анархическая, с

лозунгами свободной торговли и всегда направленная против диктатуры пролетариата... Как бы ни была вначале мала или невелика, как бы это сказать, передвижка власти, которую кронштадтские матросы и рабочие выдвинули,— они хотели поправить большевиков по части свободы торговли,— казалось бы, передвижка небольшая, как будто бы лозунги те же самые: «Советская власть», с небольшим изменением, или только исправленная,— а на самом деле беспартийные элементы служили здесь только подножкой, ступенькой, мостиком, по которому явились белогвардейцы» [1].

Позднее В. И. Ленин писал: «Характернее всего в кронштадтских событиях именно колебания мелкобуржуазной стихии. Вполне оформленного, ясного, определенного очень мало. Туманные лозунги «свободы», «свободы торговли», «раскрепощения», «Советов без большевиков», или перевыбора Советов, или избавления от «партийной диктатуры» и так далее и тому подобное. И меньшевики и эсеры объявляют кронштадтское движение «своим»... Вся белогвардейщина мобилизуется *«за Кронштадт»* моментально, с быстротой, можно сказать, радиотелеграфической... Крупные банки, все силы финансового капитала открывают сборы на помощь Кронштадту. Умный вождь буржуазии и помещиков, кадет Милюков, терпеливо разъясняет... что не к чему торопиться с учредилкой, что *можно и должно высказаться за Советскую власть — только без большевиков*...

...Милюков прав против Черновых и Мартовых, ибо выдает *действительную* тактику *действительной* белогвардейской силы, силы капиталистов и помещиков: давайте поддерживать кого угодно, даже анархистов, какую угодно Советскую власть, *лишь бы* свергнуть большевиков, *лишь бы* осуществить *передвижку власти!* Все равно, вправо или влево, к меньшевикам или к анархистам, лишь бы передвижку власти от большевиков; а остальное,— а остальное «мы», Милюковы, «мы», капиталисты и помещики, «сами» сделаем, анархистиков, Черновых, Мартовых мы шлепками прогоним...» [2]

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 23—24.
[2] Там же, стр. 237—239.

Когда все попытки урегулировать конфликт были мятежниками отвергнуты, 5 марта Революционный военный совет республики объявил кронштадтцам приказ сложить оружие в течение 24 часов. Срок этот был продлен еще на сутки. Мятежники не выполнили приказа. Тогда 7-я армия под командованием М. Н. Тухачевского приступила к военным действиям.

На стороне мятежников были хорошо вооруженные военные моряки, первоклассная морская крепость, мощная артиллерия. Решено было штурмовать крепость сухопутными частями по льду, окружавшему форты. Первая атака, предпринятая в ночь на 8 марта, не увенчалась успехом. В подготовке решительного штурма большую роль сыграли 300 делегатов X партийного съезда, прибывшие в войска 7-й армии и энергично развернувшие политработу в частях и штабах. 15 марта командующий армией М. Н. Тухачевский отдал приказ штурмовать Кронштадт, и в ночь на 17 марта после мощной артиллерийской подготовки части Красной Армии двинулись по льду на штурм. В шесть часов утра красноармейцы ворвались в крепость и город. Коммунисты, остававшиеся на линкорах «Петропавловск» и «Севастополь», вместе с сознательной частью матросов арестовали своих мятежных «комитетчиков» и офицеров и сдали корабли наступающим войскам. К утру 18 марта город и крепость были полностью очищены, а главари «ревкома» и белогвардейские офицеры бежали в Финляндию.

Арестованные мятежниками коммунисты, в том числе комиссар Балтийского флота Н. Н. Кузьмин, председатель Кронштадтского Совета П. Д. Васильев, были освобождены. В городе и крепости был восстановлен революционный порядок. Состоялся ряд судебных процессов над участниками мятежа.

В ноябре 1921 года Советское правительство в ознаменование 4-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции освободило от наказания рабочих и крестьян, вовлеченных в мятеж путем обмана, насилия или по своей малосознательности. Через год ВЦИК провел вторую амнистию, по которой получили полное прощение все рядовые участники мятежа. Тем из них, кто бежал за границу, была предоставлена возможность вернуться на родину. Лишь главари мятеж-

ников остались на чужбине и превратились в группу наемных заговорщиков, предлагающих свои «услуги» реакционным кругам эмиграции.

3. Раскрытие «Петроградской боевой организации»

В июне 1921 года Петроградская губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией напала на след подпольной группы бывших участников кронштадтского мятежа. Один из арестованных сознался и дал подробные показания, которые способствовали раскрытию дела. Руководителем группы, носившей название «Объединенная организация кронштадтских моряков», оказался бывший матрос линейного корабля «Петропавловск» М. А. Комаров, исполнявший во время мятежа обязанности коменданта кронштадтского «Временного ревкома». На его квартире обосновался штаб заговорщиков. Здесь чекисты нашли динамит, документы, печать, штамп, бланки и типографский станок, на котором печатались антисоветские прокламации. Чекисты арестовали нескольких активистов группы.

Как выяснилось, Комаров с группой участников Кронштадтского мятежа пробрался нелегально в Петроград из Финляндии по заданию председателя контрреволюционного кронштадтского «Временного ревкома» С. Петриченко для подпольной антисоветской работы. Заговорщики вербовали сторонников, создавали подпольные ячейки в городских районах и ставили во главе их доверенных людей, преимущественно из числа бывших участников кронштадтского восстания. Так, например, начальником Василеостровского района был поставлен И. А. Федоров, начальником 2-го городского района — И. Анплеев (он же Андреев), начальником Невского района — П. Ищенко, вернувшиеся из Финляндии. Все эти «активисты» получали от организации ежемесячное вознаграждение в размере 400 тысяч рублей (советскими денежными знаками того времени).

Далее чекисты установили, что «Объединенная организация кронштадтских моряков» являлась частью другой, более крупной «Петроградской боевой организации» («ПБО»), во главе которой стоял профессор

В. Н. Таганцев, член ликвидированного в свое время «Национального центра». Арестованный в первые же дни раскрытия дела, Таганцев долго и упорно отказывался давать объяснения, скрывал правду. В конце июля от него все же удалось получить нужные сведения. Теперь стало известно, что во главе «Петроградской боевой организации» стоял комитет из трех лиц: его руководителя В. Н. Таганцева, бывшего полковника артиллерии В. Г. Шведова и бывшего офицера, агента финской разведки Ю. П. Германа. Эта организация, созданная еще до кронштадтского мятежа, придерживалась кадетского направления. Она включала кроме «Объединенной организации кронштадтских моряков» еще две группы — профессорскую и офицерскую.

В профессорскую группу входили известный финансист князь Д. И. Шаховской, ректор Петроградского университета, царский сенатор профессор Н. И. Лазаревский, царский сенатор Манухин, профессор М. М. Тихвинский и другие. Группа эта «идейно» направляла работу всей организации и разрабатывала проекты государственного и хозяйственного переустройства России, после того как будет свергнуто Советское правительство. Н. И. Лазаревский, например, подготовил проекты переустройств местного самоуправления, денежной реформы, план восстановления кредита. Профессор Тихвинский, связанный со старыми служащими нефтяных предприятий Нобеля, собирал сведения о состоянии нефтяной промышленности страны. Разработанные проекты и планы отсылались в заграничный центр организации, в Париж, а сведения о состоянии нефтяной промышленности — бывшим владельцам нобелевских предприятий. В. Н. Таганцев вместе с князем Д. И. Шаховским пытался создать подпольные банковские конторы, чтобы срывать финансовые мероприятия Советского правительства. В профессорской группе состояли также князь К. Д. Туманов, работавший в информационном центре «Роста» и использовавший его материалы в интересах контрреволюции, князь С. А. Ухтомский, геолог В. М. Козловский, на квартире которого хранились динамит и белогвардейская литература, и другие.

Во главе офицерской группы стоял сподвижник Юденича — подполковник П. П. Иванов. Группа разрабо-

тала план вооруженного восстания в Петрограде и области. Оно должно было начаться одновременно в Петрограде, Рыбинске, Старой Руссе, Бологом и на станции Дно и таким образом отрезать Петроград от Москвы. Петроград был разбит на районы, и в каждом из них во главе мятежных сил поставлен опытный офицер. Группе удалось привлечь к антисоветской деятельности несколько офицеров, служивших в Красной Армии и на флоте. Среди таких изменников были: Н. М. Подня (он же Бутгель-Подлобный), дворянин, скрывший свое прошлое, обманным путем вступивший в Коммунистическую партию и ставший комиссаром роты 3-го минно-подводного дивизиона; Г. Х. Рооп, сын генерала, адъютант того же дивизиона, снабжавший документами членов подпольной организации и шпионов.

Кадет В. Н. Таганцев вынашивал идею создать «массовую базу», на которую могла бы опираться «ПБО», и искал связей с антисоветскими группами, действовавшими среди рабочих. Он непрочь был использовать лозунги мелкобуржуазной контрреволюции — «Свободные перевыборы в Советы», «Советы без большевиков», полагая, что они могут послужить и кадетам. Во время забастовок в Петрограде и кронштадтского мятежа члены «ПБО» (например, Е. Г. Манухина) распространяли среди рабочих прокламации антисоветского содержания, а один из лидеров организации, В. Г. Шведов, выступал с антибольшевистскими речами даже на заводских собраниях. В поисках связи с «демократическими» элементами Таганцев вошел в контакт с группой так называемых «уполномоченных собрания представителей фабрик и заводов г. Петрограда», созданной по меньшевистским рецептам. Эта группа представляла собой авантюристический блок выходцев из разных «социалистических» партий, выступала под флагом «беспартийности» и вела антисоветскую пропаганду на предприятиях. Деятельную помощь в установлении связи с этой группой оказал Таганцеву кооператор Н. И. Ястребов. Вот что он рассказывал: «В конце марта (1921 г.— *Д. Г.*) ко мне обратился Михаил Кондратович Названов с предложением познакомить одну политическую группу, имеющую связь с заграницей, с меньшевиками. Я ему ответил, что у меня есть знакомый меньшевик. Названов прислал ко мне в кабинет Владимира

Николаевича (теперь при очной ставке я вижу, что это Владимир Николаевич Таганцев). Я вызвал к себе в кабинет Павла Николаевича Богомила, старого активного меньшевика, служащего в союзе рабочих производственных кооперативов в должности инспектора... Свидание Богомила с Владимиром Николаевичем состоялось у меня в кабинете. О существовании «союза уполномоченных фабрик и заводов» я узнал от Богомила, кажется, во время кронштадтских событий... От разговоров с Богомилом... у меня составилось впечатление, что этот социалистический (так именует его Н. И. Ястребов.— *Д. Г.*) блок, включавший также эсеров, носит несколько авантюристический характер, ничего серьезного в смысле широкого массового движения собой не представляет. Этот блок стоял как будто на платформе кронштадтских лозунгов — беспартийных Советов,— но в этом блоке было и течение, стоящее за Учредительное собрание... В начале мая с. г. Владимир Николаевич принес мне для передачи Богомилу отпечатанные за границей воззвания «союза уполномоченных фабрик и заводов» и белые газеты» [1].

«Петроградская боевая организация» помогала группе «уполномоченных собрания представителей фабрик и заводов» издавать за границей антисоветские прокламации, которые затем распространялись на предприятиях Петрограда. В сообщении ВЧК по этому поводу говорилось: «В мае месяце сего года между Таганцевым и этим блоком (группой «уполномоченных собрания представителей фабрик и заводов».— *Д. Г.*) было заключено соглашение, в силу которого «ПБО» обязалась предоставлять свои технические средства и аппарат связи для нужд блока. Представители блока пытались склонить Таганцева к подчинению «ПБО» «идейному руководству» «социалистического блока». «С нашей стороны,— говорит Таганцев,— за моральное воспитание наших членов он (представитель блока) желал получить денежную субсидию, а равно техническое содействие работе блока. По вопросу о технической помощи мы изъявили согласие, от моральной опеки мы с Комаровым нашли необходимым воздержаться» [2].

[1] *И. Вардин.* Революция и меньшевизм. М., 1925, стр. 144—145.

[2] «Известия ВЦИК», 31 августа 1921 г.

Попытки «ПБО» вовлечь в свои ряды трудящихся закончились провалом. Не помог контакт с группой «уполномоченных фабрик и заводов»,— она сама, по сути дела, не была связана с массами трудящихся. Мечты Таганцева о «массовой базе» не сбылись. В мае 1921 года Таганцев начал переговоры с находившимся в Финляндии кронштадтским «Временным ревкомом», главари которого (Петриченко, Яковенко, Ососов) просто-напросто торговали участниками кронштадтского мятежа, интернированными в Финляндии, и направляли их по договоренности с разными антисоветскими группами в Россию для подпольной работы. По соглашению между «ПБО» и «Временным ревкомом» в Петроград приехали несколько моряков во главе с Комаровым, «работу» которых оплачивала «ПБО». Эта группа, образовавшая «Объединенную организацию кронштадтских моряков», заменила собой «массовую базу» организации, на нее и возлагали надежды главари заговора.

«Объединенная организация кронштадтских моряков» занялась вербовкой сторонников и подготовкой террористических актов и диверсий. Террористической деятельностью организации руководил матрос В. И. Орловский, заочно осужденный к расстрелу за шпионаж еще в 1919 году. Этот шпион, служивший финской и американской разведкам, приобрел гранаты, динамит; его разбойничья группа взорвала в Петрограде памятник В. Володарскому, подожгла трибуны в день первомайского праздника; она готовила взрывы предприятий, террористические акты против деятелей большевистской партии и налет на поезд, в котором перевозились государственные ценности (так называемый поезд Л. Б. Красина).

Из центра «Петроградской боевой организации», созданного за границей, организация получала десятки миллионов рублей. В сообщении ВЧК указывалось: ««ПБО» имела значительные связи с белыми кругами за рубежом. До съезда национального объединения центр этой организации в Париже составляли генерал Владимиров, кадеты Карташев и Струве, бывший царский министр Коковцев, Иваницкий и другие. В то время как Владимиров организовывал распыленные эмигрантские военные круги, Коковцевым и Струве

была организована группа финансистов для оказания продовольственной и финансовой помощи Петрограду после переворота. В Финляндии центр организации составляли редактор белой газеты «Новая русская жизнь», бывший ректор Петроградского университета профессор Д. Д. Гримм, член редакции той же газеты кадет Новицкий и глава «Русского Красного Креста» в Финляндии профессор Цейдлер... Задачи вооруженного восстания были тесно связаны с интенсивной работой по шпионажу в пользу финского генерального штаба и Франции. По показаниям участников заговора, политический и экономический шпионаж являлся одним из источников финансовых средств для работы в белых организациях. По отношению к Финляндии доставляемые петроградскими организациями сведения о положении Советской республики служили компенсацией за допущение Финляндией существования на ее территории зарубежных белых центров и свободного перехода курьеров через границу. Курьеры «ПБО» Судравский, Болотов, Таль и один из лидеров — Герман состояли на службе разведывательного отдела финского генерального штаба» [1].

Арест Таганцева, гибель шпиона Германа, убитого при незаконном переходе границы, внесли замешательство в ряды заговорщиков. В это время произошла смена зарубежного руководства «ПБО». На съезде правых белоэмигрантских группировок в Париже состоялось их объединение под руководством бежавшего из России с остатками своих войск барона Врангеля, который стал руководителем «Союза освобождения России». Финансирование этой монархистской организации взял на себя «Торгово-промышленный комитет». Один из главарей «ПБО» — В. Г. Шведов вошел в «Союз освобождения России» и получил задание выехать в Петроград для активизации работы «ПБО» и объединения всех правых группировок. Одновременно в Петроград был послан и резидент «Союза освобождения России» лейтенант П. В. Лебедев. Но надежды заговорщиков, связанные с выездом в Петроград П. В. Лебедева и В. Г. Шведова, не оправдались. ВЧК выследила их. На квартире бывшего морского офицера шпиона Г. В. Зо-

---

[1] «Известия ВЦИК», 31 августа 1921 г.

лотухина, служившего на советском эсминце «Азард», чекисты устроили засаду, в которую и попал посланец Врангеля Лебедев. При аресте он оказал вооруженное сопротивление, застрелил одного чекиста. На явочной квартире «ПБО», принадлежавшей бывшей дворянке Т. Н. Арнгольд, сотрудники Особого отдела ВЧК арестовали В. Г. Шведова, который также отчаянно сопротивлялся и застрелил двух чекистов.

Аресты профессионального разведчика П. В. Лебедева (он совершил 19 переходов через границу) и одного из главарей «ПБО» В. Г. Шведова позволили выявить новые шпионские гнезда, созданные как «ПБО», так и врангелевским «Союзом освобождения России». Были ликвидированы явочные квартиры финляндской, американской, французской и английской разведок в Петрограде (эти квартиры содержали дочь царского генерала О. П. Рафаилова, бывшая дворянка Е. Г. Манухина. купец И. Д. Калачев, бывшая помещица О. С. Лунд, дочь царского полковника М. В. Карлович, контрабандисты В. П. Матвеев и К. М. Зубер, некая Е. А. Антипова) и арестован ряд шпионов. На явочной квартире американской разведки у морского офицера Г. Д. Димитриева был обнаружен курьер американской разведки Старк, который застрелил двух чекистов и скрылся. В сообщении ВЧК указывалось, что «ПБО» была связана с другими белыми организациями в Петрограде. Русская белая организация, работавшая на американскую разведку, располагала рядом явочных квартир в Петрограде и имела связи среди морских офицеров, в числе которых были флаг-интендант штаба Балтийского флота бывший лейтенант Димитриев, мичман Золотухин, мичман Кунцевич и другие. Сначала она являлась чисто шпионской организацией, продававшей добываемую ею информацию о политическом, военном и экономическом положении республики финскому генеральному штабу и американцам. После кронштадтского восстания эта организация приступила к созданию боевых ячеек из матросских групп, направленных из Финляндии. Подобная же организация, работавшая на французскую разведку, пользовалась покровительством французского консульства в Гельсингфорсе. Во главе ее стояли бывшие русские офицеры Николай Лион и Степанов (псевдоним «Стефан»). В Петрограде организацию возглав-

ляли бывший колчаковец капитан Мейзе, временно исполняющий дела начальника 2-го отдела Петроградского окружного артиллерийского управления подполковник Дурново и начальник управления военно-морских учебных заведений бывший контр-адмирал Зарубаев. Организация эта вначале также преследовала разведывательные цели в пользу Франции, но после кронштадтского восстания, по предписанию из-за границы, перед нею была поставлена задача создания боевых групп из матросов, присланных при посредничестве барона Вилькена из Финляндии, и распределения этих матросов по заводам. Эта организация стала доставлять информационный материал для белогвардейских центров, обосновавшихся за рубежом [1].

Общее количество арестованных по делу «ПБО» составляло свыше 200 человек. По постановлению Петроградской чрезвычайной комиссии от 28 августа 1921 года наиболее опасные из них, в том числе Таганцев, Тихвинский [2], Шведов, Лебедев, Орловский, были расстреляны, остальные заключены в концлагерь.

4. Кому служил «Народный союз защиты родины и свободы»

Несмотря на окончание советско-польской войны, в западных пограничных областях Советской России, в Белоруссии в 1921 году было неспокойно. На границах возникали вооруженные инциденты, провоцируемые польской военщиной и разведкой. Из Польши перебрасывались на советскую территорию агенты и вооружен-

---

[1] См. «Известия ВЦИК», 31 августа 1921 г.

[2] К В. И. Ленину неоднократно поступали ходатайства в защиту профессоров В. Н. Таганцева и М. М. Тихвинского, просьбы освободить их из заключения. В. И. Ленин тщательно проверял эти заявления. Он убедился в том, что аресты были обоснованы, и оставил ходатайства без последствий. В связи с ходатайством Русского физико-химического общества за профессора химии М. М. Тихвинского, изобличенного в экономическом шпионаже, В. И. Ленин заметил: «Тихвинский не «случайно» арестован: химия и контрреволюция не исключают друг друга» (Ленинский сборник XXXVII, стр. 311, 314; *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 52, стр. 278—279; т. 53, стр. 169).

ные отряды для диверсионной и подрывной работы. Контрреволюционеры и белогвардейцы, обосновавшиеся в Польше, создавали на советской территории подпольные организации, вели шпионскую работу, подстрекали население к антисоветским выступлениям.

Весной и летом 1921 года отряды ВЧК и Красной Армии настигли и разгромили несколько крупных бандитских отрядов. Выяснилось, что их начальники (полковник Павловский, Прудников, Пименов и другие) являлись офицерами разбитых Красной Армией банд Булак-Балаховича и Перемыкина, остатки которых были интернированы в Польше. Их перебросила на советскую сторону контрреволюционная организация — так называемый Всероссийский комитет «Народного союза защиты родины и свободы», обосновавшийся в Варшаве.

В мае органы ВЧК раскрыли в Гомеле западный областной комитет этого «Союза», имевший отделения в разных городах Белоруссии и в северо-западных областях России. Чекисты арестовали членов этого комитета, многих активистов, закордонных курьеров, шпионов — всего несколько сотен членов организации — и захватили многочисленные документы. Стало известно, что во главе «Народного союза защиты родины и свободы» стоит Борис Савинков.

После провала в 1918 году восстания в приволжских городах Савинков бежал на территорию, занятую чехословаками, и продолжал участвовать в антисоветской борьбе в рядах разных контрреволюционных армий. В частности, он, как «специалист-подпольщик», участвовал в действиях каппелевского офицерского отряда. В конце 1918 года Колчак назначил его своим представителем за границей. Обивая пороги французских и английских министерств, Савинков добывал оружие, снаряжение и обмундирование для колчаковских и деникинских войск. Во время советско-польской войны 1920 года, будучи в Варшаве, Савинков стал председателем белоэмигрантского «Русского политического комитета» («РПК») и завязал тесные отношения с польскими властями и французской военной миссией. Он участвовал в создании так называемой «русской народной армии» под командованием Перемыкина и Булак-Балаховича, воевавшей на стороне Пилсудского, и в составе ее

отправился в поход на Мозырь. После окончания войны Борис Савинков вместе со своим братом, казачьим есаулом Виктором Савинковым, создал в Польше шпионскую организацию для добывания секретных сведений о положении в Советской России. Он насаждал шпионскую сеть в советском тылу и руководил ею; часть полученных материалов он передавал разведывательному отделу польского генерального штаба и французской военной миссии в Варшаве, руководимой генералом Нисселем.

В январе 1921 года братья Савинковы из остатков «Русского политического комитета», переименованного к тому времени в «Русский эвакуационный комитет», образовали новую антисоветскую организацию — «Народный союз защиты родины и свободы». Вознамерившись превратить ее во всероссийский антисоветский центр, Савинков заключил соглашения о совместных действиях с эмигрантским петлюровским правительством, с белорусскими буржуазными националистами и казачьими антисоветскими группами, находившимися в Польше.

В состав руководства «Народного союза защиты родины и свободы» помимо братьев Савинковых вошли известный деятель бывшего «Союза защиты родины и свободы» А. А. Дикгоф-Деренталь, литератор Д. В. Философов, генерал Эльвенгрен, казачий полковник Михаил Гнилорыбов и Селянинов-Опперпут. Участие в «Союзе» генерала Эльвенгрена, явного монархиста, которого арестовывали за контрреволюционную деятельность еще при правительстве Керенского, и представителя Донского казачьего круга полковника Гнилорыбова достаточно красноречиво отражало лицо созданной организации. Борис Савинков хотел придать «Народному союзу защиты родины и свободы» характер непартийного объединения, задачей которого явилась бы практическая подготовка свержения Советской власти. Дальнейшая судьба России должна была, по его расчетам, решаться после поражения большевиков. Такая его позиция давала возможность объединять в «Союзе» самые разнородные элементы, от монархистов до «социалистов».

«Народный союз защиты родины и свободы» образовался при содействии польских властей и представи-

телей французской военной миссии в Варшаве, заинтересованных в подрыве тыла Советской страны и в создании шпионской сети на ее территории. Фактически «Союз» стал подсобным органом польской разведки. В докладе ВЧК о деятельности «Народного союза защиты родины и свободы» говорилось: «Роль польского генерального штаба сводится к следующему: а) разрешению и содействию организации на территории Польши партизанских отрядов и перевозке их по железной дороге за счет польского военного министерства (например, отряды полковника Павлова, полковника Павловского, поручика Прудникова, Пименова и другие); б) снабжению этих отрядов оружием. Например, оружие отряду поручика Орлова перед налетом его отряда на м. Койданово было выдано начальником постерунка офензивы (сторожевого поста польской разведки.— *Д. Г.*), в м. Рубежевичи вахмистром Туора; в) содействию вербовке в лагерях военнопленных и интернированных организаторов антисоветских групп и отправке их в Россию; г) содействию реорганизации и приведению в боевую готовность остатков интернированных армий Булак-Балаховича, Перемыкина и Петлюры».

В распоряжении ВЧК имелось письмо Булак-Балаховича на имя исполнявшего обязанности начальника рабочих дружин в Польше капитана Поворзака, из которого было ясно, что армия Балаховича, якобы интернированная в Польше, на самом деле была переформирована в дружины, подчинявшиеся второму отделу польского генерального штаба. ВЧК располагала также документами, указывавшими на то, что интернированные казаки принимались на польскую службу в качестве пограничной стражи, при которой была учреждена должность казачьего представителя,— таковым являлся член Всероссийского комитета «Народного союза защиты родины и свободы» полковник Гнилорыбов. Польский генеральный штаб снабжал савинковских агентов и курьеров бесплатными проездными документами и выдавал разрешения на провоз антисоветской литературы. Почти все агенты Савинкова состояли одновременно на службе польской разведки и контрразведки (офензивы и дефензивы). Все военные и политические сведения, доставлявшиеся из России, курьеры Савинкова передавали в польский генштаб и французскую

военную миссию. Проводниками агентов и диверсантов, направляющихся через пограничные посты в Советскую Россию, служили чины польской офензивы и жандармерии. Организацию Савинкова финансировали второй отдел польского генерального штаба и французская военная миссия в Польше. Последняя ежемесячно выдавала В. В. Савинкову на нужды организации десятки миллионов польских марок. За особо важные сведения о Красной Армии шеф информационного отделения французской военной миссии майор Марино выплачивал дополнительное вознаграждение. В перехваченном ВЧК письме полковник Павловский, командующий всеми партизанскими отрядами Савинкова на советской территории, просил Б. Савинкова «содрать» с французов за доставляемые им сведения о Красной Армии возможно дороже. При поездке весною 1921 года в Париж для переговоров с французским правительством В. Савинкову удалось при помощи русского промышленника Путилова организовать группу крупных капиталистов для субсидирования савинковской организации. Всероссийский комитет «Союза» фактически являлся международным бюро шпионажа о вооруженных силах Советской России и о положении Советской Республики вообще. Он добывал, систематизировал сведения о Красной Армии и снабжал ими посредством регулярно выпускаемых бюллетеней все иностранные военные миссии в Варшаве [1].

Всероссийский комитет «Народного союза защиты родины и свободы» создал на территории России и Белоруссии ряд областных комитетов, которые в свою очередь организовывали губернские, уездные, городские и волостные комитеты и ячейки в советских учреждениях, на предприятиях, в деревнях, частях и штабах Красной Армии. Эти организации должны были подготовить местные повстанческие силы к вооруженному выступлению, в котором предусматривалось участие переброшенных из Польши интернированных остатков войск Булак-Балаховича, Перемыкина, Петлюры. Однако эти комитеты представляли собой небольшие кучки авантюристов и не имели сколько-нибудь существенной социальной базы.

[1] См. «Известия ВЦИК», 24 июля 1921 г.

В расчеты главарей «Народного союза защиты родины и свободы» входили крестьянские выступления, которые, как им казалось, весной 1921 года сольются во «всеобщее восстание» против Советской власти. К этому моменту готовились, по соглашению с «Народным союзом защиты родины и свободы», петлюровцы, белорусские националисты и казачьи группировки. Но весна 1921 года не оправдала надежд контрреволюции, и «всеобщее восстание» было отложено сначала до времени сбора урожая и внесения продналога, а потом и до более позднего срока.

В июле 1921 года в Варшаве под председательством Б. Савинкова и при участии представителей второго отдела польского генерального штаба — Соллогуба де Войно, французской военной миссии — майора Пакелье, представителя Петлюры — Юрия Тютюника состоялся съезд «Народного союза защиты родины и свободы», на котором обсуждались вопросы подготовки восстания на территории советских республик. Было признано необходимым в целях дезорганизации жизни страны широко применять террор и диверсии. Один из представителей Всероссийского комитета «Союза» рассказывал: «Террор должен был ослабить репрессии со стороны Советской власти, для чего предлагалась организация налетов и разрушение центров управления, Советов, исполкомов, парткомов, организация взрывов в советских учреждениях, на съездах, совещаниях и т. д. Террор выдвигался как средство для деморализации коммунистов и как средство, долженствующее прекратить приток свежих сил в РКП(б), что должны были достичь расстрелами и отравлениями коммунистов и репрессиями против их семейств» [1]. «Народный союз защиты родины и свободы» принял также решение об организации диверсий в народном хозяйстве Советской страны (порча железных дорог, паровозов, уничтожение подвижного состава, поджоги строений, складов, уничтожение и порча продовольствия, убийство продработников).

Однако контрреволюции не удалось реализовать свои планы. Красная Армия и чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией неизменно срывали про-

---

[1] «Известия ВЦИК», 24 июля 1921 г.

иски врага. Крестьяне, на участие которых в борьбе против Советской власти рассчитывали контрреволюционеры, после отмены продразверстки отворачивались от контрреволюции. Чудовищные зверства и погромы, совершаемые бандами, переброшенными Савинковым и его организацией на советскую территорию, вызывали гнев народных масс.

Вот лишь краткий перечень преступлений одного из ближайших сподвижников Савинкова — полковника С. Э. Павловского, который во главе банды контрреволюционных головорезов совершал рейды из Польши на советскую территорию.

Во время первого рейда банда Павловского ворвалась в город Холм и учинила там погром. Бандиты убили 250 и ранили 310 человек. Отступая из Холма в направлении Старой Руссы, они заняли Демянск, разгромили там все советские учреждения, выпустили из тюрьмы уголовников, зверски расправились с коммунистами, советскими активистами, комсомольцами и местным населением, убив 192 человека.

Во время второго рейда банда Павловского в районе Пинска захватила в плен юношей из отряда ЧОНа. Головорезы заставили 14 членов этого отряда рыть для себя могилы, после чего Павловский лично расстрелял их. В селе Корюкино по приказу Павловского был изувечен и повешен продработник коммунист Силин. Банда ограбила банки в уездных центрах Духовщина, Белый, Поречье и Рудня.

Во время третьего рейда головорезы совершили налет на пограничную заставу, убили спавших после дежурства на заставе девять красноармейцев; повесили беременную жену коменданта заставы. В Велиже они ограбили банк, а в Опочке живьем сожгли директора банка Г. И. Хаймовича. Отступая с советской территории в Польшу, бандиты по приказу Павловского угнали много скота, принадлежавшего советским людям [1].

Так же зверствовали и другие савинковские банды. Захватив местечко Пуховичи, бандиты отряда бывшего офицера Павлова бросили в котел с кипящей смолой старика пастуха, заподозренного в сочувствии Со-

[1] Впоследствии С. Э. Павловский был пойман чекистами. Во время расследования дела он пытался бежать из-под стражи, напал на конвойных и был убит.

ветской власти; зверски замучили и убили двух коммунистов; захватили 11 жителей местечка и потребовали выкупа за них; получив требуемую сумму денег, бандиты все же зарубили заложников. Близ Полоцка бандиты спустили под откос поезд, ограбили почтовый вагон и пассажиров, расстреляли 15 коммунистов, у которых нашли партийные билеты.

В январе 1922 года красноармейцы задержали нарушителя границы, оказавшегося бывшим подполковником В. Свежевским. Этот изменник, служивший в Красной Армии, а затем сражавшийся против нее в составе разных банд, был интернирован в Польше. Когда ему «надоело бездействовать», он предложил свои услуги «Народному союзу защиты родины и свободы». По ходатайству Б. Савинкова и М. Гнилорыбова, руководившего террористической деятельностью «Союза», польские власти освободили Свежевского. Он получил от савинковского «Союза» задание убить В. И. Ленина и с этой целью пробирался в советский тыл.

В связи с раскрытием связей «Народного союза защиты родины и свободы», а также украинских и белорусских буржуазных националистов с польскими разведывательными органами Советское правительство в ноте правительству Польши 4 июля 1921 года потребовало ликвидации на польской территории организаций, действующих против Советской России, и изгнания их руководителей. В ноте подробно характеризовалась враждебная Советскому правительству деятельность савинковских организаций и приводились многочисленные факты связи их с органами польской разведки. Помимо уже известных читателям данных в ноте говорилось о том, что польский генеральный штаб содействовал отправке в Россию яда с целью массового отравления красноармейских частей в момент восстания. Так, например, второй отдел польского генерального штаба за подписью майора генерального штаба Бека выдал агентам Савинкова документ на провоз в Советскую Россию якобы для исследовательских целей двух килограммов яда. Польское правительство истратило 350 миллионов марок на поддержку «Русского политического комитета» и его заговорщической деятельности.

Советское правительство потребовало немедленного изгнания с польской территории обоих братьев Савин-

ковых, Философова, Мягкова, Одинца, Дикгоф-Деренталя и других членов «Русского политического комитета», а также их агентов; кроме того, братьев Булак-Балаховичей, Перемыкина, Эльвенгрена, Васильева и других членов «Народного союза защиты родины и свободы» вместе с их агентами; Петлюры, Тютюника, Мордалевича, Орлика, Струка и других украинских контрреволюционных главарей вместе с их агентами; Злотского и других главарей белорусских контрреволюционных организаций; полковника Гнилорыбова и других лиц, стоящих во главе казачьих контрреволюционных групп и их агентов [1].

После долгих переговоров 7 октября 1921 года между представителями РСФСР и Польши был подписан протокол, по которому польскую территорию должны были покинуть Виктор Савинков, Д. Одинец, М. Ярославцев, А. Дикгоф-Деренталь, А. Рудин, А. Мягков, В. Уляницкий, М. Гнилорыбов, Эрдман, С. Петлюра, Тютюник, Павленко, Зелинский, Булак-Балахович [2].

28 октября главари антисоветских организаций покинули пределы Польши. Борис Савинков уехал раньше. Деятельность «Народного союза защиты родины и свободы» была парализована.

5. Голод и контрреволюция

Летом 1921 года в районах Поволжья, Приуралья, Кавказа, Крыма и части Украины засуха уничтожила посевы. Плодороднейшие районы, являвшиеся житницей страны, не дали не только хлеба для снабжения населения, но и семян для нового посева. Советская Россия, не оправившаяся еще от хозяйственной разрухи, унаследованной со времен империалистической войны и усугубленной гражданской войной, оказалась перед новым страшным бедствием — голодом. К зиме и весне 1922 года голод охватил свыше 30 млн. человек, т. е. почти четвертую часть населения страны того времени. Особенно тяжело было в Поволжье, где население вымирало.

[1] См. «Документы внешней политики СССР», т. 6. М., 1960, стр. 203—208.

[2] См. там же, стр. 394.

Советское правительство принимало чрезвычайные меры для борьбы с голодом. Миллионы трудящихся, работая на фабриках, заводах и полях страны, отчисляли из своего скудного заработка и полуголодного пайка продовольствие и деньги для помощи голодающим. Но внутренние ресурсы были ничтожны, разоренная страна нуждалась в помощи из-за границы. В. И. Ленин призвал международный пролетариат оказать такую помощь. А. М. Горький обратился ко всем честным людям Европы и Америки с просьбой помочь русскому народу. Призыв В. И. Ленина и обращение А. М. Горького нашли широкий отклик среди трудящихся за рубежом. Нашлись, однако, и силы, попытавшиеся использовать стихийное бедствие, постигшее Советскую страну, в контрреволюционных целях.

В июне 1921 года А. М. Горький предложил учредить общественный Всероссийский комитет помощи голодающим. За это предложение ухватились бывшие кадетские «общественные деятели»: С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, Н. М. Кишкин, бывший царский министр Н. И. Кутлер и другие. Они образовали инициативную группу по созданию комитета. 21 июля состоялось собрание этой группы совместно с представителями Советской власти. Кишкин долго рассуждал о значении участия буржуазной «общественности» в работе по ликвидации народного бедствия. Он потребовал «независимости» организаций учреждаемого комитета, «строгих гарантий» со стороны советских органов в отношении деятельности работников комитета, полную сохранность его грузов и пожертвований. Он говорил о том, что комитету надо предоставить право и возможность связываться с зарубежными организациями. Было ясно, что «общественные деятели» намереваются использовать свое участие в борьбе с голодом в политических целях. Представитель Советского правительства, присутствовавший на собрании, указал, что правительство не связывает себя никакими политическими обязательствами и не собирается делать из данного начинания никаких политических выводов. Характер же гарантий, которые может дать правительство, определяет диктатура пролетариата. «Мы гарантируем деловой работе комитета все условия, которые могут делать успешными ее практические результаты. Деловая работа не встретит никаких

препятствий со стороны правительства и местных властей»[1].

Желая привлечь к борьбе с голодом возможно больше общественных сил, Советское правительство пошло навстречу предложению инициативной группы. В тот же день, 21 июля 1921 года, декретом ВЦИК был учрежден Всероссийский комитет помощи голодающим. Ему присвоили знак Красного Креста, под флагом которого он должен был работать. Первоначально комитет был утвержден в составе 63 человек, большинство его, за исключением нескольких представителей правительства и советских работников, состояло из общественных деятелей старой формации. Только председатель комитета и его заместитель назначались ВЦИК, остальные члены президиума избирались закрытой баллотировкой на общем собрании комитета, которому предоставлялось в дальнейшем право самостоятельно пополнять свой состав. Всероссийский комитет помощи голодающим был наделен правами образовывать свои отделения на местах и за границей, приобретать в России и за границей продовольствие, фураж, медикаменты и другие предметы, распределять их среди голодающих.

Буржуазные элементы расценили создание Всероссийского комитета помощи по-своему. Контрреволюционеры надеялись, что они сумеют, прикрываясь легальной работой, превратить местные отделения комитета в органы политической борьбы и направить их против Советской власти. Белогвардейская эмиграция торопилась связаться с членами комитета. Большие надежды на комитет возлагали и агенты международного империализма.

Широкое общественное движение за границей заставило заправил капиталистического мира выразить свое отношение к проблеме помощи голодающим в России. 10 августа 1921 года Верховный совет Антанты принял решение образовать комиссию «для выяснения возможности оказать помощь голодающему населению России». Во главе комиссии был поставлен всем известный враг Советской власти, бывший посол Франции в России Нуланс. Комиссия Нуланса в качестве непременных «условий предоставления помощи голодающим России»

---

[1] «Известия ВЦИК», 22 июля 1921 г.

потребовала от Советского правительства признания внешних долгов царского и Временного правительств, «достаточных гарантий соблюдения будущих обязательств» и создания «нормальных условий» экономической жизни в стране.

В Соединенных Штатах Америки на призыв А. М. Горького откликнулась Американская администрация помощи (АРА), которую возглавлял министр торговли Герберт Гувер. АРА являлась ассоциацией нескольких благотворительных, религиозных и националистических обществ, действовавших под управлением единой администрации. Ее целью было оказание продовольственной и иной помощи пострадавшим от войны народам Европы. Одной из тайных задач этой организации было проникновение империализма в разные страны и оказание на них политического воздействия. Во время начавшихся переговоров с Советским правительством представители АРА добивались права бесконтрольной деятельности, экстерриториальности своих отделений на территории Советской России и даже потребовали предоставления залога в обеспечение того, что доставленное в Россию продовольствие будет использовано «по назначению». В. И. Ленин, внимательно следивший за ходом переговоров с АРА, 13 августа 1921 года писал:

«Ввиду того что подлые американские торгаши хотят создать видимость того, будто мы способны кого-то надуть,

предлагаю формально предложить им тотчас по телеграфу от имени правительства...

следующее:

мы депонируем [1] золотом в нью-йоркском банке сумму, составляющую 120% того, что они в течение месяца дают на миллион голодных детей и больных. Но условие наше тогда такое, что ввиду столь полной материальной гарантии ни малейшей тени вмешательства не только политического, но и административного американцы не допускают и ни на что не претендуют. Т. е. тогда отпадают все пункты договора, дающие им хоть тень права на административное хотя бы только вмешатель-

[1] Т. е. фактически даем залог.— *Д. Г.*

ство. Проверка же производится паритетными комиссиями (от нашего правительства и от них) на местах.

Этим предложением мы утрем нос торгашам и впоследствии осрамим их перед всем миром»[1].

АРА во время переговоров в Риге вынуждена была отказаться от претензий на залог и от ультимативного домогательства экстерриториальности своих представителей. 20 августа было заключено приемлемое для обеих сторон соглашение. Администрации АРА предоставлялись довольно широкие права по размещению своих отделений, самостоятельному набору сотрудников, распоряжению своими фондами и т. д. Советское правительство получило, однако, право отвода сотрудников американских отделений.

В середине августа 1921 года в Женеве состоялась конференция представителей международных и национальных организаций Красного Креста, которые избрали популярного общественного деятеля, норвежского полярного исследователя Фритьофа Нансена главным уполномоченным организации Красного Креста по оказанию помощи голодающим в России. Нансен без лишних проволочек вступил в переговоры с Советским правительством и 27 августа заключил с ним соглашение о работе созданной им организации — Исполнительного комитета международной помощи России, в который входили и представители Советской власти. В отличие от АРА, Нансен всю работу по распределению продовольствия в России предложил проводить через местные органы власти.

Соглашение с АРА и деятельность международной организации помощи голодающим Нансена раскалывали единый фронт, который, используя голод, пытались образовать империалисты против Советской России. Лишь правительства стран Антанты, представленные в комиссии Нуланса, не достигли соглашения с Советским правительством. Вскоре выяснилось, что империалистические круги питают большие надежды на деятелей из Всероссийского комитета помощи голодающим. Агенты французского правительства уже начали переговоры с представителем этого комитета в Париже — М. И. Скобелевым.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 53, стр. 115—116.

Всероссийский комитет помощи голодающим образовал в стране большое количество местных отделений, в которые вошло немало буржуазных «общественных деятелей». Благодаря своему большинству в комитете кадетские деятели избрали для посылки за границу делегацию во главе с Н. М. Кишкиным, С. Н. Прокоповичем, Е. Д. Кусковой. Они торопились с отъездом делегации, явно стремясь принять участие в политических переговорах между Советским правительством и правительствами капиталистических стран.

Советские органы своевременно разгадали политические ухищрения деятелей Всероссийского комитета. 18 августа ВЦИК признал необходимым отложить поездку этой делегации за границу и предложил Комитету выделить максимальное число своих членов для практической работы в голодных районах. Большинство Комитета, не согласившееся с решением ВЦИК, 23 августа в ультимативной форме потребовало пропустить делегацию за границу, пригрозив в противном случае прекратить работу.

27 августа ВЧК произвела ряд обысков и арестов среди членов комитета. По этому поводу ВЧК сообщила: «...С первых же дней возникновения комитета в ВЧК стали поступать сведения, указывающие на то, что группа членов комитета, не отказавшаяся на деле от своих активных политических задач, подошла к народному бедствию Поволжья как средству политической борьбы и заговора против Советской России, возложив все надежды на новую интервенцию заграничных капиталистов в новой форме. Эта группа устраивала ряд тайных собраний, заводила, пользуясь легальностью ВКПГ (Всероссийского комитета помощи голодающим.— *Д. Г.*), связи и т. п. Все эти данные заставили ВЧК произвести 27 августа сего года среди членов комитета и лиц, окружавших его, ряд обысков и арестов, которые дали богатый материал, подтверждающий правильность предварительных данных». У члена партии кадетов Кафьевой, являвшейся секретарем Кишкина, чекисты обнаружили писаную рукой Кишкина подробную схему переустройства Советской России — с верховным правителем во главе государства, с канцлером, с государственной думой и государственным советом, с областными, губернскими, уездными и волостными начальниками

и т. д. У арестованного несколько ранее другого члена комитета — П. Т. Саламатова были обнаружены «тезисы доклада по поводу записки «Воссоздание единой России»», в которых оспаривалась схема Кишкина. В тезисах предлагалось после низвержения Советской власти образовать единую сильную национальную власть, указывалось, что только единоличная диктаторская власть способна восстановить порядок в России. В тезисах предусматривался способ свержения Советов — ряд местных восстаний, сливающихся затем в единое движение под руководством из центра. Во время обысков и арестов служащих комитета и лиц, связанных с ними, в здании комитета были обнаружены документы, свидетельствовавшие о его совершенно определенной политической работе. Так, например, у инструктора-организатора местных комитетов Е. С. Галкиной было изъято письмо, в котором она указывала, что «вокруг комитета завязывается интересная работа», сообщала о целом ряде организаций и лиц, занимавшихся антисоветской деятельностью на Украине. Заведовавший отделом общественных работ комитета петроградский инженер М. Метт в письме от 22 августа, адресованном в Ригу, рекомендовал своему другу члена комитета и заграничной миссии С. Н. Прокоповича как «своего» человека, которому надлежит оказывать всяческое содействие и находиться в его полном распоряжении. В другом письме, адресованном Национальному банку в Нью-Йорке, Метт писал: «Национальному банку, Нью-Йорк. Настоящим подтверждаю мой чек за № 116, подписанный мной 30 марта 1921 г., на сумму 3000 долларов; благоволите выплатить означенную сумму моему представителю в Риге (Латвии) мистеру Эфраиму Нибургу или тому, кого он укажет, а также заметьте, что мистер Эфраим Нибург — инженер будет являться моим представителем в Риге до тех пор, пока изменится порядок вещей в России. С уважением М. Метт, инженер». Член комитета Булгаков в своем дневнике, касаясь политической деятельности комитета, писал: «И мы и голод — это средство политической борьбы» [1].

---

[1] «Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. 1917—1921 гг.», стр. 465, 466.

Стало ясно, что Комитет помощи голодающим является на самом деле центром антисоветской работы. 30 августа 1921 года Советское правительство сообщило, «что большинство комитета окончательно оказалось в плену политических расчетов, не имеющих ничего общего с интересами голодающих, и что комитет склонен пренебречь интересами деловой работы ради участия в той контрреволюционной политической игре, которая завязалась вокруг его создания среди заграничных белогвардейцев и вдохновляемых ими правительственных групп Европы. Советское правительство, вынужденное с сожалением констатировать этот результат своего шага, направленного к возможно широкому привлечению бывших активных противников Советской власти к делу помощи голодающим, постановило ликвидировать комитет. Вместе с тем Советское правительство призывает всех тех, кто не согласен приносить интересы голодающих в жертву контрреволюционным расчетам, напрячь свои силы и на почве широкой самодеятельности вести дальше дело помощи голодающим»[1]. Наиболее активные «деятели» из Всероссийского комитета помощи голодающим Н. М. Кишкин, С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова и другие были в административном порядке высланы из России.

Однако империалисты стран Антанты продолжали свои попытки использовать голод в Советской России для осуществления своих политических целей. 4 сентября 1921 года Нуланс сообщил Советскому правительству о решении возглавляемой им комиссии направить в Россию «комитет экспертов, уполномоченных произвести на месте быстрое и подробное обследование размеров нужд и способов к наиболее быстрому и наиболее действительному их удовлетворению». Нуланс потребовал, чтобы этим «обследователям» в количестве около 30 человек были предоставлены «все необходимые условия и гарантии» для работы. Он привел подробный перечень вопросов, подлежавших обследованию,— это была, по существу, плохо замаскированная программа сбора шпионских сведений о состоянии России. Возмущенный требованиями Нуланса, В. И. Ленин в тот же день заявил: «Нуланс нагл до безобразия». В предло-

[1] «Известия ВЦИК», 30 августа 1921 г.

женном проекте постановления Политбюро Ленин писал: «Поручить Чичерину составить в ответ Нулансу ноту отказа в самых резких выражениях типа прокламации против буржуазии и империализма, особенно подчеркнув контрреволюционную роль самого Нуланса, особо указав издевательски-наглый характер предложения послать до всякого договора комиссию шпиков под названием комиссии экспертов... Особо подчеркнуть, что мы не можем ни секунды верить в желание помочь гг. Нулансов *при таком их подходе к делу*»[1].

В ноте правительствам Великобритании, Франции, Италии и Бельгии[2] от 7 сентября 1921 года народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин указывал: «Трудящиеся России не забыли имени того, кто был одним из самых злостных и коварных врагов их во время борьбы не на жизнь, а на смерть, которую они вели против контрреволюции и иностранного вмешательства. Они не забыли того, что с самых первых дней существования рабоче-крестьянского правительства в России господин Нуланс среди иностранных представителей больше всех прилагал усилий, чтобы не допустить соглашения и взаимного понимания между Советским правительством и правительствами Антанты... Господин Нуланс все свои силы отдал подготовке заговора против безопасности Республики и против жизни ее руководящих деятелей, подготовке восстаний, вербовке участников всевозможных авантюр, направленных против Республики, попыткам устраивать взрывы мостов и железнодорожные крушения и т. д. На г-на Нуланса падает главная вина за восстание чехословаков, обманутых врагами русского народа и вовлеченных ими в борьбу против Советской власти. Г-н Нуланс был одним из наиболее активных руководителей той самой системы блокады, которая привела весь русский народ в состояние разорения и нищеты, в значительной мере обусловивших нынешнее неслыханное бедствие голода... Назначение этого постоянного руководителя всех предприятий, направленных против Советской России, представителем международной комиссии помощи голодаю-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр соч., т. 44, стр. 116.

[2] В комиссию Нуланса входили дипломаты этих стран и крупные иностранные собственники предприятий, национализированных в России.

щим уже само по себе глубоко поразило широкие массы русского народа и вызвало в них величайшее негодование. Комиссия г-на Нуланса заменила помощь голодающим собиранием сведений о внутреннем состоянии Советской России. Она выставила обширную программу расследования, требующую для своего выполнения продолжительного времени и сводящуюся к установлению ресурсов и средств Советской России в области земледелия, транспорта, скотоводства и т. д., причем это должно делаться под руководством тех людей, которые уже занимались этим изучением в ничем не прикрытых целях устройства мятежей и облегчения продвижения иностранных армий на территории Советской Республики. Голод и страдания трудящихся России оказались поводом для этой комиссии, чтобы попытаться узнать, какими силами и средствами располагает Советское правительство...»

Отказываясь удовлетворить домогательства комиссии Нуланса, Советское правительство вместе с тем указывало, что «оно пойдет в полной мере навстречу всякой другой организации, раз оно увидит, что эта организация действительно хочет заняться помощью голодающим. Всякой такой организации Советское правительство предлагает установить вполне точно и конкретно способы оказания помощи и способы контроля над распределением предоставляемых для помощи голодающим средств в виде формального договора, по примеру тех, которые уже заключены с Американской администрацией помощи и с верховным комиссаром Нансеном... В предложениях же комиссии Нуланса Советское правительство усматривает лишь неслыханное издевательство над миллионами умирающих голодающих» [1].

Все попытки Фритьофа Нансена привлечь к делу честной помощи голодающим правительства стран Антанты и Лигу наций наталкивались на непреодолимые преграды. В книге «Россия и мир», изданной в 1923 году, Нансен указывал, что главным препятствием, которое он встречал, был тот довод политических деятелей Европы, что «помощь умирающему от голода и страдающему русскому народу была бы равносильна поддержке

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. 4. М., 1960, стр. 307—310.

Советского правительства и большевиков». «Сердца политических деятелей,— говорил Нансен,— часто бывают черствы и бесчеловечны». IX Всероссийский съезд Советов в специальном обращении к Фритьофу Нансену 25 декабря 1921 года указывал: «Русский народ сохранит в своей памяти имя великого ученого, исследователя и гражданина Ф. Нансена, героически пробивавшего путь через вечные льды мертвого Севера, но оказавшегося бессильным преодолеть безграничную жестокость, своекорыстие и бездушие правящих классов капиталистических стран» [1].

В. И. Ленин писал: «Капиталисты, управляющие сейчас сильнейшими государствами в мире — как Англия, Америка, Франция — правда заявили нам, что они-де тоже хотят помогать нашим голодающим крестьянам, но на таких условиях, которые означают передачу в их руки всей власти над нашей рабоче-крестьянской республикой. Дело понятное. Когда же видано, чтобы кровопиец рабочего человека, капиталист и ростовщик помогал ему бескорыстно. Голодом трудового человека класс капиталистов всегда пользовался, чтобы закабалить его тело и душу. И нашим голодом хотят сейчас воспользоваться, чтобы уничтожить нашу кровью добытую свободу, навеки вырвать власть из рук рабочих и крестьян и посадить над их головами снова царя, помещика, хозяина, станового пристава и чиновника» [2].

Антисоветскую деятельность пытались вести и сотрудники Американской администрации помощи. Руководитель АРА Герберт Гувер не скрывал своего враждебного отношения к советскому строю и, конечно, преследовал собственные цели, заключив соглашение с Советской Россией [3]. И все же Советское правительство сумело установить с АРА деловые отношения в работе по оказанию помощи голодающим. Строго соблюдая условия Рижского соглашения, Советское правительство и его органы на местах вместе с тем внимательно на-

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. 4, стр. 594.
[2] Ленинский сборник XXXIV, стр. 425.
[3] США, между прочим, при посредничестве АРА избавлялись от залежей военных запасов продовольствия, что давало возможность капиталистам поднимать цены на сельскохозяйственные товары внутри страны.

блюдали за деятельностью американских представителей.

Образовав свои отделения в Советской стране, сотрудники АРА (среди них было немало американских разведчиков) часто принимали к себе на службу русских людей с темным, антисоветским прошлым, собирали вокруг себя кулаков, реакционных священников, представителей буржуазной интеллигенции, пытаясь передать в их руки распределение продовольствия и руководство питательными пунктами. В ряде мест, особенно в деревнях, подбадриваемые деятельностью АРА, поднимали голову кулацкие элементы, усиливалась антисоветская агитация. Но попытки антисоветской и шпионской деятельности под вывеской АРА немедленно пресекались советскими органами. По одному только Самарскому уезду с декабря 1921 по октябрь 1922 года за антисоветские выступления, связанные с американской помощью, было привлечено к ответственности 44 кулака[1]. И все же правильная политика Советского правительства по отношению к АРА дала возможность направить богатые ресурсы этой организации на помощь голодающим.

Церковь, как религиозная организация, стремившаяся сохранить свое влияние на широкие массы, не могла остаться в стороне от тяжелых испытаний, выпавших на долю народа, и должна была принять участие в борьбе с голодом. Патриарх Тихон 22 августа 1921 года обратился к населению с воззванием, в котором рекомендовал жертвовать в пользу голодающих «кто сколько может»[2].

Бедствия, причиняемые голодом, создали почву для усиления религиозных суеверий и предрассудков. Малосознательные массы искали спасения от этих бедствий у сверхъестественных сил. В 1921—1923 гг. по стране прокатилась волна «обновления» «чудотворных» икон, крестов, которые якобы были ниспосланы богом для помощи или в наказание людям. Реакционное духовенство устраивало массовые крестные ходы с «обновленными чудотворными» иконами, молебны на выж-

[1] См. «Исторические записки», т. 29, 1949, стр. 18—19.
[2] ЦГАОР, ф. 353, оп. 5, д. 254, л. 2—3.

женных солнцем полях, возбуждая в народе религиозный фанатизм. Одновременно исподволь духовенство настраивало население против «безбожной» Советской власти, повинной будто бы в голоде.

В июне 1921 года в селе Боево Воронежского уезда распространились слухи о том, что в местном храме «обновилась» старая икона под названием «Достойна есть». Неграмотные, отсталые крестьяне, преимущественно женщины, устроили паломничество к иконе и стали требовать от духовенства выдачи ее для молебствий. Получив икону, толпы крестьян двинулись с нею на поля. Они верили, что икона поможет избавиться от засухи. Священники устраивали торжественные встречи иконы с колокольным звоном, молебны, акафисты и т. п. Религиозный психоз, охвативший крестьян, был настолько велик, что во многих окрестных деревнях также появились «обновленные» иконы, и не только в храмах, но и в домах крестьян. Дело о вдохновителях и организаторах ложного «чуда» рассматривалось Воронежским революционным трибуналом. В его приговоре от 22 октября 1921 года отмечалось: «Научно-психиатрическая экспертиза установила развитие эпидемии массового религиозного психоза у крестьян, а судебное следствие установило извлечение материальных выгод из этого народного бедствия для другой стороны — черничек и церкви». Революционный трибунал признал привлеченных к ответственности крестьян, а также некоторых священнослужителей «одержимыми религиозным психозом» и освободил их от наказания. 11 подсудимых оправдал и лишь семь священнослужителей приговорил к общественно-исправительным работам без лишения свободы сроком на шесть месяцев условно [1].

В Рязанской губернии предметом поклонения стала хранившаяся в Троицком монастыре «чудотворная» Федоровская икона, которой в 1613 году рязанский архиепископ Феодорит «благословлял» на царствование Михаила Романова. Настоятель монастыря священник Эвергетов выдал эту икону председателю церковного совета Рыковой слободы Копину, который устроил обход с нею домов во многих селениях. Сопровождавший

[1] См. «Революция и церковь», № 1—3, 1922, стр. 49—52.

икону кортеж белого и черного духовенства устраивал молебствия, а контрреволюционно настроенные лица многозначительно напоминали, что этой самой иконой «благословляли» на престол царя Михаила Романова [1].

Когда народное бедствие достигло кульминационного пункта, в общественных организациях трудящихся возникла мысль об использовании для борьбы с голодом значительных ценностей, имевшихся в церквах. Эта мысль была поддержана многочисленными собраниями рабочих и крестьян, а в январе 1922 года представители голодающих губерний обратились с подобным ходатайством к Советскому правительству. 23 февраля ВЦИК принял решение — «изъять из церковного имущества все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть самого культа», и передать в фонд помощи голодающим. Тогда-то в полной мере и выявилось истинное лицо реакционного духовенства. 28 февраля 1922 года патриарх Тихон обратился с воззванием ко всем «верующим чадам российской православной церкви», в котором, касаясь постановления ВЦИК, провозглашал: «С точки зрения церкви подобный акт является актом святотатства, и мы священным нашим долгом почли выяснить взгляды церкви на этот акт, а также оповестить о сем верных чад наших... Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, освященных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами вселенской церкви и карается ею, как святотатство, миряне — отлучением от нее, священнослужители — низвержением из сана» [2].

Это был прямой призыв к неподчинению постановлению Советского правительства. Воззвание Тихона объявлялось с амвонов церквей, передавалось из уст в уста и возбудило волну беспорядков, нередко кровавых.

---

[1] См. «Известия ВЦИК», 1 февраля 1922 г.

[2] ЦГАОР, ф. 353, оп. 5, д. 254, л. 5—6.

Как установила впоследствии авторитетная экспертиза, состоявшая из научных работников и церковных деятелей, ссылки в воззвании патриарха Тихона на церковные каноны, якобы воспрещающие обращение церковных ценностей на помощь голодающим, были неправильны. Церковные каноны не воспрещают обращения церковных ценностей на благотворительные дела.

12 марта 1922 года комиссия по изъятию церковных ценностей в городе Шуе Иваново-Вознесенской губернии явилась в соборный храм для выполнения своих обязанностей. Там уже собралась враждебно настроенная толпа, встретившая комиссию криками и ругательствами. Наиболее ретивые черносотенцы из толпы толкали членов комиссии и наносили им удары. Желая избежать столкновения, комиссия решила отложить свою работу до 15 марта. 15 марта по призыву черносотенного духовенства в храме и на соборной площади собралась еще большая толпа. Когда к собору подошел наряд милиции для установления порядка, толпа встретила его камнями. С колокольни храма стали бить в набат. Колокольный звон продолжался полтора часа, возбуждая массы. К месту сборища явилась полурота красноармейцев. Из толпы раздались револьверные выстрелы. Красноармейцев окружили со всех сторон, четырех из них оттеснили от строя, разоружили и тяжко избили. Тогда красноармейцы вынуждены были стрелять. В перестрелке погибло четверо человек.

В правительственном сообщении по этому поводу указывалось: «Со времени издания декрета об изъятии церковных ценностей для спасения голодающих и для восстановления их хозяйства на верхах духовенства началась явно преступная работа, выражающаяся в издании противоправительственных воззваний с призывом не сдавать золота, серебра и бриллиантов, в рассылке контрреволюционных организаторов и в частных совещаниях духовных заправил совместно с влиятельными мирянами, преимущественно из бывших купцов и крупных чиновников, продолжающих играть руководящую роль в группах верующих. Держась сами в тени, привилегированные заправилы церкви стараются всюду на первое место выдвинуть наиболее темные элементы населения, старух, кликуш и даже детей. Руководствуясь единственно задачей удержать церковные ценности, созданные народом, в своих руках, заправилы церкви распространяют чудовищные и бессмысленные слухи о том, будто бы ценности пойдут не голодающим крестьянам, а на уплату Польше или на расходы Красной Армии и пр. На почве такого рода преступной агитации, нити которой сходятся в едином руководящем центре, возникли в нескольких местах недоразумения

при приступе комиссий по изъятию к своей работе, определенной декретом Президиума ВЦИК...

Правительству чужда мысль о каких бы то ни было преследованиях против верующих и против церкви... Ценности созданы трудом народа и принадлежат народу. Совершение религиозных обрядов не потерпит никакого ущерба от замены драгоценных предметов другими, более простыми. На драгоценности же возможно купить достаточное количество хлеба, семян, рабочего скота и орудий, чтобы спасти не только жизнь, но и хозяйство крестьян Поволжья и всех других голодающих мест Советской Федерации. По призыву и требованию самих голодающих, а также рабочих, крестьян и красноармейцев всей страны Президиум ВЦИК постановил произвести изъятие церковных ценностей. Подавляющая масса низшего духовенства признала и признает этот декрет безусловно правильным и справедливым. Только клика князей церкви, привыкших к роскоши, золоту, шелкам и драгоценным камням, не хочет отдавать эти сокровища на дело спасения миллионов погибающих. В жадном стремлении удержать в своих руках ценности какой бы то ни было ценой центральная привилегированная клика не останавливается перед преступными заговорами и провокацией открытых мятежей... Сохраняя по-прежнему полное внимание и терпимость к верующим, Советское правительство не потерпит, однако, ни единого часа, чтобы привилегированные заправилы церкви, облаченные в шелка и бриллианты, создавали особое государство церковных князей в государстве рабочих и крестьян» [1].

Сопротивление верхушки духовенства наконец было сломлено. В фонд помощи голодающим поступило большое количество церковных ценностей — примерно на восемь триллионов рублей, которые были использованы для спасения жизни людей.

Огромными усилиями Коммунистической партии, советского народа, его правительства, при помощи международного пролетариата к 1923 году голод в стране удалось ликвидировать. Контрреволюции не удалось использовать его в своих целях.

---

[1] «Известия ВЦИК», 28 марта 1922 г.

1. Особенности борьбы с контрреволюцией в период новой экономической политики

Новая экономическая политика благотворно сказалась на народном хозяйстве, обеспечила подъем промышленности и земледелия, рост производительных сил. Рабочие и инженерно-технический персонал возвращались на заводы и фабрики. Крестьяне жадно вгрызались в землю, с новыми силами принимались за работу в сельском хозяйстве.

Вместе с тем новая экономическая политика привела к некоторому оживлению капитализма в городе и деревне. Но за развитием капиталистических элементов был установлен государственный контроль.

Изменения в экономической жизни определяли характер классовой борьбы и состояние антисоветского лагеря того времени.

Подавляющее большинство крестьянства — середняки — с введением новой экономической политики было удовлетворено в своих чаяниях. Эти мелкобуржуазные массы, совсем недавно оказывавшие поддержку антисоветскому лагерю, теперь отошли от него. В то же время мелкотоварное крестьянское хозяйство, свободная торговля усиливали позиции и старого, и вновь нарождавшегося кулачества.

Разгромленная ранее промышленная буржуазия также частично ожила. Некоторые из бывших собственников старались получить в свое распоряжение мелкие и средние предприятия в порядке денационализации, остальные же поступали на службу на советские заводы, фабрики, в учреждения. Часть буржуазии и буржуазной технической интеллигенции все еще надеялась на реставрацию капитализма и предпринимала попытки бороться с Советской властью; другие же специалисты,

устроившись на государственные предприятия, честно помогали налаживать хозяйство.

В белоэмигрантских кругах под влиянием разгрома основных сил контрреволюции в России и новой экономической политики усилилось расслоение. Наряду с крайними «активистскими» элементами, жаждавшими продолжать борьбу с революцией прежними авантюристическими методами, появились группы, пересмотревшие методы борьбы с Советской властью. Образовалось «сменовеховское течение», получившее свое название от сборника и журнала «Смена вех». Их издавала в Праге и Париже группа кадетских профессоров-белоэмигрантов (Ю. В. Ключников, Н. В. Устрялов, Г. Л. Кирдецов, С. С. Лукьянов, П. В. Дюшен, Ю. Н. Потехин), многие из которых принимали раньше прямое участие в антисоветской деятельности. Сменовеховцы поняли, что сейчас безнадежно думать о насильственной реставрации буржуазно-помещичьего строя в России, и свои надежды связывали с новыми явлениями в экономической жизни страны. Новая экономическая политика была рассчитана на развитие производительных сил страны в социалистическом направлении, на упрочение союза рабочего класса и крестьянства, на укрепление диктатуры пролетариата. Сменовеховцы же полагали, что нэп неизбежно должен привести к желательному для них восстановлению капитализма. Вот почему сменовеховцы решили «примириться» с Советской властью.

Меньшевики и эсеры, так же как и сменовеховские кадеты, полагали, что нэп переводит Россию на капиталистические рельсы развития. Они по-своему приветствовали новую экономическую политику. Меньшевики пытались принудить Советское правительство к капитуляции перед капиталистическими элементами, предлагали передать частному капиталу, национальному и иностранному, все предприятия промышленности и допустить в полной мере частную инициативу.

Советское правительство учло поворот в настроениях буржуазной интеллигенции и мелкобуржуазных слоев. Представители этих слоев населения, выразившие готовность работать в советских учреждениях и предприятиях, привлекались к работе по восстановлению народного хозяйства. В. И. Ленин говорил: «Построить

коммунистическое общество руками коммунистов, это — ребячья, совершенно ребячья идея. Коммунисты — это капля в море, капля в народном море...

Управлять хозяйством мы сможем, если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками, а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому они хотят» [1]. Конечно, коммунисты отдавали себе отчет в том, что некоторые из «примирившихся» шли на сотрудничество с Советской властью, чтобы получить известные возможности бороться против нее. Опасности, возникшие в связи с допущением буржуазных элементов к работе в народном хозяйстве, были серьезны, но они могли быть преодолены пролетарским контролем и революционной бдительностью.

Через год после введения новой экономической политики XII Всероссийская конференция РКП(б), состоявшаяся в августе 1922 года, констатировала: «2. В общем и целом за последний год в антисоветском лагере обнаруживается начало серьезного расслоения. Раскол кадетской партии на правых и левых кадетов и образование, в связи с этим, двух отдельных кадетских центров за границей, появление сменовеховского течения среди определенной части буржуазии, начавшийся глубокий раскол церкви, чреватый серьезнейшими последствиями, разделение меньшевиков и эсеров на ряд новых групп и подгрупп... усиление дифференциации среди студенчества в России и даже среди эмигрантской части студенчества, усиливающаяся дифференциация среди верхов бывшего белогвардейского генералитета,— все это, вместе взятое, является симптомом ослабления антисоветского лагеря и косвенным подтверждением упрочения наших позиций.

3. Но в то же время первый же год существования Советской власти в условиях новой экономической политики принес с собой новые опасные явления, которые необходимо учесть. Антисоветские партии и течения частично меняют тактику: они пытаются использовать советскую легальность в своих контрреволюционных интересах и держат курс на «врастание» в советский режим, который они надеются постепенно изменить в духе

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 93.

буржуазной демократии и который, по их расчетам, сам идет к неизбежному буржуазному перерождению.

Все указанные процессы распада, разложения и перегруппировок в антисоветском лагере питаются не только уже давно обозначившимся отслоением некоторых групп буржуазной интеллигенции от старого блока генеральско-помещичьего крепостничества с крупной капиталистической буржуазией, но и процессом частичного восстановления капитализма в рамках Советского государства, порождающего рост элементов так называемой «новой буржуазии» (торговцы, частные арендаторы, различные свободные профессии в городе и в деревне, деревенское кулачество и т. д.)» [1].

Антисоветские партии действительно широко воспользовались нэпом. Действуя через интеллигенцию (профессуру, специалистов, литераторов), они вели работу среди учащейся молодежи, мелкобуржуазных и обывательских элементов, создавали опорные пункты в высшей школе, в печати, литературных кругах, кооперации. Достаточно сказать, что в первый год нэпа в Москве возникло 337, а в Петрограде — 83 издательства, учрежденных товариществами, группами и отдельными лицами, среди которых подвизались буржуазные деятели разных направлений. Во многих выпущенных этими издательствами книгах, журналах в завуалированной форме пропагандировались антисоветские идеи. В журнале «Экономист» выступал эсер Питирим Сорокин; в журнале «Утренник» — бывший член ЦК партии кадетов Изгоев; немало журналов и книг издавали сменовеховцы, ожидавшие новых экономических и политических уступок со стороны Советской власти. В некоторых философских трактатах обосновывались буржуазная идеология, мистические идеи. Публиковались формалистические, далекие от жизни литературные произведения. На съезде врачей раздавались голоса, направленные против «коммунистического окружения». Антисоветские выступления прозвучали на агрономическом съезде и съезде сельскохозяйственной кооперации, оказавшейся почти целиком в руках эсеров и кадетов.

XII Всероссийская конференция РКП(б) отмечала:

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1953, стр. 669.

«Первый год существования Советской власти в условиях новой экономической политики, совпавший с тягчайшим голодом, с усилением международной капиталистической реакции, с предъявлением Советскому государству грубо реставраторских требований от капиталистов и правительств Антанты (Генуя, Гаага), подтолкнул на усиленную контрреволюционную работу не только меньшевиков и эсеров, но и политиканскую верхушку мнимо-беспартийной буржуазной интеллигенции». Конференция наметила ряд практических мер борьбы с буржуазной идеологией и диверсиями контрреволюции. «...Нельзя отказаться,— говорилось в резолюции конференции,— и от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции, которая в своих контрреволюционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций и для которых подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации и т. д. являются только пустым словом, политическим прикрытием.

Репрессии, которые неизбежно не достигают цели, будучи направлены против поднимающегося класса (как, например, в свое время репрессии эсеров и меньшевиков против нас), диктуются революционной целесообразностью, когда дело идет о подавлении тех отживающих групп, которые пытаются захватить старые, отвоеванные у них пролетариатом, позиции» [1].

Новая экономическая политика должна была привести к серьезным изменениям в форме и методах карательной политики диктатуры пролетариата.

Как только были ликвидированы внешние фронты гражданской войны, 8 января 1921 года председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский дал указания органам Чрезвычайной комиссии об изменении методов их работы. Он писал, что бороться с контрреволюцией старыми методами сейчас нельзя. «Всех подозрительных, которые могут принять участие в активной борьбе... нужно держать на учете, выяснить, проверить. Это гигантская информационная работа, которая должна выступить на первый план...

---

[1] «КПСС в резолюциях», ч. I, стр. 670, 674.

Грубые признаки различения на своего или не своего по классовому признаку — кулак, бывший офицер, дворянин и прочее — можно было применять, когда Советская власть была слаба, когда Деникин подходил к Орлу...» Теперь, указывал Ф. Э. Дзержинский, буржуазия и ее техническая интеллигенция в значительной части превратились в советских служащих, вошли в советские предприятия и учреждения и «могут погубить все попытки коммунистов восстановить производство». Определяя этот новый вид подрывной деятельности как «техническую контрреволюцию», Ф. Э. Дзержинский писал: «...Опасность технической контрреволюции, руководимой иностранным капиталом, нельзя предотвратить грубыми, случайными ударами чекистского молота. Надо, чтобы он пришелся по руке злодея, а не по самой машине... Здесь нужно иметь в руках точные улики, конкретные данные, которые опять-таки можно получить лишь хорошей информацией... но если нам удастся поставить борьбу с техническими контрреволюционерами на новые рельсы, то само собой понятно, что расправа с пойманными, уличенными саботажниками должна быть беспощадна. Для таких буржуазных преступников должен быть установлен особый, суровый тюремный режим так, чтобы другим неповадно было» [1].

В мае 1921 года по инициативе газеты «Известия» в печати началось обсуждение вопросов революционной законности. Все выступавшие высказались за то, чтобы роль нормальных судебных учреждений в борьбе с контрреволюцией и уголовной преступностью была повышена, и, в частности, за прекращение практики внесудебного разрешения дел чрезвычайными комиссиями.

23 июня 1921 года ВЦИК издал декрет об объединении всех революционных трибуналов республики. 11-й пункт декрета устанавливал: «Срок лишения свободы по приговорам чрезвычайных комиссий, без направления дела для судебного разбирательства в народные суды или трибуналы, понизить до двух лет, ограничив присуждение к таковому только в отношении лиц, уличенных в принадлежности к антисоветским политическим партиям или к явно белогвардейским элементам.

---

[1] «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг.», стр. 418, 420, 419.

Все остальные дела, находящиеся в производстве чрезвычайных комиссий, поскольку таковые дела не направляются в трибуналы, обязательно направляются чрезвычайными комиссиями в особые камеры народного суда, подлежащие образованию при каждой чрезвычайной комиссии. В местах, объявленных на военном положении, предоставленные чрезвычайным комиссиям права по применению всех мер наказания, вплоть до расстрела, ограничить исключительно тремя категориями преступлений: а) по делам о шпионаже, б) по делам о бандитских преступлениях, в) по делам об участии в открытом вооруженном восстании. Все чрезвычайные комиссии обязать отчетностью о постановленных ими в несудебном порядке приговорах в Верховный трибунал...» [1]

К осени 1921 года Красная Армия и Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией в основном закончили ликвидацию политического бандитизма в стране. И тогда Коммунистическая партия и Советское правительство приступили к решению коренных проблем революционной законности и перестройке работы органов борьбы с внутренней контрреволюцией.

1 декабря 1921 года Политбюро ЦК РКП(б) рассматривало вопрос о ВЧК. Сохранились собственноручные записи В. И. Ленина о проекте постановления Политбюро. Они содержат такие предложения:

«1-ое: компетенцию сузить

2-ое: арест еще у́же права

3-ье: срок $<$ 1 месяца

4-ое: суды усилить или только в суды

5-ое: название

6-ое: через *ВЦИК* провести $>$ серьезные умягчения» [2]. Эти ленинские предложения послужили директивой для последующей реформы. Существо и значение ее раскрываются в выступлениях В. И. Ленина и принятых Советским правительством решениях.

На заседании IX Всероссийского съезда Советов 23 декабря 1921 года В. И. Ленин так обосновал необходимость реформы ВЧК: «...Это то учреждение, которое было нашим разящим орудием против бесчислен-

---

[1] СУ, 1921 г., № 51, ст. 294.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 261.

ных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас... Вы знаете из истории, ...как действовали эти люди. Вы знаете, что иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было. Это — достоинство нашей ВЧК...

...Без такого учреждения власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры, не имеющие желания преподнести рабочим и крестьянам на блюде свои права помещиков, свои права капиталистов. Это мы очень хорошо знаем, но знаем вместе с тем, что достоинства человека могут стать его недостатками, и мы знаем, что та обстановка, которая у нас создалась, повелительно требует ограничить это учреждение сферой чисто политической, сосредоточить его на тех задачах, при которых обстановка и условия помогают ему. Если попытки контрреволюции будут таковы, как они были до сих пор,— а мы не имеем доказательств, чтобы на этот счет психология наших противников изменилась, у нас нет к этому оснований,— то мы сумеем отвечать так, чтобы видели в нашем ответе нечто серьезное. Советское государство допускает к себе иностранных представителей под предлогом помощи, а эти представители помогают свергать Советскую власть, чему примеры бывали. В положение такого государства мы не попадем, благодаря тому, что мы будем ценить и использовать такое учреждение, как ВЧК. Это мы можем всем и всякому гарантировать. Но вместе с тем мы определенно говорим, что необходимо подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции и компетенцию и ограничить ее работу задачами политическими. Перед нами сейчас задача развития гражданского оборота,— этого требует новая экономическая политика,— а это требует большей революционной законности. Понятно, что в обстановке военного наступления, когда хватали за горло Советскую власть, если бы мы тогда эту задачу себе поставили во главу, мы были бы педантами, мы играли бы в революцию, но революции не делали бы. Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг

осуществления большей революционной законности, и тем уже становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков. Таков результат опыта, наблюдений и размышлений, который правительство за отчетный год вынесло»[1].

IX Всероссийский съезд Советов отметил, что завоевание Советской Россией мира, хотя бы временного и неустойчивого, позволило приступить к мирному строительству; поэтому «очередной задачей является водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности». Съезд указал на необходимость строгой ответственности органов и агентов власти, а также граждан за нарушения созданных Советской властью законов и защищаемого ею порядка, но в то же время потребовал усиления «гарантий личности и имущества граждан». Новые формы отношений, созданные в процессе революции и на почве проводимой властью экономической политики, говорилось в постановлении съезда, должны получить свое выражение в законе и защиту в судебном порядке. Съезд высказался за установление твердых гражданских норм для разрешения всякого рода конфликтов в области имущественных отношений. «Граждане и корпорации, вступив в договорные отношения с государственными органами, должны получить уверенность, что их права будут охранены. Судебные учреждения Советской Республики должны быть подняты на соответствующую высоту. Компетенция и круг деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и ее органов должны быть соответственно сужены и сама она реорганизована»[2]. Съезд Советов поручил Президиуму ВЦИК в кратчайший срок пересмотреть положение о ВЧК и ее органах в направлении их реорганизации, сужения их компетенции и усиления начал революционной законности.

6 февраля 1922 года ВЦИК, исполняя постановление IX Всероссийского съезда Советов, издал декрет, по которому ВЧК и ее местные органы упразднялись. Задачи, которые ранее выполняла ВЧК,— подавление открытых контрреволюционных выступлений и бандитизма, борьба со шпионажем, охрана железнодорожных и водных путей сообщения, охрана границ РСФСР,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 327—339.
[2] СУ, 1922 г., № 4, ст. 43.

борьба с контрабандой, выполнение специальных поручений Президиума ВЦИК или СНК по охране революционного порядка и расследование дел о контрреволюции — возлагались на Народный комиссариат внутренних дел, для чего в его составе образовывалось Государственное политическое управление под председательством народного комиссара внутренних дел или назначаемого Совнаркомом его заместителя. На местах вместо чрезвычайных комиссий образовывались политические отделы в автономных республиках и областях при ЦИК и в губерниях при губисполкомах, а также их уполномоченные в уездах. Все местные политические отделы должны были находиться в непосредственном подчинении НКВД через Государственное политическое управление на тех же основаниях, как и другие объединенные народные комиссариаты и управления республик и областей. В составе ГПУ учреждались особые отделы и транспортные отделы для борьбы с преступлениями в армии и на железной дороге. Декрет строго регулировал порядок арестов, обысков и иных следственных действий, производимых органами ГПУ: устанавливалось, что не позднее двух недель со дня ареста обвиняемому должно быть предъявлено конкретное обвинение, а все расследование должно быть закончено в двухмесячный срок. Лишь в исключительных случаях срок содержания под стражей мог быть продлен Президиумом ВЦИК. Декрет устанавливал следующее важнейшее положение о борьбе с контрреволюцией и другими опасными преступлениями: «...Впредь все дела о преступлениях, направленных против советского строя или представляющих нарушения законов РСФСР, подлежат разрешению исключительно в судебном порядке революционными трибуналами или народными судами по принадлежности» [1].

Советское правительство приняло меры к укреплению судебных и следственных органов и к разработке твердых законов-кодексов пролетарского государства.

На третьей сессии ВЦИК 9-го созыва (12—20 мая 1922 года) обсуждался разработанный Наркомюстом проект Уголовного кодекса. Некоторые участники сессии выступили за исключение из кодекса такой меры

---

[1] СУ, 1922 г., № 16, ст. 160.

наказания, как расстрел. Расстрел, говорили они, может применяться лишь в качестве внесудебной меры революционной борьбы с врагами, а не по суду. Народный комиссар юстиции Д. И. Курский объяснил, что подобные предложения возвращают нас «к тому моменту, от которого мы отошли». А Советская республика на новом этапе считает необходимым и с контрреволюционными преступлениями бороться путем закона [1].

В. И. Ленин внимательно следил за подготовкой судебной реформы и изданием кодексов. Ему принадлежала формулировка статьи Уголовного кодекса, в которой давалось определение контрреволюционного преступления и меры наказания за него. Ленин определил контрреволюционное преступление как пропаганду, агитацию, участие в организации или содействие ей «в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т. под. средствами», и предложил карать такие преступления «высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу». Предлагая эту формулировку, В. И. Ленин писал Д. И. Курскому: «Основная мысль, надеюсь, ясна, несмотря на все недостатки черняка: открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее *суть* и *оправдание* террора, его необходимость, его пределы.

Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого» [2].

Сессия ВЦИК приняла Уголовный кодекс с учетом указаний В. И. Ленина. Она признала, что рассмотрение дел о контрреволюции должно производиться судебным

[1] См. «Бюллетень III сессии ВЦИК 9-го созыва № 4, заседание 23 мая 1922 г.», стр. 4—5, 13—14.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 190.

порядком на основе точно определенных законом положений, и допустила расстрел в качестве высшей меры наказания за такие преступления. Сессия ВЦИК приняла также Уголовно-процессуальный кодекс и Положение о прокурорском надзоре. По этим законодательным актам ГПУ становилось органом дознания (а по делам о контрреволюции — органом предварительного следствия), поднадзорным прокурору. Прокурор давал санкцию на арест обвиняемых, обязательные для ГПУ указания по расследованию, решал вопросы предания суду и прекращения дела, возникшего в ГПУ. В дальнейшем (согласно Положению о судоустройстве, принятому в октябре 1922 года) территориальные революционные трибуналы были ликвидированы, и все дела, в том числе и дела о контрреволюционных преступлениях, подлежали рассмотрению в общих судебных учреждениях (губернском суде, Верховном суде). В качестве специальных судов сохранялись лишь военные и военно-транспортные революционные трибуналы.

15 ноября 1923 года в связи с образованием Союза ССР Советское правительство приняло новое положение, регулирующее работу органов государственной безопасности. Был учрежден единый для всего Советского Союза, самостоятельный, не входящий в НКВД орган охраны государственной безопасности — Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете Народных Комиссаров СССР. ОГПУ должно было руководить работой ГПУ союзных республик, особых отделов военных округов, органов ГПУ на железнодорожных и водных путях сообщения и их местных органов. В новом положении об ОГПУ закреплялись правила расследования и рассмотрения дел о контрреволюции, разработанные Советским правительством при переходе к новой экономической политике.

Органы пролетарской диктатуры получили достаточные средства, чтобы и в условиях новой экономической политики в случае необходимости наносить неотразимые удары по преступным элементам и контрреволюции. Когда антисоветские элементы попытались использовать условия нэпа для подрывной деятельности, а нэпманы — использовать рыночные отношения в спекулятивных целях, ГПУ по указанию партии и Совет-

ского правительства приняло решительные меры. В августе — сентябре 1922 года по постановлению Государственного политического управления из Петрограда, Москвы, Киева и других крупных центров страны в административном порядке были высланы наиболее активные контрреволюционеры. «Правда» по этому поводу разъясняла: «По постановлению Государственного политического управления наиболее активные контрреволюционные элементы из среды профессуры, врачей, агрономов, литераторов высылаются частью в северные губернии России, частью за границу... Советская власть обнаружила слишком много терпения по отношению к этим элементам, надеясь, что они поймут бессмысленность своих надежд на возвращение к прошлому. Она предоставляла им полную возможность работать для дела восстановления нашего хозяйства и для действительно научной работы. Но кадетствующие и эсерствующие элементы не пожелали пойти по этой дороге... Среди высылаемых почти нет крупных научных имен. В большинстве это — политиканствующие элементы профессуры, которые гораздо больше известны своей принадлежностью к кадетской партии, чем своими научными заслугами... Высылка активных контрреволюционных элементов из буржуазной интеллигенции является первым предостережением Советской власти по отношению к этим слоям. Советская власть по-прежнему будет высоко ценить и всячески поддерживать тех представителей старой интеллигенции и специалистов, которые будут лояльно работать с Советской властью, как работает сейчас с ней лучшая часть специалистов. Но она по-прежнему в корне будет пресекать всякую попытку использовать советские возможности для открытой или тайной борьбы с рабоче-крестьянской властью за реставрацию буржуазно-помещичьего режима» [1].

Примерно в то же время ГПУ произвело в Москве аресты спекулянтов-валютчиков. Как высылка контрреволюционной профессуры, так и аресты «черных биржевиков» вызвали ложные толки, будто Советское правительство отказывается от провозглашенной им новой экономической политики. В. И. Ленин в интервью с

[1] «Правда», 31 августа 1922 г.

корреспондентом английских газет, разъясняя причины ареста валютчиков, заявил: «...Арестованы исключительно деятели так называемой черной биржи, и в руках наших властей имеются данные, устанавливающие связь этих биржевиков-валютчиков с некоторыми сотрудниками иностранных миссий в Москве, причем эти данные устанавливают не только продажу платины, золота (слитков), но и *организацию контрабандной переправы этих ценностей за границу*.

Из этого Вы можете видеть, как абсолютно лишены содержания слухи о том, будто бы мы кладем конец «новой экономической политике», и как до последней степени фальшивы обвинения антирусской печати в Англии, которая старается самым неслыханным извращением дела и обманом представить нашу политику в ложном свете. На самом деле абсолютно не было и речи в каких бы то ни было правительственных кругах о том, чтобы положить конец «новой экономической политике» и вернуться к старой. Вся работа правительства, между прочим, в происходящей сейчас сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, направлена к тому, чтобы то, что называется новой экономической политикой, закрепить законодательно в наибольшей степени для устранения всякой возможности отклонения от нее» [1].

Советские органы государственной безопасности и в дальнейшем применяли административную высылку преступных и контрреволюционных элементов. К такого рода мерам следует отнести, например, очищение в 1923 году Москвы и других крупных центров РСФСР от паразитических нэпмановских и социально опасных элементов. 24 декабря 1923 года председатель ОГПУ Ф. Э. Дзержинский опубликовал объявление: «Ко всем гражданам города Москвы. Жестокий жилищный кризис в Москве и продолжающееся заполнение Москвы социально опасными элементами поставило перед ОГПУ задачу очищения города Москвы и крупнейших центров РСФСР от той накипи нэпа, которая, взамен участия в нормальном товарообороте и производстве, взяла на себя паразитическое использование новой эко-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 243—244.

номической политики. Во исполнение указаний правительства и наказа вновь избранному Моссовету об освобождении Москвы от элементов, не занятых никакой общественно полезной работой, ОГПУ в последнее время произведены аресты и высылка социально опасных элементов. Всего по сей день арестовано 916 человек, из коих 532 высланы из пределов Москвы в различные места, а остальные будут высланы в ближайшие дни. По категориям высылаемые делятся: 1) торговцев спиртом — 110 человек; 2) шулеров и аферистов — 156 человек; 3) контрабандистов ценностей, валютчиков и пр.— 120 человек; 4) лиц без определенных занятий, занимающихся ростовщичеством и пр.,— 453 человека; 5) торговцев кокаином — 24 человека; 6) содержателей притонов — 53 человека. Итого — 916 человек. ОГПУ предупреждает, что в отношении лиц, не имеющих определенных занятий и прибывших в Москву в целях паразитического существования, будет и впредь применяться высылка в отдаленные места республики... Вместе с тем ОГПУ указывает, что те, кто участвует в нормальном товарообороте и производстве, уплачивая соответствующие налоги и ведя соответствующие законам СССР торговые и производственные дела, могут совершенно спокойно продолжать их, не опасаясь никаких преследований и высылок»[1].

В течение 1921—1925 годов советский народ добился огромных успехов. Новая экономическая политика создала благоприятные условия для успешной борьбы с капиталистическим сектором народного хозяйства; она укрепила союз рабочего класса с крестьянством и упрочила диктатуру пролетариата. За эти годы советский народ под руководством Коммунистической партии в основном решил задачу восстановления народного хозяйства страны и заложил фундамент для перехода к новому этапу социалистического строительства. Широкие народные массы, в том числе крестьянство, удовлетворенное в своих чаяниях, еще более сплотились вокруг партии и Советского правительства. Все это способствовало разложению и распаду антисоветского лагеря.

Мелкобуржуазные «социалистические» партии и

---

[1] «Правда», 25 декабря 1923 г.

сменовеховская буржуазия, надеявшиеся, что страна пойдет по капиталистическому пути развития, все более убеждались в тщетности своих надежд. Учащались случаи отказа виднейших представителей контрреволюции от продолжения борьбы с Советской властью. Прославившийся кровавым террором против трудящихся генерал Я. А. Слащев осенью 1921 года вернулся из Константинополя в Советскую Россию. Слащев выразил желание честной службой искупить свою вину перед рабоче-крестьянской Россией. Советское правительство амнистировало его. Неоднократно выступая по радио и в печати, Слащев обращался к генералам, офицерам и солдатам белой армии, находившимся в эмиграции: «Я — бывший генерал Слащев-Крымский — добровольно вернулся на родину, в Советскую Россию. Я раскаялся в своих грехах и получил прощение от Советского правительства. Мне предоставлено право продолжать военную службу, созданы хорошие материальные условия... Я призываю вас всех последовать моему примеру» [1]. Трудно сказать, насколько искренен был Слащев. Но его возвращение на родину, несомненно, отражало процесс разложения в рядах белогвардейщины.

Один из участников антисоветского «Союза возрождения России», бывший член «правительства Директории» и ее главнокомандующий генерал В. Г. Болдырев в июне 1923 года, будучи арестованным, обратился во ВЦИК с таким заявлением: «Внимательный анализ пережитых пяти лет революции привел меня к убеждению: 1) что за весь этот период только Советская власть оказалась способной к организационной работе и государственному строительству среди хаоса и анархии, созданных разорительной европейской, а затем внутренней гражданской войнами, и в то же время оказалась властью твердой и устойчивой, опирающейся на рабоче-крестьянское большинство страны; 2) что всякая борьба против Советской власти является безусловно вредной, ведущей лишь к новым испытаниям, дальнейшему экономическому разорению, возможному вмешательству иностранцев и потере всех революционных достижений трудового населения; 3) что всякое вооруженное посягновение извне на Советскую власть, как единственную

[1] *Ф. Фомин.* Записки старого чекиста, стр. 130—131,

власть, представляющую современную Россию и выражающую интересы рабочих и крестьян, является посягновением на права и достояние граждан Республики, почему защиту Советской России считаю своею обязанностью. В связи с изложенным, не считая себя врагом Советской России и желая принять посильное участие в новом ее строительстве, я ходатайствую в порядке применения амнистии о прекращении моего дела и об освобождении меня из заключения». Советское правительство амнистировало Болдырева, и он впоследствии добросовестно служил в советских учреждениях.

Органы борьбы с контрреволюцией бдительно следили за теми, кто пытался использовать великодушие Советского государства для продолжения контрреволюционной работы. Так был разоблачен казачий полковник М. Гнилорыбов, член савинковского контрреволюционного «Народного союза защиты родины и свободы». Притворившись раскаявшимся, он выразил желание «помочь» казакам, находящимся в эмиграции, возвратиться на родину. Однако ГПУ быстро вывело его на чистую воду. 21 сентября 1922 года ГПУ опубликовало сообщение, в котором отмечалось, что за последнее время наблюдается усиленная тяга из-за границы в Россию элементов белогвардейщины, которые окончательно разочаровались в деле вооруженной борьбы с Советской властью. Подчеркивая, что Советская власть предоставляет полную возможность вернуться на родину рабочим и крестьянам, которые обманом были вовлечены в гражданскую войну и которых их золотопогонные командиры покинули на чужбине на произвол судьбы, ГПУ в то же время предупреждало: «Но Советская власть не может допустить спекуляции на бедственном положении невольных эмигрантов и политиканства всякого рода авантюристов, которые, под видом заботы о томящихся на чужбине, обделывают свои личные темные дела. К числу таких политиканов, пытающихся сделать себе карьеру на деле реэвакуации бывших белогвардейских солдат, относится прибывший недавно в Россию Гнилорыбов, который отнюдь не является представителем интернированных казаков, за какового он выдает себя, а наглым авантюристом-самозванцем, все усилия которого направлены на то, чтобы восстановить свою утерянную популярность. Даже в эмигрантской

среде Гнилорыбов потерял какой-либо авторитет. Единственно, чему можно поверить из всех разглагольствований Гнилорыбова... это тому, что обманутое казачество стремится обратно в Советскую Россию. Ввиду того что, направляясь в Советскую Россию, Гнилорыбов обманул наше заграничное представительство, скрыв свое участие в террористической работе против представителей Советской власти, ввиду того что против Гнилорыбова имеются тяжкие улики, свидетельствующие об его двурушничестве и авантюризме, Госполитуправление нашло необходимым взять под стражу самозванного «представителя казачества»» [1].

В первые годы новой экономической политики, активно используя распад и разложение антисоветского лагеря, органы борьбы с контрреволюцией сумели окончательно разоблачить преступную деятельность ряда контрреволюционных организаций, в том числе Центрального комитета партии правых эсеров.

2. Преступления правых эсеров становятся достоянием гласности

В конце 1921 года Всероссийской чрезвычайной комиссии стали известны факты, которые по-новому осветили контрреволюционную деятельность эсеровской партии. Ряд неизвестных ранее данных о преступных действиях членов этой партии сообщили ВЧК бывшие эсеровские активисты Г. И. Семенов (Васильев) и Л. В. Коноплева. 15 января 1922 года Коноплева написала заявление в ЦК РКП(б) и дала показания в ВЧК, а Семенов, кроме того, в феврале 1922 года опубликовал за границей разоблачительную брошюру «Военная боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг.». Будучи в прошлом непосредственными участниками преступлений, Г. Семенов и Л. Коноплева открыли факты применения эсерами диверсий, экспроприаций и террора в отношении виднейших деятелей большевистской партии и Советского государства.

27 февраля 1922 года президиум Государственного политического управления объявил, что в распоряжение

---

[1] «Правда», 21 сентября 1922 г.

ГПУ поступил ряд важных материалов, подтверждающих имевшиеся ранее сведения о террористической и боевой деятельности партии социалистов-революционеров в годы гражданской войны, что одним из этих материалов является опубликованная за границей брошюра Г. Семенова (Васильева), бывшего начальника центрального летучего боевого отряда партии эсеров и руководителя террористической группы, организовавшей, в частности, покушения на жизнь В. И. Ленина и В. Володарского. «Ввиду того что имеющиеся в распоряжении ГПУ материалы с несомненностью устанавливают преступления партии с-р перед пролетарской революцией,— говорилось в сообщении,— Центральный комитет этой партии и ряд ее активных деятелей предаются суду Верховного революционного трибунала. Государственное политическое управление призывает гражданина Семенова (Васильева) и всех с-р, причастных к деяниям этой партии, но понявших ее преступные контрреволюционные методы борьбы, явиться на суд над партией социалистов-революционеров» [1].

Разоблачения Семенова и Коноплевой потрясли советский народ и прогрессивную общественность мира. Однако главные обвиняемые — члены Центрального комитета партии эсеров, находившиеся под стражей, а также эмигрировавшие активисты этой партии решили превратить предстоящий суд в трибуну для разъяснения и оправдания политики своей партии в русской революции. Эмигрантская группа членов ЦК партии эсеров выступила за границей с опровержением разоблачений Семенова и Коноплевой и попыталась изобразить готовящийся процесс как расправу. Эсеры клеветнически утверждали, что суд незаконен, так как за свою прошлую деятельность будто бы все эсеры в феврале 1919 года были Советским правительством амнистированы, что подсудимым предрешен смертный приговор. Подняв шумную кампанию, эсеры обратились за поддержкой к «социалистическим партиям всего мира». В то время III, Коммунистический Интернационал намечал тактику единого международного рабочего фронта и предложил созвать всемирный конгресс из представителей всех международных объединений рабочего

[1] «Известия ВЦИК», 28 февраля 1922 г.

класса для выработки плана совместных действий в борьбе с капиталом. Воспользовавшись собравшейся в связи с этим 2—5 апреля 1922 года в Берлине конференцией трех Интернационалов, лидеры реформистских II и II 1/2 (Венского) Интернационалов, взявшие эсеров под защиту, потребовали от делегации Коминтерна, в качестве непременного условия соглашения о совместных действиях в международном рабочем движении, допустить представителей обоих реформистских Интернационалов защитниками на судебный процесс и дать письменное обязательство, что в отношении обвиняемых эсеров не будет применена смертная казнь. Представители РКП(б) в Коминтерне Бухарин и Радек дали от имени Коминтерна соответствующие обязательства. В статье «Мы заплатили слишком дорого», опубликованной в «Правде» 11 апреля 1922 года, В. И. Ленин подверг критике этот шаг Бухарина и Радека, квалифицируя его как политическую уступку, сделанную буржуазии пролетариатом без какой-либо компенсации со стороны международной буржуазии по отношению к революционному пролетариату [1].

В ответ на провокационные заявления эмигрантских кругов о незаконности предстоящего суда ввиду амнистии 1919 года народный комиссар юстиции Д. И. Курский разъяснил, что эта амнистия касалась лишь тех правых эсеров, участвовавших в вооруженной борьбе с Советской властью, которые переоценили свое поведение и отказались от продолжения борьбы. Те же обвиняемые, которые не отказались от террора, диверсий и экспроприаций, не подлежат амнистии. Касаясь юридического значения того морального обязательства, которое взяли на себя представители РКП(б) в Берлине на совещании трех Интернационалов (что к обвиняемым эсерам не будет применена высшая мера наказания), Д. И. Курский заявил, что оно имеет чисто политический характер. Такого рода политическое обязательство не может связывать суд; оно означает лишь, что каков бы ни был приговор суда, руководящая партия обязуется принять все необходимые меры к тому, чтобы высшая мера наказания не была применена. «Другими словами, если бы трибунал счел необходимым приговорить тех

[1] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 141—142.

или других обвиняемых к этой мере наказания, потребовалось бы вмешательство высшего органа в лице ВЦИКа для того, чтобы добиться помилования»[1].

В момент рассмотрения дела правых эсеров в Советской стране были провозглашены новые начала революционной законности, которые в судебной области означали предоставление подсудимым бо́льших прав на защиту, бо́льшую гласность процесса. Эти начала, зафиксированные в первом Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, принятом ВЦИК 25 мая 1922 года, формально вводились в жизнь с 1 августа, но фактически влияли на практику уже с момента их провозглашения. Поэтому, хотя судебный процесс (8 июня — 7 августа) проводился по правилам судопроизводства, предусмотренным положением о трибуналах, фактически дело правых эсеров проходило под сильным влиянием новых начал революционной законности.

Расследование по делу эсеров вело сначала ГПУ, а затем по постановлению пленума Верховного революционного трибунала от 29 апреля,— группа следователей трибунала.

Следователи собрали огромный материал (партийные решения, письма и т. д.), допросили сотни свидетелей и обвиняемых, приобщили к делу материалы многих судебных процессов по делам о контрреволюции и т. п. Число обвиняемых достигало 218 человек. Следователи и Верховный трибунал исключили из процесса неразысканных обвиняемых, находившихся за границей; лиц, которые подлежали амнистии (они давали подписку об отказе от вооруженной борьбы с Советской властью); из основного дела выделили материалы для отдельных производств. В конечном итоге суду Верховного революционного трибунала по основному делу были преданы 34 человека. Обвинительное заключение, убедительно подтверждавшее обвинение, представляло собой книгу, изданную типографским способом, объемом в 117 страниц убористого шрифта.

Во время расследования среди обвиняемых произошло резкое политическое размежевание. Одна группа, состоявшая из членов ЦК и других ответственных работников партии эсеров (А. Гоц, Д. Донской, Е. Тимо-

---

[1] «Известия ВЦИК», 19 апреля 1922 г.

феев, Л. Герштейн, М. Лихач, Е. Ратнер-Элькинд, М. Веденяпин, М. Гендельман-Грабовский, Н. Иванов, Д. Раков, Ф. Федорович, С. Морозов — всего 22 человека), упорно защищала провалившуюся политику своей партии и не отказывалась от продолжения борьбы с Советской властью. Другие же — активисты и рядовые члены боевых отрядов эсеровской партии (Г. Семенов, Л. Коноплева, И. Дашевский, Г. Ратнер, К. Усов, Ф. Зубков, Ф. Федоров-Козлов, П. Ефимов, П. Пелевин и другие), убедившиеся в неправильности политики эсеровского руководства, порвали с партией. Это политическое размежевание существенно отразилось на ходе расследования и суда. Первая группа обвиняемых вела себя вызывающе. Большинство лиц из этой группы не давало показаний на предварительном следствии и заявило, что объяснения будет давать только на гласном суде. По окончании предварительного следствия эти лица ознакомились с делом и тщательно подготовились к выступлениям. Вторая же группа обвиняемых разоблачала эсеровские преступления и участие в них лидеров партии. Конкретные показания этих подсудимых являлись существенной частью доказательственного материала.

Сложные вопросы возникли при формировании состава сторон на суде. Центральные комитеты партий эсеров и меньшевиков добивались участия своих представителей в процессе, надеясь превратить его в трибуну для антисоветских демонстраций. Заграничная группа членов ЦК партии эсеров выдвинула в качестве защитников эсеров-эмигрантов, потребовала разрешения на въезд их в Россию и гарантий их неприкосновенности. Верховный трибунал, руководствуясь ст. 17 Положения о революционных трибуналах, отклонил незаконные домогательства эсеров и меньшевиков. Вместе с тем, на основании специального постановления Наркомюста, трибунал допустил к защите представителей реформистских Интернационалов и решил, что в судебном процессе должны участвовать также представители Коминтерна. В результате состав сторон был определен так: защиту первой группы подсудимых (членов ЦК партии эсеров) представляли допущенные в порядке изъятия из правил ст. 17 Положения о трибуналах делегаты II и II $^1/_2$-го Интернационалов — деятели реформистского социалистического движения того време-

ни — Э. Вандервельде, Т. Либкнехт, К. Розенфельд и небезызвестные дореволюционные адвокаты Н. Муравьев, А. Тагер, а также правозаступники Жданов, Патушинский, Карякин, Липскеров, Оцеп и Буревич. Защиту второй группы подсудимых (эсеров, отошедших от партии) вели общественные деятели профессор Членов, Р. Катанян, а также представители Коминтерна Ф. Кон, Ж. Садуль, А. Грамши и другие. Обвинителями были назначены Н. В. Крыленко, А. В. Луначарский, М. Н. Покровский и некоторые работники Коминтерна, в том числе Клара Цеткин.

Дело слушалось специальным присутствием Верховного революционного трибунала при ВЦИК.

Начало судебного процесса ознаменовалось политической демонстрацией. Гендельман от имени первой группы подсудимых заявил отвод всему составу суда на том основании, что судьи, являющиеся членами Коммунистической партии, будто бы не могут быть беспристрастными в этом процессе. По «логике» отвода выходило, что члены Коммунистической партии вообще не могут быть судьями по делам о контрреволюционных преступлениях. Абсурдность такого отвода понимали и сами подсудимые. Член ЦК партии эсеров подсудимый Тимофеев поспешил заявить, что подсудимые не отказываются от данного суда. Трибунал отклонил явно провокационный отвод. Но подсудимые продолжали свои наскоки на суд: заявили отвод обвинителю Н. В. Крыленко, возбудили ходатайства о допущении защитниками меньшевиков, о вызове новых свидетелей и т. п. Трибунал отклонил отвод Крыленко, подтвердил прежнее решение о недопущении защитников-меньшевиков, ходатайства же о вызове дополнительных свидетелей в основном удовлетворил. На третий день процесса подсудимые вновь устроили демонстрацию. Тимофеев от имени первой группы подсудимых выступил с политической декларацией, смысл которой заключался в том, что партия эсеров и в настоящее время не отказывается от борьбы с Советской властью.

Особенно вызывающе вели себя иностранные защитники. Э. Вандервельде, К. Розенфельд и Т. Либкнехт не считались с процессуальными нормами советского трибунала, требовали особых привилегий для себя и, когда получали обоснованный отказ, демагогически заявляли,

будто советская сторона нарушает берлинское соглашение. Трибунал предоставлял подсудимым и их защитникам все возможности в рамках советского процессуального права. Не кто иной, как Розенфельд, в одном из судебных заседаний признал зто, заявив: «Я был очень рад, что обвиняемым и защите была дана возможность защищать те интересы, которые здесь должны быть защищены. Я надеюсь, что мне удастся вернуться в Германию, и я сумею там сказать, что действительно обвиняемым дается возможность защищаться» [1]. Лишены были оснований и ссылки иностранных защитников на нарушения берлинского соглашения: требуя привилегий на основании зтого соглашения, иностранные защитники умалчивали о том, что оно, в сущности, уже разорвано реформистами, отказавшимися созвать всемирный конгресс, ради чего оно и заключалось.

13 июня иностранные защитники спровоцировали очередной инцидент. Они потребовали на основании берлинского соглашения разрешить им вести свою отдельную стенограмму судебного процесса. Конечно, защитники имели право вести свои записи, на что и не требовалось разрешения трибунала, но частная стенограмма, не предусмотренная процессуальными нормами, не могла иметь юридического значения. Защитникам были даны соответствующие разъяснения, но они продолжали незаконные домогательства. Это вызвало отпор со стороны обвинения и представителей Коминтерна, которые потребовали прекращения наконец ссылок на берлинское соглашение. А. В. Луначарский заявил: «Я от лица государственного обвинения выражаю самый категорический протест против того, что здесь вновь вмешивается в вопрос процессуального характера обязательство, взятое на себя 3-м Интернационалом по отношению ко второму... Трибунал должен решать вопрос исключительно на основании закона и прецедента... Когда народный комиссар юстиции в порядке надзора и контроля заявит, что с точки зрения правительства необходимо сделать те или другие изменения в процессуальном порядке суда, то трибунал примет зто в соображение. Никаких прямых указаний на какие бы то ни было... политические, моральные и

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 354, л. 5

какие угодно соглашения близких и компетентных для трибунала институций, никаких ссылок здесь быть не может»[1]. На следующий день иностранные защитники не явились в суд. Они передали через подсудимых заявление об отказе исполнять свои обязанности ввиду «нарушения» судом берлинского соглашения. Гендельман и Тимофеев, передавая это заявление, демонстративно объявили, что подсудимые первой группы солидарны с иностранными защитниками и освобождают их от защиты. Это было подготовленное провокационное выступление, имевшее целью дискредитировать советское правосудие. Трибунал дал обоснованный ответ иностранцам и так оценил их поведение: «Иностранная защита, с самого начала усвоившая себе неправильный тон по отношению к трибуналу, пытавшаяся заподозрить его объективизм и беспристрастие, осмелившаяся сопоставлять его с антипролетарскими буржуазными судами капиталистических государств, убедившаяся на деле в том, что процесс ведется со всеми гарантиями действительной защиты подсудимых и действительного выяснения индивидуальной виновности каждого... убедившаяся в том, что перед лицом фактов политической манифестации остается все меньше и меньше места,— эта защита искала только предлога, чтобы покинуть процесс, участие на котором для нее становилось явно политически невыгодным»[2]. Так иностранные «защитники» ушли с процесса.

Вскоре произошел новый инцидент. Вечером 20 июня в суд явились представители московских и питерских рабочих и попросили разрешения огласить резолюции, принятые на фабриках и заводах по поводу происходящего процесса. Трибунал, принимая во внимание, что он «является органом Рабоче-Крестьянской Республики, и мнение трудящихся масс (для него) имеет чрезвычайно существенное значение, хотя в своих суждениях Верховный трибунал и независим от мнения какой бы то ни было группы товарищей»[3], разрешил рабочим огласить резолюции. Делегаты заклеймили преступления эсеров и потребовали строгого их наказания. Отвечая на эти выступления, председательствующий разъ-

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 353, л. 196—197.
[2] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 354, л. 4.
[3] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 358, л. 143.

яснил рабочим: «Здесь на суде Верховного трибунала речь идет не просто о политическом споре, речь идет об ответственности отдельных живых людей, и поэтому мы со всей тщательностью разбираем все доказательства как за, так и против вины как отдельных лиц, так и целых организаций партии социалистов-революционеров... Только после того, когда мы все показания, все объяснения подсудимых (проверим.— *Д. Г.*), после этого мы сможем с точностью сказать, кто, как и в чем виноват... Поэтому, товарищи,— говорил председатель, обращаясь к рабочим,— вы можете быть спокойны на ваших фабриках и заводах. Суд Верховного трибунала заседает недаром. Он не допустит ошибочного осуждения и ошибочного оправдания» [1].

Подсудимые и их буржуазные адвокаты не преминули воспользоваться фактом выступления рабочих на суде для очередной демонстрации. Адвокат Муравьев усмотрел в этом некое «ниспровержение основ судебного процесса» и потребовал прекращения дальнейшего разбирательства дела и назначения нового суда. Как справедливо заметил Феликс Кон, это было требование, чтобы «суд покончил жизнь самоубийством». Конечно, оно не могло быть удовлетворено. Тогда подсудимые первой группы демонстративно заявили, что отказываются вообще от услуг защитников и будут защищаться сами. 26 июня защитники Муравьев, Тагер, Патушинский, Жданов, Буревич, Липскеров и Оцеп подали ходатайства об освобождении от участия в процессе ввиду отказа подсудимых от их услуг. Трибунал вынужден был удовлетворить это требование, и в дальнейшем суд проходил без них. Но среди подсудимых было немало юристов и бывших адвокатов; это были опытные политические дельцы, и они в полной мере использовали предоставленные им права на защиту. Поистине трудно найти в истории еще один подобный политический судебный процесс, на котором подсудимые пользовались бы большей свободой слова и большими правами на защиту!

Необходимость рассмотрения фактов антисоветской деятельности подсудимых, руководителей одной из крупнейших партий страны, начиная с первых дней

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 358, л. 163—164.

Октябрьской революции, делало судебное разбирательство по делу членов ЦК партии правых эсеров похожим на историческое исследование. Оно полностью подтвердило разоблачения, сделанные Г. Семеновым и Л. Коноплевой. Партия социалистов-революционеров и ее Центральный комитет, как выяснилось, систематически организовывали вооруженные восстания против рабоче-крестьянской власти, связывались в этих целях с злейшими врагами трудящихся — белогвардейцами и международными империалистами, вели шпионаж в пользу воюющих с Красной Армией белогвардейцев и интервентов, совершали диверсионные акты — взрывы стратегических объектов, экспроприации в советских организациях. Подсудимые и не отрицали этих фактов, заявляя, что в 1917—1918 годах вели вооруженную борьбу против Советской власти, но оправдывали такую свою линию политическими соображениями. Они утверждали, однако, что прекратили вооруженную борьбу в феврале 1919 года и с тех пор занимались лишь политической организацией масс для последующей борьбы, от чего не отказываются и сейчас.

Наиболее важной частью судебного процесса явилось раскрытие данных о террористических актах, совершенных эсерами против виднейших деятелей Советской власти. Четыре года эти факты тщательно скрывались эсерами. Подсудимые — члены ЦК партии эсеров — не признавали этих фактов и на суде. Они заявляли, что их партия, применявшая террор в борьбе с царским режимом, не практиковала его в отношении деятелей Советского правительства и большевистской партии. Но это было не так. На суде с особой яркостью выявилось двурушничество и лицемерие эсеровских лидеров, которые пытались изобразить себя противниками применения террора против большевиков и Советского правительства, а фактически поощряли террор и тайно руководили им.

После Октябрьской революции правые эсеры не останавливались перед применением любых средств в политической борьбе с большевиками. В эсеровских партийных организациях культивировались террористические настроения. В конце 1917 года члены Центрального комитета партии эсеров А. Гоц, Е. Ратнер и В. Чернов неоднократно выступали с заявлениями о

необходимости террора; за применение террора против деятелей Советского правительства и большевистской партии высказывались целые эсеровские организации (петербургская, харьковская). Наконец, в феврале 1918 года ЦК партии эсеров официально обсуждал этот вопрос. На заседании выявились две точки зрения: одни (Чернов и другие) высказались за террор, другие (Сунгин) считали невозможным применение террора против Советского правительства и большевиков. Победили сторонники террора. Однако принятое ЦК решение держалось в секрете. На суде эсеровские руководители уверяли, что ЦК партии принял большинством голосов отрицательное решение о терроре. Но показания участников боевых эсеровских отрядов и практика эсеровской партии подтверждали обратное.

Первые попытки организовать антисоветский террор делались отдельными эсерами и местными эсеровскими партийными организациями. В частности, в Петрограде зародился план — устроить взрыв поезда Совнаркома во время переезда правительства из Петрограда в Москву, а эсеровская активистка Коноплева задумала совершить покушение на жизнь В. И. Ленина. В обвинительном заключении по делу правых эсеров отмечалось: «Первая попытка организации террористических актов, как устанавливает следственный материал, принадлежала не ЦК партии или особо созданной с его ведо́ма и под его наблюдением организации, а петербургскому губкому партии, по его личной инициативе, за свой страх и риск» [1].

Злодейский замысел у сотрудницы петроградского комитета партии эсеров Л. Коноплевой возник в феврале 1918 года. О своем намерении совершить покушение на жизнь В. И. Ленина она сообщила руководителю военной работы при ЦК партии эсеров Б. Рабиновичу и члену ЦК А. Гоцу. Заботясь о том, чтобы партия эсеров не несла ответственности за это злодеяние, Коноплева предложила придать покушению форму «индивидуального акта». Это означало, показывала позже на суде Коноплева, что «акт должен совершиться с ведома партии, с ведома ЦК, но я, идя на это дело, не должна была

[1] «Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров...», стр. 81.

заявлять, что это делается от имени партии... и даже не должна была говорить, что являюсь членом партии»[1]. Б. Рабинович и А. Гоц от имени партии санкционировали задуманное Коноплевой злодеяние. В марте Коноплева вместе с приглашенным ею эсером П. Ефимовым выехала из Петрограда в Москву для исполнения своего замысла. В организации слежки за В. И. Лениным, добывании оружия, финансировании «предприятия» Коноплевой оказывали содействие находившиеся в Москве члены ЦК партии эсеров — Рихтер, Е. Тимофеев и М. Веденяпин. Однако ЦК партии эсеров старался организовать дело так, чтобы на него не пала ответственность за террористический акт. Обещая, что она не будет выступать от имени партии, Коноплева все же добивалась «моральной санкции» ЦК. Но те же самые Гоц и Рабинович, которые санкционировали ее замысел, стремились лишить ее возможности сослаться потом на эту санкцию. Гоца, который приехал в Москву, очень испугало впечатление, произведенное на него Коноплевой. Она выглядела «душевно-удрученным и морально разбитым человеком». Такой человек мог, конечно, «подвести» лидеров эсеров, и Гоц, согласно его показаниям, сказал Коноплевой: «Бросьте не только вашу работу, которую вы ведете, но бросьте всякую работу и поезжайте в семью отдохнуть»[2].

В этот раз задуманное эсерами покушение на жизнь В. И. Ленина не состоялось.

В мае 1918 года начальник эсеровской боевой дружины в Петрограде Г. Семенов предложил образовать при ЦК партии «центральный боевой отряд» и начать организованную террористическую работу против виднейших представителей Советской власти. Члены ЦК партии Гоц и Донской, с которыми Семенов вел переговоры об этом, дали от имени партии санкцию на образование такого отряда под начальством Семенова. Тот привлек в отряд эсеров, которые и раньше действовали в этом же направлении (Коноплеву, Иванову-Иранову, Усова, Сергеева и др.), и отряд начал свою преступную

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 368, л. 111—112. Стенограмма 31-го дня судебного процесса по делу членов ЦК партии правых эсеров.

[2] Там же, л. 170—171.

работу. Решено было убить руководителей петроградских большевиков В. Володарского, М. С. Урицкого и других. Эти цели были намечены и тайно санкционированы членами ЦК эсеровской партии. В результате 20 июня был убит В. Володарский.

Не скрывая своей ответственности за это преступление, начальник отряда Г. Семенов на суде показал: «Когда один из моих боевиков — Сергеев — направился на очередную слежку на Обуховскую дорогу, он спросил меня, что, если будет случайная возможность легко произвести покушение, как быть? Я указал, что... вопрос ясен, тогда нужно действовать, поскольку вопрос санкционирован ЦК, а (право определить.— *Д. Г.*) время и день действия бесспорно принадлежит боевой организации... Как раз такая возможность представилась — и товарищ Володарский был убит. Сергееву удалось благополучно бежать» [1]. Не будучи в состоянии опровергнуть показания Семенова и других членов его отряда, подсудимые — члены ЦК и их единомышленники из эмигрантской группы ЦК — вынуждены были признать, что им было известно об убийстве В. Володарского членом эсеровской боевой группы Сергеевым. Они попытались представить это событие как случайный эпизод, не связанный с указаниями партии и совершенный по инициативе Семенова и Сергеева. В. Чернов и Б. Рабинович в эмигрантской печати утверждали, будто убийство было совершено самовольно эсером Сергеевым, который якобы «не стерпел», встретившись случайно с В. Володарским.

Даже из этих объяснений ясно, что Центральному комитету партии социалистов-революционеров было известно об участии эсеровской боевой дружины в убийстве В. Володарского. Тем не менее 22 июня 1918 года А. Гоц от имени петроградского бюро ЦК партии опубликовал дезориентирующее извещение о том, что «ни одна из организаций партии к убийству комиссара по делам печати Володарского никакого отношения не имеет». Г. Семенов на суде говорил: «Вполне понятно, что это заявление ЦК возмутило как меня, так и всех боевиков... В тот же день я через Коноплеву

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 350, л. 11. Стенограмма 32-го дня судебного процесса.

получил сообщение, что Рабинович желает со мною видеться около Александринского театра. Это свидание произошло, причем Рабинович в повышенном тоне заявил, что я не имел права делать покушения на тов. Володарского, что в последнем разговоре Гоц сказал, что нужно выждать некоторое время, и я не имел права действовать... Я в свою очередь напал на Рабиновича за то, что ЦК позволил себе такую вещь в отношении боевой организации, указав на трусость... Он мне предложил.., чтобы я и боевики уехали в Москву. Я указал, что нет никакой надобности переезжать в Москву, что дело сделано настолько умело, что все следы заметены, но он категорически настаивал на отъезде, указав, что партия может попасть под удар... В конце концов я согласился» [1].

Центральный комитет партии социалистов-революционеров, таким образом, сохранил террористическую группу Семенова и после убийства Володарского; он лишь перебазировал ее в Москву. Группа продолжала террористическую работу, готовя покушение теперь уже на жизнь В. И. Ленина. 30 августа 1918 года Ленин был тяжело ранен в результате покушения Ф. Каплан.

Долгое время обстоятельства этого злодеяния, совершенного Ф. Каплан, не были полностью вскрыты [2]. Че-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 350, л. 12—13.

[2] В 1920 г. Борис Савинков опубликовал за границей брошюру, в которой изложил историю своей борьбы с большевиками. В ней он писал, что руководимый им «Союз защиты родины и свободы» разработал в 1918 году план убийства В. И. Ленина. «Предполагалось в Москве убить Ленина... и для этой цели было установлено наблюдение. Одно время оно давало блестящие результаты... План этот удался только отчасти. Покушение на Ленина удалось лишь наполовину: Дора Каплан (так в тексте брошюры Б. Савинков назвал Фаню Каплан.— *Д. Г.*), ныне расстрелянная, ранила Ленина, но не убила». Это заявление могло быть расценено как признание, что Каплан совершила злодейский акт по плану савинковского «Союза защиты родины и свободы». Как выяснилось впоследствии, заявление Савинкова было блефом. По-видимому, он в эмиграции пытался приписать себе побольше антисоветских «заслуг», чтобы «набить себе цену».

В 1924 году, когда Б. Савинков был задержан советскими органами, он на судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР, отвечая на вопрос о причастности к покушению на жизнь В. И. Ленина, так объяснял свои утверждения в процитированной уже брошюре: «Это неудачная фраза. Вы знаете не хуже меня, что в покушении Каплан на Ленина мы

рез четыре года на суде показаниями участников «центрального боевого отряда» при ЦК партии эсеров Семенова, Коноплевой, Усова, Федорова-Козлова, Зубкова, Пелевина, Ставской, а также Дашевского и других было установлено, что покушение на жизнь В. И. Ленина являлось делом «отряда». Они заявили, что члены ЦК А. Гоц и Д. Донской в июле 1918 года санкционировали этот злодейский акт.

На суде выяснились такие подробности.

Террористка Ф. Каплан начала готовить свое преступление еще в феврале — марте 1918 года, приехав специально для этого в Москву. Она считала, что «будничной работой» сейчас заниматься не время, нужно «вспомнить старые заветы партии», и организовала небольшую эсеровскую террористическую группу для совершения покушения на жизнь В. И. Ленина. Характеризуя эту группу, Семенов рассказывал: «В ее (Каплан.— *Д. Г.*) группе оказались кроме нее всего три человека: Пелевин, старый каторжанин, с-р, бывший матрос; Рудзиевский — эсерствующий, с сильным белогвардейским оттенком; и Маруся — с-р, лет 20... Представление о терроре у них было совершенно дикое. Они, примерно, считали возможным отравить Ленина, вложив что-нибудь соответствующее в кушанье, или подослать к нему врача, который привьет ему опасную болезнь. Предполагалось, что исполнителем будет Фаня. Никто из остальных и не пошел бы на это... Слежка велась беспорядочно, и вела ее одна Каплан. У нее была бомба, специально приготовленная ее знакомым химиком, с-р, работавшим в военной организации» [1]. Осуществить тогда эти злодейские планы Каплан не удалось, она совершила покушение только после вступления в отряд Семенова.

«Центральный боевой отряд» Семенова, переехавший в Москву, насчитывал в это время около 15 человек. Каплан была принята в состав отряда по рекомендации члена военной комиссии партии эсеров И. Дашевского. В начале июля он узнал о твердом намерении Ф. Ка-

не принимали никакого участия. В этой брошюре, которая была предназначена для широкого распространения, я описал правду, но не с такой точностью, с какой говорю вам» («Дело Бориса Савинкова». М., 1924, стр. 36—37).

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 346, л. 46.

план совершить террористический акт против Ленина. Дашевский считал необходимым, чтобы такого рода выступления, могущие иметь неожиданные последствия, совершались под контролем и руководством ЦК. Поэтому он решил связать Каплан с Семеновым, работа которого санкционировалась и проходила под контролем ЦК.

Отряд Семенова деятельно готовил покушение. В то время в Москве еженедельно по пятницам проходили митинги на предприятиях города, и В. И. Ленин часто выступал на них. Заговорщики разделили город на несколько частей и назначили исполнителей, которые должны были стрелять в Ленина, когда он прибудет на митинг. В часы митингов исполнитель должен был находиться в условленном месте (центре района). На крупные предприятия посылались дежурные террористы, которые при появлении Ленина должны были сообщить об этом исполнителю. Один из членов террористической группы подсудимый К. Усов говорил на суде: «Все наши руководящие лица: Семенов, Елена Иванова и Коноплева категорически настаивали, чтобы убийцей Ленина непременно был рабочий. Это...— мотивировали они,— послужило бы большой агитацией против Коммунистической партии... (Они настаивали.— *Д. Г.*), чтобы исполнителем убийства товарища Ленина был я» [1]. Кроме Усова исполнителями террористического акта были назначены Ф. Федоров-Козлов, Ф. Каплан и Л. Коноплева. К. Усов, встретив на одном из митингов В. И. Ленина, не смог выполнить преступного задания. На суде он объяснял это так: «Ленин был встречен громом аплодисментов и восторженными криками, и, конечно, вырвать бога у полуторатысячной рабочей массы я... не решился... Я стрелять не стал» [2]. Так же поступил в другом случае и Ф. Федоров-Козлов.

30 августа на заводе Михельсона дежурил член террористической группы Новиков, который и сообщил Каплан о приезде Ленина. Она явилась на завод. Когда Ленин, окруженный рабочими, выходил из помещения, где только что закончилось собрание, Новиков умышленно споткнулся и застрял в двери, сдерживая выхо-

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 373, л. 165. Стенограмма 36-го дня судебного процесса.

[2] Там же, л. 173.

дящих людей. В это время Каплан произвела выстрелы.

Уличенные в организации покушения на жизнь В. И. Ленина подсудимые — члены ЦК партии эсеров — вновь прибегли к версии, которую неоднократно выдвигали на процессе. Они пытались изобразить действия Каплан и Семенова как самовольные. Заявляли, что фанатичка Каплан, будучи членом их партии, предлагала ЦК свои услуги для совершения террористического акта, но они будто бы отказались. Но когда на суде выяснилось, что накануне покушения Каплан встречалась с членом ЦК партии Д. Донским, который одобрил ее преступный план, Донской поспешил опровергнуть последнее утверждение. Он не отрицал, что виделся с Каплан, но заявил, что во время встречи якобы сказал ей, «что партия террористической борьбы не ведет, и добавил еще, что в таком положении, в каком она находится, желая выступить с террористическим актом, она ставится вне партии, если выступит... Это было очень незадолго до покушения на Ленина, так что, когда произошло покушение, у меня явилась первая мысль о ней... (Через два дня.— *Д. Г.*) мне удалось встретиться с моими товарищами по бюро. Обсудивши и выяснивши положение, мы решили выпустить сообщение... о непричастности партии к этому покушению» [1].

Отказ эсеровских лидеров признать покушение на В. И. Ленина «партийным делом» вызвал недовольство у членов «центрального боевого отряда». Семенов рассказывал: «После покушения на Ленина в газетах появилось сообщение от московского бюро ЦК о том, что партия эсеров непричастна к этому покушению. Это произвело на наш отряд впечатление ошеломляющее... Мы никак не могли понять, каким образом могло произойти такое предательство... На собрании я указал на недопустимость отношения ЦК и предложил, чтобы кто-нибудь из боевиков вместе со мной пошел бы к Донскому... что ЦК должен взять обратно свое решение. У нас состоялось свидание... Донской сказал, что партия обратно не возьмет этого решения, что сейчас идет красный террор, что если мы это решение возьмем обратно, то вся партия в целом будет подвергнута

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 372, л. 164—165. Стенограмма 35-го дня судебного процесса.

разгрому. В конце концов, мы с Новиковым, ничего не добившись, вернулись обратно... В связи с отказом ЦК у нас в боевой организации создалось настолько тяжелое настроение, что боевая организация дольше существовать не могла... (Только.— *Д. Г.*) мы пятеро считали возможным продолжать эту работу от имени «боевой группы эсеров»... В связи с этим решением я был у Донского, сообщил, что большинство боевой организации перебрасывается на фронт, и указал на террористическую группу, которая собирается продолжать работу под таким названием («боевая группа эсеров».— *Д. Г.*). Донской сказал, что под таким флагом группа работать не может... Он сказал, что единственная возможность, которая осталась — эта мысль ему понравилась — действовать как народные мстители, черные маски, вот это дело хорошее, тут партия будет в стороне, и, с другой стороны, капитал приобретем, удар основательный нанесем Советской власти...» [1]

Причастность членов ЦК партии эсеров к покушению на жизнь В. И. Ленина подтверждали и другие данные расследования. Донской, Гоц, Тимофеев, Морозов признали на суде, что Каплан являлась членом их партии, и подтвердили, что эсеровские боевики, уверенные в том, что ЦК партии санкционировал применение террора, выражали свое возмущение отказом партии признать покушение 30 августа «партийным делом». Л. Коноплева рассказала о своей беседе в июле 1918 года с А. Гоцем, который так мотивировал необходимость антисоветского террора: «Сейчас идет открытая борьба с большевиками, с Советской властью; сейчас ситуация такова, что террористические акты нужны и необходимы для дела, которое творится на востоке (в то время на востоке страны образовалось антисоветское Самарское правительство.— *Д. Г.*)... Сейчас нужны террористические акты на Ленина и других... Партия эти акты если сейчас не признает, то она их позже признает» [2]. Л. Коноплева также рассказала, что член ЦК партии Д. Донской предложил Новикову, участвовавшему в покушении, написать воспоминания об этом, с тем чтобы

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 372, л. 10, 13, 14. Стенограмма 35-го дня судебного процесса.

[2] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 373, л. 84. Стенограмма 36-го дня судебного процесса.

оставить их в архиве партии. А позже, весной 1919 года, член ЦК партии Морозов приобрел карточку Каплан для партийного архива[1]. Когда Морозова спросили на суде, для чего ему понадобилась карточка Каплан, он сказал: «Я был секретарем, и все бумаги, которые имели касательство к партии, я всегда собирал»[2]. Так эсеровские лидеры, официально отрицая причастность своей партии к покушению, фактически руководили им и пытались увековечить в партийном архиве злодейскую «заслугу» Каплан в этом деле.

На суде было установлено, что Каплан стреляла из револьвера, данного ей Семеновым — командиром эсеровского «центрального боевого отряда». Вот почему в 1918 году Каплан упорно не отвечала на вопросы следователей о том, где взяла браунинг. Правдиво ответив на этот вопрос, она тогда же раскрыла бы существование эсеровского террористического отряда. Теперь стало понятно и то, почему у Каплан в портфеле находился железнодорожный билет Томилино — Москва. Из показаний участников семеновского отряда выяснилось, что на даче в Томилино находилась конспиративная квартира эсеров, и там неоднократно бывала Каплан, приезжавшая из Москвы.

Верховный революционный трибунал произвел тщательный анализ всех показаний и документов и дал судебную оценку делу. Он устанавливал участие членов ЦК и членов партии социалистов-революционеров в террористических актах, экспроприациях и подрывной работе в отношении каждого из обвиняемых в отдельности.

Судебный процесс над группой членов ЦК партии социалистов-революционеров показал, что эта партия была связана с империалистическими державами, вела диверсионную, подрывную и террористическую деятельность против Советской власти с первых дней ее существования и вплоть до судебного процесса. Даже те члены ЦК, которые находились под стражей в момент принятия X советом партии резолюции о возврате к политике вооруженной борьбы с Советской властью,

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 373, л. 91—92.

[2] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 374, л. 178. Стенограмма 37-го дня судебного процесса.

солидаризировались с такой политикой. Арестованные Гоц, Донской, Тимофеев, Ратнер и другие, воспользовавшись мягким режимом заключения, 5 сентября 1921 года послали вновь избранному Центральному бюро партии эсеров письмо, в котором писали: «С радостью узнали мы о благополучном исходе X совета партии. X совет партии совершенно правильно заявляет, что главным заданием является преодоление диктатуры правящего правительства». Эти подсудимые и на суде заявляли, что не отказываются от вооруженной борьбы с Советской властью.

Верховный революционный трибунал после 50-дневного тщательного судебного разбирательства приговорил членов ЦК партии социалистов-революционеров А. Гоца, Д. Донского, Л. Герштейна, М. Гендельмана-Грабовского, М. Лихача, Н. Иванова, Е. Ратнер-Элькинд, Е. Тимофеева, членов различных руководящих органов партии С. Морозова, В. Агапова, А. Альтовского, члена ЦК партии народных социалистов В. Игнатьева и членов «центрального боевого отряда при ЦК партии эсеров» Г. Семенова, Л. Коноплеву и Е. Иванову-Иванову — к расстрелу. Десятерых подсудимых — ответственных деятелей партии эсеров, в том числе членов ЦК Д. Ракова, Ф. Федоровича и М. Веденяпина, а также непосредственных участников террористической и боевой деятельности партии эсеров П. Ефимова, К. Усова, Ф. Зубкова, Ф. Федорова-Козлова, П. Пелевина, И. Дашевского и Ф. Ставскую — к разным срокам тюремного заключения. Двое подсудимых — Г. Ратнер и Ю. Морачевский — были оправданы. Вместе с тем Верховный трибунал обратился в Президиум ВЦИК с ходатайством об освобождении осужденных Семенова, Коноплевой, Ефимова, Усова, Зубкова, Федорова-Козлова, Пелевина, Ставской, Дашевского и Игнатьева от наказания, так как нашел, что эти подсудимые заблуждались при совершении ими тяжких преступлений, а затем вполне осознали всю их тяжесть, поняли контрреволюционную роль партии эсеров, вышли из нее и из стана врагов рабочего класса [1].

8 августа 1922 года Президиум ВЦИК, рассмотрев приговор Верховного трибунала, дал такую политиче-

[1] См. «Приговор Верховного революционного трибунала по делу партии правых эсеров», стр. 28—30.

скую оценку судебному процессу: «Верховный трибунал РСФСР вынес приговор по делу небывалых еще в истории преступлений против революции и трудящихся со стороны партии, которая революцию и социализм написала на своем знамени. В величайшей борьбе исторических сил, где, с одной стороны, были капитал, привилегии, короны, церкви, все формы и способы насилия имущих над неимущими, а с другой стороны, восставшие рабочие массы России при возраставшем сочувствии трудящихся всего мира,— в этой борьбе партия социалистов-революционеров встала целиком на сторону капитала, угнетения, реакции. Свою организацию и свой авторитет, выросшие на борьбе с царизмом, она обращает целиком на борьбу с правительством рабочего класса. Заговорщические, террористические приемы борьбы она направляет против органов и вождей трудовой республики. Подпольную конспирацию боевых дружин она сочетает с тайными происками и секретными фондами миссий и посольств мирового империализма. Ее прямыми союзниками являются генералы, монархисты, бывшие царские бюрократы, помещики, капиталисты, священники, кулаки. Она открывает ворота иностранной интервенции и поддерживает стремя каждого кандидата в Наполеоны. Всей этой работой руководит Центральный комитет партии, состоящий из людей с большим политическим опытом, знающих, чего хотят, понимающих, что делают. Все затруднения и бедствия блокированной империализмом рабоче-крестьянской страны служат Центральному комитету партии эсеров для того, чтобы вызвать вмешательства, восстания, покушения, кровавые конфликты, углублять хаос, умножать раны и страдания трудящихся и таким путем вызвать крушение Советской власти, на смену которой могла бы прийти только власть торжествующей буржуазии. Центральный комитет партии социалистов-революционеров организует попытки восстаний в армии, во флоте, в крестьянстве против Советской власти, начиная с ноября 1917 года и кончая сегодняшним днем. Всей политикой партии социалистов-революционеров вдохновленные и фактически рукой ее Центрального комитета направляемые боевики партии совершают ряд убийств и покушений на деятелей, которым рабочие и крестьяне России вверили ответственные посты в своей

республике. В метаниях между активной службой буржуазной реакции и тщетными усилиями удержать остатки доверия рабочих масс партия социалистов-революционеров пропитывается двойственностью, лживостью, лицемерием: фактически подталкивает к убийствам и организует их, официально отказываясь от них; поддерживает, питает, организует каждое движение против советского строя, из каких бы черносотенных источников оно ни исходило, не беря на себя открыто ответственности».

Далее в постановлении ВЦИК указывалось, что буржуазная и правосоциалистическая печать всего мира взяла под защиту разоблаченную судебным процессом партию эсеров и воздействует в этом смысле на отсталые массы рабочего класса. Поэтому Президиум ВЦИК, «признавая, с одной стороны, в полной мере правильность и революционную целесообразность приговора Верховного трибунала, принимая, с другой стороны, во внимание наличность отсталых, запуганных буржуазией и обманутых социал-демократией слоев мирового рабочего класса и ставя себе в данном случае задачей дать трудящимся наглядный урок революционного действия...— постановляет: 1) Приговор Верховного трибунала в отношении к подсудимым: Гоцу, Донскому, Герштейну, Гендельману-Грабовскому, Лихачу, Н. Иванову, Е. Ратнер-Элькинд, Тимофееву, Морозову, Агапову, Альтовскому, Е. Ивановой-Ирановой, приговоренных к высшей мере наказания, утвердить, но исполнение приостановить. Если партия социалистов-революционеров фактически и на деле прекратит подпольную заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян, она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее продолжать. Наоборот, применение партией социалистов-революционеров методов вооруженной борьбы против рабоче-крестьянской власти неизбежно приведет к расстрелу осужденных вдохновителей и организаторов террора и мятежа... 2) в отношении Семенова, Коноплевой, Ефимова, Усова, Зубкова, Федорова-Козлова, Пелевина, Ставской, Дашевского и Игнатьева ходатайство Верховного трибунала

о полном освобождении их от наказания удовлетворить»[1].

14 января 1924 года Президиум ЦИК Союза ССР вновь рассмотрел вопрос об осужденных эсерах. Президиум ЦИК констатировал, что решения от 8 августа 1922 года «диктовались в то время исключительно соображениями обезопасить Советскую республику от возможного продолжения той же деятельности со стороны единомышленников осужденных», что «за истекшие полтора года, хотя на деле партия правых эсеров и не прекратила своей контрреволюционной деятельности ни по агитации, ни по пропаганде свержения Советской власти внутри страны, ни своей предательской деятельности по отношению к рабочим и крестьянам за границей, путем организации и подготовки вооруженного вмешательства в тех же целях извне, тем не менее, в связи с общим, основанным на росте хозяйственного возрождения укреплением Советской власти внутри страны, ростом доверия по отношению к ней со стороны трудящихся масс и, как результат этого укрепления, ростом международного значения Советской власти, эта деятельность кучки потерявших всякую связь с трудящимися массами Союза ССР, озлобленных эмигрантов и разбитых и рассеянных групп их единомышленников внутри страны не может представляться в настоящее время внушающей серьезные опасения; что, наконец, поведение самих заключенных за истекшие с момента приговора полтора года также не дает оснований считать их настолько опасными, чтобы приведение в исполнение приговора в отношении осужденных диктовалось необходимостью». Исходя из этих соображений, Президиум ВЦИК заменил осужденным высшую меру наказания — расстрел — лишением свободы сроком на пять лет; остальным осужденным сократил срок лишения свободы наполовину[2].

Судебный процесс по делу членов ЦК партии правых эсеров еще яснее показал трудящимся действительное лицо этой партии, углубил процесс разложения в ее рядах, подтвердил ее окончательную политическую гибель.

[1] «Приговор Верховного революционного трибунала по делу партии правых эсеров», стр. 31—34.

[2] См. «Правда», 15 января 1924 г.

3. «Центр действий» перестает действовать

В 1921 году в Париже несколько «активистов» из числа белых эмигрантов задумали образовать организацию для антисоветской борьбы в условиях новой экономической политики. Этими «активистами» были бывший председатель «Верховного управления Северной области» (архангельского «правительства») лидер партии народных социалистов Чайковский, кадеты Карташев, Демидов, Вакар и другие. Они исходили из того, что в России в скором времени должна произойти «национальная революция», которая приведет к свержению Советской власти. Для содействия такой «революции» они считали необходимым создать на советской территории подпольные ячейки. Учредители назвали свою организацию «Центром действий», образовали ее руководство в Париже и выработали «Наказ ответственным руководителям центров действий на местах».

В «Наказе» излагались задачи созданной организации: «Необходимым условием грядущего свержения советского правопорядка является создание и оживление русской общественности (имелись в виду антисоветски настроенные элементы общества.— *Д. Г.*) как определенного фактора, воздействующего на ход русской жизни... «Центр действий» ближайшими задачами работы считает пробуждение жизни в существующих в России легальных обществах и организациях, возбуждение в них разного рода общественных вопросов и политическую пропаганду среди селянства, рабочих, красноармейцев и учащейся молодежи...» Для проведения этой «работы» в России на местах создавались «областные центры действий», которые в свою очередь должны были организовать сеть ячеек в разных слоях населения, вовлекая в них «наиболее активных и самоотверженных людей». В ячейках предполагалось собрать те «специальные кадры» из представителей различных политических группировок от правых кадетов вплоть до народных социалистов, «которые могут быть использованы непосредственно после свержения Советской власти в качестве военной и технической силы». «Центр действий» не определял конкретно будущего государственного строя России после свержения Советской

власти. Сразу после переворота власть намечалось передать временному органу Верховного управления [1].

Жизнь, однако, показала, что планы оторвавшихся от русского народа белоэмигрантов были беспочвенны. Советский народ поддерживал рабоче-крестьянскую власть, и потуги эмигрантов вызвать новые антисоветские движения оказывались бесплодными.

Уже при первых попытках создания технического аппарата (резидентур) для связи с нелегальными ячейками, создаваемыми в советском тылу, руководители «Центра действий» столкнулись со шпионскими учреждениями иностранных государств, которые попытались использовать эту организацию для своих целей. Разведывательные органы Франции и Польши выразили готовность содействовать «Центру действий», если он будет за это поставлять им шпионские сведения о Советской России. Авантюристы из «Центра действий» вступили в контакт с разведчиками. Так возникла «неофициальная» сторона деятельности «Центра действий» — добывание секретных сведений о военном, политическом и экономическом положении Советской России для разведок Польши и Франции. Разведчики Франции и Польши обещали содействовать организации резидентур «Центра действий» в пограничной с Россией Польше и оплачивать их. Особенно отличались в организации шпионской работы Н. П. Вакар, скрывавшийся под кличками «Зело», «Зелинский», и главный резидент «Центра действий» в Варшаве Б. А. Евреинов — «Гусар». Они создали резидентуры в польских пограничных городах Корец и Ровно и превратили «Центр действий» в контору, торгующую шпионскими сведениями.

В апреле 1922 года Вакар отправился из Польши в «инспекционную» поездку в советский тыл и пробрался в Киев. Разыскав здесь старого товарища по гимназии А. В. Яковлева, Вакар рассказал ему о своем участии в подготовке свержения Советской власти, предложил вступить в «Центр действий» и образовать в Киеве молодежную группу интеллигенции. Задачей этой группы могло бы быть создание вооруженных отрядов.

[1] См. «Дело Киевского областного центра действий» (Стенографический отчет судебного процесса). Харьков, 1927, стр. 667—669.

издание и распространение антисоветского пропагандистского журнала, участие в образовании городской думы, которая приступит к работе после переворота, и т. п. Яковлев вначале пытался возражать Вакару, высказывая сомнения в реальности подъема антисоветского движения, но в конце концов согласился организовать группу академической молодежи. От военной работы Яковлев отказался, обещав, впрочем, подыскать кого-либо, кто мог бы ею заняться.

Затем Вакар занялся организацией в Киеве руководящего «областного центра действий». О своих целях он рассказал старому знакомому, бывшему при царизме прокурором Киевской судебной палаты, С. М. Чебакову, ставшему служащим земельного отдела коммунхоза. Вакар просил его собрать видных и верных людей и обещал выступить перед ними с докладом о деятельности парижского «Центра действий». Через несколько дней на квартире бывшего товарища министра просвещения при Временном правительстве и министра просвещения при гетманщине профессора Киевского института народного хозяйства Н. П. Василенко состоялось нелегальное собрание. Помимо С. М. Чебакова и хозяина квартиры на этом собрании были: брат хозяина, бывший видный меньшевик К. П. Василенко; работавший в губернском статистическом бюро профессор П. П. Смирнов; бывший кадет адвокат Л. Э. Чолганский. Заседание длилось с перерывами три дня. Главным докладчиком был Вакар. Характеризуя международное и внутреннее положение страны, он утверждал, будто в России вот-вот произойдет переворот, к которому призывал подготовиться, чтобы взять власть в свои руки, и предложил образовать в Киеве руководящий «областной центр действий». Доклад Вакара вызвал критику. Собравшиеся указывали, что лидеры «Центра действий» в Париже не знают русской действительности, что их надежды на насильственный переворот в России — иллюзорны и необоснованны. Профессора указывали, что сейчас, в связи с новой экономической политикой, положение в стране стабилизируется и должно постепенно измениться в сторону все большей «демократизации общественной жизни» (так они именовали возрождение капитализма и буржуазной демократии). В сущности, они высказали взгляды, близ-

кие к «сменовеховским». Все же они согласились создать в Киеве «областной центр действий» для сплочения своих сил и участвовать в издании и распространении в России нелегального журнала под названием «Новь».

Вакар доверительно рассказал Чебакову о том, что в Киеве существует тайная техническая «линия связи», через которую «областной центр действий» сумеет вести переписку, пересылать материалы и получать издаваемый за границей нелегальный журнал. Он познакомил Чебакова с заведующим «линией связи» Б. Ю. Павловским и рекомендовал ему в целях конспирации переписку «областного центра» с Парижем вести за подписью «Катя». Вакар дал также указание руководителю «молодежной группы» Яковлеву связаться с профессором П. П. Смирновым, как с представителем «областного центра действий». Закончив организационную работу в Киеве, совершив с этой же целью поездку в Москву, Вакар уехал за границу.

Вначале деятельность подпольных групп, созданных Вакаром в Киеве, протекала оживленно. Собирался «областной центр действий», его члены рассуждали о будущем устройстве России, разрешали текущие дела. Чебаков через «линию связи» передавал в Париж материалы для журнала «Новь». Сообщения «областного центра действий», которые обычно в форме «дружеских писем» писал К. Василенко, также направлялись в Париж, а оттуда поступали указания.

В течение августа — ноября 1922 года из-за кордона было доставлено некоторое количество экземпляров двух изданных номеров журнала «Новь» для распространения. Этот журнал представлял собою набор злобных антисоветских «сочинений». Он свидетельствовал о полном незнакомстве эмигрантских редакторов с жизнью Советской России. Лишь две статьи киевлянина Б. Н. Толпыги, статья некоего Вельмина, скрывавшегося под кличкой «Юрист», и статья, написанная К. Василенко, были близки по мыслям киевским членам организации. В статьях «К кризису идеологии» и «Опыт подведения итогов» Б. Толпыга утверждал, будто в России нарождается новое антисоветское движение, которое базируется на известной социально-экономической почве, создаваемой нэпом. Автор призывал использо-

вать возможности нэпа для идеологической борьбы с коммунизмом путем поддержки оппозиционных настроений, «деловой, легальной критики отдельных мероприятий Советской власти» на заседаниях научных обществ, профессиональных союзов, в специальной прессе, путем «завоевания советского административного аппарата при помощи специалистов», соответствующей работы в кооперации, высшей школе и т. д.[1]

Признаки жизни проявляла и «молодежная» группа. Яковлев вовлек в нее ассистента Института народного образования Л. М. Венгерова, преподавателя того же института В. С. Тартаковского. В эту же группу вошли и скрывшиеся позднее от суда Швайковский и Москвич. Участники «молодежной» группы вели бесплодные разговоры о создании ячеек среди студенчества. Яковлев несколько раз обращался к представителю «областного центра действий» профессору П. П. Смирнову, предлагал свои услуги для работы в журнале «Новь», но «старшие» отказывались от сотрудничества с «молодыми», считая Яковлева легкомысленным, увлекающимся человеком.

Как-то летом Яковлев через Г. Швайковского познакомился с военным работником, помощником начальника 1-го отделения штаба Киевского военного округа С. П. Единевским. Помня задание Вакара о создании подпольных вооруженных отрядов, Яковлев предложил Единевскому взяться за эту работу. Единевский отказался, заявив, что не имеет знакомых, которые согласились бы вступить в отряд. Но при следующих встречах Единевский предложил Яковлеву секретные военные документы, которые могут быть полезны «Центру действий». Он передал похищенные в штабе Киевского военного округа отпечатанные на пишущей машинке «перечень № 2 управлений, учреждений, заведений и частей, которые должны формироваться Киевским военным округом с объявлением мобилизации, для войсковых соединений, не входящих в состав 4-ой армии и КВО; перечень № 3 управлений, учреждений, заведений и частей, входящих в состав КВО, которые должны остаться или быть сформированными округом по моби-

[1] См. «Дело Киевского областного центра действий» (Стенографический отчет судебного процесса), стр. 697—698.

лизации по выделению армейского аппарата». Получив эти документы, Яковлев поспешил к профессору Смирнову и дал их ему для использования «областным центром действий». Смирнов, несмотря на отрицательное отношение к Яковлеву, все же документы у него взял и передал Чебакову, а тот заведующему «линией связи» Павловскому. Павловский поручил курьеру «линии связи» М. А. Онищенко-Павлюку («Молодому») отвезти документы в Полонное и передать за границу, что последний и выполнил. Документы попали в Главный штаб польской армии.

Об этом стало известно советской разведке. В декабре 1922 года в Главном штабе в Варшаве советскими разведчиками были сняты копии и фотографические снимки поступивших туда от киевских шпионов документов. Они были пересланы в Государственное политическое управление. Осмотрев эти документы, военные эксперты нашли, что они являются частью сугубо секретного мобилизационного плана Киевского военного округа, и передача их одной из враждебных Советской России держав — Польше в какой-то мере раскрыла наши мобилизационные планы и представляла угрозу мирному положению Советской республики[1].

Так и «старшие» и «младшие» участники киевской группы скатились в общее русло шпионской деятельности «Центра действий».

Наиболее важной частью подпольной организации в Киеве являлась тщательно оберегаемая «линия связи», образованная в марте 1921 года, еще до создания «областного центра действий». Сначала в ней работали связистками сестры Леонида («Пианистка») и Зинаида («Гимназистка») Куцеваловы, вовлеченные в преступную работу братом, бывшим капитаном деникинской армии Бонифацием Куцеваловым, резидентом «Центра действий» в польском местечке Корец. Сестры Куцеваловы принимали курьеров, приезжавших из-за границы, получали от них материалы и деньги, имели шифры и передавали за границу шпионские сведения. Активнейшим курьером, начиная с 1921 года, являлся бывший деникинский доброволец Онищенко-Павлюк. По

---

[1] См. «Дело Киевского областного центра действий» (Стенографический отчет судебного процесса), стр. 702.

поручениям резидентов «Центра действий» он неоднократно с помощью польских разведывательных органов нелегально пробирался из Польши в Киев и обратно, перевозил материалы и деньги, связывался с заведующими линией связи, а также выполнял задания по сбору шпионских сведений для польских властей.

С апреля 1922 года заведующим «линией связи» в Киеве стал подполковник Генерального штаба царской армии и опытный разведчик Б. Ю. Павловский, носивший клички «Варин», «Мухин». Он поселился на квартире Варвары Виноградовой, которую постепенно вовлек в свою работу. Павловский наладил связи с заграницей через жителей Новограда-Волынского и местечка Полонного, профессиональных контрабандисток О. Кереш и Шарвар, и использовал в качестве курьеров незаметных лиц, женщин и родственников разведчиков, в том числе сестру и мать резидента «Центра действий» в польском местечке Корец бывшего офицера Д. Капоцинского («Орленка») — Анну и Марию Капоцинских. Пожилая женщина, Мария Капоцинская, по заданию шпионов нелегально переходила границу, переносила шпионские материалы, которые тщательно заклеивались в жестяные коробки или в чемодан с двойным дном. Однажды, когда Капоцинская уезжала из Корца, сын ее, резидент «Орленок», велел ей разорвать советскую кредитку на две равные части и одну из них отдать в Новограде-Волынском Ольге Кереш, а другую отвезти в Киев и отдать тому человеку, который явится за ней. Приехав в Новоград-Волынский, Мария Капоцинская выполнила поручение сына и одну половинку разорванной кредитки отдала Ольге Кереш, а другую, оставшуюся у нее, половинку кредитки впоследствии отдала в Киеве лицу, принесшему ей письмо от сына. Эта половинка кредитки и послужила паролем при поездке разведчика Онищенко-Павлюка летом 1922 года в Новоград-Волынский к Ольге Кереш с почтой киевской организации [1].

После смерти Павловского, в декабре 1922 года, «линией связи» стала заведовать В. В. Виноградова, получившая кличку «Соломон».

---

[1] См. «Дело Киевского областного центра действий» (Стенографический отчет судебного процесса), стр. 180.

В мае — июне 1923 года главный резидент «Центра действий» Б. А. Евреинов («Гусар») сообщил из-за границы по «линии связи» в Киев членам организации, что парижский «Центр действий» распался и что он, Евреинов, выехал в Прагу и ведет переговоры об издании нового журнала, в котором предлагает участвовать и киевским «активистам». Получив это письмо, Чебаков отрицательно отнесся к предложению. Он считал, что еще можно было «действовать», когда во главе движения стояли хорошо известные в антисоветской среде лица, как, например, Чайковский. Но Чебакова возмутило, что какой-то «Гусар», после того как «Центр действий» уже распался, самостоятельно ведет в Праге переговоры с какой-то «Крестьянской Россией». Чебаков считал, что не может быть и речи об участии киевских «активистов» в новом предприятии «Гусара» [1].

В июле 1923 года работники киевского отдела Государственного политического управления, давно уже напавшие на след организации и наблюдавшие за нею, арестовали всех наличных участников «старшей» и «молодежной» групп и «линии связи» «Центра действий» в Киеве. Наиболее дальновидные члены этой организации давно уже поняли беспочвенность надежд на переворот. Большинство арестованных признали свою вину. По окончании расследования дела суду были преданы 18 человек, из них несколько профессоров и преподавателей высших учебных заведений. Дело это рассматривалось в марте — апреле 1924 года в Киевском губернском суде.

Процесс вызвал широкие отклики в стране и за рубежом. Белоэмигрантские круги подняли кампанию по поводу «притеснений» интеллигенции и профессуры в Советском Союзе. Президент Франции Пуанкаре, известный своей ненавистью к революции, решил даже вмешаться в ход судебного процесса. В телеграмме на имя Народного комиссариата иностранных дел 7 апреля 1924 года он выражал опасение, что профессорам, потеря которых «болезненно ощущалась бы как сокращение мирового интеллектуального достояния», может быть вынесен смертный приговор. Телеграмма Пуанкаре вызвала негодование со стороны советской обще-

[1] См. «Дело Киевского областного центра действий» (Стенографический отчет судебного процесса), стр. 180.

ственности. Даже подсудимые выступили с публичным заявлением, отвергая вмешательство иностранцев. Г. В. Чичерин от имени Советского правительства в ответной ноте писал: «Правительство СССР с негодованием отклоняет попытку французского правительства вмешиваться в судебное разбирательство дела о киевских шпионах и изменниках, попытку, противоречащую общепризнанным правовым понятиям и элементарным требованиям уважения к суверенитету другого государства... Телеграмма г. Пуанкаре рассчитана на введение в заблуждение неосведомленных читателей, представляя заведомых разоблаченных шпионов и изменников в виде невинных жертв. Преступный характер деятельности обвиняемых был известен французскому правительству уже по тому одному, что они оказывали услуги французской секретной разведке. Французское правительство, разведочные органы которого в настоящее время активно и самостоятельно выступают в соседних с СССР государствах, в данном случае заступается за своих шпионов под маской мнимой гуманности... Советское правительство, стоя на страже безопасности рабоче-крестьянской республики, проходит мимо попытки французского правительства вмешаться в компетенцию судебных органов республики. Но Советское правительство не может пройти без серьезного внимания мимо ярких проявлений враждебного отношения французского правительства к СССР...» [1]

Генеральный прокурор Украинской Советской Социалистической Республики Н. А. Скрыпник заявил, что представители западной буржуазии не в первый раз осмеливаются вмешиваться в ход судебных дел, разбирающихся в Советской республике. Пуанкаре пытается прикрыть поддержку белогвардейщины ссылками на мировое значение научных заслуг обвиняемых профессоров и на недоказанность обвинения. Но истинная причина выступления Пуанкаре заключается в том, что пролетарский суд судит представителей буржуазии. «С глубоким негодованием отвергаем мы какое бы то ни было право Пуанкаре на моральные сентенции,— говорилось в заявлении Н. А. Скрыпника.— Не Пуанкаре, у которого руки в крови рабочих, протесто-

[1] «Известия ВЦИК», 12 апреля 1924 г.

вать против высшей меры наказания, применяемой к шпионам. Разве во Франции не продолжается действие военно-исключительного положения, по которому шпионы приговариваются к высшей мере наказания? Разве французский буржуазный суд перестал быть классовым, пристрастным? Разве по подозрению в большевизме сотни и тысячи французских солдат не заключены в тюрьмы?.. Разве обвинение осужденных (к отправке.— *Д. Г.*) в алжирские дисциплинарные батальоны было доказательным? С глубоким возмущением и омерзением надо отнестись к лицемерному заявлению Пуанкаре в пользу польско-французских шпионов. Из 18 обвиняемых по делу «Центра действий» лишь 3 принадлежат к профессуре. Это десятистепенные величины из цеха ученых» [1].

8 апреля 1924 года Киевский губернский суд вынес приговор, по которому Б. А. Язловского (преподавателя Института народного хозяйства) оправдал; занимавшихся содействием шпионажу Марию Капоцинскую и Анну Оберучеву, а также членов «молодежной» группы «Центра действий» В. С. Тартаковского и Л. М. Венгерова осудил к условному наказанию; Леониду и Зинаиду Куцеваловых — к 5 годам лишения свободы; шпионку Анну Капоцинскую — к 7 годам лишения свободы; профессора Н. П. Василенко, К. П. Василенко, Б. Н. Толпыгу, адвоката Л. Э. Чолганского, профессора П. П. Смирнова и шпиона М. А. Онищенко-Павлюка — к 10 годам лишения свободы; изменника С. П. Диневского, бывшего царского прокурора С. М. Чебакова, А. Я. Яковлева и заведующую шпионской «линией связи» В. В. Виноградову — к высшей мере наказания — расстрелу.

16 мая 1924 года Президиум Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета, рассмотрев ходатайство осужденных о помиловании, вынес решение: «1) Установив, что контрреволюционная организация Киевского областного центра действий, при всей контрреволюционности стремлений инициаторов и руководителей его, была лишь бессильной и беспочвенной попыткой представителей старой буржуазии к восстановлению капиталистического строя; что попытка эта была заранее осуждена на полную бесплодность ввиду враж-

[1] Газета «Коммунист» (орган ЦК КП(б)У), 13 апреля 1924 г.

дебного отношения к ней со стороны широких масс рабочего класса, крестьянства, а также украинской и русской интеллигенции, что выразилось в широких демонстрациях и массовых собраниях трудящихся; что государственная измена и шпионаж, неизменно и тесно переплетающиеся со всякой контрреволюционной организацией, имеющей свои корни вне советских республик, и в данном случае имели первенствующее значение, но на деле существенного вреда не принесли; вина осужденных перед трудящимися велика, но контрреволюционные стремления их оказались в безусловной мере бессильны и бесплодны, а сами осужденные опасности для Советской республики не представляют, а потому, принимая во внимание действительное и чистосердечное раскаяние принесших просьбу о помиловании,— Всеукраинский Исполнительный Комитет постановляет: в порядке помилования по делу Киевского областного центра действий заменить установленную утвержденным Верховным судом УССР приговором Киевского губернского суда высшую меру наказания в отношении осужденных Чебакова Сергея, Единевского Сергея, Яковлева Алексея и Виноградовой Варвары — десятью годами лишения свободы со строгой изоляцией и поражением прав сроком на пять лет каждого. В отношении Куцеваловой Леониды, Куцеваловой Зинаиды, Капоцинской Анны, Василенко Николая, Толпыги Бориса, Чолганского Леонтия, Смирнова Павла, Онищенко-Павлюка Михаила, осужденных к разным срокам лишения свободы, срок наказания сократить наполовину» [1].

Кроме Киевского «областного центра действий» органы ГПУ ликвидировали также немногочисленные кадры «Центра действий» в других городах России, в том числе в Москве. «Центр действий» как за границей, так и в Советской России распался.

4. Борьба с экономической контрреволюцией

В основе саботажа и вредительства в народном хозяйстве в первые годы Советской власти лежала иллюзорная надежда контрреволюционеров на скорое паде-

[1] «Дело Киевского областного центра действий» (Стенографический отчет судебного процесса), стр. 748—749.

ние рабоче-крестьянской власти и возвращение фабрик и заводов их бывшим владельцам. Политические и хозяйственные объединения крупных промышленников и торговцев, выметенные революцией из страны, обосновались за границей и оттуда вели наблюдение за предприятиями в Советской России, чтобы овладеть ими, как только в результате интервенции или внутренних восстаний будет свергнута диктатура пролетариата. Известный уже нам «Торгово-промышленный комитет» обосновался в Париже, в других местах за границей разместились его отраслевые объединения. Слежку и подрывную работу внутри России они проводили через своих представителей — буржуазных специалистов, оставшихся на предприятиях, которые перешли в руки Советского государства.

В 1921 году в связи с ликвидацией заговора «Петроградской боевой организации» впервые открылись подробности такой деятельности служащих нефтяных предприятий акционерного общества «Нобель». Выяснилось, что еще в ноябре 1918 года член правления акционерного общества Густав Нобель перед отъездом за границу собрал в Петрограде группу ответственных служащих фирмы и, обещая им денежное вознаграждение, просил принять меры к сохранению технического и материального оборудования предприятий, с тем чтобы в момент, когда, как он надеялся, Советская власть будет свергнута, возвратить предприятия акционерному обществу в полной исправности. В 1919 году в Финляндии образовалась отраслевая, входившая в «Торгово-промышленный комитет», нобелевская организация, возглавлявшаяся белогвардейцами — полковником Бунаковым и Лебурдье. Эта отраслевая организация вела экономический шпионаж в Советской России. Она ежемесячно пересылала сюда деньги для раздачи старым служащим фирмы «Нобель» и получала от них регулярные отчеты о добыче нефти и вообще о состоянии предприятий. Для пересылки денег в Россию и передачи шпионских сведений использовались нелегальные связи, в том числе и услуги дипломатических представителей — дипкурьеров буржуазной Эстонии. Главарями «нобелевского» шпионажа в России являлись участник заговора «Петроградской боевой организации» профессор М. М. Тихвинский и управляющий Петроградским

районным нефтяным комитетом голландский подданный В. В. Гармсен, в сферу «влияния» которого входил и Баку. В заговоре участвовали также: лаборант петроградской конторы Главнефти Х. Н. Казин (доверенный капиталистов по распределению денег, полученных из-за границы), член коллегии, начальник технического правления Главнефти в Москве В. К. Истомин и другие лица.

С введением новой экономической политики «Торгово-промышленный комитет» и бывшие собственники предприятий поставили перед своими агентами внутри Советской страны задачу помочь им получить свои предприятия в порядке денационализации или концессии.

В 1921 году бывшие владельцы «Товарищества мануфактуры Коншина» братья Кнопп совместно с другими русскими текстильными фабрикантами образовали в Германии объединение «Висбаденское соглашение» для продолжения дореволюционной коммерческой деятельности. Фабриканты рассчитывали на то, что в скором времени они снова получат свои предприятия. Участники «Висбаденского соглашения» открыли в Берлине контору во главе с бывшим директором-распорядителем «Товарищества мануфактуры Коншина» А. А. Ценкером, бежавшим из Москвы. Ценкер энергично взялся за работу, создал шпионскую сеть, в которую вовлек многих бывших служащих товарищества. Эта сеть была настолько широка, что, как выяснилось впоследствии, учрежденный в Советской России осенью 1921 года Серпуховский текстильный трест почти целиком был во власти лиц, выполнявших задания «Висбаденского соглашения». Наиболее деятельным агентом Ценкера стал заведующий товаро-производственным отделом треста, в прошлом член правления коншинского товарищества — Н. М. Калинин, который организовал сбор сведений о состоянии текстильных фабрик, передачу их за границу, а также распределял между старыми служащими «хозяйские подачки». Их получали заведующий финансовым отделом треста М. Е. Епанешников, главный бухгалтер московского отделения треста С. Т. Шелягин, заведующие некоторыми отделами. К этой группе примыкал и бывший смоленский губернатор К. А. Шумовский, занимавший теперь скромную должность

заведующего отделом продовольственного снабжения треста.

В 1922—1923 гг. французские капиталисты, члены правления «Анонимной платино-промышленной компании», владевшей до революции приисками на Урале, учредили новую фирму — «Эндюстриель де платин» и возбудили ходатайство перед Советским правительством о передаче им прежних предприятий для эксплуатации в порядке концессии. Представитель «Эндюстриель де платин» — французский геолог профессор Дюпарк представил Советскому правительству доклад, в котором доказывал «выгодность» для России передачи уральских платиновых приисков в руки компании. Его доклад изобиловал столь подробными и достоверными сведениями о состоянии советской платиновой промышленности, что обратил на себя внимание. Откуда Дюпарк получил такие сведения?

Вскоре сотрудники ГПУ напали на след того, кто так точно информировал французов. Это был известный на Урале профессор, заведующий геолого-разведочной частью треста Уралплатина и одновременно председатель научного общества любителей естествознания — Модест Клер. Злоупотребив оказанным ему как ученому доверием, Клер, являвшийся швейцарским подданным, предложил французской компании свои услуги и содействовал ее представителям во время переговоров о получении концессии. В одном из писем Клер писал французскому профессору Дюпарку: «Многоуважаемый и дорогой учитель! Если тем или иным образом я могу быть Вам полезен, я с удовольствием сделаю геологические изыскания для заинтересованных групп, которые Вы представляете. Я мог бы, если обстоятельства мне не помешают, приехать в Швейцарию за их счет, чтобы их осведомить и сговориться о способе действовать». Компания «Эндюстриель де платин», приняв предложение Клера, наладила с ним связь через своего агента полковника Жильбера Сютель-Дюлонга, до первой мировой войны заведовавшего коммерческой частью французских приисков, а в то время являвшегося на Урале директором французской миссии Красного Креста по оказанию помощи голодающим. В письме на имя директора компании «Эндюстриель де платин» Брэна «благотворитель»-разведчик Дюлонг сообщал: «Клер

был мне весьма полезен и снабдил меня массой документов (некоторые из них весьма секретны, что могло ему стоить жизни). Он может быть нам полезен и в будущем. Надеюсь, что Париж поблагодарит меня. По мнению Клера, лучше не писать ему непосредственно. Я знаю здесь одного человека, которому можно доверять вполне. Условимся: все письма, которые Вы будете печатать четным числом, будут для Клера, а нечетным — для меня»[1]. Обнаруженная ГПУ переписка достаточно красноречиво говорила о преступлениях Клера. Советское правительство отказало французской компании в предоставлении концессии. А Модест Клер был арестован и в феврале 1924 года осужден за экономический шпионаж к десяти годам лишения свободы.

15 декабря 1923 года жена главного инженера Кадиевского рудоуправления в Донбассе Гулякова явилась в ГПУ и сообщила о том, что ее муж занимается экономическим шпионажем. Она рассказала, что по поручению мужа несколько раз ездила в Харьков к представителю польского консульства Ружицкому, передавала ему сведения о состоянии рудников и получала от него крупные суммы денег, которые распределялись среди работников рудоуправления. ГПУ произвело расследование заявления Гуляковой и выявило группу инженерно-технических работников Кадиевского рудоуправления, занимавшихся экономическим шпионажем и вредительством. Выяснилось, что в 1919 году, после разгрома деникинцев, правление «Днепровского южнорусского металлургического общества», в состав которого раньше входили и Кадиевские рудники, бежало в Польшу. Покидая пределы России, правленцы поручили некоторым своим ответственным служащим, оставшимся на месте, сохранить в целости предприятия и информировать их о положении дел. Из-за границы правленцы организовали связь со своей агентурой и, в частности, использовали для этого аппарат польского консульства в Харькове, куда коммерческим советником был назначен бывший член правления общества Ружицкий. Этот-то Ружицкий и руководил шпионской работой главного инженера Кадиевского рудоуправления Гулякова и расплачивался с ним от имени хозяев. В течение

---

[1] «Правда», 24 февраля 1924 г.

1921—1923 гг. Гуляков передавал Ружицкому сведения о техническом и хозяйственном состоянии рудников и выполнял его вредительские задания, пользуясь услугами нескольких вовлеченных им «в работу» инженеров (Балтайтиса, Манукьянца, Годзевича), с которыми делился хозяйскими подачками. Гуляков и члены его вредительской группы старались сохранить в исправности оборудование рудников до возвращения их бывших владельцев, создавать на рудниках угольные запасы; в результате их деятельности рудоуправление систематически не выполняло планов добычи угля для советской промышленности.

Другая группа вредителей была разоблачена на Днепровском металлургическом заводе в Екатеринославе (ныне Днепропетровск), ранее принадлежавшем тому же «Днепровскому южнорусскому металлургическому обществу». Там правленцы оставили своего «уполномоченного» — инженера Жарновского, который ревностно исполнял их поручения. Жарновский вовлек во вредительскую группу главного бухгалтера завода Простакова, заведующего технической бухгалтерией Храповицкого, начальника прокатного отделения Шихова, начальника вагонного отделения Гирского. Жарновский дал каждому из них соответствующие задания и распределял между ними деньги, полученные из-за границы. В 1921 году, когда возникла надежда на получение завода в концессию, бывший директор правления общества Макомацкий прислал Жарновскому из-за границы письмо, в котором сообщил о том, что правление решило увеличить жалованье Жарновскому до 1000, Простакову — до 850, Храповицкому — до 800, Шихову — до 500 франков в месяц и ставит перед ними задачу — содействовать в получении завода в концессию. Нужно было сохранить квалифицированные кадры служащих и рабочих, оборудование и материалы завода, старую документацию. Владельцы рассчитывали, что при сохранении минимального темпа работ советские власти будут снабжать завод всем необходимым, ремонтировать его за государственный счет, кадры будут сохранены, оборудование не будет изнашиваться и завод, таким образом, на полном ходу перейдет к ним. В руководящей «тройке», осуществлявшей эти вредительские указания на заводе, состояли главный инженер Жар-

новский, главный бухгалтер Простаков и заведующий технической бухгалтерией Храповицкий. Расчеты с вредителями производил все тот же представитель польского консульства в Харькове — Ружицкий. В 1922 году Жарновский выехал в Польшу и не возвратился на родину. Он привез бывшим владельцам завода немало документов о состоянии завода. Вредители из бывших служащих Днепровского металлургического общества (на Кадиевских рудниках и Екатеринославском заводе) были осуждены в 1924—1925 гг. к разным срокам лишения свободы. Дальнейшая работа ГПУ позволила выявить и другие факты деятельности вредителей в угольной промышленности.

Выяснилось, что отдельные инженеры имели связи с бывшими хозяевами рудников, выехавшими за границу. Так, например, инженер Шадлун поддерживал отношения с бывшим директором акционерного общества Берестово-Богодуховского района французским капиталистом Ремо; инженер Матов — с директором-распорядителем Донецко-Грушевского акционерного общества Дворжанчиком; инженер Детер — с бывшим владельцем Кондратьевских рудников и бывшим министром торговли и промышленности белогвардейского Донского правительства Фениным; инженер Сущевский — с бывшим членом правления акционерного общества по разработке угля и соли на юге России французским капиталистом Сансе; инженер Кувалдин — с капиталистом Парамоновым и т. д. Эти верные слуги капиталистов в их интересах действовали на советских рудниках и получали за это вознаграждение.

В 1923 году в Париже из остатков дореволюционного капиталистического объединения «Совета съездов горнопромышленников юга России» образовалось «Объединение бывших горнопромышленников юга России» во главе с Соколовым, Прядкиным, Бурозом, Фениным. Это «Объединение» решило взять в свои руки руководство деятельностью оплачиваемых капиталистами вредителей. Такую же работу вело и «Польское объединение бывших директоров и владельцев горнопромышленных предприятий в Донбассе», руководимое Дворжанчиком.

Начался процесс объединения вредительских групп, имевшихся на отдельных рудниках. В 1923—1924 гг. в Донбассе образовался «Харьковский центр», состоявший

главным образом из инженерных работников советского хозяйственного объединения «Донуголь». Вредители подготовляли наиболее выгодные условия получения бывшими владельцами «своих» предприятий в порядке денационализации или концессий. «Харьковский центр» принимал меры к восстановлению рудников и к поддержанию их в хорошем состоянии. Вместе с тем выполняя планы советских хозяйственных органов по добыче руды, вредители старались не истощать богатые участки. Они накапливали на рудниках большое количество механического оборудования, но так, чтобы оно до определенного момента не могло быть использовано; восстанавливали в первую очередь сильно разрушенные шахты, что обходилось очень дорого. Они тормозили разработку новых выгодных участков путем искусственной задержки разведок; закладывали новые шахты на малоценных участках. Их вредительские действия имели целью показать советским хозяйственным органам невыгодность и нерентабельность эксплуатации рудников и, как естественный вывод отсюда — необходимость денационализации или сдачи их в аренду или в концессию. Но по мере развития народного хозяйства и роста социалистического уклада в экономике страны надежды бывших собственников и их агентуры на возвращение им национализированных предприятий рушились. ГПУ сумело раскрыть вредительскую деятельность «Харьковского центра» и других организаций в области экономики и пресечь ее.

5. Базаровско-незнамовская авантюра

В первые годы новой экономической политики кулацкие выступления в деревне не прекращались, хотя и не находили уже поддержки в сколько-нибудь значительных слоях крестьянства.

В 1922 году попытку вооруженного выступления сделала базаровско-незнамовская контрреволюционная группа в Сибири. Эта кулацкая организация, имевшая ячейки в ряде районов Западной Сибири и на Урале, образовалась в результате объединения двух ранее существовавших отдельно антисоветских групп, возглавлявшихся Базаровым и Незнамовым.

Базаровская подпольная группа была создана в 1920 году бывшим старшим урядником Оренбургского казачьего войска И. Д. Жваловым. В декабре 1919 года, когда войска Колчака, в которых он служил, были разгромлены, Жвалов, укрывшись в Красноярске, изготовил для себя фальшивые документы на имя А. Ф. Базарова. В 1920 году он под этим именем проник в Коммунистическую партию и служил в железнодорожной рабоче-крестьянской инспекции. В августе 1920 года Базаров образовал в Барабинске небольшую группу единомышленников, среди которых выделялись дьякон Дудин, Пономарев, домовладелец Сметанин и работавший ревизором телеграфа на железной дороге сын псаломщика Архаров. Эта группа создавала антисоветские ячейки в учреждениях, на предприятиях города и в окружающих селах.

В 1921 году, передав руководство барабинской ячейкой Дудину, Базаров переехал в Тюмень, где развернул контрреволюционную работу в более крупном масштабе. К моменту наибольшего развития базаровская организация имела ячейки в Тюмени, Барабинске, Омске (возглавляли священник Родионов и железнодорожный служащий Федоров), в Посаде Троицком (руководители — кулак Маханов и Шенгальц), в Петропавловске (возглавляли служащий Побелянский и Струков), в Кургане (Букин и Кривошеев), в Боровом (Жданов), в Павлодаре (капитан речного флота Ширинский), в Заводоуковском (дьякон Пономарев) и ряде сел. Базаров создал военный комитет для подготовки вооруженного восстания, в который вошли бывшие офицеры Колпаков, Пестряков, Лукьянов, Миронов; железнодорожный комитет — из служащих на транспорте для сбора сведений о железнодорожных маршрутах и для участия в предполагаемом восстании; гражданский комитет.

Основной идеей базаровской кулацкой организации было образование в Сибири «Сибирской автономной крестьянской советской республики». Как и другие главари кулацких движений, возникавших в 1921 году, Базаров противопоставлял «крестьянские советы» Советам рабочих и крестьянских депутатов. На следствии Базаров лживо заверял, что он стремился «к созданию такой организации, которая путем мирной демонстрации и подачи петиционного заявления выявила бы пра-

вительству нужды и запросы трудящихся масс». Эта демонстрация, по его словам, должна была пройти под лозунгом созыва Учредительного собрания и образования Сибирской крестьянской республики[1]. Когда же его спросили, для чего он создавал военные ячейки, Базаров отвечал, что «на обязанности последних лежало выяснение состава частей и их состояния, выявление местонахождения складов оружия, агитация в частях за добровольную передачу оружия и выработка планов захвата, на случай восстания, военных складов, дабы предупредить возможное кровопролитие» (каков миротворец! — *Д. Г.*)[2]. Базаровский лозунг «автономии Сибири» являлся прикрытием действительной цели его организации — свержения диктатуры пролетариата.

Руководителем незнамовской антисоветской группы являлся один из участников ишимско-петропавловского восстания 1921 года, бывший казачий офицер штабс-капитан А. А. Карасевич. После разгрома армии Колчака, в которой он служил подъесаулом, Карасевич занимался некоторое время подпольной антисоветской работой, а затем был на советской службе в Петропавловске. В феврале 1921 года, когда повстанческий отряд, руководимый «главнокомандующим» — полковником Кудрявцевым, занял Петропавловск, Карасевич примкнул к нему и был назначен «помощником главнокомандующего». Затем Карасевич получил от Кудрявцева задание сформировать «независимый особый добровольческий отряд» под названием «отряда атамана Незнамова» и начать вооруженную борьбу в тылу советских войск. Вместе со своим заместителем, офицером Заморским-Дубровиным, имевшим аналогичное задание от Кудрявцева, Карасевич перешел линию фронта повстанческих и советских войск и углубился в советский тыл. Вскоре Карасевич приехал в Барабинск и встретился там с эсером А. Окуличем, раньше работавшим информатором при штабе повстанческих войск полковника Кудрявцева. С помощью Окулича он и приступил к выполнению задания.

Вначале ядром создававшейся Карасевичем органи-

---

[1] См. «Обвинительное заключение по делу о базаровско-незнамовской контрреволюционной организации». Новониколаевск, 1923, стр. 12.

[2] Там же, стр. 13.

зации была эсеровская группа: Окулич, Чижевский, Сакш, Островский, Хухарев и Новиков. Но через некоторое время Карасевич приступил к формированию вооруженного отряда. Это дело он поставил на военную ногу: создал штаб-квартиру в Каинске, «штабы пополнения», контрразведку. «Командующий отрядом атаман Незнамов» (в других случаях он выступал под именами генерала Белова, доктора Грибоедова, Баратова и т. п.) письменными приказами назначал своих сообщников на различные посты, выдавал назначенным лицам мандаты с печатью. Члены организации Карасевича вербовали сообщников главным образом среди кулаков и духовенства окрестных сел. В организацию вошли: священник церкви села Булатово Чемоданов, священники Сотников, Иванов, Гусев, Рождественский и другие. Предполагалось, что восстание начнут крестьяне, а созданные Карасевичем-Незнамовым «штабы пополнения» вольются в движение и придадут ему военный характер, формируя части «особого независимого добровольческого отряда атамана Незнамова». Главари надеялись также, что к восстанию примкнут и остатки банд, действовавших во время ишимско-петропавловского мятежа.

В декабре 1921 года руководитель барабинской ячейки базаровской группы Дудин информировал Базарова о том, что в Каинском районе действует антисоветская группа Незнамова — «крупного деятеля» петропавловского восстания. В январе 1922 года Базаров приехал в Барабинск и встретился с членом руководства незнамовской группы Островским. Они договорились о совместной работе обеих групп и в дальнейшем действовали сообща.

Вскоре «атаман Незнамов» назначил вооруженное выступление против Советской власти. Выступление должно было начаться 20 июня 1922 года в селе Гутово, где находился советский кавалерийский отряд численностью в 65—70 человек. Местному кулаку Нехорошеву, на квартире которого жил командир отряда, было поручено убить командира, а кулацкой повстанческой ячейке — разбить отряд, оставшийся без начальника. После расправы с кавалерийским отрядом один из заговорщиков, бывший офицер Михалевский, должен был произвести спешную мобилизацию окрестных крестьян и

явиться на помощь повстанцам, действующим под командованием «атамана Незнамова», для занятия Каинска. Одновременно с выступлением в Каинске намечалось взятие Барабинска. Затем объединившиеся повстанческие отряды, пополнившись за счет мобилизации населения, должны были начать военные действия в сторону Новониколаевска (Новосибирска), Омска, Томска. Выполняя этот план, вожаки незнамовской группы развернули работу. Всем своим сообщникам Незнамов выдал мандаты о назначении на ответственные должности. Сын мыловаренного заводчика Матюшкин был назначен «начальником северного партизанского отряда», бывший псаломщик Гаркуша — «начальником штаба Каинской группы», бывший офицер Иванов-Боярский — «адъютантом атамана Незнамова», бывший чиновник военного времени Хухарев — «начальником штаба пополнения отряда в Новониколаевской губернии и комендантом г. Новониколаевска», кулак Гилев — «начальником района Булатовской волости», бывший офицер Кондряков — «начальником штаба пополнения в Семипалатинске». Назначения получили и бывшие офицеры Оземковский, Михалевский, Хорошкеев и другие. Рядовые участники заговора получили через волостных организаторов приказ явиться в назначенный день с оружием в руках на Громовскую заимку, где будет находиться штаб организации.

Получив сведения о том, что Незнамов назначил вооруженное выступление, считая организацию неподготовленной к восстанию, Жвалов-Базаров выехал в Барабинск для переговоров с Незнамовым. Но переговоры не состоялись. В назначенный день, 20 июня 1922 года, в условленное место явилась кучка кулаков. Их было так мало, что о вооруженном выступлении не могло быть и речи. Как отмечается в обвинительном заключении, «выступление не увенчалось даже частичным успехом, исключительно благодаря тому, что вовлеченные случайно в организацию середняцкие элементы в самый решительный момент поняли, что свержение рабоче-крестьянской власти противоречит их насущным интересам, и на открытый конфликт с Советской властью не пошли» [1].

[1] «Обвинительное заключение по делу о базаровско-незнамовской контрреволюционной организации», стр. 9.

Провал базаровско-незнамовской антисоветской затеи характеризует то новое положение, которое создалось в деревне после введения новой экономической политики. Середняцкие массы, которые еще недавно находились под влиянием кулачества, теперь безвозвратно отходили от кулаков. Попытка вооруженного выступления 20 июня 1922 года вместе с тем показала и авантюристический характер заговора. Карасевич-Незнамов и Жвалов-Базаров, будучи типичными авантюристами, не брезговали никакими средствами. «Атаман Незнамов» похитил «для пополнения средств организации» 600 млн. рублей из кассы Сибоблзаготскота, куда он поступил кассиром; вместе с другими соучастниками он убил «неблагонадежного» члена организации Островского; участвовал в покушении на жизнь заведующего Барабинской конторой заготскота (который попытался раскрыть уголовные преступления «атамана»), тяжело ранив его; покушался на убийство секретаря Булатовской деревенской коммунистической ячейки, открывшего местопребывание контрреволюционного штаба Незнамова на заимке. После провала вооруженного выступления Карасевич-Незнамов скрылся, но в июле 1922 года был задержан в Коканде вместе со своим сообщником Матюшкиным.

По делу базаровско-незнамовской организации было арестовано в Новониколаевской и Омской губерниях около 200 человек. 95 активных участников заговора вместе с Жваловым-Базаровым и Карасевичем-Незнамовым предали суду, среди них 25 кулаков и бывших землевладельцев, 21 офицера, 9 священников и дьяконов, 7 представителей сельской интеллигенции и, кроме того, незначительное число служащих и крестьян. Эти данные ясно показывают, на кого опирались заговорщики.

Судебный процесс состоялся 21 апреля — 18 мая 1923 года в Новониколаевском губернском суде под председательством Чудновского, при участии прокурора Сибири Алимова и защиты. 20 подсудимых были оправданы, 12 — освобождены от наказания по амнистии, остальные осуждены к разным срокам заключения от 1 до 10 лет, лишь некоторые кулаки и активисты были приговорены к расстрелу.

Крах базаровско-незнамовской авантюры еще раз

показал всю беспочвенность попыток вооруженной борьбы кулаков совместно с белогвардейскими последышами против Советской власти.

6. Дело патриарха Тихона

28 февраля 1922 года патриарх Тихон (В. И. Белавин) и состоявшие при нем члены Священного синода русской православной церкви обратились к верующим с воззванием. Они призывали к неподчинению и сопротивлению представителям Советской власти при изъятии церковных ценностей для помощи голодающим. Это воззвание вызвало волну кровавых беспорядков в стране. 5 мая 1922 года Московский революционный трибунал постановил привлечь патриарха Тихона к судебной ответственности. Такие же определения вынесли Новгородский, Петроградский, Донской и другие революционные трибуналы.

ГПУ арестовало Тихона и его соучастников — членов Священного синода — Н. Г. Феноменова, А. Г. Стадницкого и П. В. Гурьева. В июне 1923 года расследование было закончено и дело передано в Верховный суд РСФСР. В обвинительном заключении были изложены многочисленные факты антисоветской деятельности Тихона и его ближайшего окружения. Эти факты свидетельствовали о том, что наиболее реакционные деятели церкви под общим руководством и при непосредственном участии патриарха Тихона (Белавина), Стадницкого, Феноменова и Гурьева вошли в организацию, поставившую своею целью свержение власти Советов, и направляли к этой преступной цели деятельность легально существовавших религиозных объединений.

В мае — августе 1918 года Тихон поддерживал связи с агентами французского правительства и «благословлял» мероприятия этого правительства по организации военной интервенции против России с целью свержения Советской власти. Как лично, так и через поставленных им иерархов церкви он поддерживал связь с возникавшими на территории РСФСР и находившимися за границей враждебными Советской России группировками и организациями и контрреволюционными генералами Деникиным и другими, объявлявшими себя правителями

России. Рассчитывая на свое религиозное влияние в массах, Тихон «благословлял» деятельность этих контрреволюционных сил в их борьбе против Советской власти, добиваясь поддержки их несознательными верующими людьми. Он выпустил ряд воззваний, возбуждавших народные массы против внутренней и внешней политики рабоче-крестьянского правительства, в частности против мероприятий Советской власти по отделению церкви от государства. Тихон издал циркуляр, обязывавший низшее духовенство организовывать на местах специальные ячейки приходских и епархиальных советов для борьбы против Советской власти, а также инструкцию о способах вовлечения несознательных масс в движение сопротивления Советской власти (принятие резолюций, осуждающих мероприятия Советской власти, устройство демонстративных крестных ходов, созыв прихожан набатным звоном «на защиту церкви»). В результате выполнения этой инструкции местными церковниками произошли кровавые беспорядки в Звенигородском уезде, Павловском Посаде, Туле и других местах республики. Он предписал епископам, в целях удержания верующих масс под влиянием религиозных предрассудков и чтобы воспрепятствовать Советской власти в разоблачении религиозного обмана, устранить из рак с «нетленными мощами святых угодников» посторонние предметы, одновременно выпустил воззвание, призывавшее верующих сопротивляться Советской власти при вскрытии мощей. Тихон одобрил созыв в г. Карловцах (Славония) церковного собора[1], заведомо зная, что на нем будет обсуждаться план свержения Советской власти и восстановления в России монархического строя. Дав собору свое «благословение», Тихон содействовал его контрреволюционной деятельности и не счел необходимым отмежеваться от него. Наконец, учитывая ставку помещичье-буржуазной контрреволюции на удушение Советской власти путем голода, постигшего Россию в 1921 году, и имея намерение использовать в этих целях голод в Поволжье, Тихон ответил на меро-

[1] Карловицкий церковный собор русской православной церкви был созван эмигрантскими церковными кругами и состоялся в 1921 году. Занимаясь не столько церковными, сколько политическими вопросами, он принял ряд антисоветских резолюций.

приятия Советской власти об изъятии церковных ценностей для помощи голодающим Поволжья воззванием, в котором призывал верующие массы выступить против этих мероприятий и запрещал выдачу Советской власти церковных ценностей. В случае исполнения требований Советской власти он угрожал мирянам отлучением от церкви, духовным лицам — извержением из сана, сделав в воззвании заведомо ложные ссылки на каноны, якобы запрещающие выдачу власти церковных ценностей. В результате этого призыва возник ряд кровавых беспорядков в Москве, Шуе, Смоленске и других местах республики.

Наиболее активными исполнителями постановлений Тихона были Никандр Феноменов, епископ Вятской епархии, Арсений Стадницкий, товарищ председателя Поместного собора российской православной церкви, Петр Гурьев, управляющий канцелярией Священного синода и Высшего церковного совета [1].

Суд над церковными деятелями вызвал шумиху в антисоветских кругах за границей; они утверждали, будто патриарх Тихон не занимался антисоветской деятельностью. Но сам патриарх во время подготовки судебного процесса 16 июня 1923 года выступил с публичным заявлением, в котором признал правильность решения суда о привлечении его к ответственности за антисоветскую деятельность. Он выразил раскаяние в этих поступках против государственного строя, заявил, что отныне он не враг Советской власти, и попросил Верховный суд изменить меру пресечения, освободив его из-под стражи. Тихон окончательно и решительно отмежевался как от зарубежной, так и внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции [2].

Учитывая это заявление, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР 25 июня 1923 года удовлетворила ходатайство Тихона (Белавина) и освободила его из-под стражи. Рассмотрение дела было отложено.

Незадолго до ареста Тихон был отрешен от патриаршего престола.

[1] См. «Обвинительное заключение по делу бывшего патриарха Тихона (Белавина) и других руководителей церкви, обвиняемых в контрреволюционной деятельности», стр. 51—55.

[2] ЦГАОР, ф. 353, оп. 5, д. 254, л. 11.

Вызванное Октябрьской революцией мощное народное движение заставило наиболее дальновидных деятелей церкви пересмотреть традиционное отношение православия к социальным вопросам. Так же как и на Западе, в русской православной церкви появились течения «обновления», требовавшие «социализации» доктрины православия. Идеологи этого течения, пытаясь пристроиться к мощному движению современности — социализму, доказывали, будто социалистические идеалы коренятся в христианстве или, во всяком случае, не противоречат христианству, и призывали к «примирению» церкви с Советской властью. Это была одна из попыток церковников удержать под своим влиянием массы трудящихся. В 1922 году эти течения в русской православной церкви, возглавляемые епископом Антонием и протоиереем Красницким, приобрели большую силу. Тихон и его приверженцы потерпели поражение.

Выйдя из тюрьмы, Тихон пожелал вернуться на патриарший престол, но его противники не допустили этого. Руководители высшего церковного управления страны обратились к верующим с воззванием, в котором дали уничтожающую характеристику патриарху. В воззвании были и такие строки: «Он говорит о 16-м правиле двухкратного собора Константинопольского, запрещающего поставлять новых епископов при жизни предшественников, не лишенных сана и чести епископской; носам-то он пусть вспомнит еще живого, разбитого теперь болезнью митрополита Макария, на место которого он сел и не подумал об этом правиле». Обвиняя Тихона в деспотическом управлении церковью, духовные пастыри призывали на его голову «божию кару и божие отмщение» [1].

Советская власть не была столь сурова.

Через несколько месяцев, 21 марта 1924 года, Президиум ЦИК СССР принял такое постановление: «Принимая во внимание, что гр. Белавин В. И., бывший патриарх Тихон, публично раскаялся в своих контрреволюционных выступлениях против власти рабочих и крестьян, что среди широких масс рабочих и крестьян проявляется усиленная тяга от религиозных суеверий в сторону науки и просвещения, что тем самым влияние

[1] «Правда», 8 июля 1923 г.

так называемой православной церкви на широкие массы рабочих и крестьян решительно ослаблено и что вследствие этого гр. Белавин, бывший патриарх Тихон, и привлеченные с ним граждане не могут быть социально опасными для Советской власти, Президиум ЦИК Союза ССР постановил: дело по обвинению граждан Белавина В. И. (бывшего патриарха Тихона), Феноменова Н. Г., Стадницкого А. Г. и Гурьева В. В. в преступлениях, предусмотренных ст. 62 и 119 Уголовного кодекса РСФСР — производством прекратить»[1].

7. Крах савинковщины

16 августа 1924 года из-за границы в Советскую страну нелегально прибыл один из наиболее упорных и непримиримых ее врагов Борис Савинков. В Минске его арестовали работники ОГПУ. Вместе с ним был арестован его давний сподвижник Александр Дикгоф-Деренталь. Савинкова «выманили» из-за границы мнимые сообщники, пригласив для «инспектирования» якобы существующих в Советской России контрреволюционных организаций. Этими «сообщниками» были славные чекисты А. Х. Артузов, Р. А. Пилляр и другие, действовавшие под руководством В. Р. Менжинского и Ф. Э. Дзержинского[2].

Уже через несколько дней после задержания Савинкова, 27 августа 1924 года, расследование по его делу

---

[1] «Известия ВЦИК», 22 марта 1924 г.

[2] Обстоятельства этой чекистской операции описаны В. В. Коровиным и Э. П. Русановым в статье «Дело Бориса Савинкова», опубликованной в журнале «История СССР», № 6 1967, стр. 143—155.

Согласно постановлению Президиума ЦИК СССР от 5 сентября 1924 года, за выполнение этой сложной работы и проявленную преданность делу орденом Красного Знамени были награждены член коллегии ОГПУ В. Р. Менжинский, заместитель начальника контрразведывательного отдела (КРО) ОГПУ Р. А. Пилляр, помощник начальника того же отдела С. В. Пузицкий, старший оперуполномоченный КРО ОГПУ А. П. Федоров и работники того же отдела Г. С. Сыроежкин и Н. И. Демиденко. Объявлена благодарность рабоче-крестьянского правительства начальнику КРО А. Х. Артузову, его сотрудникам И. И. Сосновскому, С. Г. Гендину и работнику Минского ГПУ Я. П. Крикману.

закончилось, и он предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР.

Преступления Савинкова были хорошо известны. Органы государственной безопасности в течение 1921—1923 гг. ликвидировали Западный областной комитет «Народного союза защиты родины и свободы» и его местные группы общей численностью свыше 300 человек, несколько ячеек «Союза» на территории Петроградского военного округа, 23 савинковские резидентуры в Москве, отдельные группы в Самаре, Саратове, Харькове, Туле, Киеве, Одессе. Было проведено несколько крупных судебных процессов над савинковцами. Наиболее важные из них: «дело 44», рассмотренное в августе 1921 года революционным трибуналом Западного края в Минске; «дело 12», рассмотренное в июле 1922 года Петроградским военным трибуналом; «дело 43», рассмотренное 16—25 июня 1924 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Эти судебные процессы разоблачили Савинкова как злейшего врага революции и советского народа, как агента, состоящего на содержании у разведок империалистических государств. Савинков и сам откровенно рассказывал о своих преступлениях. Он признал, что он и руководимые им организации с 1918 года состояли на содержании иностранных империалистических держав; что в 1920—1923 гг. он снабжал разведывательные органы Франции и шляхетской Польши шпионскими сведениями о Советской России, получая от них за это вознаграждение. Судебный процесс Савинкова приоткрыл еще одну завесу над подрывной антисоветской деятельностью международных империалистов. В частности, он подтвердил их участие в организации ярославского мятежа.

Еще 24 ноября 1918 года активист савинковского «Союза защиты родины и свободы» А. Дикгоф-Деренталь в екатеринбургской белогвардейской газете «Отечественные ведомости» писал, что антисоветские восстания на Волге были подняты по указанию «союзников». «В связи с ожидаемым десантом союзников в Архангельске,— писал он,— для непосредственного его облегчения решено было поднять восстание на Верхней Волге — в Рыбинске и Ярославле — и одновременно во Владимире и Муроме, где помещалась большевистская Ставка, и в Арзамасе. Во всех этих пунктах имелись

уже местные организации «Союза». Полученные не только определенные сведения, но и просьба именно открыть действия против большевиков из политических соображений заставили назначить 6 июля днем выступления во всех вышеуказанных местах»[1].

Пойманный в 1922 году советскими органами государственной безопасности руководитель ярославского восстания А. П. Перхуров подтвердил, что восстание было предпринято по соглашению с представителями французских кругов и в расчете на помощь со стороны предполагаемого десанта «союзников». Перхуров писал, что, по полученным им от Савинкова сведениям, «союзники категорически обещали не позже как через 4 дня после начала восстания высадить десант в Архангельске и двинуть его через Волгу на Ярославль... На четвертый день (после начала восстания.— *Д. Г.*) к вечеру явились ко мне два француза в форме французских летчиков и заявили мне, что они прибыли в Ярославль в качестве квартирьеров для тех французских войск, которые должны высаживаться в Архангельске. Они показали мне несколько телеграмм за подписью Нуланса и Лаверня... На следующий день они просили дать им пропуск через Заволжский участок, чтобы они могли продвинуться навстречу частям десанта и поторопить их прибытие. Пропуск был дан, французы уехали, и больше о них сведений я не имел»[2].

В том же 1922 году на процессе правых эсеров бывший сотрудник французского генерального консульства Ренэ Маршан рассказал о некоторых деталях истории ярославского мятежа: «Савинков обратился через Готье (сотрудника французского консульства, поддерживавшего отношения с Савинковым.— *Д. Г.*) к французскому послу с просьбой о необходимости увеличения кредита ассигнований его организации, и Нуланс, который был чрезвычайно скуп, отказал. Когда Савинков стал настаивать, Нуланс через Готье сказал: «Передайте ему, что, пока он не докажет наконец, что он, по крайней мере, имеет где-нибудь людей, способных идти в бой, я ему больше ни одного су не дам...» Савинков, увидев, что нет возможности получать дальше кредиты, через Готье

---

[1] «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 71.

[2] *С.* и *М. Бройде*. Ярославский мятеж. М., 1930, стр. 40—41.

просил передать французскому послу, что он может сейчас выступить в двух городах, или в Калуге, или в Ярославле, по приказанию французского посла и по его выбору. Нуланс передал через Готье, что он выбирает Ярославль. На основании этого торга (я не могу назвать иначе) Савинков по приказу французского посла поднял ярославское восстание, сам зная... что это дело безнадежное, что он не имеет настолько вооруженных сил, чтобы его поддержать. Этот шаг был сделан только для того, чтобы получить лишние кредиты и доказать французскому послу, что он действительно может иметь людей, которые готовы идти на смерть» [1].

В 1924 году и сам Савинков рассказал на суде: «Французы в лице консула Гренара, военного атташе генерала Лаверня, которые действовали от имени французского посла Нуланса... заявили мне о том, что союзники полагают продолжать войну с Германией на русском фронте. Мне было заявлено, что для этой цели будет высажен англо-французский десант со значительными силами в Архангельске. Этот десант было предположено поддержать вооруженными выступлениями изнутри. План был такой: занять Верхнюю Волгу, а французский десант поддержит восставших. Таким образом, Верхняя Волга должна была быть занята для движения на Москву. Мы должны были занять Ярославль, Рыбинск, Кострому и Муром. Вологду французы, как они заявили, оставили за собою» [2]. «Союзники» финансировали савинковские организации. «Сначала французы давали небольшими суммами — 40—100 тысяч рублей. Когда же речь зашла о восстании, тогда на это дело они сразу дали большую сумму, если не ошибаюсь, 2 миллиона рублей... Но,— заявил Борис Савинков,— французы нас обманули. Десант в Архангельске не был высажен [3], и мы остались висеть в Ярославле. Восстание утратило смысл. Мы оказались в положении людей, обманутых иностранцами» [4].

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1а, д. 362, л. 38—39.

[2] «Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР». М., 1924, стр. 57—58.

[3] Союзнический десант в Архангельске был высажен только 2 августа 1918 года, когда восстание было уже ликвидировано.

[4] «Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР», стр. 58.

Показания Савинкова еще раз ярко подтвердили, что иностранные империалисты, поддерживая и финансируя русскую контрреволюцию, преследовали свои собственные цели. Конечно, Савинков не все открыл советскому суду[1], но его сообщения сыграли определенную роль в разоблачении происков международного империализма против Советской России.

29 августа 1924 года Военная коллегия Верховного суда СССР признала доказанным, что Борис Савинков:

До Октябрьской революции, будучи комиссаром Временного правительства на Юго-Западном фронте, управляющим Военным министерством в правительстве Керенского, членом Совета союза казачьих войск, активно и упорно противодействовал переходу земли, фабрик и всей полноты власти в руки рабочих и крестьян, призывая подавлять их борьбу самыми жестокими мерами и приказывая расстреливать солдат, не желавших вести войну за интересы империалистической буржуазии.

После Октябрьской революции пытался поднять казачьи полки в Петрограде для свержения рабоче-крестьянской власти, после неудачи бежал вслед за Керенским на Северный фронт и совместно с генералом Красновым активно боролся против восставших рабочих и крестьян, защищая интересы помещичье-капиталистической контрреволюции.

В конце 1917 и в начале 1918 года принял активное участие в контрреволюции на Дону, сотрудничая с генералами Алексеевым, Калединым и Корниловым, которых убеждал в необходимости вести вооруженную борьбу против Советской власти, помогал формированию белой Добровольческой армии, которая до конца 1920 года при поддержке англо-французских капиталистов разоряла Украину, Донскую область, Северный и Южный Кавказ, помогая правительствам Антанты увозить хлеб, нефть и прочее сырье.

В начале 1918 года, явившись в Москву, создал

[1] В частности, Б. Савинков ни слова не сказал на суде о своей связи с английской и американской разведками и даже отрицал факт получения денег от англичан. После поимки в 1925 году английского разведчика Сиднея Рейли выяснилось, что он был тесно связан с Савинковым и финансировал его авантюры против Советской власти. Английский дипломат-разведчик Локкарт в своей книге-«исповеди» также рассказал о своих связях с Савинковым.

контрреволюционную организацию «Союз защиты родины и свободы», в которую привлек участников тайной монархической организации, гвардейских и гренадерских офицеров, и своими главными помощниками избрал монархистов генерала Рычкова и полковника Перхурова, после чего обратился к главе южной монархической контрреволюции генералу Алексееву с донесением об образовании «Союза защиты родины и свободы» и просьбой дать руководящие указания. Созданная им организация имела своей целью свержение Советской власти путем вооруженных восстаний, террористических актов против членов рабоче-крестьянского правительства и получала материальную поддержку и руководящие указания от французского посла Нуланса.

Весной 1918 года, получив от чехословацкого политического деятеля Масарика 200 тысяч рублей на ведение террористической работы, организовал слежку за Лениным и другими членами Советского правительства, но совершить террористические акты ему не удалось по причинам, от него не зависящим.

Получив разновременно весною 1918 года от французского посла Нуланса около двух с половиной миллионов рублей, по категорическому предложению того же Нуланса, в целях поддержки готовившегося англо-французского десанта в Белом море, организовал, опираясь на офицерские отряды «Союза защиты родины и свободы», при поддержке меньшевиков и местного купечества в начале июля 1918 года вооруженные выступления в Ярославле, Муроме, Рыбинске и пытался поднять восстание в Костроме, отвлекая тем самым значительные части Красной Армии, оборонявшие Казань и Самару от чехословаков и эсеров.

После ликвидации мятежей на Верхней Волге бежал в Казань, занятую чехословаками, и принял участие в боевых действиях Каппеля в тылу красных войск.

В конце 1918 года принял предложение Колчака быть его представителем в Париже и в течение 1919 года, посещая неоднократно Ллойд Джорджа, Черчилля и других министров Англии, получал для армии Колчака и Деникина большие партии обмундирования и снаряжения; по поручению Колчака, находясь во главе бюро печати «Унион», распространял заведомо ложную

информацию о Советской России и вел в печати агитацию за продолжение вооруженной борьбы капиталистических государств против Советской республики.

Во время советско-польской войны 1920 года, состоя председателем белогвардейского русского политического комитета в Варшаве, по предложению Пилсудского на польские средства и при содействии французской военной миссии в Варшаве организовал так называемую «русскую народную армию» под начальством генерала Перемыкина и братьев Булак-Балаховичей, а осенью того же года, после заключения перемирия между Советской Россией и Польшей, с ведома Пилсудского лично принял участие в походе Булак-Балаховича на Мозырь.

В начале 1921 года через специальное информационное бюро, во главе которого стоял его брат, Виктор Савинков, организовал военно-разведывательную работу на территории Советской России, передавал часть полученных сведений польскому генеральному штабу и французской военной миссии в Варшаве, получая за это денежные вознаграждения.

С 11 июля 1921 года по начало 1923 года, став во главе восстановленного им «Народного союза защиты родины и свободы», неоднократно посылал в западные пограничные губернии вооруженные отряды, которые совершали налеты на исполкомы, кооперативы, склады, спускали под откос поезда, убивали советских работников, а также собирали сведения военного характера для передачи польской и французской разведкам в Варшаве.

В 1923 году, после разгрома большинства организаций «Народного союза», когда денежная поддержка, получаемая от Польши и Франции, сильно сократилась, пытался получить средства от Муссолини.

В августе 1924 года, желая лично проверить состояние контрреволюционных организаций на территории СССР, перешел по фальшивому документу советско-польскую границу.

За все эти преступления Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Савинкова к высшей мере наказания — расстрелу. «Принимая, однако, во внимание, что Савинков признал на суде всю свою политическую деятельность с момента Октябрьского переворота ошибкой и заблуждением, приведшим его к ряду пре-

ступлений и изменнических действий против трудовых масс СССР; принимая, далее, во внимание проявленное Савинковым полное отречение и от целей, и от методов контрреволюционного антисоветского движения, его разоблачение интервенционистов и вдохновителей террористических актов против деятелей Советской власти и признание им полного краха всех попыток свержения Советской власти; принимая, далее, во внимание заявление Савинкова о его готовности загладить свои преступления перед трудящимися массами на службе трудовым массам СССР,— Верховный суд постановил ходатайствовать перед Президиумом ЦИК СССР о смягчении настоящего приговора» [1].

Президиум ЦИК СССР рассмотрел ходатайство Военной коллегии Верховного суда. Учитывая заявление Савинкова о полном отказе от какой бы то ни было борьбы с Советской властью и о готовности честно служить трудовому народу, Президиум ЦИК СССР пришел к выводу, что «применение высшей меры наказания не вызывается интересами охранения революционного правопорядка, а мотивы мести не могут руководить правосознанием пролетариата». Ходатайство Военной коллегии Верховного суда СССР было удовлетворено. ЦИК СССР заменил Б. В. Савинкову высшую меру наказания лишением свободы на 10 лет [2].

Конец савинковщины как бы подводил итоги борьбе с контрреволюцией, отражал историческую победу советского народа над всеми его врагами в первые годы Советской власти.

Победа Советской республики в гражданской войне означала в то же время бесславный финал вооруженной борьбы внешней и внутренней контрреволюции против молодой страны социализма. Все надежды российской и международной буржуазии на ликвидацию Советской власти вооруженным путем рухнули. Страна вступила в период мирного строительства, восстановления разрушенного мировой и гражданской войнами народного хозяйства.

На протяжении гражданской войны главной силой, выступавшей против Советской власти, были вооружен-

[1] «Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР», стр. 145—149.

[2] См. там же, стр. 149—150.

ные армии белогвардейцев и иностранных империалистов, а антисоветское подполье являлось вспомогательной силой. С победой Советской республики в гражданской войне контрреволюционное подполье лишилось своей главной опоры и каких бы то ни было шансов на успешную борьбу против власти Советов.

Рухнули надежды антисоветского лагеря и на буржуазное перерождение России в результате нэпа. Не удалось враждебным силам подорвать народное хозяйство страны с помощью саботажа и вредительства части старых буржуазных специалистов.

Деятельность контрреволюционного подполья все более становилась проявлением бессильной злобы и отчаяния, вырождалась в политический бандитизм. Наглядным свидетельством тому служат последние авантюры Бориса Савинкова и его приверженцев.

Каковы же причины краха контрреволюционного подполья в борьбе с молодой Советской республикой?

Ни в годы гражданской войны, ни по окончании ее антисоветское подполье, как и лагерь контрреволюции в целом, не имело опоры в массах трудящихся, ибо контрреволюционный лагерь отражал интересы и вожделения ничтожной кучки эксплуататоров, противоречившие чаяниям трудового народа. Поэтому задачи, поставленные контрреволюцией, не имели под собой реальной почвы, были неосуществимы. И наоборот, успех Красной Армии и специальных карательных органов Советского государства в борьбе с вражескими силами определялся в конечном счете тем, что на стороне партии большевиков, возглавлявшей борьбу трудящихся против сил контрреволюции, на стороне Советской власти была вся трудовая Россия, сбросившая ярмо эксплуатации и не желавшая возврата старого, буржуазно-помещичьего строя.

Большая заслуга в победе над силами контрреволюции принадлежит Коммунистической партии и Советскому правительству во главе с В. И. Лениным. Они быстро создали и постоянно совершенствовали органы охраны социалистического строя, всячески поддерживая и развивая творческую инициативу широких масс трудящихся. Коммунистическая партия и Советское правительство в ходе революционной борьбы сумели выработать гибкие методы и формы карательной политики

по отношению к вражеским силам, что также немало помогло в разгроме сил контрреволюции.

Чекисты, следователи, судьи, вышедшие из народа, на первых порах не имели за плечами опыта и достаточных знаний, но, воодушевленные великими идеями социализма, они самоотверженно боролись с коварным врагом, с искусными специалистами шпионажа, диверсий и провокаций. Постоянную конкретную помощь в этой борьбе оказывали им рабочие и крестьяне. Часто они помогали чекистам нащупать первые нити заговора и распутать их.

Славный подвиг чекистов первых послеоктябрьских лет живет в памяти советского народа, учит его неустанной бдительности и умению пресекать происки врагов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Голинков Давид Львович

КРАХ ВРАЖЕСКОГО ПОДПОЛЬЯ
(Из истории борьбы с контрреволюцией
в Советской России
в 1917—1924 гг.)

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *Ю. И. Харченко*

Младший редактор *А. С. Кочеткова*

Художник *Н. П. Пешков*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *Н. Е. Трояновская*

Ответственные корректоры *А. А. Беляев, О. М. Рубина*

Сдано в набор 7 августа 1970 г. Подписано в печать 5 ноября 1970 г. Формат 84 × 108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 19,32. Учетно-изд. л. 18,86. Тираж 80 тыс. экз. А00755. Заказ № 3726. Цена 80 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

